

ПЛАГОДЪ

культурно-просветительская газета

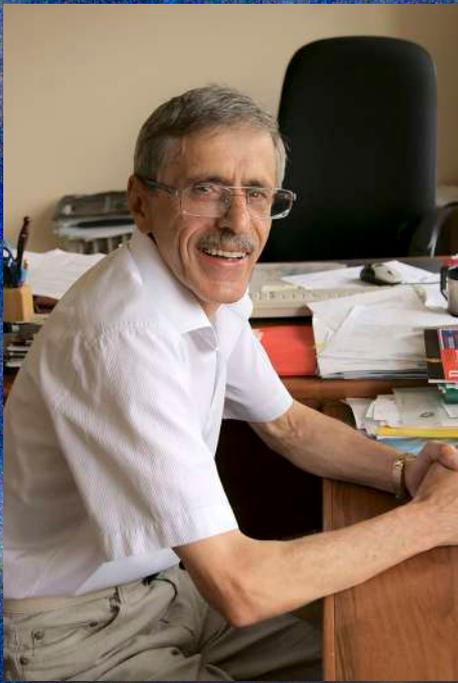
№4(28)

ИЮЛЬ-АВГУСТ

2025

Специальный литературно-художественный выпуск

Николай Иванович Коняев

Юрий Кылевич Вэлла

От редактора

Наводя порядок в своём фотоархиве, сохранившемся за несколько десятков лет, в отдельную папку собрала фотографии друзей, коллег по литературному цеху. Папочка оказалась внушительная. И... бесценная.

Сегодня уже многие из тех, кого запечатлел мой фотоаппарат, ушли в высшие сферы к небожителям. И каждый снимок – это мгновение их земной жизни, которые вспышкой выхватывают события и чувства из прошлого.

Вот Николай Иванович Коняев. Только со временем оказалось возможным оценить его самоотверженность по созданию и развитию окружной писательской организации. Заочно меня ему представил наш мегийский писатель – Виктор Николаевич Козлов ещё в середине 1990-х. Однако, куча других, важных на то время, дел всё отодвигали момент нашего реального знакомства. И состоялось оно только в 1999 году, когда я, наконец-то, выбралась на окружной семинар для молодых литераторов.

И сегодня большинство из старшего поколения нашей окружной писательской организации с грустью и теплотой вспоминают о некогда существовавшем Доме писателя в г. Ханты-Мансийске по адресу: улица Механизаторов, 3 «б». Это было замечательное место, где мы, пишущие, чувствовали себя действительно, как дома – уютно, и совершенно свободно. А Николай Иванович был стержнем этого дома.

Мой друг Юрий Кылевич Вэлла. При его жизни мы друг друга звали только по имени. Наши встречи и наше общение, если поднапрячь память, можно даже посчитать, но не потому, что их было мало. Напротив, их многочисленность естественна для близких людей. Но каждая была ярким событием в моей жизни и имела, можно сказать, свою завершённую и совершенную форму.

Сегодня внешне простое, но очень глубокое по мысли слово Юрия Вэллы находит отзвук и поддержку в сердце многочисленных тысяч новых читателей... А в этом номере представлены ранние – фактически юношеские стихи Юрия Кылевича, которые до последнего времени оставались забытыми или неизвестными вовсе.

Виктор Николаевич Козлов. Его имя присвоено мегийской Детско-юношеской библиотеке. Так город не просто увековечил имя своего земляка, но и высказал свою благодарность за книги о талантливых и замечательных мегийцах, за его труд первопроходца-геолога и за настоящее поэтическое слово, проникающее в глубину души. Его творчество требует добротного литературоведческого анализа. И хорошее начало ему положила очень интересная работа Сергея Артёмовича Луцкого «Ипостаси Виктора Козлова», и она есть в этом номере.

Александр Александрович Филатов. Его именем названа центральная библиотека в г. Покачи. Его особенный голос поэта-романтика, поэта-трибуна слишком поздно влился в созвучье голосов югорской литературы. И слишком короткое время звучал в этом хоре. Однако того же десятилетия знакомства с ним хватило, чтобы сейчас с уверенностью говорить, что это был один из ярчайших

Михаил Михайлович Рябий

Нина Николаевна Зинченко

Александр Александрович
Филатов

Георгий Корожанович Ешимов

Юван Николаевич Шесталов

Галина Ивановна Слинкина
и Николай Иванович Коняев

Виктор Николаевич Козлов

Александра Владимировна
Лазарева

Андрей Семёнович Тарханов

Борис Пантимионович
Карташов

Маргарита Кузьминична
Анисимкова

Владимир Петрович Андреев

Новомир Борисович Патрикеев

Пётр Антонович Суханов

Николай Васильевич Денисов
и Николай Павлович Смирнов

поэтов Югры нашего времени. Я помню его слова искренней благодарности, когда в свет вышла его первая книга «Что скрывает горизонт», и насколько сильно он смущался, когда слышал в свой адрес поздравления и похвалы.

Нина Николаевна Зинченко... Александра Владимировна Лазарева... Михаил Михайлович Рябий... Борис Пантелимонович Карташов... О каждом, кто запечатлён на этих фотографиях можно рассказать немало, опираясь на собственные воспоминания. Каждый из них достоин своей книги воспоминаний, собранной из рассказов друзей и товарищей по перу. Именно из этих рассказов и сформируется объективный и достоверный портрет эпохи рубежа двадцатого и двадцать первого века, ибо никому другому, кроме писателей не удавалось ещё рассказать о своём времени честно и правдиво.

И снова скажу банальность – творчество каждого... каждого! требует и ждёт вдумчивого и профессионального исследования, размышления. Без него современный мир затирает смыслы, а вместе с ними – особенности российского менталитета и его самость.

Поэтому на страницах «Глагола» открыта площадка для литературных и литературоведческих опытов и экспериментов, оригинального но не пошлого взгляда.

В одном номере, даже весьма объёмном, нет возможности представить всех, кого хочется. Наученная горьким опытом «Эринтура», боюсь давать обещание, что через год, в августе выйдет следующий литературный спецвыпуск «Глагола». Многое зависит от реакции читателей сегодня, и я имею ввиду, в том числе, и пополнение «редакторского портфеля». Он, при положительном стечении обстоятельств, пополнит портфель Эринтура.

Что касается обычных номеров «Глагола» – в них по прежнему будет место для прозы и поэзии наряду с другими материалами, по темам интересным газете. Поэтому повторяю своё приглашение к сотрудничеству.

Следующий обычный номер газеты выйдет через два месяца в октябре.

Татьяна Юргенсон

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДУЩИЕ ЗА СОБОЙ

(Проза, поэзия)

Яков Яковлев

Незавершённая автобиография 8
Время и память на стайерской дистанции
(проза) 9

Сергей Козлов

Я – зеркало русской природы... (стихи) 24

Сергей Луцкий

Наша сложная Валентина Григорьевна
(проза) 29

Владимир Костин

Переправа (проза) 35

Владимир Волковец

Полонённые светом... (стихи) 54

Татьяна Юргенсон

По собственным следами... (стихи) 58

Рамазан Шайхулов

В ожидании белых ночей (проза) 61
Белые степи жизни 65

Маргарита Сладкова

Високосный февраль (стихи) 67

Вячеслав Лютый

Красота и неподкупная правда (проза) 70

Василий Киляков

Будьте любезны! (проза) 71

Наира Симонян

В слова обращать простор... (стихи) 79

Сергей Ильиных

Стихийно отражённый свет (стихи) 83

Оксана Чайковская

У памятника Санитару (проза) 87

Анжела Бецко

Девочкины рассказы (проза) 93

Игорь Кириллов Ко мне приходит женщина... <i>(стихи)</i>	103	Алла Цукор Я построю страну или О человеческой судьбе и поэтической жизни Петра Суханова	173
Павел Черкашин И жизнь ещё почти что вечна... <i>(стихи)</i>	107	Ирина Рябий Записанный в книгу жизней (О М. М. Рябии)	176
Александр Матаев Там, в Ильичёвке... <i>(проза)</i>	111	Ирина и Михаил Рябии Наира Симонян – зёрнышко в руках Доброго Сеятеля	181
Дмитрий Сергеев Музыка звёздной ночи... <i>(стихи)</i>	120	Дмитрий Ларкович Мысли, навеянные книгой (о книге С. Ильиных «Услышь мой голос...»)	185
Олег Яненагорский Не отвечайте на незнакомые звонки... <i>(проза)</i>	124	ПО РЕКЕ ВРЕМЕНИ (Из литературного наследия)	
СВЕЖИЙ ВЕТЕР (Творчество молодых и начинающих литераторов)		Юрий Вэлла Из старой сумки <i>(стихи)</i>	189
Ольга Юргенсон-Линкер Инструкция: как выжить в морге <i>(проза)</i>	137	Светлана Лихая Стихи	193
Эмма Новак Последние сто веков... <i>(стихи)</i>	150	Елена Гостева Писать широко и открыто <i>(проза)</i>	196
Елена Архипова-Поддубная Московская синица <i>(стихи)</i>	155	Николай Шамсутдинов Повитуха параллельных миров <i>(стихи)</i>	197
Вадим Речкин <i>(стихи)</i>	159	Александр Филатов Помните <i>(поэма)</i>	204
ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ (О литераторах и их творчестве)			
Сергей Луцкий Ипостаси Виктора Козлова	162		
Олег Яненагорский Скрижали пишутся штыком (очерк об Алексее Смольникове)	170		

A landscape photograph showing a dense forest of evergreen trees in the foreground and middle ground. The sky is a deep blue, filled with large, bright, fluffy white clouds. The lighting suggests a bright day, with the clouds casting soft shadows on the forest below.

Ведущие

за собой

(Проза, поэзия)

**Яков Александрович
Яковлев**

**гг. Ханты-Мансийск,
Томск**

НЕЗАВЕРШЁННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Своим появлением на свет я обязан тов. Сталину. Это его людоедская политика вырвала моих предков по линиям и отца, и матери из чернозёмов Алтая и зашвырнула в болота Нарыма. При этом ретивые исполнители этой политики уничтожили всё старшее поколение и значительно проредили среднее. Родной мой дед сгинул в Карагандинских лагерях, один из сродных – в Магаданских, ещё один расстрелян в Колпашево... Младшие из дядек и тёток умерли ещё младенцами от голода в спецпосёлках, успевшие подрасти – в лагерях...

Но мне повезло: отец пережил и голод, и заключение, вернулся в Нарымский край, где и встретил мою мать-спецпереселенку. А ведь останься мои предки на Алтае, не было бы и этой судьбоносной для меня встречи, и моего появления на белый свет 25 апреля 1957 г. в р.п. Тогуре Колпашевского р-на Томской обл.

Дальше была обычная жизнь пацана из рабочего посёлка 1960-1970-х гг.:

«Я рос как вся дворовая шпана –

Мы пили водку, пели песни ночью...» (В. С. Высоцкий).

Активности хватало не только на это, но и на хорошие отметки, участие в пионерско-комсомольских делах... Поэтому без особых помех в 1974 г. я поступил на исторический факультет Томского университета, который через пять лет благополучно закончил.

За время учёбы увлёкся археологией, неплохо зарекомендовал себя на студенческих научных форумах и потому при распределении был оставлен в университете – в Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Всё поначалу складывалось хорошо – экспедиции, кандидатские экзамены, статьи, конференции... Но становилось всё скучнее и скучнее от типологий венчиков сосудов и классификаций наконечников стрел. Умозрительные схемы не привлекали, хотелось окунуться в клокочущую эмоциями и реальными человеческими судьбами историю, но она оставалась где-то сбоку.

А тут и катаклизмы развала страны подоспели. Встал вопрос выживания: «Где взять денег, чтобы прокормить семью?». Наука о древностях ответа не давала, поэтому пришлось с ней если и не развестись окончательно, то изменить, «дать левака». И с 1990 г. началась моя работа в Томском областном краеведческом музее, где, конечно же, параллельно с археологией, пришлось заниматься широчайшим спектром краеведческих проблем. Здесь и был сделан первый шаг в пространство популярного историко-краеведческого очерка – в двух сериях я выпустил полтора десятка книг по истории предприятий и учреждений

г. Томска («Рассказы о томской почте», «Рассказы о томской прокуратуре», «Рассказы о Томском электротранспорте» и др.) и административных районов Томской обл. («Земля колпашевская», «Земля парабельская», «Земля кожевниковская» и др.).

В 2005 г. вступил в Союз писателей России.

В том же году я поменял место жительства – переехал из Томска в Ханты-Мансийск. Я не бежал с разбитого корабля, всё было хорошо: я дорос до должности и.о. директора музея, чередой шли заказы на написание книг пусть и с невеликими, но всё же гонорарами, семья, большая квартира... Но от каждодневного однообразия уже тошнило. Я не психолог и не могу объяснить, почему с интервалом в 10–15 лет мне хочется резко изменить жизненный курс. «Наше всё» Пушкин очень точно назвал эти метания «мучительным свойством» и «добровольным крестом»:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).

Мне становится скучно от одних и тех же стен, улиц, соседей, коллег... Дефицит адреналина требует разом всё это оставить и начать завоевывать-зарабатывать-добывать сызнова и в других условиях. Начать, как говорится, с чистого листа.

И я оказался в Ханты-Мансийске формата 2005 г. Тот город мне жутко понравился. В нём я до 2018 г. трудился на поприще госслужбы автономного округа – сначала в Департаменте культуры и искусства, затем в Службе государственной охраны объектов

культурного наследия. В нём я написал книги, которые стали лауреатами 14 региональных литературных и научных премий, в том числе четырёх премий Губернатора ХМАО – Югры: «За вклад в развитие межэтнических отношений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2012 г.), «В области литературы» (2018, 2021 гг.), «Выдающемуся деятелю культуры и искусства» (2021 г.). В нём я получил звание «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (2017 г.) и «Ветеран труда» (2017 г.).

О семейной жизни распространяться не буду, но, поскольку этот сюжет для автобиографии обязателен, отмечу, что она находится под покровительством священной Троицы: у меня три жены, три дочери и три внуки.

Меня очень радует незавершённость моей биографии. Я продолжаю трудиться – с 2010 г. в должности ведущего научного сотрудника Этнографического музея под открытым небом «Торум Маа». Участвую в научных и общественных форумах округа. Побеждаю в грантовых конкурсах. Пишу статьи и книги. К настоящему моменту мною в качестве автора и редактора выпущено 96 отдельных изданий, в работе и в печати ещё несколько. Думаю, что к моменту выхода «Эринтура» (эта публикация готовилась для альманаха «Эринтур» в 2024 г. – прим. ред.) круглая цифра будет достигнута.

И ещё очень надеюсь, что к той поре редактору «Эринтура» не придётся из названия к этому тексту убирать слово «Незавершённая».

Время и память на стайерской дистанции

Говорить о себе можно по-разному. Все мы так и поступаем. Одно дело – автобиография или резюме для служебной документации. Другое – откровенный разговор с хорошим другом. Третье – беседа с женой, и она всегда не такая, как разговор с другом. Совсем иным будет рассказ сыну или дочери, в котором зачастую главенствует принцип: «Есть, что вспомнить, но нечего рассказать детям». В интервью мы представим себя с одной стороны, а на церковной исповеди – совсем с другой. Так что содержание, форма и, самое главное, уровень откровенности рассказа о себе зависит не столько от рассказчика, сколько от собеседника или аудитории.

----- х -----

Противников мемуарного жанра и насмешников над авторами воспоминаний пруд пруди. Говорят, что «*плевком в вечность*» назвала мемуары умная и ехидная Ф. Раневская. Не менее умный и ехидный писатель М. Е. Салтыков-Щедрин был более многословен, и каждое его слово – гвоздь в гроб мемуаристов: «...*Вульгарное самолюбование заурядной личности, суетное тщеславие, преподнесение публике обывательской пустяковины*». Известная юмористка нач. XX в. Н. Тэффи была, наверное, тайной феминисткой, поэтому она язвила только в адрес мужчин: «*Мужчина*

всегда ведёт дневник для потомства. «Вот, – думает, – после смерти найдут в бумагах и оценят». В дневнике мужчина ни о каких фактах внешней жизни не говорит. Он только излагает свои глубокие философские взгляды на тот или иной предмет». Так что авторам воспоминаний надо обладать некоторой смелостью или даже нахальством, а также быть постоянно готовым получить оплеуху – и моральную, и натуральную.

----- x -----

Мемуары – это последняя попытка высказаться.

Старость и одиночество неразделимы. Старикам, которые уже видят границу своей жизни, хочется успеть многое сказать: поделиться накопленным опытом со следующими поколениями, вспомнить ушедшее и ушедших, наконец-то изречь неизречённое ранее важное или интимное, иногда исповедаться в надежде найти понимание хотя бы после смерти, иногда покаяться, чтобы получить прощение... А не с кем, некому, не перед кем... И тогда, мнимо убедив себя самообманом, будто родные и близкие после его смерти всё же прочтут то, что не успели, не смогли или не захотели услышать при жизни, старики берутся за перо. Мне кажется, именно это имел в виду Н. А. Некрасов, когда в нестаром ещё возрасте написал самое короткое своё стихотворение – всего из двух строк:

«Дайте срок, всю правду вам
Про себя скажу я сам».

----- x -----

Мемуары – это зеркало эпохи и исторический источник.

Фразу «История не терпит сослagsательного наклонения» придумал человек с сознанием скопца. Она отрезает даже малейшую возможность фантазировать и мечтать. А заниматься этим делом я любил всегда. Фильмы о путешествии во времени – «Назад в будущее», «День сурка», «Зеркало для героя» и др. – одни из самых любимых. И, не раз перемещая себя при чтении книги или просмотре фильма во времени и пространстве, я постепенно пришёл к такому выводу: если бы Высшие силы дали мне возможность самому выбрать время для своей жизни, то я остановился бы на промежутке между сер. XIX

в. и 1914 г. По сравнению с предшествовавшим кровавым Средневековьем и последовавшим ещё более кровавым XX в. это было относительно сытое и спокойное время без крупных войн, время созидания чрезвычайно высокого материального и удивительно глубокого духовного.

Если же условием стала бы корреляция в более узких хронологических рамках, то я предпочёл бы родиться на десяток лет раньше, чем родился, и больше втиснуть своё земное существование в век прошлый, чем в век нынешний – злобный, алчный, бездушный и бессмысленный. Время, в котором я оказался после полувека своей земной жизни, оказалось до предела заполненным всеобъемлющей ложью, спесивым хамством и оскорбительным равнодушием. Я оказался в совершенно чуждом мне мире, совсем не в том, в котором меня готовили жить родители и учителя. Понятно, что «времена не выбирают, / в них живут и умирают» (А. Кушнер). Но иногда хочется проорать во всё горло: «Верните мне мой доцифровой мир! Я хочу жить с телефонами без автоответчиков и рекламы, с улицами без видеокамер и автомобильных пробок, с входами без металлодетекторов и высокомерной ВОХРы, с письмами без E-mail-ов и провайдеров!».

Хоть заорись, но жизнь моя пришлась на другие, чем я хотел бы, времена. Причём эти времена упали на тектонический исторический разлом. Мне пришлось (или посчастливилось?) пожить и в XX-м веке, и в XXI-м; и во II-м тысячелетии, и в III-м; и при социализме, и при капитализме; и в «союзе нерушимом республик свободных», и в «немытой России – стране рабов, стране господ». Такое выпадает не каждому.

Моя жизнь вобрала в себя преогромные эволюционные изменения – таких глобальных трансформаций на шкале истории нашей цивилизации не испытало ни одно поколение до нас.

----- x -----

Мне крайне удивительно, часто обидно и даже возмутительно, как много неверного и несправедливого говорят об СССР сегодня те, кто не жил в нём. Для одних это отвратительная «эпоха застоя», «разгул гегемонии партноменклатуры» и «период двойных стандартов». И в этом случае мне хочется реабилитировать своё время, которое уж точно было не самым плохим и для страны, и для людей в этой стране живших. Для

других «эпоха развитого социализма» – «время небывалых побед и свершений», «период окончательной победы социализма над капитализмом». Для таких моя память сохранила немало примеров, какими тяжкими усилиями и с какими нравственными потерями для нас, тогда живущих, эти «победы» давались. Да и не было этих побед, если итогом стало сокрушительное поражение.

----- x -----

Существует мнение, что право на публичность воспоминаний о своей жизни имеют только сильные мира сего, чьи деяния, собственно говоря, и творят историю, чья жизнь сопряжена с глобальными событиями и великими именами. В их записках можно увидеть прошлую жизнь под совершенно неожиданным ракурсом, получить новую информацию, преднамеренно или случайно пропущенную официальной историей. Такие воспоминания – кладёз для историков. Например, знаменитейшие мемуары Екатерины II или первая в российской истории автобиографическая исповедь «Житие» Аввакума... Они были, есть и будут непреходящим источником для научных исследований самых разных тем и форм.

Ценность мемуаров как исторического источника чрезвычайно высока – это отмечают почти все историки. Наш А. С. Пушкин был не только великим русским поэтом, но и весьма неплохим историком. Его «История Пугачёва» («История Пугачёвского бунта») – это ведь не художественное произведение, а научная монография. И, узнав о трагической смерти А. С. Грибоедова, он сокрушался именно как историк, а не литератор: *«Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»*. В этой короткой фразе сформулировано не только сожаление об отсутствии мемуаров Грибоедова, которые могли бы стать основой для его биографии, но и указание на необходимость всех «замечательных людей» не лениться, а оставлять «по себе следы», в данном случае – записки.

Бесспорно, что публичные воспоминания видных политиков, крупных военачальников или выдающихся деятелей науки и культуры нужны и важны. Но имеют ли право на существование подобные записки тех, кого называют «просты-

ми людьми» – нас с вами? И как обычный книголюб, и как историк, смею утверждать – да! Безусловно, мемуары великих интересны, как интересны их авторы, и притягательны, как притягательны судьбы выдающихся личностей. Эти записки – как крупные, яркие и смелые мазки на полотне эпохи. Но без проработанных деталей и красочных оттенков эта картина будет неполна. Так и мемуары представителей элиты оставляют за строкой очень многие детали эпохи. Такие авторы не напишут, к примеру, о ценах на хлеб, об отношении обитателей заводских цехов, крестьянских полей или студенческих аудиторий к власти или друг к другу, о бытовых деталях жизни в бараке или в общежитии, о сроках вспашки или объёмах рыбопромысла...

Здесь на ум приходит такая аналогия. В государственных архивах откладываются документы определённого содержания – официальная статистика, делопроизводственная и кадровая документация учреждений и предприятий, личные дела руководителей, переписка выдающихся личностей и т. п. Туда не попадают личные документы или фотографии простых обывателей, школьные тетрадки их чад или их письма... Такие «бумажки» считаются архивистами маловажными. Затем на таких изначально ущербных источниковых базах строятся исторические реконструкции. Разумеется, и они будут страдать определённой односторонностью. Следующим этапом становятся создаваемые на основе научных трудов школьные учебники, научно-популярная литература и историческая беллетристика. Соответственно, и до них доберётся та ограниченность знаний о прошлом, которая была изначально заложена характером формирования архивных документов. В результате столь выборочного подхода к истории наши ребяташки читают про заводы и фабрики, войны и полёты в космос, культурные достижения и жизнь элиты, но весьма плохо представляют себе, например, бытовую реальность своих крестьянских или мещанских пращуров: что у них стояло на обеденном столе, как они были одеты, какие беседы вели...

Вот и мемуары, как и в случае с архивными документами, должны отражать всю палитру жизни – от записок сельского учителя или дьячка до воспоминаний премьер-министра или маршала. Опирайтесь только на последние для ретроспективного взгляда назад это то же самое,

что судить о вкусе борща, набрав в ложку лишь всплывшую пену и слой жира сверху.

Скажу больше: лично у меня доверия к обязательским запискам намного больше, чем к растиражированным миллионами экземпляров мемуарам сильных мира сего, особенно политиков и военачальников. Последние, привыкнув безостановочно врать в реальной жизни, вынуждены продолжать делать это и в своих жизнеописаниях. Вектор их мысли при написании направлен отнюдь не на историческую правду, а только на собственный имидж. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно сравнить разные издания «Воспоминаний и размышлений» Г. К. Жукова. Они полны несостыковок, противоречий, конъюнктурных включений или изъятий текста, обусловленных годом издания и доминирующим в этом году вектором государственной политики.

----- x -----

Мемуары – это источник жизненных сил.

Я не люблю творчество претенциозного Б. Гребенщикова и его группы «Аквариум», оно – как квадрат К. Малевича – представляется мне мнимой многозначительностью пустоты и ничем более. Но название одной песни мне нравится – «*Чтобы стоять, я должен держаться корней*».

В цитатах на эту тему можно утонуть, поскольку память в качестве эффективного защитного оружия от напастей жизни признавали и признают многие. Приведу только ответ Ю. В. Трифонова на вопрос об обречённости человеческих усилий и конечности человеческой жизни: «...*Несмотря на опасности, надо вспоминать – тут скрыта единственная возможность соревноваться со временем*». Литературовед Н. Иванова так прокомментировала эту мысль писателя: «*В воспоминании как принципиальном акте человеческого самосознания (самосознания личности и народа) и осуществляется тот стоицизм, который помогает человеку выстоять, несмотря на трудные обстоятельства, несмотря на конечную физическую обречённость. Не будет воспоминания, повинения, памяти о не только великом и радостном, но и о трудном и горьком – прежде конца фактического достигнет разложение духовное*».

Воспоминания имеют разные пути трансформации в опору для стоицизма. Это могут быть

воспоминания о других. Во мне рассказы моих старших родственников о трагической судьбе нашего рода, кроме гнева и сострадания, всегда пробуждают ещё и жизненные силы, оптимизм, адекватную оценку своей собственной жизни, которая без сопоставления с биографиями моих предков могла бы мне показаться чрезмерно трудной. Собственно говоря, многочисленные стенания, которые я так часто слышу от своих современников, обусловлены только их неумением или нежеланием знать другие судьбы, в том числе и судьбы своих отцов и дедов. Я уверен, что при таком соизмерении любой из ныне живущих неизбежно придёт к выводу, что ему выпал далеко не самый худший жребий (пока, по крайней мере).

Однако ж дополнительный слой брони на наш психологический иммунитет накладывает не только знание генеалогии, то есть воспоминаний о других, но и воспоминания о своей собственной жизни. Самый, на мой взгляд, яркий пример тому – автобиографическое «Житие» моего неукротимого единоверца Аввакума. Новые переживания, испытанные им при описании тех невзгод и испытаний, что уже были пройдены, убеждали протопопа в верности выбранного им пути и придавали новые силы для следования по этому пути далее.

----- x -----

Мемуары – это желание оставить память о себе.

Это желание – простое и естественное – не может не присутствовать у каждого нормально-го человека. Каковы последние слова Гамлета? «*Прощай, прощай! И помни обо мне*». Ладно, это литературный герой. Но вот и реальный человек – Л. ван Бетховен. Перед смертью он написал своим братьям: «*Прощайте! И не забывайте меня совсем после моей кончины. Я заслуживаю того, чтобы вы думали обо мне, потому что я при жизни часто думал о вас и старался, чтобы вы были счастливы. Будьте же счастливы!*».

Как бы банально это не звучало, но человек действительно умирает дважды: первый раз – при окончании своего физического существования, второй – при исчезновении памяти о нём. И нередко вторая смерть приходит быстрее, чем упадёт подгнивший крест на могиле. Где-то я читал эту же мысль в возвышенно-романтической

----- х -----

формуле, приписываемой викингам: «Ты будешь жив до той поры, пока люди будут петь сочинённую тобой песню».

Думаю, что одной из наиглавнейших мотивацией к творчеству – литературному, музыкальному, художественному и пр. – является именно желание оставить память по себе. И не надо скромно тупить глазки, боясь обвинения в чрезмерном самолюбии. Кто бы помнил Гомера, не будь его «Илиады» с «Одиссеей»?

----- х -----

Мемуары – это путь к самопознанию.

Пусть кому-то это покажется парадоксальным, но обращение к своей жизни и к жизни своих предков имеет не только ретроспективную ценность, но и прогностическую. Процесс, который по форме представляет собою исторический поиск, по содержанию может стать поиском самого себя и даже в какой-то мере заглядыванием в своё будущее. Разыскивая предков, мы находим себя. Когда смотришь на фотографии, читаешь документы, вспоминаешь или слушаешь рассказы о поступках и словах родителей, дедов, прадедов, те перестают быть ячейками генеалогической таблицы, а обретают кровь и плоть. Ты видишь их живыми людьми. И начинаешь поневоле сравнивать себя с ними. И сами по себе начинают обнаруживаться ответы на вопросы: «Кто я?», «Какой я?», «Почему я поступаю именно так, а не иначе?».

Ведь генетика доказала, что наши личностные свойства (черты характера) определяются физиологией, а последняя напрямую зависит от генов. Отсюда с непреложностью следует простой логический вывод: зная судьбы предков, можно в значительной степени предугадать и свою собственную. И это касается не только физиологии – например, наследственных болезней, которые прописаны в общем геноме. Одинаковые или сходные личностные свойства заставят потомков выбрать линию поведения своих предков, когда те оказывались в подобных социально-исторических условиях. Я, например, уверен, что переместись я с моими нынешними убеждениями и моим характером на век назад, то моя фамилия наверняка была бы в списке раскулаченных и сосланных, а не в справке деревенского активиста или удостоверении сельсоветчика.

Находиться МЕЖДУ – удел обречённых. Попытки представить промежуточное положение России между Европой и Азией как некое счастливое геополитическое преимущество – это не более чем желание сохранить хорошую мину при плохой игре. Русская пословица про невозможность сидеть на двух стульях уже давно поставила крест на этих попытках обмануть самих себя и весь остальной мир. Орёл на нашем гербе с недоумением смотрит в обе стороны, пытаясь определить своё место в мировом пространстве, и, наверное, завидует своим одноголовым геральдическим собратьям, которые не мучаются проблемой выбора. Мы – русские – обречены иметь судьбу метисов, которых не пускают ни в салоны европейцев, ни в юрты азиатов.

Наши достоинства и наши пороки выросли в нас как раз от этого МЕЖДУ. Этот тезис относится и к области генеалогии.

Интерес к ней, к истории предков – неотъемлемая и давняя часть европейской культуры. Многочисленные и многолетние генеалогические клубы, общества, а в последнее время и сайты подтверждают постоянную и активную тягу европейцев к этим знаниям.

Если мы повернём голову в другую сторону, то увидим этот же самый интерес, пусть и в других формах. Азиаты не стали создавать клубы и рисовать на бумаге большие и ветвистые генеалогические деревья. Они внесли эту информацию в «персональные данные» каждого человека. Форма полного арабского имени, которая сейчас принята всеми мусульманами, включает несколько частей – кунья, исм, насаб, лакаб и нисба. Насаб – это аналог нашего отчества, только вот, в отличие от нас, упоминающих лишь имя отца, араб должен перечислить гораздо больше имён своих предков по мужской линии – отца, деда, прадеда и т. д. Их перечисление через слово ибн, что значит «сын», может превратить официальное представление или знакомство в весьма длительную процедуру. Например, классик персидской литературы, которого мы фамильярно называем только Саади, представился бы так: «Абу Мухаммад Мушарриф (Шараф) ад-Дин Муслих ибн Абдаллах ибн Мушарриф». Если бы великий средневековый учёный, известный нам всего лишь как Бируни, имел визитную карточку, на ней красивой арабской вязью было

бы начертано «Абу Рейхán Мухаммéd ибн Ах-мéd аль-Бируни». А если бы джин из бутылки назвался своим соплеменникам так же коротко, как при знакомстве с Волькой – Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, его сочли бы сумасшедшим: арабы на самом деле считали, что человек, не способный назвать семь имён своих предков по мужской линии, болен на голову.

Так полагали не только арабы. Казахская поговорка «Незнание своей родословной до седьмого поколения – признак сиротства» – подтверждение тому.

А мы – русские?... «Мы, русские, в большинстве своём не знаем, не помним своих корней, словно это нам не надо... Например, в отличие от татар, с которыми уже много веков живём не просто рядом или даже вместе, но и повязаны одной судьбой. Они, в отличие от нас, как правило, независимо от сословности, помнят своих предков до седьмого колена, а многие и того дальше. Мы же, русские... преимущественно беспамятны, никогда не вели родословных, в лучшем случае помнили лишь прадедов». Это недавно написал в «Нашем современнике» современный писатель М. А. Чванов. И в подтверждение его правоты я готов поспорить с любым: не более десяти человек из сотни русских могут сходу назвать имя прадеда или прабабки. А ведь это всего лишь четвёртое поколение.

У нас, в отличие и от европейцев, и от азиатов, не сформировался интерес к своим истокам – к последовательной цепочке людей, благодаря которым нам была дарована жизнь. Стократ прав Александр Сергеевич (мулат, кстати) относительно отношения русских к своей родословной: «...Мы ленивы и нелюбопытны...».

А в XX в. большевистская селекция прежние лень и нелюбопытство усилила ещё и инстинктом самосохранения. В присные годы ежовщины-сталинщины выживал тот, кто меньше знал. Когда с сына стали спрашивать не только за отца, но и за деда, залазить в генеалогические дебри стало смертельно опасно. Уже процитированный только что М. А. Чванов точно отметил эту причину нашего запоздалого – постсоветского – интереса к генеалогическим изысканиям: «Как бы, наконец, опомнившись и в какой-то мере освободившись от разрушительной большевистской химеры, с причинами внедрения которой в России при всей их внешней очевидности мне далеко не всё ясно, в том числе в вопросе, за какие

страшные грехи Всевышний наказал нас ими, люди начали искать свои земные корни, составлять родословные».

Подтверждением нашего весьма прохладного отношения к памяти о предках может служить и та лёгкость, с какой мы три десятилетия назад отказались от своих отчеств. Антропонимика русских всегда включала этот элемент: у дворян отчество озвучивалось и писалось с момента рождения, у крестьян – после выхода сына из отцовского хозяйства. Пока он жил с отцом и не имел в крестьянской общине права голоса, ты был просто Петром, а чаще даже Петрухой или Петькой. Но как только у него появлялся свой земельный надел и своё хозяйство, как только он приобретал статус полноправного хозяина, то сразу становился Петром сыном Даниловым. Однако ж в недавние годы тупого копирования западной модели жизни – от поп-корна в кинозале до удушающей разум рекламы на телеэкране – с подачи наших журналистов в моду вошла куца европейско-американская модель антропонимики – только имя и фамилия. Право иметь отчество тогда отстояла только Алла Борисовна Пугачёва. Антропонимику всех остальных, включая даже президента страны и обожествлённых исторических героев, кастрировали до оскорбительной формы «Борис Ельцин» и «Владимир Ленин». Могу ещё принять этот англосаксонский формат имени для указанных личностей, но назвать Пушкина только Александром язык не поворачивается. А у молодых запросто. Их так с детства учили. Ещё один инструмент нашей памяти выброшен на помойку.

----- x -----

Если человеческую жизнь представить в виде линейки, то её левый конец (детство, отрочество, юность, зрелость) необходимо пометить знаком «плюс», правый (старость) – знаком минус. Промежуток между этими полюсами, который в онтогенезе называется «пожилым возрастом», и является лучшим временем для написания воспоминаний, если человек испытывает соблазн, потребность или необходимость заняться мемуаристикой.

Садиться за хронику раньше достижения автором пожилого возраста – нелогично. Даже если у него случились бурные юность и зрелость, а ярких и эпохальных событий оказалось больше,

чем у другого в течение всей его долгой жизни, итожить судьбу на этом этапе всё же рано. Это равнозначно подведению итогов всей поездки на промежуточной станции. Исключения, конечно, бывают, но они лишь подтверждают правило. Роман «Как закалялась сталь», который в какой-то мере можно отнести к мемуарному жанру, был закончен всего лишь тридцатилетним А. Н. Островским. Но автор знал, что ни зрелости, ни старости у него не будет, и потому уже в этом возрасте подводил итог своей жизни.

Есть ещё одна причина, препятствующая раннему подходу к мемуарному жанру, – отсутствие того, что зовётся зрелостью ума. В юности, пока голова ещё намертво не прибита опытом, человек нередко теряет её: очаровывается без основания, восторгается без причины, увлекается без повода... Его суждения добросердечны и светлы, они порождены не «озлобленным умом» (отзыв А. С. Пушкина об А. С. Грибоедове) мастера жизни, а неискушённым умом стажёра. В этом случае суждения и оценки, которые являются обязательной составляющей мемуарных текстов, будут страдать необъективностью и легковесностью. «*Большое видится на расстоянии...*». На многие события трезвый оценочный взгляд – как бы со стороны – появляется только через годы и даже десятилетия, когда страсти, обиды и сомнения оказываются погребёнными под спокойной созерцательностью, прощением и опытом.

Да и тот сладкий слой патоки на прозаическом ломте жизни, который бытописатели прошлого называли «милая родная старина» или «что прошло, то и мило», который притягивает внимание сентиментальных читателей к опубликованным жизнеописаниям, тоже возникает лишь с отдалением во времени.

Вывод прост: занятие мемуарным жанром в незрелом возрасте может привести к буйству неоправданных эмоций и скороспелым выводам, что с этим жанром, на мой взгляд, не совмещается.

Если же взглянуть на противоположный конец линейки, в старость, то там затаилась другая опасность – та же необъективность, но со знаком «минус». События и люди могут получиться, наоборот, чрезмерно мрачными. И дело не в натуре автора – злой он или не злой. Причина в той неизбежной агрессии, которая начинает исторгаться из человека тем сильнее, чем ближе он к концу

своего земного пути. Ф. И. Тютчев представил это в свойственной ему мягкой манере:

*«Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять,
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, –
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаённой злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир».*

Престарелый П. А. Вяземский был более жёсток:

*«Жизнь едкой горечью проникнута до дна,
Нет к ближнему любви, нет кротости в помине,
И душу мрачную обуревают ныне
Одно отчаянье и ненависть одна».*

И совсем уж злобно начиркал свою предсмертную записку отчаянно прямодушный В. П. Астафьев:

«От Виктора Петровича Астафьева. Жене, детям, внукам.

Прочеть после моей смерти.

Эпитафия.

*Я пришёл в мир добрый, родной и любил его
безмерно.*

Ухожу из мира чужого, злобно, порочного.

Мне нечего сказать Вам на прощание.

Виктор Астафьев».

Место на середине линейки – между юношеским слепым романтизмом, от которого автор уже ушёл, и старческой всеохватной ненавистью, до которой он ещё не доковылял, – для собственного жизнеописания оптимально.

----- x -----

Кто-то из мудрых изрёк: «*В этом мире можно искать и просить всё, кроме любви и смерти. Они сами тебя найдут, когда придёт время*». Я, как и все, не знаю, когда придёт моё время.

С одной стороны, я уверен, что в моём геноме прописан ген долголетия. Старшее поколение по обеим моим родословным линиям, несмотря на все испытания ссылкой, голодом, непосильной работой и ещё многими неблагоприятными для

жизни факторами, проявило завидное долгожительство – до 90 и более лет.

Однако, с другой стороны, наш род преследуют социальные катаклизмы и злокачественные заболевания, сокращающие отведённый богом срок. Из-за них мой дед Яков Васильевич ушёл из жизни в 48 лет, отец – в 50, мама – в 52.

Так что сегодня я с особым пониманием внимаю стихам И. И. Тхоржевского:

*«Лёгкой жизни я просил у Бога:
Посмотри, как мрачно всё кругом.
И ответил Бог: – Пожди немного,
Ты ещё попросишь о другом.
Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить.
Лёгкой жизни я просил у Бога,
Лёгкой смерти надо бы просить».*

С мыслью о смерти трудно смириться любому. Здесь каждый ищет свой путь, и выигрывают, на мой взгляд, верующие, а не атеисты. И пусть этот тезис отрицал Б. Шоу: *«То обстоятельство, что верующий счастливее скептика, имеет не большее значение, чем то, что пьяный счастливее трезвого».* Блистать афоризмами хорошо в расцвете лет, а когда чёрный балахон и коса появляются из ниоткуда около твоего ложа, многие прежде изрекаемые истины превращаются в ложь или браваду. По мне так лучше уж эту даму встретить или с именем бога на устах, или намахнув стакан водки, если уж Шоу было угодно провести здесь параллель.

Как ни странно, но генеалогические разыскания примиряют человека с мыслью о смерти. Когда перед тобой проходят десятки судеб твоих близких, каждая из которых заканчивается определённой датой, где-то в подсознании сама собой формируется мысль, что и твоя судьба будет точно такой же. Причём эта мысль не пугает, как может испугать мысль о смерти в другом случае, а представляется такой же простой и естественной, как мысль о смене времён года.

Не зря родословные истории называют ещё и генеалогическим древом. Великолепный образ. Очень удачная и точная аналогия. Возраст этих мощных деревьев достигает сотен тысяч лет. Ветви – это роды. Какие-то из этих ветвей долго растут и буйно зеленеют, какие-то быстро засыхают и отламываются от ствола. А человек – это всего лишь листик на генеалогическом дереве. И, как и положено листку, он через промежуток времени длиною в свою жизнь опадает с этого

дерева, чтобы спланировать к его корням и стать питательной средой для новых побегов. Рано или поздно этот полёт от ветки к корням предстоит совершить и мне. И надо заранее это принять...

----- x -----

В генеалогических разысканиях приходится постоянно наталкиваться на противоречия в персональных данных, особенно до 1950-х гг. Причём это касается информации, извлечённой не только из устных источников, но и из письменных, поскольку многие документы оформлялись со слов. Причин тут несколько.

Во-первых, отсутствие у крестьян традиции вести учёт событий, включая дни рождения и смерти, по календарю. Шкалой счисления времени были либо значимые семейные события, либо православные праздники – Рождество, Крещение, Пасха, Троица... На один из моих генеалогических запросов в 1985 г. мама писала мне: *«Точных данных ты от меня не получишь. Ничего не знали наши родители. Видишь, тятя [родился] в феврале, а он отмечает [день рождения] 4 марта, я 7 декабря отмечаю, а в действительности [родилась] 8-го. Я до получения паспорта была двумя годами моложе. Так и считали: «Постарше Галки, помоложе Вальки».* Вот и догоняй...». Тогда могли сказать: «Бог дал на Святую Троицу» – и всё. Так, например, вела счёт своей жизни моя родная тётя Анна Яковлевна. А праздник Троицы не имеет твёрдой календарной привязки, «не в числе», как раньше говорили. Вот и попробуй поздравить тётушку с днём рождения, если каждый год Троица приходится на разные календарные даты.

Во-вторых, путаницу внёс 1918 г., когда по декрету Совнаркома о переходе с юлианского календаря (старый стиль) на григорианский (новый стиль) февраль оказался на две недели короче. Моя баба Дуня до самой смерти не могла этого понять, ругалась и путалась в числах. И не только она.

В-третьих, перипетии жизни, вызванные ответными реакциями людей на репрессии властей, включали в себя и массовую подделку документов. Только в моей родне несколько человек вынуждены были жить и умереть по подложным документам и под чужими фамилиями. И достаточно часто, даже сохраняя подлинные имя и фамилию, люди меняли даты – каждый

раз для своей цели. Когда-то эти цели были жизненно важными, когда-то курьёзными. Когда моя тётя по отцовской линии Мария Яковлевна обреталась ещё «в девках», на неё положил глаз сосед Алексей Михайлович Емельянов. Была она девушкой видной – статной, с ладной фигурой, черноокой и черноволосой. А кержак-ухажёр – так себе. К тому же старше избранницы, рано лысеющий... Собственно говоря, дату его появления на свет божий никто не знал. Рождённый в глухой таёжной деревне, живущей по старообрядческому летосчислению «от сотворения мира», он, по словам его матери, появился на свет «на седьмую пятницу от Троицы». И – всё. Без дополнительных подробностей. Однако кержак оказался с высокоадаптивными способностями, созвучными эпохе (он потом даже коммунистом и мелким руководителем стал). Чтобы срезать разницу в возрасте между собой и суженой предприимчивый ухажёр выправил себе в сельсовете метрики о рождении в 1917 г. И «ровесником Октябрьской революции» на всю оставшуюся жизнь заделался, и под годы возлюбленной подстроился. Его родные в эти метрики, конечно, не поверили. Брат однажды даже возмутился:

– Какой на хрен 17-й? Когда тятю в 15-м на Германскую провожали, и он тебя впереди себя в седло посадил, ты хорошо держался, однако на втором годе уже был...

Марии он добился, она вышла за него. Но значительно позже, уже при выходе на пенсию хитромудрый Михалыч сильно матерился:

– Три лишних года пришлось вкалывать!!! И ведь до чего умный был в молодости. Так все «хвосты» в документах подчистил, что хотел потом истинный год рождения восстановить, а ничего найти не смогли.

В-четвёртых, антиконституционный беспредел в отношении колхозников, лишённых паспортов вплоть до полёта Юрия Гагарина в космос, тоже не способствовал уточнению и утверждению официальных дат рождения. Многие, кто никогда не имел этого гражданского документа и умер раньше Сталина, и не задумывались над точной датой своего рождения. В той жизни это было не важно.

----- x -----

В мае 2023 г. я наконец-то побывал в церкви Покрова на Нерли, которую прежде видел толь-

ко в учебниках истории да на телеэкране. Двенадцатый век! Жемчужина российской истории! Гордость отечественной архитектуры! Светоч православной духовности! Я поставил свечи за упокой умерших и благословение живым. И меня буквально распирает от гордости и радости тот факт, что я осенил себя крестным знаменем там же, где молился Андрей Боголюбский. А потом на высоте выше человеческого роста я увидел отдельную дверь, сделанную специально для этой ныне канонизированной персоны, и балкон, с которого сия персона индивидуально молилась... И померк в моих глазах светлый образ этого столпа отечественной истории и православного святого. Ведь наверняка он не раз говорил, что «перед Господом все равны», а побрезговал встать на молитву рядом с другими – один крестился на верхотуре, а все остальные делали то же самое ниже подошвы его сафьяновых сапог.

----- x -----

В острых дискуссиях трёх последних десятилетий высказано немало мнений о причинах жестокости со стороны низшего звена в аппарате насилия при «раскрестьянивании России» – сельсоветчиков, комбедовцев, рядовых милиционеров, просто односельчан. Относительно первых, мне кажется, вопросов нет: каждое время рекрутирует своих героев, и в подлое время, само собой, наверх всплывает говно. Более корректно это можно изложить словами историков В. П. Данилова и С. А. Красильникова: «Система в целом (аппарат непосредственного насилия особенно) могла функционировать лишь при условии, если в ней заняты люди, не имевшие собственных взглядов на жизнь, не сохранившие совесть, человечность в самом широком смысле этого слова. Там действовали функционеры, идеологически оболваненные, отученные воспринимать как людей всех, кого система объявляла своим врагом, в данном случае кулаков».

Злоба, ненависть, агрессия – этих качеств у людей всегда в избытке. Говорят, что виною тому ген агрессии, который и сделал *Homo sapiens* хозяином планеты. Если это так, то он же сделает человека и убийцей планеты. Большевик, который даже такой тонкий стилист и лирик как М. М. Пришвин назвал «кучей говна с воткнутым в него флагом интернационализма», стал в России главенствующей идеологией и

государственной практикой тоже благодаря злобе, ненависти и агрессии. От ленинской «теории диктатуры пролетариата» до сталинской «теории обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму» – всё проникнуто призывами подавлять и уничтожать. Каким будет человек, если ему постоянно вбивать в голову, что кругом сплошь враги, что классовые интересы важнее всего, даже жизни его матери? А ведь вбивали именно это. Поэт М. Шейнкман (он же – М. Светлов), «Гренаду» и «Каховку» которого меня заставляли петь в пионерском хоре, в Гражданскую активно воевал на стороне красных и людоедскую философию большевиков отразил в таких страшных строках:

*В такие дни таков закон:
Со мной, товарищ, рядом
Родную мать коли штыком,
Глуши её прикладом.
Нам баловаться сотни лет
Любовью надоело.
Пусть штык проложит новый след
Сквозь маленькое тело.*

Если чудовище, оболваненное сказками о светлом будущем всего человечества и получившее индульгенцию на убийство, способно пропороть штыком собственную мать, разве оно будет жалеть чужую мать или чужого ребёнка? Конечно, не будет. Так что в непосредственных исполнителях геноцида, идейно подготовленных, материально заинтересованных и хорошо вооружённых, недостатка не было.

Историю, которую я в детстве слышал много-много раз. Когда сельсоветчики пришли раскулачивать и выселять моих деда и бабушку (тогда ещё, разумеется, в возрасте мужчины и женщины), последняя надела на себя шубу. Ведь знала, что ехать придётся в студёную Сибирь. И пришедшие это знали. И малых детей видели – четырёхлетнего пацана (моего отца) и двухлетнюю девочку (она умрёт потом от голода). Ну, так прояви простое человеческое сочувствие, элементарную жалость. Ведь в одном селе росли, в одной речке купались, в одних компаниях гуляли... Нет! Это классовый враг! Шубу начали насильно срывать на глазах у детей. Женщина с воем упала на пол. Уполномоченный с такой силой дёрнул за рукав, что оторвал его. Злобно выматерился, бросил на пол, плюнул и ушёл.

Но это, так сказать, госаппарат, должностные лица... А как объяснить в лучшем случае равнодушные, а чаще всё же агрессию со стороны одно-

сельчан, у которых в кармане не было ни партбилета, ни сельсоветского удостоверения, с кем ещё вчера раскулаченные стояли рядом в церкви около гроба с общим предком или около купели с общим потомком? Мне кажется, главным мотивом такого отношения был другой набор человеческих пороков – корысть, жадность, зависть. Эти мерзкие качества от века к веку жили в крестьянском мире и стали неотъемлемым свойством крестьянской природы.

Достаточно много видел я и архивных документов о раскулачивании. Главными и наиболее объёмными из них всегда были описи имущества своих односельчан, назначенных к выселению. Складывалось впечатление, что именно эти перечни чужого добра и были главной целью проводимой акции. Меня всегда неприятно поражало, с какой дотошностью и мелочностью сельсоветчики и деревенские активисты составляли эти описи. На бумагу заносилось всё-всё-всё, вплоть до последнего ухвата и деревянной ложки. Ведь теперь это добро принадлежало им!

----- x -----

Дети в трудолюбивых крестьянских семьях, которые советской властью будут объявлены кулаками и объявлены к «уничтожению как класс», выходили в поле, на покос и в огород в возрасте нынешних первоклашек. В бланке «Всероссийской сельско-хозяйственной, земельной и городской переписи 1917 года», заполненной на моих предков, читаю: 13-летний Иван, 15-летние Яков и Авдотья участвуют во всех сельскохозяйственных работах (перечислены «В пахоте», «В косьбе», «В уборке полей») наравне с взрослыми. Это к вопросу о злобных мифах советских пропагандистов и историков, в которых «кулаки» – обязательно мироеды и эксплуататоры. Если эксплуататоры, то уж, прежде всего, своих собственных детей. Кулацкие дети – это не золотая молодёжь нынешней элиты, утонувшая в снесь, безделье и роскоши. Совсем наоборот. Мой двоюродный дядя Яковлев Михаил Максимович рассказывал: «Одевались очень плохо. Отец, помню, говорил, что надо сначала корни пустить, а вершина сама вырастет. У меня, помнится, валенки разного цвета были. Все деньги, которые удавалось нам заработать, отец в хозяйство вкладывал. А Егор уже большой был, и шапку красивую хотел иметь, и пиджак новый. Тайком от

отца купила ему мать шапку и пиджак. Он в них гулять ходил, а домой идти – переодевался в старенькое у бабушки, отца боялся».

Это у них – кулацких детей – затвердевшие мозоли на руках появлялись раньше, чем пушок под носом. И это у них государство отобрало всё – построенный отцом дом и политуку семейным потом пашню, возможность получить образование, перспективу на достойную жизнь... Родители, обделяя себя и своих детей, «пускали корни», но плоды с вершины вкушали уже другие.

На плечах «кулацких детей» – последней генерации свободных крестьян, пусть и ставших спецпереселенцами, – страна встала во весь свой исполинский рост. Но это был последний её подъём. Ушли те поколения – и рухнула страна. Смена не пришла. Подневольные колхозники уже не стали приучать своих детей к неумному труду так, как это делали свободные крестьяне. Мотивация для такого воспитания исчезла. Кто-то заметил: «Главной формой борьбы раба является плохая работа». Очень точно.

----- X -----

Попалось мне как-то объяснение психолога, почему в наше время младшее поколение не уважает старших

– Потому, – говорил этот специалист, – что опыт старших поколений не нужен младшим. А если нет передачи опыта, нет процесса обучения, то нет и пиетета ученика перед учителем, нет уважительного отношения младших к старшим.

Поначалу такая логика показалась мне несколько односторонней. Есть же, в конце концов, не только опыт хозяйствования или опыт коммуникаций, но ещё очень и очень многое, объединённое общим понятием «жизненный опыт» и накапливаемое с годами. Именно этого у стариков в избытке, а у молодёжи в дефиците. Но это размышление было быстро похерено (то бишь перечёркнуто) простым наблюдением: жизненный опыт каждый раз приобретается индивидуально, он не передаётся по наследству. И не потому, что старшие не хотят отдать, а потому, что младшие не желают брать.

И потому после некоторых размышлений я согласился с упомянутым выше психологом. Действительно: нигилизм младших в адрес старших формировался параллельно с возрастом

скорости изменений нашей жизни и определялся этой скоростью.

Раньше дед и отец учили мальчика держать косу в руках, запрягать лошадь, строить дом... Более того: и коса, и лошадь, и дом переходили от отца к сыну – и, как пел Бернес, «всё опять повторится сначала»: тот же вещный мир, те же правила и приёмы существования в нём.

Двадцатый век разорвал эту преемственность. Отец показывал мне, как надо запрягать лошадь, но я внимал вполуха. Где-то на подсознательном уровне я уже понимал, что этот опыт мне не пригодится. Машинный гул на улицах становится всё сильнее, а лошадиное ржанье всё тише и реже. Мой дед пилил лучковой пилой. У отца такой пилы уже не было, он пользовался ножовкой. Я тоже хозяйничаю этим инструментом, но точить его, как это делал отец, уже не умею. А вот мой зять уже отказался от ножовки, предпочтя электропилу. Четыре поколения – три разных пилы. Опыт отца не нужен ни одному.

----- X -----

Для большинства людей миф представляется «делами давно ушедших дней, преданьями старины глубокой». Кто из нас в детстве не читал или не слушал на уроках истории древнегреческие мифы о Прометее и Аполлоне, древнеримские – о Нептуне и Юпитере, славянские – о Перуне и Велесе? Но все эти имена прочно увязываются с древней устной традицией, с архаичными формами культуры.

Однако миф не остался в древности, он благополучно дожил до наших дней и уверенно смотрит в будущее. Он был рядом с копьём и мечом, он есть рядом с автоматом и баллистической ракетой, он будет рядом с межпланетными и межгалактическими кораблями. Это неотъемлемая часть культуры. При этом, принимая новые формы, миф остаётся неизменным по своим истокам – он опирается не на рациональные знания (на этих принципах базируется наука), а на веру и убеждения. А последние диктуются нам культурной традицией, религией или идеологией. Если эта идеология государственная, то мифы насаждаются государством – всей его идеологической и репрессивной мощью.

Советская идеология, в жертву которой в сталинское время были принесены миллионы и миллионы человеческих жизней, тоже была не

более чем религиозно-мифологической системой. И при таком ракурсе мои расстрелянные и погибшие в советских лагерях предки ничем не отличаются от тех несчастных, у кого вырывали сердце в Теночтитлане или отрубали голову на берегу Инда. И те, и другие были умерщвлены для поддержания мифа.

Советская идеологическая система во многих своих частях соответствует структуре классического мифа.

Она, к примеру, имеет свою «священную историю». Так же, как до революции все учащиеся независимо от своей будущей специальности вынуждены были учить «Закон божий», советские школьники и студенты принуждались к изучению истории КПСС – от сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» до брежневской многотомной галиматии «Ленинским курсом».

Как и любая религиозно-мифологическая схема, советская идеология имела свои «кануны» и предтечи. В этом качестве выступали всяческого окраса демократы 19-го столетия. Но вот что интересно. О том, что *«декабристы разбудили Герцена»*, а тот следующих революционеров, нам твердили много-много раз и в школе, и позже. Но эта информация никоим образом не формировала наши убеждения. За всю свою жизнь я не встретил ни одного убеждённого коммуниста своего возраста. Все мы играли в одну большую игру: днём повторяли нашим экзаменаторам слова, которые они вещали нам во время лекций, а вечером пили дешёвое вино и орали под гитару весёлую коржавинскую «Балладу об историческом недосыпе»:

«Какая сука разбудила Ленина?

Кому мешало, что ребёнок спит?...»

Не могла советская мифологическая система обойтись также без ритуалов и обрядового календаря. К первым надо отнести регулярные партийные съезды, ко вторым – насаждённые сверху советские праздники (прежде всего, годовщины Октябрьской революции и т. н. День международной солидарности трудящихся). Их задача была точно такой же, как у языческих праздников в традиционной культуре – публично демонстрировать, ритуально повторять и таким образом укреплять раннее время в настоящем, поддерживать космический порядок, созданный в мифическую эпоху «1917-го». Особенно умилял Первомай, который почти целиком повторял Крестный ход и по срокам, и по сценарию, и по

отношению к нему народа: для батюшек – молитвы и хоругви (потом для высоких трибун – лозунги и транспаранты), а для себя – стопка водки и пляска вприсядку под матершинную частушку.

Конечно же, ни одна мифологическая система, включая советскую, не могла обойтись без демиургов, пророков, подвижников, мучеников. Демиурги, то есть создатели всего сущего, – это конечно, Маркс и Энгельс. До них был лишь докоммунистический Первоокеан. Сакральный первопредок – это «дедушка Ленин». Продолжателем его дела, а в некоторых случаях и его перевоплощением («Сталин – это Ленин сегодня») являлся Иосиф Виссарионович, донныне почитаемый на своих шабашах многими коммунистическими язычниками. Он занимает в мифологии место мудрого и строгого отца («отец народов»). Подвижники и мученики – это, конечно, коммунисты рангом помельче, посвятившие или отдавшие свои жизни продвижению нового религиозно-мифологического учения. Их жития заняли на полках выброшенные или сожжённые жития апологетов предыдущего (христианского) верования, и новые поколения учителей приступили к «порке» новых поколений учеников, если те недостаточно прилежно штудировали новые книги.

Советская история СССР тоже сшита по лекалам мифа. Сначала (в раннее время) в России был капитализм (дореволюционный хаос в центре мифологического мира). Однако постепенно созрели исторические предпосылки сначала для буржуазно-демократической, а затем и для социалистической революций (начало «космизации», то есть мифологического упорядочивания). И в результате этого возникло «первое на планете государство рабочих и крестьян» (согласно универсальной схеме космогенеза, это акт творения нового мира)! Новый мир необходимо укрепить, для чего Сталин придумал теорию продолжения классовой борьбы, а в стандартном мифе всегда присутствует этап очищения вновь созданного мира от демонических сил. И вот, наконец, наступает этап «развитого социализма» в окружении «загнивающего капитализма» (полный расцвет гармоничного нового мира и оставшаяся в прежнем хаосе мифологическая периферия).

Ничто не ново под луной, и закамуфлированная коммунистическим атеизмом советская идеология при более пристальном рассмотрении оказывается всего лишь своеобразной религи-

ей; компартия – институтом церкви (потому-то с такой яростью коммунисты и уничтожали священников – своих конкурентов на религиозном поле); внутривластные оппозиции – еретическими движениями; мавзолеем с телом Ленина и некрополем у Кремлёвской стены – святыми мощами; памятники, монументы, мемориалы и портреты большевистских вождей – идолами, объектами поклонения.

----- x -----

Сегодня младшее и среднее поколения уже не могут даже вообразить себе ситуацию принудительного труда (как правило, бесплатного) на стороне. Меж тем в 1970–1980-х гг. это было правилом. Прежде всего, оно распространялось на пресловутые «сельхозработы», когда весной и осенью вузы и промышленные предприятия должны были массово отправлять своих работников в колхозы и совхозы. То есть зарплату человеку платил завод или университет, а вот продукцию – результат его трудовой деятельности – получало социалистическое сельхозпредприятие. А потом человек покупал в магазине произведённую им же продукцию на деньги, полученные из кассы его родного предприятия за то время, которое он на этом предприятии не работал. Я понятно объяснил суть социалистического производства и потребления?

----- x -----

Тема загадочного и неведомого притягательна всегда и везде. Это кормушка для журналистов и авантюристов, благодатная почва для писателей-фантастов и кинематографистов, объект поклонения для незрелых умов и религиозного сознания. Эта тема сродни вере в бога: одни неистово настаивают, другие яростно отрицают.

Однако граница между реальным и ирреальным постоянно колеблется, и то, что вчера представлялось совершенно невозможным, сегодня уже обыденно и даже скучно. Мне очень нравится оптимистичный афоризм: *«Гипотеза не истинна и не ложна. Получив подтверждение, гипотеза становится научной истиной. А гипотеза, которая не получила подтверждения, превращается в научную проблему»*. Рано или поздно очень многие небывлицы превращаются в быль. Вопрос лишь во времени. Если бы всего

лишь три с половиной сотни лет назад Ньютону сказали:

– Сэр Исаак, Вы можете представить, что на высоте более 11 км со скоростью 850 километров в час может лететь кусок железа с двумя сотнями людей общим весом в 53 т? И путь между Лондоном и Парижем он в состоянии преодолеть всего лишь за 24 мин.

Уверен, что автор закона всемирного тяготения снял бы свой кучерявый парик, почесал шишку от упавшего яблока, испуганно перекрестился и покрутил пальцем у виска. Точно также поступаем и мы, когда нам рассказывают об НЛО, чудовище из Лох-Несси, пришельцах из космических или параллельных миров... Во все века человек мнит себя венцом творения, познавшим всё и вся, и эта глупейшая самонадеянность служит основанием отвергать всё, что выходит за рамки привычной для него и его современников картины мира. Философы рассуждают о разных формах сознания – обыденном, общественном, научном и пр., обосновывают их разницу, но у всех этих форм есть цементирующее общее – активное неприятие того, что невозможно объяснить.

А нужно ли объяснять прямо сейчас? Наивными рассуждениями о пресловутых аурах, порталах и астралах мы сегодня не только преглупо себя выставляем, но и препятствуем процессу познания, поскольку насмешками и неверием препятствуем вовлечению огромного объёма пока ещё необъяснимых фактов и явлений в сферу научного поиска. *«Высмеять идею – значит, убить её»*, – изрёк кто-то из писателей. Таким убийством мы и занимаемся, когда крутим пальцем у виска в ответ на рассказ, который не укладывается в привычную для нас логику.

Не надо торопить события. Ведь ещё тысячу лет назад мудрейший Ибн Сина советовал: *«Если тебе доведётся узнать, что некий мистик своею силою совершил какое-либо действие или привёл что-либо в движение, которое не под силу другому человеку, не торопись всецело отрицать это. Быть может, ты сможешь раскрыть причину всего этого, исходя из законов природы»*.

Процедура научного познания состоит из нескольких этапов – накопления эмпирических данных, их обработки, аналитики, а уж только потом выводов и рождения нового научного знания. И эти этапы должны быть последовательными, а не параллельными. Чтобы песочные часы работали, необходимо именно поочерёдное

перетекание песчинок через отверстие между колбами. Если это правило нарушается, процесс останавливается. Сколько тысячелетий потребовалось человечеству для осознания того, что оно живёт не на лепёшке, которую поддерживают слоны на черепахе, а на шарике? Но ведь пришла эпоха Магеллана – и всё встало на свои места. Наступят и такие времена, когда нынешние телепередачи с интригующими названиями вроде «Самые шокирующие гипотезы» станут главами школьных учебников. А пока наши вероятные знания не прошли доказательство логикой и подтверждение опытом, давайте, как выражаются учёные, формировать источниковую базу без самонадеянных попыток толкования пока ещё неосознанных фактов.

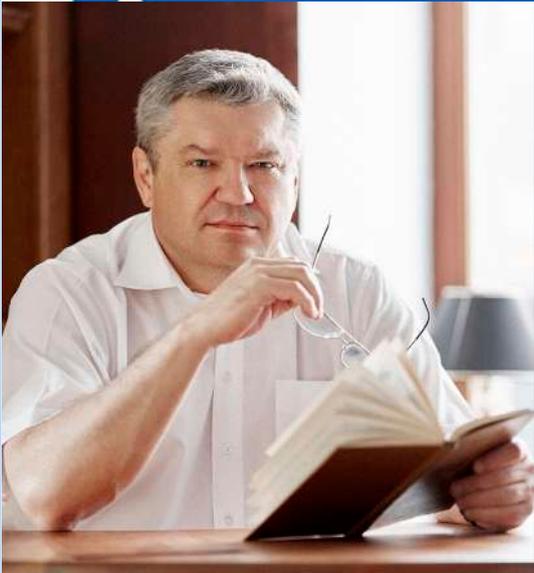
----- x -----

Интересно было бы заглянуть в учебник отечественной истории лет эдак через двести. Что там будет написано о тех десятилетиях, в которые втиснулась моя жизнь? Ответа на этот вопрос я не узнаю никогда, но бесспорно одно: те знания отразят наше время в кривом зеркале. Если бы мы могли прочесть те учебники сейчас, то сильно удивились, рассмеялись или разозлились – в зависимости от темперамента и настроения. Оценку нашей сегодняшней жизни будет давать та идеология, которая станет господствующей, и те люди, которые станут у руля страны. Как это было до нас и как это происходит сейчас. Казалось бы: при чём здесь будущее, если

мы говорим о прошлом? Всё просто и цинично. Наиболее откровенные историки утверждают: «Объективного образа прошлого, то есть независимого от той мировоззренческой концепции, с позиции которой он создаётся, не может быть».

Иными словами, в обществе всегда существует несколько образов прошлого и научных теорий, которые эти образы создают. Вот пример. Для одних нынче Гражданская война – это борьба классов, торжество передовой коммунистической идеи, создание нового типа государства социалистического формата. Для других – закат величия тысячелетней России, триумф агрессивного меньшинства над большинством, начало кровавой истории «империи зла». Для третьих – братоубийственная трагедия России, в которой не оказалось победителей, и которая не закончилась до сих пор. Можно найти и другие образы той войны. И власть может выбрать и объявить истинно правильным один – тот, который максимально соответствует её и только её сиюминутным интересам. Все государственные институты будут поддерживать только этот образ всеми своими силами и средствами, а все прочие получают статус «лженауки» и «фейка» и будут преследоваться вплоть до физического уничтожения их апологетов. Первый «красный профессор» СССР М. Н. Покровский оформил эту мысль в простой афоризм: «История – это политика, опрокинутая в прошлое».

*Из книги «Только для родных и близких.
Родословно-автобиографические рассказы»
(Томск, 2024).*

**Сергей Сергеевич
Козлов**

г. Тюмень

Козлов Сергей Сергеевич родился в 1966 г. в г. Тюмени. Окончил исторический факультет Тюменского государственного педагогического института. Работал учителем истории, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве, редактором нескольких изданий, директором средней школы, депутатом Думы Тюменской области. Преподавал на Кафедре журналистики Югорского государственного университета (доцент). Играл в группе “Нефть”. Пишет прозу, стихи, публицистику. Выступает также как сценарист. По повести Сергея Козлова “Мальчик без шпаги” режиссёром Константином Одеговым снят фильм “Наследники”. Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

Я – зеркало русской природы...

Я тут стоял, и вот уж нет меня,
Остались лишь разбросанные звуки,
Знак восклицательный валяется, звеня,
И Млечный Путь из многоточий льётся в руки.
И мальчик, свято веривший в добро,
И девочка, что из окна глядела –
Любимое адамово ребро –
Куда слились в одно душа и тело,
Всё где-то там... И осень не пришла,
В такую даль она прийти не может.
Так отчего так вздрогнула душа
У мальчика по имени Серёжа?..

Меня не возьмут в космонавты,
В министры ещё не возьмут.
Почти все друзья алконавты,
А сам я прописан не тут.
Чихал я на ваши свободы,
Гражданского общества тьму,
Я зеркало русской природы –
И нечего тыкать ему.
Живу не в пределах айфона,
Не в недрах мейнстрима и масс...
Зато надо мною икона –
На ней образ Вечности – Спас.

...А в жизни не хватало пауз,
Всё наспех да дурная прыть...
Сидел на лавке русский Фауст,
Мечтая жизнь остановить.

В карманах деньги, как трофеи,
В чекушке булькал эликсир,
А мимо пролетали феи,
Его не брали на буксир.

Свою ненужность заливая,
Он Богу душу отдавал.

Он не просил у Бога рая,
И бесам фигу показал...

Он хоть не храбрый, но не робкий,
Наш Гамлет: пить или не пить?
И нету под рукою кнопки,
Чтоб этот мир остановить.

РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Я лежал в русском поле
Триста лет или боле,
Сквозь меня – жизни воля –
Прорастала трава...
Через поле дорога
Прямо в небо до Бога,
До родного порога,
Где Россия жива.
Слышал я, вы поверьте,
С глазу на глаз со смертью
Разговор в круговерти
Отгремевших боёв.
Где отлитые пули
Траектории гнули,
И осколки тонули
В траекториях слов.
И облитые кровью
Да отчизны любовью,
Под не начатой новью
Умирили бойцы...
Их глаза, как бойницы,
Прорезали страницы,
Города и станицы,
В них написано – рцы!
Говорили мне братья,
Зачеркни все проклятья
Над печальной падью
Да над нами во рву...
И, владея словами,
Я писал их руками,
Бог смотрел их глазами
На работу мою.
И сквозь русские вёрсты,
Я глядел на погосты,
И в полях – эти кости...

Ветер времени стих...
Они звали не к тризне,
Не к любимой Отчизне...
Корни Дерева Жизни
Прорастали из них!

Меня не возьмут в космонавты,
В министры ещё не возьмут.
Почти все друзья алконавты,
А сам я прописан не тут.
Чихал я на ваши свободы,
Гражданского общества тьму,
Я зеркало русской природы –
И нечего тыкать ему.
Живу не в пределах айфона,
Не в недрах мейнстрима и масс...
Зато надо мною икона –
На ней образ Вечности – Спас.

ОСЕНЬ ФУТУРИЗМА

Однажды в утреннее утро,
Что мудренее вечеров,
От рифмы мутной или мудрой,
От муторной, в конце концов,
И не сводя концы с концами,
И не послав гонцов с гонцами,
Которых и не ждут в дацане,
Приходит тишиной цунами,
В котором пенятся слова,
И буквы-капли-птицы бьются
О стёкла рам. И одна
Они по имени зовутся,
А врудгорядь – как цифра «8»,
Упавшая на горизонт.
Вот так приходит слово «осень»,
И, собственно, горит как зонт.

+++

Когда не можетя молиться,
И вещей слов – ни дать, ни взять,
Взлетают рифмы, словно птицы,
К морям далёким зимовать.
Тогда, оставшись без ответа,
Немое Небо прорастёт
Дождями в будущее лето,
И в песню, если повезёт...

Я опять не дотянулся до предела,
До небесной тёмно-синей мглы,
Да и звёзд на небе поредело,
Да и нас осталось – только мы.
Да и нас предали и продали,
Да и мы пропили берега...
То-то ангел над землёй печален,
Льёт из чаши горькой на снега
Там, где снова встали брат на брата,
Там, где похоронный льётся звон,
Не стреляй по ангелу, ребята...
– Это, брат, не ангел, это дрон.
Не бывает Бог английским или русским,
Каин не покается в веках,
И застрянем мы в воротах узких...
Плачет тихий ангел в облаках...
И огонь с небес сойдёт, не манна,
Гласом с Неба прозвучит ответ,
Но в главе последней Иоанна
Каждый на предвечный зван совет...

Выброшенный на обочину
Из вагона СВ во сне,
Сиж у Транссиба пророчу
Себе и великой стране.

А мимо летят свершенья,
А мимо летят мечты,
Лежат на рельсах сомненья,
И где-то осталась ты...

А в город совсем не тянет,
Там пир во время чумы
Коричневой. Небо вянет,
Глотая слова и дымы.

Город собой довольный
Небу кричит «нет»!
И только звон колокольный
В нём пробивает просвет.

А я сиж у Транссиба,
Шепчу Иоанна слова,
Ведь Книги великая глыба –
Она каждый день нова.

Курю, и дышу смрадом
На весь этот адский сад.
«Дай, сигарету», рядом
Присел одноногий солдат.

Дымим, я к себе с укорами:
«Ногу оставил где?»
«Танцует пока с мажорами
В шумном ночном кабаке...».

Дымим посередь Транссиба,
Мы знаем, что на весах...
Он просто сказал «спасибо»,
Закостылял в Небеса.

*Алексею Салмину
17 июня 1965-го...*

Наш век на части разделён
И расщеплён вотще как атом.
Но, разгоняясь под уклон,
Мы – большей частью – в двадцатом.

Там, где Победы чистый свет,
Где дед идёт в траве с литовкой,
И где весёлый звон монет
Лишь в автоматах с газировкой.

Где верится в большой полёт
На звездолёте через хмари,
И пионерский горн зовёт,
И улыбается Гагарин...

А мы бежим туда стремглав,
Лишь начинается дорога!..
И вдруг! – всё это потеряв,
Нашли «потерянного» Бога...

Наш век запнулся и упал,
И брошен был, и всеми предан...
Лишь дед до храма ковылял,
Пора и нам идти за дедом.

Давай на лавке посидим,
Коль в ад народ планету катит,
Ведь сладок нам отчизны дым,
Его на всю планету хватит.

Мы помним, как мы детворой,
Учились падать или драться...
России падать не впервой,
Но есть привычка подниматься...

В разговорах чужих затерялась небесная искра,
В кучевых облаках скучковалась небесная
грусть,
А в самих небесах даже гром стал похожим на
выстрел,
То и жди прорастёт над домами как атомный
груздь.

И над старой Землёй заалеет горящее небо,
Только так новым стать может небо над этой
Землёй.
Потому что истошно кричат, что Спаситель
здесь не был,
Потому что им лучше в геенну, чем в Небо
домой.

И усталый автобус пыхтит, закрывая все двери,
Вот уж кто бы хотел под колёса себе Млечный
Путь...

Поезжай, я плачú, я давно его точно измерил,
Из посланий моих исчезает изящная суть.

Но всегда у меня остаётся последнее Слово,
Оно первое Слово, и было всегда у Него,
Но осталось во мне, и, казалось бы, вовсе
не ново,
Только свет во тьме светит,
и тьма не объяла его.

Осенью падают яблоки,
Словно от райских врат
Стелется в нашем садике
Яблочный аромат.
Осенью капают музыки
Прямо и вкось с небес.
Каплями-нотами в лужицы,
В город и дальний лес.

Осенью ветер выпренный
Манит куда-то вдаль...

**Сергей Артёмович
Луцкий**

г. Жуковский

Луцкий Сергей Артёмович родился 31 октября 1945 года в селе Дзыговка Ямпольского района Винницкой области. Окончил Черновицкий индустриальный техникум и Литературный институт им. М. Горького. Служил в армии, работал фрезеровщиком и инженером-технологом на предприятиях Черновцов.

После окончания Литинститута – ведущий редактор Госкомиздата РСФСР, Литературной консультации Союза писателей СССР, Министерства печати России. С 1994 года живет в селе Большетархово Нижневартовского района ХМАО, а с 2016 – в поселке Излучинск Нижневартовского района.

Первая заметная публикация – рассказ «Ясная жизнь» в журнале «Юность» (1973 г.). В разное время печатался как в центральных, так и в региональных изданиях: журналы «Октябрь», «Роман-газета», «Урал», «Сибирские огни», «Зарубежные записки», «Наш современник», альманахи «Эринтур», «Врата Сибири», «На севере дальнем», «Огни Кузбасса», «Чаша круговая» и в других журналах, альманахах, литературно-художественных сборниках.

Автор одиннадцати книг, в том числе трёхтомника избранной прозы. Произведения переводились на украинский, удмуртский, арабский языки и язык дари (Афганистан).

Трижды лауреат премии губернатора ХМАО по литературе (2003, 2010, 2015 г.г.), Всероссийской премии им. Мамина-Сибиряка (2006 г.), Литературных премий Уральского федерального округа (2015 г.), «Сибирская ИППОКРЕНА» (2014 г.). Член Союза писателей России. Заслуженный деятель культуры ХМАО – Югры.

Наша сложная Валентина Григорьевна

Куратор нашей группы чувством такта не отличалась. Перед классным часом Валентина Григорьевна могла остановиться в дверях аудитории и долго молча смотреть на нас. Её лицо не предвещало ничего хорошего. Кому-то предстояла выволочка.

Так было и на этот раз.

– Рая, ты ничего не хочешь мне рассказать? – наконец спросила куратор и, раздражённо цокая каблуками, прошла к преподавательскому столу.

Вместо имени Лабковской могли прозвучать имена Лиды Хиоро или Бэллы Ицекзон. Девчонки в нашей группе обработки металлов резаним было всего трое, остальные – ребята. В группу набирали практически одних парней, считалось, что обработка металлов мужская профессия.

– Рая, я к тебе обращаюсь. Ты ничего не хочешь мне рассказать? – напористо повторила Валентина Григорьевна и выдержала паузу. Делать это она умела мастерски. Видимо, не зря говорили, что до нашего техникума Валентина Григорьевна преподавала литературу и русский в театральном училище.

Рая Лабковская растеряно поднялась. Девчонкой она была симпатичной. Что называется, соболиные брови, белая кожа, чёткий рисунок припухлых губ. От слов Валентины Григорьевны Рая слегка покраснела.

Допрос куратора сам по себе удовольствие ниже среднего. Но когда его свидетелями становятся двадцать семь парней, любой девчонке на месте Раи захотелось бы провалиться сквозь оба техникумовских этажа.

Рая молчала.

– А, по-моему, тебе есть что рассказать мне. Кто тот молодой человек, с которым тебя вчера видели у дверей общежития?

– Знакомый, – потеряно ответила Рая. И совсем тихо добавила: – На танцах познакомились. Он меня провожал.

– Громче!

– Провожал после танцев.

– Ой ли?

Рая подняла глаза на Валентину Григорьевну, словно спрашивала: «А что ещё могло быть?»

– Мы взрослые люди, Валентина Григорьевна, третий курс, – раздался голос за моей спиной.

Похоже, неловко за происходящее было не только Рае и Лиде с Бэллой, но и ребятам. – Что, девчонки не имеют права на танцы ходить? И чтобы потом их провожали?

– Встань, Виктор! Ты как разговариваешь?! – взорвалась Валентина Григорьевна.

Я оглянулся. Витька Кувшинов, ухмыляясь, поднялся. Он был пофигист, как сказали бы сейчас. Единственное, к чему относился серьёзно, это спортивная гимнастика. Он был чемпионом города по программе кандидатов в мастера.

– Вы – дети, хотя считаете себя взрослыми! Я отвечаю за вас перед вашими родителями. Большинство из вас из сёл, а в городе много соблазнов! Вас должно вверх тянуть, к звёздам, к светлым чувствам, а не в подворотни!..

– Началось, – буркнул, не поднимая головы, Рома Сербенюк. Он сидел рядом со мной. Рома смахивал на цыгана: смуглолицый, с чёрными вьющимися на концах волосами. Ему явно не хотелось, чтобы Валентина Григорьевна поняла, кто это сказал. Не все такие отвязанные, как Кувшинчик. Попадать в немилость к куратору он не хотел. Но всё же тихо добавил: – Выворачивайте себя наизнанку...

Это был любимый призыв Валентины Григорьевны на классном часе.

– Да, да, выворачивайте себя на изнанку, ничего не скрывайте! – не смутилась Валентина Григорьевна, хотя её явно подкалывали. – Рая, сейчас это прежде всего касается тебя. Я хочу знать о вас всё. И ничего смешного в этом нет, Роман! Я хочу, чтобы вы росли настоящими людьми, достойными нашего общества. Чтобы не в подворотни и тёмные углы вас тянуло, а в высь, к звёздам, литературе, классической музыке, театру!..

Это сейчас подобные слова кажутся неестественными, напыщенными, а в пору нашей молодости... Валентина Григорьевна неожиданно замолчала. Две слезинки поползли по её щекам. Подобное случалось и раньше, но аудитория всё равно притихла. А я опять подумал о предыдущем месте работы нашего куратора.

Я не любил Валентину Григорьевну. Не только за демагогию и неискренность. Отчуждение появилась ещё во время вступительных экзаменов.

Конкурс в техникум был большой, на нашу обработку металлов – четыре с половиной человека на место. Почти как в институте. Первым экзаменом был диктант, отрывок из очерка «Владимир Ильич Ленин» Горького. Там была такая фраза: «Но вот поспешно взошёл на кафедру Владимир Ильич, картаво произнёс «товарищи». По правилам орфографии полагалось бы написать: «... картаво произнёс: «Товарищи!» Что большинство абитуриентов и сделало.

Конечно, мы ещё не знали и знать не могли, что могут существовать авторские написание и пунктуация. Итог диктанта: из тридцати человек нашей абитуриентской группы после первого экзамена отсеялось семнадцать. Оставшиеся тринадцать получили по тройке, в том числе и я, окончивший восьмой класс с похвальной грамотой.

Валентина Григорьевна традиционное написание сочла за грубую ошибку, а быть может, и за посягательство на авторитет классика. Времена к тому располагали. Впрочем, у отсеявшихся были, наверно, и другие, настоящие, ошибки. Но выбрать на вступительный экзамен текст с авторским написанием... Да ещё в техникуме, где главными были математика, сопромат, теоретическая механика и другие точные науки.

«Дурно пахнет», – много позже услышу я по схожему поводу от одного своего старшего коллеги. Вскоре после начала учебы я понял подоплёку «резни» на первом экзамене. Нужно было сразу же отсеять как можно больше абитуриентов, а получившим тройки не дать стипендии.

Бескомпромиссный подросток, относиться к Валентине Григорьевне с уважением я после этого не мог. Впрочем, моё уважение ей было до лампочки. Расположение директора техникума стократ важнее. Или завуча, который, возможно, приложил руку к этому «проекту».

Была у Валентины Григорьевны ещё одна корбящая меня черта. Она могла прийти на экзамен, сесть рядом с принимающим его преподавателем и просидеть до последнего сдающего. Подоплёка была ясна и нам, и преподавателю. Куратор хотела сделать нашу группу лучшей в техникуме и при ней, так трепетно болеющей за своих студентов, преподавателю, естественно, будет неудобно ставить тройки, а тем более двойки.

Так и выходило. Ниже четверки никто в нашей группе оценки не получал. Даже «неприка-

саемые» Так мы называли нескольких взрослых парней, отслуживших в армии и позабывших едва ли не всё, чему их учили в школе. Но каким-то чудом принятых в техникум. Впрочем, никакого чуда не было. Поступить в техникум неприкасаемым помогла Валентина Григорьевна, это со временем всплыло. Ей нужна была опора в набираемой группе, взрослые парни, которые станут её во всём поддерживать, а при необходимости и умирять нас, недорослей. И она не просчиталась.

Естественно, отношения между нами, недавними школярами, и неприкасаемыми не складывались. Заветной мечтой большинства было разобраться с ними на выпускном вечере. Сделать это раньше мы не могли – вылетели бы из техникума с треском.

Но я был бы несправедлив, утверждая, что всеми правдами и неправдами делаю нашу группу лучшей в техникуме, Валентина Григорьевна заботилась только о своей карьере. Отсутствие в зачётках троек позволяло всем нам получать стипендии. Деньги были небольшие, но совсем не лишние. Даже для городских ребят, которых дома всегда накормят. А вот многим сельским парням стипендия позволяла учиться – не каждому родные могли помочь.

И всё равно сидение куратора на экзаменах «дурно пахло!» Как и выбор текста диктанта на вступительных.

Сейчас, давно уже взрослый, я с усмешкой вспоминаю себя молодого. Прекраснодушный оболтус! Жизнь неоднозначна и противоречива. Истина избитая, но быть истиной от этого не перестаёт. Случай с Ромой Сербенюком подтвердил её. Цыгановатый наш Рома так некстати влюбится перед дипломной практикой, что его четыре с лишним года учёбы в техникуме могли пойти коту под хвост. Но об этом позже.

Противоречивость жизни состояла ещё вот в чём. Несмотря на Валентину Григорьевну и на необходимость экономить каждую копейку, жить впроголодь, ночами корпеть над чертежами и расчётами, – техникумовские годы тем не менее станут для меня самыми счастливыми. Звучит нескромно, но я понимаю Пушкина: «Отчество нам Царское Село!» Александр Сергеевич всю жизнь хранил тёплые чувства к лицеистам. Как и я к своим однокурсникам.

Юность вообще самая благодатная пора для дружбы. После службы в армии у меня будут

хорошие знакомые, приятели, с которыми можно выпить и откровенно поговорить о заводских делах. Но настоящие друзья останутся в комнате номер восемь общежития по улице Ленинградской. Да ещё в ностальгии по ним и по тому времени.

Мы вместе ходили на танцы в клуб железнодорожников, именуемый в обиходе железкой. Вместе пошили себе модные костюмы с пиджаками на одной пуговице, когда во время заводской практики стали неплохо зарабатывать. В столовой брали уже не котлеты, цветом и вкусом напоминавшие сухари, а полноценные бифштексы, окаймлённые зеленью и с желтоглазым яйцом сверху. Мы почувствовали себя не затурканными студентами, а белыми людьми, которым жизнь улыбается ласково и покровительственно.

Именно тогда в нашу комнату номер восемь зачастили налитая, крепкая как октябрьский кочан капусты Лида Хиоро и носатенькая Бэлла Ицекзон. Они приносили пироги собственной выпечки с лоснящимися сверху корочками или посыпанный сахарной пудрой «хворост», который готовится в кипящем масле. Заходила и Рая Лабковская. В отличие от Лиды и Бэллы, она, как и мы, жила в общежитии и блеснуть кулинарным искусством не могла. Рая смотрела на пофигиста и гимнаста Витьку Кувшинова так, что ребята давно поняли: ничего им не обломится. А уж её кадру, за отношения с которым Раю в своё время отчитывала Валентина Григорьевна, тем более.

Почему девчонки так прониклись к нам, до сих пор по-настоящему не понимаю. Женским чутьём догадывались, что техникумовские годы станут и для них самыми памятными и что скоро жизнь разбросает нас навсегда? Что семьи, которыми они обзаведутся, будут им дороги, но сердца всё равно заноят, когда в семейных альбомах наши бывшие однокурсницы станут наткаться на выпускную фотографию группы обработчиков? И это тоже, как у нас, вызовет печаль об ушедшем молодом времени?..

Где вы теперь, наши девчонки? Где Витя Еденюк, Коля Агапий, Славка Кусов, другие ребята? Живы ли? Ведь мы давно уже немолоды, мы едем с базара. Но я помню и люблю вас, ребята.

Появлялся в нашей комнате и Рома Сербенюк. Его тянуло к нам, сельским парням. Городским он был номинально, жил Рома в пригороде, именуемом Малёванкой, больше походившем на

село. У Ромы была удивительная мама, она сама предложила нам встречать праздники в их доме, готовила стол, на который мы дружно «скидывались». Меня почему-то звала паном, возможно, из-за польской фамилии. Она не делала тайны из того, что Ромин отец прошёл лагеря и оттого рано умер. Посадили его после присоединения Буковины к Советскому Союзу. Якобы за то, что был членом подпольной организации, хотя и сочувствующей СССР.

Это было странно и в моём сознании не укладывалось. Ведь свой, за что в лагерь?! Я верил и не верил Роминой маме. Большинство молодёжи считало, что нам повезло: мы живём в лучшей стране мира, а отдельные недостатки это временное. Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Партия твердо обещала. Об этом твердили по радио, писали газеты.

Но Рому всё это, похоже, мало интересовало. Последнее время он ходил смурной, на себя не похожий. И в техникуме, и тогда, когда заглядывал в нашу восьмую комнату. Он и раньше особой жизнерадостностью не отличался, а теперь и вовсе выглядел подавленным. Рома особенно стал похож на цыгана, застойная тоска стлыла в его чёрных глазах. На все наши расспросы коротко отвечал: «Всё нормально, пацаны». И долго у нас не задерживался.

Чувствовалось, человек не находит себе места, что-то его томит и мучает. Помочь ему мы не могли – как это сделаешь, если он молчит?.. О Роминых непростых отношениях с малёванской соседкой Орысей нам тогда ничего известно не было.

Во время производственной практики мы позволяли себе то, о чём раньше могли только мечтать. О модных костюмах, пошитых в ателье, я уже говорил. Но были ещё другие, прежде нам недоступные, радости жизни. Например, дни рождения в ресторане. Конечно, мы не гусарствовали, но всё было вполне прилично. На пять рублей с носа тогда это можно было сделать. И мы оказались бы последними жлобами, если бы не приглашали на такие дни рождения своих однокурсниц, так изменившихся к нам. Единственное неудобство состояло в том, что приходилось прятать руки. На белых ресторанных скатертях они бросались в глаза. На заводе мы часто имели дело с чугуном, мельчайшая стружка которого больше напоминала пыль и надолго въедалась

в руки, особенно в ладони. И почему-то пахла парфюмерией.

Потом была преддипломная практика в городе Хмельницкий, раньше именуемый Проскуровым, о котором писал в «Поединке» Куприн. Белый медленный дым струился над кучами палых листьев в осенних скверах; местный машиностроительный завод, выпускавший редукторы, один из которых стал темой моего дипломного проекта; почти игрушечный чехословацкий самолёт на четыре пассажира, на нём мы после практики возвращались в наш город. И модная песенка (сейчас бы сказали: шлягер), которая начиналась словами «По переулкам бродит лето, солнце льётся прямо с крыш...». Песенка эта задела в памяти, стала обрамлением преддипломной практики, хотя были уже не лето, а осень, сентябрь с октябрём...

Озадачил Рома. Потолкавшись несколько дней на заводе, он уехал домой, ничего нам не сказав. Это потом мы узнаем, что причиной была любовь. Без своей Орыси он не мог. Мы Рому отказывались понимать. Любовь любовью, но где он возьмёт для дипломного проекта материал? Да и отзыв, что прошёл преддипломную практику, ему, как и всем нам, нужно было представить в техникум. Дело серьёзное, это не пару прогулять. В общем, мы недоумевали.

И, можно сказать, изумились, когда не увидели Рому в просторном кабинете черчения, который нам, дипломантам (звучит!), выделили для работы. Валентина Григорьевна, заглянув как-то и оббежав нас взглядом, спросила:

– А что с Сербенюком? Болеет? Почему не занимается дипломным проектом?..

Валентина Григорьевна по-прежнему интересовалась нашей группой, хотя куратором уже не была. Она выводила в передовики новую техникумовскую группу, «букварей». При встрече с ней я здоровался, хотя и сдержанно. Выглядеть жлобом при всём моём отношении всё же не хотелось.

– Так что с Сербенюком? К нему кто-нибудь ходил, узнавал?

К Роме мы ходили, я в том числе. Окраина есть окраина. Заборы, разбитый асфальт, едва присыпанный первым снежком, трещат под ногами подёрнутые непрочным льдом лужи... Дома Ромы не оказалось, мать послала за ним сестру, такую же смуглую и курчавую, как он. Судя по всему, она знала, где может быть брат. Не сразу,

но Рома появился, и по лицу было видно, насколько неинтересны ему и мы, и всё, что можем сказать. Рома жил своей потаённой, нам непонятной жизнью.

На наши слова, что, не защитив диплом, он теряет четыре года, что напрасными окажутся и сопромат, и теоретическая механика, и высшая математика, и кропотливое машиностроительное черчение, Рома улыбался со снисходительным видом, будто знал что-то, нам недоступное.

– Сам подумай, осталось защитить дипломный проект – и всё!.. – убеждали мы. – Смотайся в Хмельницкий, скажи, мать тяжело болела, тебя срочно вызвали. Ну, поставишь бутылку руководителю практики, он мужик нормальный. Поможет по-быстрому материал собрать, отзыв напишет...

Рома хмыкнул:

– Я и без диплома проживу. Армию отслужу и пойду станочником на завод. Всё нормально, пацаны.

– Ты подумай!

– А чего думать. Я всё решил.

Было ещё несколько походов на Малёванку. Рому нам так и не удалось уговорить. А шёл уже декабрь, до защиты дипломов оставалось две недели. Мы смирились. Ну, не хочет человек!.. Да и нереально за две недели сделать расчёты, начертить общий вид редуктора, детализовку, схему поточной линии, написать пояснительную записку страниц на пятьдесят... В конце концов Рома взрослый человек, это его жизнь, ему решать.

Мы так и сказали Валентине Григорьевне, когда она в очередной раз заглянула в чертёжный кабинет и спросила о Сербенюке. Валентина Григорьевна поджала губы и записала Ромин адрес. Я про себя усмехнулся: сейчас-то чего она суетится? Какая ей корысть? Пусть выводит в передовики букварей, укрепляет свой авторитет лучшего куратора. Наша группа – отработанный материал...

Что Валентина Григорьевна говорила Роме, какие приводила доводы, мы не узнали. А Рома отмалчивался, когда через несколько дней всё-таки появился в кабинете черчения. Оказалось, успел съездить в Хмельницкий и привезти всё нужное для работы над дипломом – поступил так, как мы ему безуспешно втолковывали. Однако сделать расчёты и три, а то и четыре ватмана чертежей он всё равно не успевал.

Но у него были друзья. Всею комнатой номер восемь мы навалились на Ромин дипломный проект, отставив на время свои. Хотя и досадно было знать, что Валентину Григорьевну он послушался, а нас нет. Мы помогли сделать расчёты, начертить и общий вид редуктора, и деталировку. А пояснительную записку Рома написал сам – почерк должен быть его. В техникуме за этим следили.

За несколько дней до нового, тысяча девятьсот шестьдесят шестого года наша группа обработки металлов успешно защитилась. В том числе и Рома Сербенюк. Неприкасаемых мы не вздули – как-то не до того было. Для большинства ребят наступала новая жизнь: нам принесли повестки. В начале января почти всю группу призывали в армию. Время было не призывное, не осень, но, видимо, план городским военкоматом выполнен не был, и потому вышло так.

Провожали нас с площади у клуба железнодорожников – «железки», в которую мы ходили на танцы. Провожающих было много. Из райцентра приехали мои родители, мама стояла у окна автобуса, снизу смотрела на меня, подбородок её дрожал. Слез я не любил, мама проводила под глазами рукой, показывала ладонь, мол, сухая, не плачу.

– Где твоя Орыся? – повернул я голову к Роме. Как и в техникумовских аудиториях, сидели мы в автобусе рядом. – Покажи, а то я только слышал, а ни разу её не видел.

– У меня с ней всё. Завязал, – не сразу ответил Рома. – Сказал, чтобы не приходила.

– То есть? – удивился я. – Сумасшедшая любовь, чуть без диплома не остался – и пожалуйста!..

– Горячая слишком. Сказала, без хера уже не может.

– Может, заводила тебя?

– Нет. Я её знаю.

Застучал двигатель автобуса, ЛАЗ стал медленно выбираться из толпы. Я приник к окну, смотрел на родителей, мама, не таясь, плакала, отец прощально поднял руку. Я с облегчением вздохнул. Не люблю прощаний и слёз.

– Не понимаю я тебя, чувак! – с досадой сказал я. – Разве плохо, если кадр горячая? Лучше, когда лежит бревном?

Проплывали за окнами неповоротливого ЛАЗа улицы, которых мы три года не увидим. Мелькнула милицейская будка у спуска на улицу Ленина. Рома молчал.

– Она меня из армии не дожждётся. Трахаться будет, – наконец выдал он. – Чего я буду переживать, мучиться? Лучше сразу завязать.

– Откуда знаешь, что не дожждётся?

– Знаю! – отрезал Рома и зло взглянул на меня. Я замолчал. В самом деле, с какой стати лезу в чужие дела? Здесь Роме решать, он лучше свою Орысю знает.

Автобус осторожно спускался по крутой улице Ленина. По бокам проплывали дома старинной кладки. На тротуарах лежал натоптанный снег. Ещё бы, начало января. Прощайте, Черновцы!..

Положительная сторона армейской службы в том, что есть время думать. Особенно в караулах. Уставы пустоту в душе заполнить не могут, в какой-то мере её заполняли письма от ребят и родителей, но не всю. С Ромой я тоже переписывался, но об Орысе в его письмах не было ни слова. Я не спрашивал.

Ходишь по периметру поста, на плечо давит ремень АКМ, пояс оттягивает подсумок с двумя рожками, туго набитыми патронами. Не отпускают мысли о гражданке, о комнате номер восемь, о нашей группе обработчиков, о родителях, с которыми толком не попрощался, придурак. Я пытался разобраться в своей двадцатилетней жизни и во многом другом. В отношении к Валентине Григорьевне в том числе. Армейская повседневность на многое заставляла взглянуть иначе – трезвее, без молодой фанаберии.

Валентина Григорьевна мне не нравилась, основания для этого были. Но вот ведь парадокс. Даже небезупречными своими поступками она многим помогла. Не говорю уж о случае с Ромой Сербенюком. Благодаря ей он и окончил техникум. Наша помощь, которой мы в душе гордились, не понадобилась бы, если б не Валентина Григорьевна. Взрослая жизнь в самом деле сложна и неоднозначна, как ни избито это звучит. Она не арифметика – она алгебра. И всё же, всё же...

Прийти к однозначному выводу я так и не смог. Головой всё понимал, сердцем – нет. Может, потому ни разу и не написал нашему бывшему куратору из армии – боялся быть неискренним, сфальшивить.

Только однажды поздравил открыткой с Восемьюм марта.

**Владимир Михайлович
Костин**
г. Томск

Родился в 1955 году, в Абакане (Хакасская автономная область). Российский писатель, прозаик, журналист, педагог. Кандидат филологических наук.

Окончил филологический факультет Томского государственного университета, кандидат филологических наук. Жизнь Владимира Костина всегда была связана с творчеством, с текстом и словом. Работал на телевидении и в газете – честь и совесть томской журналистики. Опытный филолог, талантливый учёный, он долгое время преподавал в родном Томском университете. Когда Костин читал свои лекции, студенты и преподаватели, которые приходили в качестве слушателей, были вынуждены стоять: в аудитории не хватало места для всех желающих. Правда, сейчас писатель навсегда попрощался с преподавательской деятельностью, но продолжает считать этот период своей жизни одним из ключевых. Почти тридцать лет назад вышла его первая книга «Небо голубое, сложенное вдвое». Его пьесу «От равнины до равнины, через три реки» ставили в Томском театре драмы.

За свою жизнь Костин был главным редактором журнала «Начало века», редактором литературно-художественного альманаха, председателем Томского отделения Союза российских писателей, был членом Общественной палаты Томской области, но прежде всего он – писатель. В книгах и только в них видит он смысл своего существования: «Где, в чём найти творческую дистанцию, найти точку опоры как раз для того, чтобы твой разговор с самой жизнью не прерывался? Нет книг – нет и жизни в писателе...».

Финалист и обладатель приза читательских симпатий литературной премии Большая книга (2008), лауреат Шукшинской литературной премии (2018). Член Союза российских писателей, лауреат Международной Литературной премии Саши Чёрного.

Переправа

повесть

Если тебя сзади похлопали по левому плечу, обязательно оглядывайся через правое плечо.

Из пародии на «Моральный кодекс строителя коммунизма» (1963 г.)

*Человек начинается с горя.
Алексей Эйсер*

1.

Эта новость распространилась быстро и на несколько дней превратилась в самую обсуждаемую среди обитателей небольшого города. В нашем «барском» дворе её источником была скамейка, на которую надолго и охотно присели две осведомлённые старушки из квартир номер двенадцать и тринадцать. Слушателей хватало, и речи образованных бабушек обрастали новыми деталями и артистизмом.

Герой Советского Союза Иван Иванович, проживавший в квартире номер двадцать девять, опустился, не вписавшись в новую мирную жизнь, одушевлённую покорением космоса, возведением Братской и других ГЭС и робкой (не сглазить бы), но упорной верой в наступление коммунизма через тринадцать лет.

Наши ночные в 1963 году очереди всеми семьями в булочную, где давали в одни руки одну буханку «Забайкальского» хлеба, виделись досадным недоразумением, чем-то напоподобие болезни роста. (Кстати, как выяснилось, в хлебе отсутствовали и пшеница, и рожь.) Работала же как ни в чём не бывало по соседству «Кулинария», любимая детьми.

Неблагодарные, заигравшись на её задах в футбол, они время от времени разбивали в ней мячом окна – в ней, где проголодавшиеся мальчишки за гроши покупали пирожки, маковые рулеты или аппетитную жареную печёнку. Но не об этом сейчас слово.

Иван Иванович, уже иссохший вплотную к скелету, много пил и много говорил – лишнего и «неправдоподобного». Он не снимал Золотой Звезды никогда, независимо от формы одежды.

Чаще всего это была всепогодная пятнистая зелёная майка.

Начальник областного КГБ Пётр Иванович натерпелся от него, от его цирка, от его дерзости, по самую макушку. Герою повезло: несталинские наступили времена, «Сталина не было на него». Тогда часто звучала эта фраза, к месту и не к месту; чаще, как ни странно, в устах головоотяпов, разгильдяев и несунув... Беззащитен нынче нарисовался Пётр Иванович.

И вот Герой скончался при отягчающих обстоятельствах. И похоронили его прямо-таки секретно, не посвящая и не привлекая общественность. А родных у него не нашлось.

А наступила, как обычно, бурная ранняя весна. – И он, говорят люди, видели, забрался в парк после его закрытия, ближе к ночи, с парой портвейна, выпил, обыкновенно, без закуски, и лёг там на теннисный стол в зелёном павильоне (помните, где ещё кто-то навалил зимой) – заснул и замёрз. К вечеру-то тепло бы и наплыло, а в ночь крепко приморозило. Под утро нашли его сторожа, Санька и Афонька, – «а» да «б», туда-сюда. Опочил!

– Значит, замёрз, сердечный?

– Замёрз, мученик. Так с войны и не вернулся.

– Что ж теперь... Вечная ему память. Как ни крути – заслужил её.

– Вечная память. Заслужил.

И Павлик (то есть я, на пятьдесят лет младше и совсем другой, несостоявшийся Павлик) искренне жалел вместе со всеми абантурцами непрактичного Ивана Ивановича. Детские ссоры с ним, со взаимными обзываниями – «герой с дырой», – отодвинулись далеко-далеко, спрятавшись за горевшими фашистскими танками.

Первое серьёзное событие в городе в том, полном моментов истины и знамений, году.

2.

Дальше, почти до самого лета, всё шло по накатанной марафонской колее; другое дело, что Павлик и его товарищи, согласно поступи возраста, эту колею для себя познавали впервые.

Они начали курить, как и положено семиклассникам, пробовать на мат свои юные голоса и обсуждать девчонок, старших и младших, говоря, по законам взросления, самые гадкие вещи о тех из них, кто им больше всего нравился.

Ещё говорили о дружбе, учителях – некоторых даже великодушно хвалили; о футболе и, уже с некоторой вальяжной привычкой, о космосе.

Курили они за молодыми тополями на отшибе школьного двора. Тополя зеленели, солнце распускало лучи всё щедрее, недалёкая степь делилась своим дыханием.

Это тебе не зимний, студёный деревянный сортир без перегородок, тесный, битком набитый грубыми старшеклассниками, с их модой вытирать задницу листами из учебных тетрадей.

(Родители были правы, договариваясь и дружно пихая в ранцы 7-го «Б» мятые странички газеты «Правда». А туалетная бумага, по слухам, водилась разве что в обкоме и горкоме. По слухам.)

Курили дешёвые папиросы – «Север», «Прибой». Сигареты без фильтра – от «Шипки» свежее привоза до тугих «Жемчужных», но особо ценили грамотную бийскую «Приму». Первыми сигаретами с фильтром были болгарские, малогабаритные – «Плиска», ими угощались избранные. Почему-то их название считалось неприличным. Изображая бывалых, на больших переменах накуривались до одурения и тошноты. Как положено. Ну не хулахуп же вертеть, как мясные девчонки?

В ликвидации последствий табачного экстаза очень убедительно помогал лихорадочно протыкавший землю под их ногами дикий хрен, великий и ужасный. Возвращаясь к партам, неминуемо наполняли класс жгучим зловонием, тем более что желудки вырабатывали некий вторичный продукт хренового потребления. Увы, мускатный орех не на каждый день. Учителя роптали, но... но...

А так всё прочее выстраивалось по законам природы. Успеваемость мальчиков падала, успеваемость девочек росла. Но молодого их учителя физкультуры начинала волновать вовсе не успеваемость, что констатировали, мудро усмехаясь, ученики. Однако иные нетерпеливые переростки мечтали побывать на его месте, когда он выстраивал симпатичным девочкам правильную осанку при упражнениях на гимнастическом бревне.

Тянулись протяжные дни с их в общем-то надёжной, предсказуемой рутинной. Пока труба не позвала школьников в поход – на юг, к предго-

рьям Саян, туда, где Енисей ещё кипит, полный кислорода, и подпрыгивают рыбы, где правый берег его так живописен и так высок, что нужно задирать голову, чтобы увидеть его кромку.

Учительница истории объявила, что им предстоит экскурсия на строительство Саяно-Шушенской ГЭС. Особое значение, подчеркнула Галина Петровна, имеет тот факт, что оно должно быть завершено в 1980 году. А ведь названный год (какое знаменательное совпадение!) – год Наступления Коммунизма. Когда «от каждого по способностям – каждому по потребностям». «И мы с вами наглядно, вещественно увидим, сколько ещё работы, вдохновенной и тщательной, потребуется для созидания идеального, справедливейшего в истории общественного строя».

Заданная тема активно обсуждалась под табачный дым. «Нам будет по двадцать пять – двадцать шесть лет, – оживлённо тараторили ребята, – мы тут же переженимся, нам дадут квартиры, телевизоры, мы будем ездить на море и есть шашлыки». «И пить хорошее вино, – добавлял кто-то, – бургундское». «И увидим дальние страны», – добавлял кто-то третий.

О, дальние страны! Тогда все, даже законченные хулиганы из избушечных кварталов, читали, мечтая, во множестве и волшебным образом появившиеся книги о героических путешествиях на суше и на море, о знакомстве с народами и ландшафтами, в которых они живут. «О, Килиманджаро!», «О, атолл Пука-Пука!». А космос? Космос значился в ранге «само собой», но волновал, волновал «внуков Марса», грядущих покорителей галактик.

Девятый вал фантастики, советской и зарубежной, наивной и глубокомысленной, обрушился на самую читающую страну в мире с не меньшей силой, чем записки отважных странников. Дети, юноши, взрослые томились в очередях под запись за книгами, написанными Туром Хейердалом или Рэем Брэдбери. Случалось, дрались за них или отбирали дарвинистски у слабых.

Грядущий коммунизм обещал открыть все границы по горизонтали и вертикали. И – неотъемлемо – дарил право жениться, и, может быть, жениться сколько хочешь.

Про «жениться» Галина Петровна, конечно, не вымолвила ни словечка, опустив и прочие обаятельные подробности. Но им, и Павлику тоже, показалось, что она, наверное, очень умеренно верит в светлое будущее (или вообще не верит?), чужда его романтики, коль вещает без красот, устало и суконным, постным языком.

Они побывали на ГЭС и таращились на неё добрый час. Они убедились, что завершение работ не за горами, что вот, вот-вот и вот – и готово. Такое им празднично сообщал безусый комсорг стройки. На нём синели иноземные джинсы и вишневели туфли с округленными носами! Это смотрелось каким-то обещанием: скоро все так будем!

Правда, данные мажорные впечатления осложнялись одной закавыкой, сучком зловещего искривления. В наши края в этот год явились с Дальнего Востока энцефалитные клещи в невероятном количестве. Как саранча. Очень опасные, их укусы превращали людей в скрученных инвалидов с перекошенными лицами. Клещи дожидались своих доноров повсюду: строго запрещалось сходить с асфальтовых дорожек, детей осматривали чуть ли не через час. При этом неотвратимо отбирались сигареты. А у Кости Шумова, сложившегося хулигана и вора, отняли бутылку «Терека», обнаружив её в просторном самодельном внутреннем кармане куртки. Одноклассники сдержанно, с опаской, чтоб не взбесился, поддевали его по этому поводу.

Сообщалось, что эти мерзкие клещи – продукт трудов японских бактериологических лабораторий. Посылка из прошлого, эхо войны.

С коммунизмом мы так и не встретились, и желание встречи в нас растворилось, зато клещевая рать оккупировала Россию до её западных границ – и сегодня, как свидетельствуют учёные, больше всего их в заповедной Карелии. В Потомской губернии, куда судьба на всю оставшуюся жизнь занесёт Павлика (там он превратится в меня, беспорточного), их тоже хватает с избытком.

3.

А Павлик, повзрослев для поисков человека, «с которого можно жизнь делать», мечтал о встрече с героем своего времени. Отчаянный, бытовой и колючий Иван Иванович его не устраивал.

И в принципе, по общечеловеческому обыкновению, то есть по близорукости и нарывам зависти, рядом с нами, по соседству в магазинных очередях героев и гениев быть не может. Должны наличествовать дистанция и весомая доля таинственности в судьбе. Начиная с происхождения. Отсюда в студенческих общежитиях появлялись соседи, предками которых оказыва-

лись французские графы или, на худой конец, польские шляхтичи. Потом, Павлик всё-таки рос в интеллигентной семье первого поколения, с подчёркнутыми, прямолинейными амбициями в поведении, с претензиями на умную и по необходимости образную речь.

(У родителей, впрочем, амбиции разнились – до того, что они развелись шесть лет назад. Мама, измученный заботами завуч школы и преподаватель литературы, читала, укладываясь спать, – и вскоре засыпала как убитая, прикрыв глаза раскрытой книжкой. Прекрасные, изящные книжки тогда начали выпускать. Отец переселился в отдельную однокомнатную квартиру в хрущёвке рядом с рынком. Ему, как чтимому всей областью лектору общества «Знание», городская власть выделила жильё почти немедленно. Пренебрегая высокой словесностью, он читал советские детективы. Под ним, на первом этаже, располагался магазин «Дары природы», его лукавый директор-царедворец восхищался отцом и его манерами, и поэтому отец иногда лакомился зайчатиной, куропатками и белорыбицей, чей вкус был чужд провинциальным обывателям.)

Домашнюю же библиотеку родители имели отборную – тогда, до Брежнева, выбиравание-собиравание книг было счастливым занятием. И родители знали, что покупали, и хвала им.

Поначалу героями Павлика числились Тиль Уленшпигель и Шурочка Азарова, она же Лариса Голубкина. Но Тиль потихоньку возвратился в свою мятежную Голландию, а Лариса Голубкина пропадала где-то в Москве; и «Гусарскую балладу» не показывали.

Однажды, в лютый февральский мороз, имелся шанс познакомиться – на расстоянии, конечно, – с первым человеком страны, пророком счастливой жизни Никитой Сергеевичем Хрущевым. Вождь побывал в Братске и пообещал (сдержав посул) обеспечить молодых и задорных строителей коммунизма утюгами. Они ходили в мятой одежде не один год, расстраиваясь от вынужденной её мятости. А затем, через Красноярск, Никита Сергеевич собирался навестить и Абантуру в целях подъёма творческого духа трудящихся Хонгории.

Целый день, от сумерек до сумерек, на Первомайской площади перед обкомом выстаивала, стуча зубами и каблуками, несметная народная толпа. Примороженные на славу, люди повторяли хорошие и, надо же, плохие слова в адрес Кукрузника. Да, плохие слова и анекдоты.

Их слышал Павлик. Он узнал, что при Сталине за это сажали. Так говорил его сосед по выстойке, одёргивая храбрецов. Все неистово лузгали семечки, согреваясь динамикой челюстей.

А Никита Сергеевич не прилетел, видно, соскучился по Москве, и объявили о его неявке на закате. Толпа взвыла, захрипела, частично хуля его. И разбежалась за три минуты.

Вскоре Павлик присмотрелся к директору музея, что временно существовал в школьном дворе, рядом с их полевой курилкой на южной окраине. Не сложилось сразу – археолог Ричард Николаевич Думский был слишком суров, отрывист, ходил в галифе, курил вонючую трубку и топорщился массивными усами. Он неприкрыто хотел походить на Сталина, от причёски до обуви. Портрет отца всех народов висел у него в кабинете, фронтально ко входу и входящим. Павлик его убоился, остерегся.

(Для справки. Другой – и больше ни у кого в городе не было – портрет Сталина хранил директор ипподрома хонгор Султреков. Видимо, в память убитой, выкошенной в 37–38 годах хонгорской интеллигенции. Как на подбор, умные, работающие и бескорыстные выросли люди. Их окрестили тюркскими националистами, выполнявшими заказ фашистской Японии.)

Ладно. Увлечённый футболом, Павлик, снижая планку, пытался возлюбить местных звёздных солистов. Ведь других, рангом повыше, он знал только заочно, по газетам «Футбол» и «Советский спорт».

И опять незадача.

Знаменитый бомбардир Зубило (он же Иванов) был застигнут Павликом у пивного ларька на стадионе – расхристанным и нецензурно бранящимся, он в тот вечер не выходил на поле.

Другой кумир, непроходимый защитник «Труда» Дёма (Дёмин) встретился Павлику на улице: на ногах тапочки, ширинка растёгнута, и терпимо ещё, что под ней виднелись серые, как будни, трусы.

И бог бы с ним – живём небогато и сердито. Но так совпало, что тогда в Абантуру нанесла визит дружбы команда «Заполярик» из Норильска. (Скоро выяснилось, что её вышкололили когда-то высланные из Москвы прославленные футболисты братья Старостины. Они вернулись домой – традиция осталась.) И рухнуло тотчас всякое доверие сынов Абантуры к своим футболистам. На своём поле, при переполненных трибунах они продули голубо-льдяным гостям с

позорным счётом 0:6. «На мыло!» – кричали не судье, а Зубиле, Дёме и прочим.

Через неделю на местное дерби «Труд» – «Строитель» не пришёл никто.

У Павлика была возможность переключиться на людей искусства. Они сами появились на экране соседского телевизора. В Абантуру, по разнарядке, конечно, а не по доброй воле, десантно прибыл вокальный квартет «Аккорд», известный стране по радиоконцертам и даже «Голубому огоньку». Вполне обаятельные, стройные и усталые, как лошади при шахте. Ясно, что гастроли по здешнему бездорожью – не сахар. Они исполнили с десятка песен вживую под частично повреждённую магнитофонную запись аккомпанемента. Очень пришлась по душе соседям, их непрошеным гостям и Павлику японская песня с припевом «Сукэ! Сукэ!» («любимая» в переводе, однако).

Концерт закончился, мама отправила вдохновлённого Павлика за молоком в гастроном – и что же он там лицезрел?

Телестудия и дом Павлика, наш Дом, находились на равном расстоянии от магазина. Поэтому Павлик зашёл в гастроном вслед за квартетом «Аккорд» в полном его составе. Обе солистки стояли и не стыдились взглядов и яркого света, держа в руках по бутылке «Московской», а их коллеги-мужчины поставленными голосами обсуждали, сколько им купить сушёно-солёной семикопеечной кильки – полкило или, мало ли что, полное кило?

Купили кило, и Павлик провожал их испепеляющим взглядом. Они прошли двадцать шагов на восток, до входа в гостиницу «Абантура», куда и ввалились с шумом.

...Мама сказала:

– Удивил! Да они чо́хом пьяницы! Они и поют пьяные!

А «вторая мама», тетя Аня, добавила:

– И развратные, блудни! Язви их!

И добил надолго ребячью мечтательность Герман из первого подъезда, молодой подтянутый человек, вернувшийся со срочной службы в Группе советских войск в Германии. Собирался он на Братскую ГЭС. Идеальный, кандидат в члены КПСС.

Он повёл мальчика в «Орлёнок», напоил его, за отсутствием взрослой компании, «Шахтёрским» пивом и, охмелясь, в хорошем настроении, вывалил на него кучу неприличных анекдотов. Они начинались одинаково. Или: «Одна бабёнка решила...», или: «Один шустрый кобель

нацелился...». Анекдоты необычные, без юмора, дурного-предурного пошиба. Неужели немецкие, гэдээровские? А Павлик-Пауль собирался ехать за Германом следом, на ГЭС, приготовился ему во всём подражать. Повезло, что мама задержалась в школе и не застала Павлика в хмельном безобразии.

Но пришло спасение для души, вернув свою цену попыткам Павлика воспарить над глобусом. Маленький их столичный город проездом посетили не кто-нибудь, а великие путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд. Они объездили всю планету и написали вереницу увлекательных книг: «Африка грёз и действительности», «Меж двух океанов», «Охотники за черепами» и так далее, зачитанных советской молодежью до рассыпания на странички. Они возвращались домой через Владивосток (об СССР они книгу не написали, не вдохновились).

На телестудии выступал один Ганзелка, Зикмунд приболел. Когда Ганзелка отработал своё, давши интервью здешнему писателю по фамилии Загайло, и вышел на вечернюю майскую улицу, его атаковали поклонники – школьники и студенты. Некоторые девушки и юноши обнимали его и целовали, а он никого не оставил без автографа и пары добрых слов. По-русски он говорил безупречно. В том числе он расписался и в книге «Меж двух океанов», принадлежащей Павлику. Спасибо соседу Сашке – Павлика мама не отпустила. А автографа Зикмунда не досталось, понятно, никому. «А как было бы здорово его отхватить и утереть нос всем прочим!».

На удачу, выдающихся чехов поселили в новенькой гостинице «Хонгория», классом выше «Абантуры». И находилась она в двух кварталах от Дома, и дежурной по этажу была соседка (квартира номер 21) тётя Валя, решительная, раскованная и крупная, как медведица, женщина.

Рано утром, под зябким ветром странствий, она повела Павлика в «Хонгорию». Ганзелка и Зикмунд находились в гостевой комнате на втором этаже, где их величали местные писатели во главе с секретарём обкома Чехоминым. В восемь утра на столе стояли неисчислимы бутылки скверного вина без этикеток и блюдечки с копчёностями. Зикмунд выглядел неважно – кажется, причина выяснилась. Ганзелка бодрился, но в глазах его поплавок густилась обречённость. Тётя Валя выставила Павлика перед собой. Павлик вытянул руку с книгой.

– Распишись вот здесь, – сказала тётя Валя Зикмунду, – он Павлик.

Зикмунд улыбнулся и расписался: «Павелку от...»

– А я не нужен? – спросил Ганзелка.

– А ты, милый, уже расписался, – сказала тётя Валя, – отдыхай.

Зикмунд захохотал, как дитя, снял с пиджака значок «Татра» (название их славной машины) – и наколол его на рубашку Павлика! Так тот вошёл в историю и побратался с земным шаром.

...Во дворе Павлик гляделся аристократом. Расспросам не было конца, значок перещупали и примерили все, даже бабушка и хонгорский соловей, певец Танзыбеков.

А к вечеру – Павлик не уходил домой, не обедал, а пописал за качелями, – а к вечеру значок исчез. Кто-то ловкий его «скоммуниздил» (новое словечко), снял, как мог бы сотворить человек-невидимка. Чёрт его знает, бесстыжего. Павлик не спал всю ночь. Но в душе его сохранился хрустальный след: он взлетал.

Но тем горше в итоге: сказка оказалась мимолётной, взлетел и упал с высоты с риском расплющиться.

Он был тогда невеличка, худоба, хоть и хорошенький. Застенчивый, со сверстниками он общался скованно, боязливо, отчуждённый от них и тем, что жил в «барском» доме и горделивой семье. С тех пор и надолго, до сего года, в поисках героев и неведомых красот он углубился в чтение, переходя на взрослые, нередко опасные для него книги, читал днём, читал на скамейке, читал ночью, прячась от мамы с фонариком под одеялом. Сейчас он протискивался в лабиринты «Игры в бисер» Гессе, не понимая, в сущности, ничего, но уважал себя за старание, за попытку высшего пилотажа. Он надеялся покорять вершины. Но шерпа Тенцинга рядом с ним не находилось. И подумает.

Но его нового героя звали не Евгений Онегин – им стал другой, живой человек, на нужный срок Онегина оттеснивший. Павлик искал живого, сегодня и здесь.

4.

Ещё один человек, именно я, бывший Павлик, вошёл, «возогнался» в возраст, когда, как в детстве, начинаешь жить одним днём. Но замечательно, что никакому ребёнку не дано так законченно

и так благородно восхищаться снегопадами и ливнями, солнцем и луной, акварелями и гравюрами природы, радугами и печалью ненастья, как человеку в годах, не сгнившему в мелочной мороче дней. Чего стоят одни только приключения берёзы под моим окном, оплота чудесных синичек, которую я посадил тридцать три года назад.

Но грустно, что теперь слишком ранние и слишком поздние телефонные и дверные звонки заранее, до «слушаю» и «кто там», вызывают тревогу, намекают об очередной потере. В моей истлевающей записной книжке кресты напротив номеров уже преобладают, но я не хочу её менять на свежую – она моё личное кладбище, а к кладбищу нужно относиться с уважением.

Со временем, поскольку круг живых собеседников сузился до того, что каждую их фамилию хочется обвести киноварью, ловишь себя при звонке: ты невольно предсказываешь, кто ушёл, неужели...

И в невнятном, беспокойном предутреннем озноблении, под вой ветра и дробь дождя, звонки начинают сниться. Ты пробуждаешься вмиг – и звонки не повторяются. Их не было. Мой старый друг А. П. утешает меня: это вид условного рефлекса. На самом деле, в соответствии с сединами, тебе сообщается: пора. Пора, а ты глуховат, а внутренне – неотзывчив.

А призрачные звонки, включая, кстати, сегодняшней, продолжают.

Наше время не похоже ни на какие другие времена, и не по-хорошему не похоже. И я думаю, день за днём, что люди, настоящие мастера, гуманисты, личности, уходят, огорчённые тем, что им не дали – им не удалось оставить на белом свете замены, достойных наследников. Укоризненно смотрят они с небес на безобразия масскульты и интернета (убедительно-гадко восполнивших отсутствие НКВД) и прочих факторов насилия над этикой, эстетикой человека, на наш пошлый мир в вихрях центробежных сил. Мир маргиналов, возвращённых на электронике, на суррогатах настоящего, наконец-то берёт реванш у всех, кто памятливы, трудолюбивы, умён, честен и способен творить.

Ныне изгнаны из лексикона – буквально – такие слова, как «пошлость», «вкус», «красота», «честь», «достоинство», «целомудрие», «дружба», «солидарность», «тонкость», «добро». Вышли из обихода сотни слов! И «любовь». Это слово поменяло свое значение... Люди лишаются необходимой личной тайны едва ли не с пелёнок

и становятся жертвами всемирного племени закомплексованных «психологов» – в массе своей безграмотных каннибалов.

Я не боюсь смерти (может быть, пока не боюсь), но вот это тотальное оскудение человека, состоящего из вещей, половых органов и тщеславия хама из толпы, человека потребляющего, предсказанного ещё век назад (Шпенглер, Г. Ландау, Хейзинга, Замятин, Ортега-и-Гассет, Музиль...), говорит мне о том, что человек сегодня, в его новейших двух поколениях, уже и не вполне человек, он и не ставит перед собой достойных человека целей. Среди нас, расталкивая, повсеместно завелись персонажи, заслуживающие звания мутантов и манкуртов. Они успели захватить позиции и в США, и в Грузии, и на Украине. Причём одни, «элитарные», мутанты обрекают других, «массовых», на заклятие.

«Прервалась связь времен»? Навсегда?

И снова почудился звонок в дверь. Когда я её с непонятной надеждой открыл, то увидел: пожилой гость с раскрытым мокрым зонтом пришёл к соседям. Им его появление пришлось по душе.

Дверь я распахнул слишком резко. Она, заслуженная и уязвимая, обронила на соседский коврик крупную, почти квадратную щепку. Я поднял её, горя, – и вспомнил. Больше полувека назад: весна, четвёртый этаж школы, звонок и наш запёртый на ключ 7-й «Б». Через неделю одноклассник Шумаков признается: он стащил случайно оставленный учителем в скважине ключ, чтобы получить удовольствие второгодника. Ключ он выбросил в мусорный бак, а бак не замедлили планомерно опустошить санитары города.

Дверь открыли силой – образовалась брешь от язычка. Замок вынимать не стали, поленились, а его язычок вбили молотком обратно. За процедурой наблюдала сотня зрителей, школьникам не хватало впечатлений, и они теснились, толкая друг друга и вытягивая шеи.

Завхоз принёс продолговатую пиленую чурочку-плашку и поручил Павлику перекрыть ею дыру, на что вручил Павлику четыре тоненьких гвоздя. Он справился с заданием, и Ефимыч благословил чурочку незабвенной коричневой краской, мундирной для всех школьных дверей по всей стране Советов.

И тут-то и появился в толпе заметный человек лет двадцати пяти, которого и через годы не спутаешь ни с кем. Невысокий, но видный брюнет с ухоженными бакенбардами, в белом

двубортном пиджаке (!), в шляпе, что была один в один с памятным по «Великолепной семерке» стетсоном. Но он подавал себя так, что никому, похоже, не приходило в голову назвать его пижоном. Естественный, сам по себе, без глаз на затылке.

Он высмотрел в замолчавшей толпе десятиклассницу Татьяну, и все услышали его спокойный баритон. Он сказал:

– Татьяна, я где-то обронил ключ, дай, пожалуйста, мне свой. Мать уехала в Мирусинск.

Логично, что публика по свежим следам развеселилась.

Ключ девушка-выпускница выдала. (Она была его двоюродной сестрой, жила в его семье и после выпускных вернулась в свою деревню.)

Он было отправился на выход, но разглядел в этом кагале Павлика и поманил к себе. Сказал, очень доброжелательно:

– А я тебя знаю. Мне тебя показывали в твоём дворе. Считают, что ты любого обдерёшь в настольный теннис. Мы сейчас в «Орлёнке» перешли на игру в парах. Желающих до... (запнулся) полно, в общем. Будешь напарником? Поверь, я тоже кое-что умею. Мы этим... (запнулся) ребятам покажем. Из Черногорки будут приезжать, из Мирусинска – покажем! Ну как, придёшь в воскресенье?

– Легко, да, конечно, – радостно ответил Павлик, – покажем!

Он был просто очарован – не одной романтической наружностью особого человека, не только тем, что его ценит и приглашает взрослый человек, но и тем, что этот человек говорил отточенно, тактично, изысканно, как не говорили в школе и на улице. Павлик трепетал и казался себе выше ростом.

Знакомый незнакомец пожал ему руку и ушёл мимо почтительно расступающихся школьников, и школьники смотрели на Павлика с уважением. Кто-то щедро свистнул.

На ватных ногах Павлик отправился в класс. Его нагнал Серёжа Галанин, его дружок. Осведомлённый в городских текущих подробностях. Городской, так сказать, хроникёр.

– Это Анатолий, – сообщил он, – авторитетный чувак. Вроде экспедитор на пивзаводе, а шепчут: тёмной ночью промышляет насчёт магазинов и прочего. Осторожнее с ним.

Серёжка ревновал. Павлик кивнул. Подумавшись, подумал он, и ничего не подумал ещё: он уже ждал воскресенья. И в субботу пришёл в зелёный павильон на разведку.

Лет сорок спустя, в летние каникулы, я зашёл в родную школу. Дежурная учительница впустила меня неохотно, ей пришлось вставать с раскладушки. Я поднялся на четвёртый этаж и мимо расписанных стен – школьники, учителя, птицы, воздушные шары – добрался до своего класса, волнуясь до подтягивания брюк.

Чурочка, от Брежнева до Путина, продолжала существовать, светясь облупленными шляпками своих четырёх гвоздиков!

Тогда я, впервые после того лета, богатого солнцем и ливнями, вспомнил Анатолия – не зная, жив ли он или нет. А я и фамилии-то его не знал. Нужды не было, а прозвище знал: Ковбой.

5.

Городской сад, объявленный после войны городским парком, получал последовательно имена Ленина (массы считали, не годится здесь имя Ильича, ибо сиротский парк), «XXII съезда партии» и, наконец, стал «Орлёнком». Он находился в центре города, окружённый знаковыми зданиями и сооружениями Абантуры. Наискосок от него, через улицу Ленина, метрах в семидесяти, возвышался Дом Павлика, наш, самый красивый в городе, населённый интеллигенцией, русской и хонгорской, артистами театра, инженерами в чинах, заслуженными учителями и ветеранами, чиновниками и меняющимися военными. Здесь прописались и Герой, и начальник областного КГБ, и чатханщик¹ хайджи² Пабызаков. Для соблюдения советских приличий на площадях четырёх или пяти квартир располагались пролетарские семьи, с подселением одиноких в маленькую комнату.

За северо-западным углом парка осела новенькая областная телестудия при уходящей далеко в небо вышке, усеянной пылающими ночью красными звёздочками. В конце года она начнёт принимать Москву. По диагонали от Дома Павлика – метров пятьдесят.

Напротив, на центральной улице Ленина, на расстоянии метров в двадцать пять, находилась гостиница «Абантура», а правее, западнее, гастроном, получивший много позже идиотское название «Скандинав». (Спасибо, что не «Святой Грааль», как вульгарная пивнушка на въезде в соседний Потомску «почтовый ящик» – в 90-е срамные годы.)

Изначально сад, гектара на четыре, возводился на сыром, мокром месте, разливы речек и дожди оставляли здесь объёмистые зацветающие лужи. Самая обширная из них называлась Кривым озером. До войны и во время её господствовали лютые непроглядные комариные тучи. Их с переменным успехом изводили нефтеванием. Гнилые лужи осушали – они возрождались. Наконец лужи и буйные камыши всё-таки докончили, посадили деревья – липы, акации, потом жадные до воды тополя. Победили.

До 41-го года успели окружить сад добротным деревянным забором, у входной арки появилась касса. Протянулись дорожки, раскинулась центральная аллея; ещё – танцплощадка с ленивым необученным оркестром; объятые тьмой, замигали пятнадцать (!) лампочек. Ещё – отличная библиотека-читальня, оазис вежливости и ума.

Аттракционы народные: силомер, качающееся бревно, мыльный столб, на верхушке его находился приз – зонтик, кепка, галоши. Случился и живой индюк, который клевал добравшихся до него в голову. И они, раненые, с руганью съезжали вниз. Ещё – кегельбан. Ещё – ресторанчик, дрянной, в нем отлавливали жуликов, а то и бандюков. Ещё – зелёный театр с самодеятельностью по выходным, здесь важно выпивалось.

И летний кинотеатр без крыши. В нём показали фильм «Большая жизнь»! Город навестил сам Борис Андреев. Хорошо выпивал и закусывал, тепло общался, великий. Наш человек. Спрашивали: а где Алейников, отвечал: на съёмках. «Люблю его».

И скульптуры: красноармеец и танкист. На центральной аллее белый Сталин, выше себя, с ласковой улыбкой на полном лице. Напротив – «Играющие дети». Они толкали огромный шар в небо. Зачем? Никто не понял.

В войну забор растащили на дрова. Сад замолчал. По нему гуляли, угощаясь самогоном, пациенты эвакуированных военных госпиталей. В кинотеатре, пока он не сгорел, показывали патриотические фильмы: «Оборона Царицына», «Котовский», «Сталинград»...

После войны парк ожил и стал очень популярен, густо населён, вернулось общение! Мало-помалу он разбогател. Новый деревянный, но поместительный кинотеатр «Мир». Бильярдная, карусель, садовые арки, телескоп. Стенды с профилями классиков марксизма-ленинизма.

Плакаты-агитки. Лекции-доклады. Кружки для детей. Утренняя физкультура. Городки, волейбол. Шахматы и настольный теннис в зелёных павильонах.

(Год назад Павлик навострился играть в настольный теннис. Во дворе Дома поставили стол – и Павлик неожиданно для самого себя обыгрывал всех подряд с помощью китайской ракетки, отличной реакции и маленького роста. Пока стол не украли тёмной ночью, унеся неведомо куда, в какое-то закрытое место.)

И новые скульптуры – «Девушка с веслом», «Женщина с мальчиком», бюсты Орджоникидзе, Чкалова, Щетинкина. И вокруг – клумбы, вазоны с цветами, надёжно охраняемые нетрезвыми сторожами.

Снова приезжал Борис Андреев и сфотографировался на фоне «Девушки», восхищённо простирая к ней длань. У него был хороший вкус!

Парк обновлялся во всё хрущёвское правление: новые качели, карусель «Орбита», «Лошадки», «Комната смеха» для отборных сограждан и парашютная вышка. Павлик попытался прыгнуть с неё – и завис, за малым весом. Публика глумилась над ним, и он не сдюжил – прослезился.

Но при Брежневе парк заметно опустел, то ли народ стал разборчивее, то ли пропало в нём ярмарочное чувство. Дети, конечно, штурмовали карусели по воскресеньям, но в будни, особенно летом, жизнь давала о себе знать лишь в павильонах для шахматистов (там славились отец Павлика и его соперник, музыкант-педагог Левич) и теннисистов, где проявит себя текущим летом Павлик.

Даже кинотеатр оскудел зрителями. Но когда в нём целую майскую неделю подряд демонстрировали «Великолепную семерку» с полурусским Юлом Бриннером в главной роли, случилось натуральное вавилонское столпотворение.

Больше других фильм восхитил и потряс нового друга Павлика по имени Анатолий. Можно сказать, он голову потерял, посмотрев его шесть раз, и выучил его наизусть.

6.

Полтора годами ранее начальник областного КГБ Петр Иванович Забабурин переехал из нашего дома в отстроенный неподалеку, на улице Колхозной, стекающей к рынку, напротив парка, торцом к нему, обкомовский дом. Дом скромной

провинциальной знати, вполне совестливой, у которой ещё не подросли кичливые и разухабистые детки. Такие дома, охраняемые, с высокими потолками, безукоризненным сантехническим обслуживанием и достойными, но в чём-то и спартанскими интерьерами, были типовыми. Я наткался на их близнецов и в Потомске, и в Самаре, и в Кирове.

В освобождённую квартиру ненадолго поселилась семья военного, подполковника по фамилии Погожий. В семье подрастали две дочери. Младшая, Ольга, совсем дитя, хохотушка, и Надя, годом старше Павлика, – стройная и строгая брюнетка, по-украински красивая – и серьёзная, отличница, чистюля. Взгляд её карих глаз повергал в оторопь и вызывал у объекта чувство стыда за себя и соответствующие воспоминания. А воспоминания о грехах томили душу любого отрока, угрызали совесть.

Утром в субботу, перед набегом в «Орлёнок», Павлик выносил мусорное ведро. Двор гудел – ассенизаторы в три агрегата выкачивали золото из автономных подземных хранилищ. С раннего детства Павлик дружил с ними, как и прочие малыши. Труженики разрешали им нажимать заветную кнопку, превращавшую машину в ревущую перед стартом космическую ракету. Павлик поговорил со старыми знакомыми, услышал, что «говно нынче дружное», но беседу прервали подступившие к нему Кабачок и Вовочка Дангулов.

Вовочка, низенький и пухленький, стремительно старел, у него было лицо сорокалетнего готтентота. У смуглого Кабачка на подбородке вились три волоска, и походил он на баклажан.

– Мы, – перебивая друг друга, общались они, – сейчас насмотрелись на девчонок Погожий. Они там на качелях качаются, а Надя даже на турнике висела. Мы разглядели, у них сарафаны коротенькие: у Надьки зелёные трусики!

Заинтересованный новостью, Павлик глянул налево, в палисадник. Девочки стояли под акациями. Оля болтала и махала руками, а Надя слушала, снисходительно, заложив руки за спину, как его любимая учительница по литературе, Суворочка Ираида Андреевна.

Видимо, они собрались домой. Ага, пошли. Оля ускакала вперёд. Надя не торопилась. Представить её бегущей было невозможно. Оля – речной глассер. Надя – морской фрегат.

Когда Павлик зашёл в подъезд, Надя не спешила восходила над ним на второй этаж. И он не

удержался, машинально (ли?) посмотрел вверх и увидел загорелые ножки и зелёные трусики. Запоздало застыдился: ох; а она на секунду приостановилась, отметив его зоркость. Видно, подумала: «Он нарочно подглядывает?» – и взлетела по ступенькам.

А Павлик остался на месте, глядя теперь в ведро. Поникнув, дожидаясь, когда захлопнется её дверь. И вдруг, во искупление, прошептал себе: «Сегодня на ночь буду читать “Онегина”. А чёртов Гессе пусть сам себя читает».

Он хотел её видеть. Наступившие кстати каникулы помогли ему: он боялся с ней заговорить, но дожидался её выхода в летний двор, болтаясь среди акаций или забравшись на тополь; оставался во дворе, пока она не уйдёт, но стеснялся её сопровождать.

Она делала вид (?), что его не замечает. Но он не мог не верить свято, что она за ним приглядывает, интересуется. Пусть он и маленького роста. Пушкин тоже был маленький, и Лермонтов. И аккуратно принимал, сам того не ведая, байронические позы. Он не осмеливался влюбиться в Надю или не признавался себе в этом, но любился ею и видел её, как водится, во сне.

7.

Суббота разгонялась. Через час, заплатив тридцать копеек, Павлик переступил порог заветного павильона. На подходе, за метры асфальта, сменяющегося глиной, он сообразил: ещё не играют – не слышно было ударов по шарик и воплей – конвоя ударов очень удачных и очень неудачных. Шарик не щёлкал по столу, стенкам и полу. Считаная компания, как выяснилось, завсегдаев, расселась по перилам, скамейкам, кто-то сидел на корточках, кто-то курил, – и громко общалась, безжалостно делясь познаниями в области личной жизни, братва.

– Эге, – сказал один, – клопик пришёл! Неужто обыгрывать нас напыжился? Ишь, ракетка у него – иноземная, казовая.

– Погоди, – сказал другой (сосед Сашка Саржаков, неожиданность), – он вас с прищуром уделяет. У нас во дворе он чемпион.

– Ну-ну, – сказал третий, – побачим.

– Надо подождать, – предупредил Павлика (до июля переименованного в Клопика) Саша, – придёт Виктор – и начнём. У него и сетка своя, и шарики, чтоб не платить.

Столов обнаружилось два, но играли на северном, по суеверию. На южном, как сообщили, сражаться было впадлу. На нём умер Иван Иванович, по данным сторожей парка Александра и Афанасия, забавно смотревших в разные стороны, как двуликий Янус, при рассказе о весенней трагедии.

Павлик обратил внимание на то, что среди подростков, старше его на год-два-три, на скамейке сидит пожилой человек в очках и мятой шляпе, гладко выбритый, с парой зубов во рту, и курит папиросу, медленно, смакуя; докурив, немедля запалил следующую зажигалкой-гильзой. Сидит, молчит, слушает. Слесарь парка Евгений Семёнович. Никак не откликается, не морщится на похабство словес с похабными телодвижениями-картинками. Стало быть, наслушался и насмотрелся за свои годы. Как об стенку горох.

Павлик не мог наглядеться на компанию. Кажется, все разные, но на всех печать уличных, забубённых ребят, знакомых с цинизмом и пластикой взрослых, выпивкой и прочими достоинствами советских людей, которых, хочешь не хочешь, примут в коммунизм. Но в довесок, только по паспорту. Для ровного счёта.

В нашем Доме проживали отёсанные дети, «ребята с нашего двора», их опекали старшие дети, тётушки и бабушки – и няньки, беглые из колхозов; детей нередко водили взводом в кино и на речку. А старшие играли с ними в рыцарей, ратников, гусаров и космонавтов. А на сон грядущий, без самых маленьких, в грибок вместе слушали китайское радио по транзистору: «Дорогие товарищи и друзья! Советские ревизионисты...». Смеялись, нравилось. Передачи из Пекина не глушились: видимо, главные московские чины тоже с удовольствием их слушали.

Здесь открывался новый мир. Лишь бы не побили, не отобрали мелочь или ракетку... Нет, Анатолий заступится. А – интересно, интересно.

Одеты как попало. Но тогда, и много позже, наряды для мужского пола, сколь бы они ни были скромны и нелепы, никого не смущали. И наоборот. Саша Саражаков, например, был одет вполне гармонично, потому что он – сын известного на всю Хонгорию хирурга. И кого это заботило? Он, кстати, не солировал в стихийном концерте, но барагузил со всеми, хлопая себя по коленкам.

Павлик отметил: у каждого из ребят налицо своя присказка, речевой паразит, вроде глиста.

Деревенский паренёк из Таштыпа, Сергей, по кличке Колхозник, в шароварах и душном свите-

ре, приехавший на лето к дяде, пользовался своего рода частицей «на». То есть: «иду, на, в кухню, а там, на, дед точил тяпку, на». Над ним издевались, до унижения, а он являлся в каждые выходные.

Два брата Дубовы, Николай и Всеволод – Хрен и Ховен. Погодки в самодельных жилетках и красных трико. Николай – бесконечные «значить». А Всеволод имел запросы. Напевал: «Много у нас диковин. Каждый из нас – Би-итховен». Трогательно. Подробные, бедовые пацаны.

Рыжий Семён – Рыжик. Жёлтая рубашка, грязные клетчатые брюки, с Согры. Достает из кармана и прячет кастет. Никогда им не пользовался и не будет. Вставлял в свою речь бесконечные «ё-маё». Меланхолик и зануда.

(В недалёком будущем Павлик узнает, что присказки звучали и в исполнении неискренних парковых сторожей. Александр, русский, повторял хонгорское «орта» – «правильно», когда даже было очевидно неправильно. Афанасий, хонгорский орёл, возлюбил польское восклицание «матка боска» – «Матерь Божия». Возможно, потому, что оно ему казалось бранным, по далёкому звуковому сходству.)

Неведомый их лидер Виктор опаздывал. И за час, а то и другой ожидания Павлик ознакомился с набором шедевров устного творчества сего поколения.

1. Пропели, очень небрежно, целомудренно-эротическую песню: «Ты, сорока-белобока, научи меня летать, невысоко-недалеко, прямо к милой на кровать».

2. Ещё одна песня, вскоре перешедшая в бодрую декламацию: про Садко. «Садко, недолго думая, засунул в чемодан / Полдюжины гондонов / И книгу “Мопассан”». Тут и приключения, и слова были куда ядрёней, забористой.

3. Затем последовало целое ожерелье анекдотов про Пушкина и Лермонтова. Вполне в духе их собственных юношеских забав, особенно Лермонтова. Они соревновались, кто убедительнее и «красивше» раскроет драматургию встречи с женщиной. Побеждал Пушкин. «Пускай стрелы Дадоновы в пещеры Соломоновы».

4. Не забыли и про великого полководца А. В. Суворова. Стих, причём белый: «Поссым, сказал Суворов...»

5. Письмо внука деду из пионерского лагеря. «Климат здесь херовый, / Я писал не раз. / Ты бы здесь загнул...» и так далее.

6. И на десерт – пикантная история от Ховена, с брызгами из его рта. «Ереванский луна освеща-

ла небес. Выходил на балкон молодой Аванес...» – а дальше ужас.

Да, обогатился Павлик. Возмужал на пару лет.

После концерта непроницаемый Евгений Семёнович докурил пачку папирос, поднялся, глухо сказал: «Работа ждёт» – и скрылся за липами, погладив ближайшую своей мозолистой рукой.

Саша сказал Павлику на ухо: «Это муж Галины Петровны, исторички. Он в лагере сидел, зэк, за какой-то там саботаж. Двенадцать лет, советскую власть разлюбил, не верит ей. Его папа оперировал, с ним общался, а дядя Женя думал, что умрёт, и язык не придерживал».

Павлик вспомнит его слова позже, а сейчас, возбужденный уколами поэзии, он ёрзал, крутил головой и говорил: «Ну бубенцы, ну бубенцы».

В павильон вошёл Виктор. Лидер, вождь; кличка – Господин Хороший. Самодельный китель, галифе, заправленные в начищенные кирзовые сапоги. Он старше всех, ему под двадцать. Лицо жёсткое. Глаза с косинкой.

– Это кто? – сразу углядев чужого, спросил он.

– Это Клопик, – ответил ему Хрен, – он из дома специалистов. Пришел сыграть, гутарят, здорово лупит.

– А, буржуин, плохиш. По блату отучится, начальником станет, – злым голосом высказался Виктор. – Да, Клопик?

Павлик оробел и тихо ответил:

– Нет, не стану.

Виктор усмехнулся. И спросил у подчиненных:

– Ковбой не обозначился?

– Обозначится завтра, на двойки.

– Вот это нормально. Мешать нам не будет.

И начались бои. Один на один. Народу не прибыло. Суббота всё-таки, рабочий день.

Павлик показал товар лицом. Гонял противников по углам, резал, подкручивал, получая половину очков прямо с низких далёких подач. Вышибал из-за стола без лишних усилий. Последним против него, как Павлик и ожидал, встал Господин Хороший. Он внимательно наблюдал за Клопиком и, похоже было, встревожился. Его одолевал лишь Ковбой, и то не всякий раз. Сейчас ему предстояло серьёзное испытание. Он занервничал.

И проиграл – 7:21, позорнее всех. Матерился по-чёрному, с начала и до конца. И разбил шарик о стенку. Отдышался, глядя на соседей-шахматистов, и сказал:

– Смотри, Клопик, доиграешься, гадёныш.

Прибью, не нравишься ты мне, настырный. Мне надо уступить, понял?

– Но я же бился по-честному, – оправдывался Павлик, – чего ты психовал? Поддаваться мне, что ли?

– Не гневи меня, плохиш! – сказал Виктор и дал ему подзатыльник. Хорошо, что не больно. И выставил за порог негрубо – взял себя в руки. Вслед за соседом вышел один Саша Саражаков.

«Завтра придёт Анатолий Ковбой. Завтра я приду обязательно... А ребята промолчали, опустили котелки. Эх вы, трусы».

8.

В воскресенье жара стояла с самого утра, при полном безветрии. Ни тучки на небе. На город опустилось марево, земля будто покачивалась во все стороны; во дворах, больших и маленьких, взрослые повыносливее поливали клумбы и палисадники, зелень и деревья, при наличии шлангов. Поят дерево – и поливают и себя, вместе со штанами, и особенно – голову.

На улицах, и обычно немногочисленных, ни души. Молчат птицы, квёлые.

Но в павильоне мальчишек – не протолкнуться, и половина из них пришла с самых окраин, успевающая по дороге загореть до арапства и высветлить шевелюры. Играли, конечно, парами, по кубковой системе, и проигравших выбивали на фиг.

Анатолий появился сразу вслед за Павликом. На нём были беломраморные брюки, настоящая тельняшка, обнажавшая его поистине могучие бицепсы, белые сандалии на босу ногу. Часы ходили на золотые. И откуда такая роскошь?!

Здороваясь, он кивал, кивал и кивал; Виктор первым протянул ему руку – пожал, но небрежно, холодно. Зато Павлика приобнял, хлопнул по плечу, вручил ему яблоко и подмигнул.

Виктор же Павлика словно «не замечал» и на его малодушное приветствие не отозвался.

Наступившую на секунду тишину прервал, предваряя предстартовый гвалт, голос из-за угла:

– Что-то сегодня будет, едрёна феня. Кровь прольётся!

И что-то было. Часам к трём добрались до финала две пары: Анатолий – Павлик и Господин – Ховен.

Публика почти единогласно считала, что победят первые. И действительно: Павлик со своими резаными и кручёными ударами являл

необходимое вдохновенное мастерство; Анатолий, в мокрой тельняшке, был надёжен, стоек, умел обмануть противников и деморализовал их короткими фразами-цитатами из песен Эдиты Пьехи и Эдуарда Хиля. Просить его не пользоваться таким оружием никто не осмеливался.

Первая подача досталась Виктору. Когда он, оскалившись и сторбившись, взял в левую руку шарик и... – Анатолий поднял свою правую с ракеткой и сказал:

– Минуточку, чуть не забыл...

Виктор застыл и изобразил негодование. Анатолий, широко, по-голливудски улыбаясь, продолжил:

– Слушайте сюда. Завтра, кто хочет-может, приходите в «Мир» в девять вечера, после закрытия парка. Будет «Великолепная семёрка»! Для вас – бесплатно, я буду на входе.

Раздался рёв и звучные рукоплескания. А Виктор заметил:

– Не подкупишь, Ковбой. Мы не поддадимся.

И Ховен:

– Нет. Каждый из нас Би-итховен.

Тут перешли на гогот. Анатолий снова поднял руку:

– Сеанс левый. Начальство об этом знает, но как бы не знает. Поэтому проникать тихонько, скрытно, через забор с юга. Охрана заметит, ей говорить пароль: «Понедельник – день тяжёлый». Всё понятно?

И Виктору:

– Приступим. Начнём, пожалуй. Огонь!

И грянул бой. Который скоро перестал походить на Полтавскую баталию. Ковбой и Клопик были беспощадны. 21:10, 21:8. Хватило двух быстрых партий. Причём последнее очко добыли при душераздирающих обстоятельствах. Анатолий срезал при высоком отскоке шарика. Для этого ему пришлось подпрыгнуть и бить «лопатой». Шарик взлетел над территорией противника до потолка, и, пытаясь в отчаянии его принять, Виктор в свою очередь взлетел – но досталось ему крепко удариться спиной и тыквой о стенку павильона – и свалиться на пол. А шарик ударился в потолок и упал ему прямо на темечко.

И Виктору пришлось вставать, качая головой и цепляясь за стол. Лицо его кривилось от боли и досады.

– Гитлер капут! – торжествующе вскрикнул Павлик.

– Недолго музыка играла! – завопил сторож Афанасий. – Матка боска!

Униженный Виктор встряхнулся, как это делают собаки, обогнул стол и дал Клопику подзатыльник, на сей раз увесистый, взрослый, так что искры из глаз посыпались. Анатолий моментально заступился за своего юного друга. Под скулой Виктора зажгётся фонарь, он сел на пол, на окурки, и опустил голову. Застыл.

Праздник победы был испорчен. Все замерли. Павлик с Анатолием ушли вдвоём, оставив за собой переполненный молчунами павильон.

– Спасибо, – сказал Павлик.

– Дело чести, – ответил Анатолий.

И пока они шли к выходу из парка, и потом – Анатолий провожал Павлика до Дома, – младшему довелось услышать от старшего его страстный монолог про «Великолепную семёрку», про великодушных ковбоев, спасителей мексиканской бедноты («я буду звать тебя Чико»), про красную землю Мексики и про красоту тамошних девушек («а на наших и смотреть не могу. Халды!»).

– Ну не могут же все наши быть некрасивые. Ведь есть красивые, – частично возразил Павлик.

– Анатолий взгляделся в него. Павлик покраснел.

– Э-э, – протянул Анатолий, – никак ты, такой... э... юнец, умудрился влюбиться?

Павлик непорочно замотал головой. Анатолий отмахнулся от него. А навстречу им шла мама, она гуляла со своей подругой, Клеопатрой Архиповной.

– Привет, мама! Я домой. Я... мы чемпионы!

Мама что-то подсказала Клеопатре Архиповне. Та вытаращилась на Анатолия. Анатолий со вкусом поклонился. И они разминулись.

Попрощались долгим рукопожатием. Дом встречал Павлика, своего питомца, всеми окнами, эркерами и узорами. У своего подъезда Павлик увидел Серёжку Галанина, знатока городского быта.

– Жду тебя целый час, – сказал Серёжка, – пойдём покурим в яме. У меня «Плиска» есть, два мускатных ореха есть.

И они двинули на север, где строители рыли роскошный котлован. Там собирались возвести четырёхэтажный дом с авиакассой на первом этаже.

И когда они спустились в котлован, их сразу дождалась необыкновенная находка между песком и камнями. Они ещё не докурили по первой, не обменялись последними сплетнями, и Павлик не поделился с Серёжкой своим триумфом. И на тебе!

Под ногами лежали, разделенные метром грунта, две маленькие, со спичечную коробку,

головки из обожжённой глины. Они были без затылков, без шеи, от макушки до подбородка. Одна представляла собой женское лицо анфас с отчётливо монгольскими чертами. Это была скорее даже девушка, и симпатичная. Другое принадлежало мужчине зрелых лет, с бородой, несомненно европеоиду.

Они гармонировали, это было парное изображение, созданное одним автором, привет из далёкого-глубокого прошлого. Ого! Как они уцелели от лютого ковша экскаватора?

Ребята бросили куренье и закарабкались из котлована, разжёвывая мускатные орехи. Договорились, что находку заберёт Павлик (у него дома телефон) и позвонит историчке Галине Петровне. Может быть, их находка – открытие великого исторического значения!

Учительница была дома и, поскольку жила неподалёку, не замедлила сойтись с ними во дворе (Серёжка её дождался).

– Да, да, – сказала она, известная как знаток местных древностей, – это, скорее всего, таштыкская эпоха, две тысячи лет назад. Плод встречи размываемых скифов с молодой монголоидной стихией с Востока. Буду связываться с Думским.

Забрала находки с собой в носовом платке.

– Ждите его вещей оценки и вещего слова.

9.

Воскресенье продолжалось, и солнце разве что намекало, что клонится к закату. Павлик остался во дворе и обливался потом. По озвученной версии, он дождался маму. Но важнее было увидеть Надю. Как ему хотелось – осмелился бы? – пропеть ей о своём восхождении на пьедестал и своём свежем вкладе в советскую археологию! И он захватил скамейку.

И Надя появилась. Войдя во двор с родителями (отец – в штатской рубашке-вышиванке), прямоком зашла с ними в подъезд. Но при этом, уже в дверях, она оглянулась на него – на Павлика, в открытую. Он не обрадовался: взгляд её, нет – взор её был пронзительно грустный, тревожный. Мгновенье – и она исчезла. И в памяти Павлика ещё пожил её сарафан, синий с голубыми цветами, незабудками. Павлик несколько раз вздохнул, вопросительно, предчувственно-тревожно, и поплёлся домой, зажав в кулаке ключи, чтоб не клацали, не раздражали.

Вернулась мама и с разбега напала на сына:

– С кем это ты прогуливался, молокосос бессмысленный? С кем? Мне сказала тетя Клёпа, он ворюга, которого никак отловить не могут. Ишь, расфуфырился, кланяется. Красивой жизни хочет. Такой и Родину продаст. Запросто!

– Он мой друг, – почти прокричал Павлик, – ему нравятся герои, романтика. Мы с ним сегодня обыграли всех в настольный. Он за меня заступился, да ещё как: в морду дал!

И вдруг понял, что затылок не болит. «Дело молодое».

– Тьфу, – сказала мама, – увижу с ним – выпорю. Месяц сидеть не сможешь.

И как всегда в подобных случаях, протопала на кухню. Скрипнул стул, чиркнула спичка, пахнуло табачным дымком.

Он, усталый, потерявший задор, завалился на диван и заснул без сна.

А вечером его сразили две новости. Когда он, умытый, обувался в прихожей, в дверь постучался Саша Саражаков, живший наискосок, и выпалил:

– «Мир» горит, догорает! Весь! И крыша, и стены!

– ???

– Парк закрыли в семь. Вспыхнуло в восемь, со всех сторон. Пожарные примчались (депо в двух шагах), милиция приехала – поздно. Дерево сухое, краска масляная, жара, и ветер поднялся, как дождался. Я прибежал, а там одни головёшки, пепел стоит косым столбом, милиция допрашивает сторожей. И они оба пьяные в хлам, на ногах не стоят, валятся. Как они за час сумели напиться? Их положили на скамейки, лыка не вяжут. Александр через слово лепечет по-нашему: «Абантура чаптахша» («Говорит Абантура»), а Афанасий своё: «Матка боска». «Ничего не помним». Дескать, угостил кто-то или подсунул, а кто – шут его знает. Уволят их.

А врач милицейский говорит: пустые две бутылки водки, анализ покажет, не подмешали ли туда какой отравы. Очень на то похоже, один в один, а пожарные говорят, поджог сто процентов. Солярку разливали по всем четырём углам и на входе...

— Посмотрели мы кино, — сказал Павлик. — Кто ж это сделал? А Анатолий был?

– Был. Злой, мрачный. Впервые услышал, как он сматерился. Сказал мне: «Догадываюсь, кто спалил. Но поди докажи. Попробую сам, если милиция улики не сыщет... Но у них не пытаются, а я буду пытаться...». Вот так.

Попили с ним чай, сыграли в шашки, разошлись. Павлик взял с книжной полки том Пушкина, прочитал первую главу «Онегина». Кто же... Виктор! Отомстил Анатолию.

К маме пришла соседка. Они посудачили о том о сём, и Павлику стало холодно, когда он услышал от соседки:

– А Погожие-то съезжают. Его переводят во Владивосток. Вещи начали паковать. У них немало: обжиться времени не хватило. Судьба военных какая нелёгкая! Девочки уже в третью школу пойдут, тоже не подарок...

Павлик лёг и снова раскрыл «Онегина». Прочитал вторую главу, третью главу. Синий сарафан плыл по страницам. Заснул очень поздно, разволновал пёстренький денёк (сколько их ещё будет, дружок!).

Но выспаться не удалось, не дали выспаться.

10.

В понедельник, в семь утра, в их дверь замолотили с таким грохотом, будто хотели её выломать. На пороге стоял Ричард Николаевич Думский, собственной персоной. Его встречала негодующая мама, впрочем, сменившая гнев на милость:

– Какой сюрприз!

Она, как и многие, уважала его и побаивалась. «Сталин встал из гроба».

– Где ваш мальчик? – рявкнул Думский, не здороваясь. – Он мне срочно нужен.

– Спит мальчик. В его возрасте мальчики спят дома и обнимают подушку.

– Ради бога, разбудите. Он должен мне немедленно показать место находки.

– Бога ради, пожалуйста. Наука требует жертв, понимаю, – с доброй иронией сказала мама. – Может быть, чаю или кофе попьёте, пока он оденется и умоется, зубы почистит?

– Не до того, милая мама. Потом умоется. Попишет – и вперёд.

Галина Петровна дозвонилась ему поздно вечером, когда он вернулся затемно с раскопок – в воскресенье! – из Богградского района. Он прибежал к ней за три километра – жил он, как и Анатолий, около речной пристани – в начале первого ночи и не спал всю ночь. Глаза красные, сапоги грязные, немолоденький, с жёлто-зелёной гривой.

...Они спустились в котлован.

– Где?

– Вот здесь.

Он не спрашивал, что Павлик и Серёжка делали в котловане. Зато прошерстил вместе с мальчиком всю богоданную территорию. И ушло на эту скрупулёзную процедуру часа три. Котлован был просторный, и работали тоненькими прутиками. Ничего не нашли.

Потом Ричард Николаевич повёл Павлика в музей на задворках школы и потребовал написать свидетельские показания. Мальчика потряхивало от недосыпа, но он охотно, со тщанием исполнил повеление археолога, умолчал только о курении.

– Молодец, видно, что сын интеллигентных родителей, – крикнул Думский. – Бесценное открытие! Какие-нибудь американцы отвалили бы за него сумасшедшие деньги! А мы им – кукиш!

– А покажите мне их, Ричард Николаевич, – попросил Павлик, – когда их ещё и увижу.

Думский сел за стол, оглянулся на Сталина, выдвинул ящик, что слева, и достал китайскую жестяную коробку. В ней, закутанные по отдельности в розовые пелёнки, и пребывали находки.

– Молодец, — повторил Думский, – но любобался, и будет.

Убрал коробку в ящик, закрыл его на ключ, подарил Павлику три китайских же теннисных шарика – как знал – и отпустил домой...

Павлик решил не досыпать. Стояло уже позднее тёплое утро. Он хотел увидеть Анатолия. Нужно было ехать на автобусе до пивзавода, неблизко. Автобусы ходили редко. Ну и что? Полчаса ожидания. Мелочь имелаась.

Дольше пришлось дожидаться на самом заводе, Анатолий развозил пивные бочки и, как всегда щеголеватый, явился к обеду. Удивился. Повел с собой в столовую и купил Павлику то, что было редкостью в городском общепите: борщ, гуляш с макаронами, чем растрогал растущий организм напарника. Присели. Опрятненько, цветы, прозрачные шторы. Пивзавод процветал.

Сначала они поговорили о пожаре в парке «Орлёнок». Анатолий кипел.

– Мне Саша сказал, что ты знаешь, кто поджег. Кто? – задал Павлик свой главный, жгучий вопрос. – Виктор? Господин?

– Господин? – усмехнулся Анатолий. – М-да, ничего я тебе не скажу, друг ситный, и не надейся. Извини, брат, ты мал. Тут ответственность за тебя. А то нет-нет да и проболтаешься. Опять же и я не до конца уверен. После, после. Не от меня узнаешь.

Павлик приуныл. Но вострепнулся и рассказал Анатолию про находку, про Думского, про то, что американцы какие-нибудь дорого бы дали за эти глиняные мордочки.

– Романтика настоящая, – загорелся Анатолий, – две тысячи лет назад! Жили люди, воевали, мирились... Говоришь, может, они муж и жена. Наверное, из любви они эти мордочки – свои! свои! – вылепили. Небось, жили бедно, да не вредно, с огоньком. Не то что сейчас. Гуси – нелюди, хамьё, мелочные, вздорные. Рыла к небу не поднимают. А подавай им коммунизм на подносе.

– А будет коммунизм, веришь? – взволновался Павлик.

– Не знаю. Сомневаюсь, что с этими... Не знаю. Вопрос электрический, политический. Кто-то давно сказал, Горький что ли, Сладкий: «В жизни всегда есть место подвигу». А в нашей жизни найдёшь ли место, о котором на плакате в «Орлёнке» написано? Я тебе так скажу: хочу орден получить настоящий, по-настоящему. Искалечиться готов, погибнуть! Но не пойду на какую-то работу, где наградят через пятьдесят лет. Я хочу сейчас, молодой да горячий... Чтобы меня за подвиг сейчас уважали, чтоб любили настоящие женщины...

Павлик слушал его как замороженный. Он знал, что Ковбой не женат, помнил про слухи о нем, но знал, что по утрам в любую погоду он переплывал Абан трижды, туда и обратно...

Возвращаясь домой, он встретил на улице мужа Галины Петровны Евгения Семеновича. Тот шёл после обеда на работу в «Орлёнок». Поздравил Павлика с «двумя достижениями» («Бог Троицу любит»), засунул ему в карман папиросу.

– Евгений Семенович, как вы считаете, коммунизм наступит? Или так ободряют, трындят? – спросил Павлик.

Вопрос, видно, не понравился Евгению Семеновичу.

– Только этого мне не хватало, – медленно выговорил он. – Поживём – увидим. А я в своей жизни всего насмотрелся. И верю, умный ты малец, исключительно фактам. Главное – готовы ли люди? Не знаю, а знаю вот что, заруби себе на носу: впредь никому не задавай вопрос про коммунизм. Отшлёпают, и ваших нет.

– А Галина Петровна, кажется, верит.

– А Галина Петровна, моя жена, не побоялась за меня замуж выйти. А у Галины Петровны такая работа: верить. Я тоже в своё время верил, но один хрен, всё едино посадили за вопросы. Да на

двенадцать годочков... Пока, в воскресенье увидимся.

11.

В среду на маленькой проплешине за огородом соседнего двухэтажного дома собралась дюжина ребят разных возрастов, от седьмого до десятого класса, чтобы поиграть в футбол. По бокам – огородное прясло и задняя стена длинного, загадочного сарая; в роли ворот с одной стороны – холодный выбеленный сортир, с другой – вделанная в изгородь столешница.

Разделились соответственно возрастам и умениям и наметили играть до десяти голов. Растягивались такие матчи до двух, а то и до трёх часов, как ни коротка площадка: футбол любили, в футболе разбирались, и голы забивались заслуженные и трудовые. Случались эксцессы. На юге, как упоминалось, могли разбить окно в «Кулинарии», нередко со штрафной потерей мяча в пользу детей продавщиц. На севере пробравшиеся в сортир обитатели двухэтажки испытывали раздражение, гнев, когда мяч с силой вонзался в дверь, которая охраняла их приседания над бездной. Как-то раз после удара пронзительной мощи в двери подскочил крючок, дверь распахнулась, и миру предстал беззащитный сиделец, матерщинник дядя Петя – и наслушались от него. Однажды попали мячом в голову милой пожилой Марии Галактионовны, и она, не поспевшая юркнуть внутрь заведения, упала в обморок. Перепугались страшно. Но обошлось, и Мария Галактионовна их простила.

Сегодня, поскольку как-то не удавалось собраться с полмесяца, бились со свежим азартом и взаимной симпатией – соскучились и по футболу, и друг по другу. Павлик играл неплохо, владел дриблингом.

И носились-носились указанную пару часов, команда Павлика проиграла – и по доброй традиции, делясь мелочью, направились в «Кулинарию». На чистом воздухе аппетит набегали волчий. Перелезли через забор, вышли гуськом к ступенькам и... увидели новую вывеску: «Трикотаж».

На крылечке стояла хорошо знакомая продавщица, цыганка Земфира, лет сорока. Печальная, как поздняя осень. Мальчишки окружили её: «Что такое, что случилось, что за издевательство, мы же всё раскупали. Пирожки, маковые рулеты, слойки!» И печальная Земфира сказала им:

— Конец «Кулинарии», золотые-любезные. Сообщили: «Сырья нет, нечем вас снабжать», а вещают, голосят: «Коммунизм! Коммунизм!» Буду трусами женскими, до коленок, торговать. Спасибо, что на работу взяли. Коммунизм!

И с видимым отвращением зашла в магазин. Павлик получил новый урок по поводу шаткости высоких слов. А «Кулинарии» уцелели в немногих избранных городах СССР.

12.

А в субботу он попрощался с Надей. После, ночью, плакал в подушку, сидел совой на балконе, а тогда, днём, сидел сычом на скамейке, ждал Надю. Въезжает во двор маленький чихающий автобусик, выходят два солдата, мелких, как корнишоны, ныряют в подъезд. Выныривают с вещами, тюками, матрасами. С ними носит небогатое добро и сам Погожий. С сумками выходит его жена, со всякой мелочью – Надя и Оля. Они – в брючках, кофточках, смотрят перед собой. Оля весёлая, предвкушает путешествие на Дальний Восток. Надя не предвкушает.

Павлик окаменел. Он знал, что отъезд неминуем и прощания не отменить, но одно – знать, и совсем другое – видеть.

Погрузились быстро. Он не выдержал, пошёл к подъезду, ближе к Наде. А Надя уже зашла в автобусик.

У двери Павлик оглянулся. У него прыгали губы. Надя выходила из автобуса и шла к нему. Он зашёл внутрь и прислонился к батарее. Скрипнула дверь. Надя зашла в полумрак и встала на первой ступеньке. Выпрямилась. И сказала ему:

– Я вас любила. И любовь, быть может,
В моей душе погасла не совсем,
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была.
И я любила вас; и что же?..

Павлик робко переступил к ней. Ему хотелось взять её за руку, поддержать, поцеловать руку. А в губы? Хотел бы, но не знал как, он никогда в жизни не целовал любимые губы...

Он хотел что-то самое нежное высказать, но Надя подняла ладони – и остановила его и словно запечатала рот. Повернулась и вышла на улицу, бережно притворив дверь. Он услышал,

как хрюкнул автобусик, как не торопясь поехал к воротам. Он долго стоял в полутьме у входа. Наконец, поцеловал дверь и, считая ступеньки, поднялся к себе. Всё.

13.

А завтра, в воскресенье, небо расщедрилось на настоящий ливень. Что не помешало ребятам всем скопом собраться в зелёном павильоне. Ливень, искрящийся, хрустальный, не помешал приехать и мокрым насквозь гостям-теннисистам из Черногорска и Мирусинска. У них, у этих пар, репутация была высокая, и они её оправдали.

Однако черногорцы бездумно подвыпили, потеряли реакцию и обрекли сами себя на поражение – 2:0, 2:0. Павлик был огорчён, но и ожесточён гореванием, а значит, собран.

Мирусинцы были трезвы, уверены в себе, опытные. Развернулся спектакль в девяти сценах. И всё-таки родные стены, преданные патриоты-болельщики сыграли свою роль. 2:1, 1:2, 2:1.

Болельщики дымились и в прямом, и переносном смысле.

Побеждённые добродушно жали руку Анатолию и обнимали, и трепали за уши Павлика. Анатолий был невесел, напряжён (что тоже положительно сказалось на его игре) и, оглядывая скоп, забыл, что он звезда Абантуры, и явно искал в толпе кого-то. Виктора?

Виктор сегодня не появился. Он «отовсюду исчез», удивлялись и переживали его подданные.

Потом ливень прекратился, и взрослые отправились выпивать в кустах акаций за павильоном. Ребята расходились, оживлённые и словоохотливые. Павлик прислонился к перилам, спиной к ним, и каждый земляк, радуясь за него и сочувствуя его неведомой грусти, трогал его плечо или гладил по спине.

Оставшись один, Павлик выкурил сигарету и встал на пороге павильона, собираясь в недалёкий путь домой, словно на переправе, от берега до берега.

Запахло зелёным миром. До него доносились добродушные от полноты впечатлений возгласы из кустов, они сообщали о том, что люди могут быть братьями на самых скромных основаниях. Сквозь густые, щедро, привольно разросшиеся кроны старых лип проступала наливающаяся лазурь неба. Воздух был чист, он светился. Он веял короткими ласково-ненавязчивыми репликами:

подыши мной, не горюй, я с тобой, всё впереди.

Обнаружилось, что липы перед ним все разные, как люди-человеки, но отборно хорошие человеки, которым дано хорошее настроение.

Он слышал, как за липами про промытому асфальту постукивает обувь прохожих: никто не торопился, никто не хотел нарушать подаренного ливнем порядка вещей. В нём и люди, и липы, и мокрые птицы на ветвях и крышах, и убогий павильон уравнились в правах.

Хотелось быть. Хотелось приобщиться. Это было открытие.

14.

В следующее, последнее для Павлика воскресенье в парке, он перенёс новую, тяжёлую, решающую утрату.

Он напрасно ждал Анатолия. Вместо него, как на замену, в павильон возвратился Виктор с размытым жёлтым пятном на лице, слева. То был плохой знак, дурное знамение. Удручённый Павлик сидел себе молча среди шатии-братии. Теперь ему подчёркнуто уступали почётное место на скамейке, рядом с урной.

Виктор зашёл по-хозяйски, несвойственной ему развалочкой и с демоническим оскалом. Он походил по павильону вдоль и поперёк, из угла в угол, как собака, метящая свои уголья.

Навис над Павликом:

– Ждёшь? – и замахнулся, припугивая.

Павлик кивнул. Он догадался о беде. А Виктор схватил за ворот и выдернул его – не защищённого уже – со скамейки.

– Не дождёшься? Понял? Вон отсюда, Клопик вонючий! И никогда сюда не приходи! Ха-ха, посадили твоего Анатолия!

И толкнул к выходу, заноса ногу для пенделя. Скамейка вяло взвизгнула. Виктор не стал пинать Павлика. Его спасло ленивое великодушие триумфатора. И Павлик ушёл, раздавленный потерей и недоумением.

Некие врата перегораживали ему путь, они захлопнулись, массивные, кованые.

15.

Через неделю, небывало длинную неделю, к нему забежал возбуждённый Серёжка Галанин и рассказал следующее.

У него есть дальний родственник, милиционер Миша. Вчера он приходил к Галаниным в гости, на юбилей отца. Отцу стукнул «полтинник». Миша, подвыпив как следует сержанту правоохранительных органов, поделился с отцом «закрытой информацией».

Это случилось на балконе, понятно. За курением и дополнительными возлияниями над клумбами львиного зева и левкоев, куда улетели две пустые бутылки от портвейна. Пока их осушали, Миша и делился, как чукча, у которого от чума и до чума расстояние в две трубки. («Ох и болтлив, как всегда, Серёжка».)

Речь шла об Анатолии. За ним давно следили. Он проходил по пяти эпизодам, а улики не имелось. Но недавно ограбили магазин на Чертыгашева – дождались, когда сторож бегал к своей подружке, – и кто-то из злодеев обронил свой ключ. Пальчиков не было, воруга работал в перчатках.

Прежде прочих подозревали Анатолия. И сделали так. Он отправился на работу, матушка засемила в магазин. Подошли к двери. Ключ был редкий, фигурный, на заказ произведённый. («Анатолий!») Проверили – открывается замок или нет. Открывается! Открыли, закрыли, смылись. Он!

Месяц его пасли неотступно, где, что и как.

– Он, Миша, и про теннис рассказывал, и про вашу пару непобедимых, дескать, Анатолий с каким-то мелким всех крушили. Там, в парке, по субботам, по воскресеньям, сидел свой человек, пацан деревенский. Ну, в итоге. Заметили, что Анатолий крутится около музея. Ага. Устроили засаду и взяли его в кабинете директора.

Паша, а ведь он прихватить хотел нашу находку. Миша сказал, головки какие-то доисторические. Всё-о-о. А ты: «Анатолий, Анатолий». И знал же он, где они припрятаны, и вообще – о них. От тебя?

– Нет, – ответил Павлик, подобный проколотой шине. Не потому, что разоблачат, что говорунов Серёжа разнесёт. Ему было теперь всё равно, и сам разговор был ему горше зубной боли. Хватит!

А Анатолий промолчит, он ковбой. И как ни провинился, ни предал его, Павлика, останется ковбоем. Прощай, Анатолий. Спасибо за праздники.

16.

К концу лета были прочитаны «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Повести Белкина» и «Медный всадник». К вящему изумлению мамы, Павлик научился стирать носки, чистить башмаки, жарить глазунью и гладить рубашки.

Он сожалел о том, что у него нет фотографии Нади, и понимал, что, может быть, так и нужно: Надю он больше не увидит. Важно, что она была.

С середины августа, когда ночные посыпались звёзды, Павлик сошёлся на горке с учителем астрономии тётей Люсей, дочерью гостиничной тёти Вали. Тётя Люся спасалась от разочарования, брошенная женихом-дураком. У неё имелся телескоп с тридцатикратным увеличением, и они рассматривали планеты. Белок Венеры, медный гонг Марса, далёкий-далёкий Юпитер со свитой из четырёх спутников. И с особым вниманием разглядывали Луну. Близкую-близкую, согретую Солнцем, с её норами-кратерами. Тётя Люся, высоченная волейболистка, наклонялась к нему и увлекательно повествовала: «Наступит время, и мы с тобой, Павлушка, побываем на Луне». А он бестактно отвечал ей: «И ты, тётя Люся, выйдешь замуж за лунатика».

А потом, прозябнув под сырым ветром, шли спать, и спали великолепно, с космическими снами.

17.

В начале нового учебного года состоялась, как положено, первая репетиция школьного хора. Павлика в пятом классе назначили солистом. Вместе с Родькой Данненбергом, сыном сосланных баптистов, они исполняли радостную песню «Пусть всегда будет солнце!».

С неё и началась спевка. Гаврила Иванович, их повелитель с шикарным баяном, из сосланных западнцев, внимательно, морща широкий

нос, прислушивался к Павлику. Павлик почувствовал неладное, он сам был недоволен своим пением и не мог уразуметь, почему ему не поётся, не даются верхние ноты и откуда берётся хрип.

И Гаврила Иванович, добрейший человек, стесняясь, заключил:

— Павло́, у тебя ломка голоса. Налицо, на́ ухо. Родя ещё держится, а ты вставай со всеми. Не беда, это естественный процесс. Еще запоёшь.

Естественный так естественный.

18.

Приписка. Много лет спустя. Я, бывший Павлик, работал в библиотеке. Мой сосед по кабинету, Андрей Яковенко, кропотливо и с увлечением собирал справочник «Золотые Звёзды героев» на потомском материале. Краеведческий.

И в один прекрасный день мне пришлось в голову вспомнить о Герое и узнать, когда, где и какие подвиги он совершил. Интернет, с помощью Андрея, выдал мне лаконичную, ёмкую информацию. Мой взгляд наткнулся на даты рождения и кончины Ивана Ивановича. Оказалось, что он ушёл из жизни не в Абантуре, а в Прокопьевске и прожил ещё целых восемь лет после того, как якобы замёрз на столе в зелёном павильоне.

Ай да полковник Пётр Иванович Забабурин, ай да... Как он уговорил коллег-прокопчан приютить Ивана Ивановича, чем расплатился за это? Не тайменями же? Или тайменей было невиданно много?

А уволенные сторожа, Александр и Афанасий, с их враньём? И сумел же кумир моего детства Пётр Иванович заставить их, непутёвых балалаек, во-первых, озвучить легенду (что несложно), а во-вторых, помалкивать в тряпочку, не выдать тайну (что невероятно). Жизнь состоит из сюрпризов и удивлений. И бесконечных потерь.

**Владимир Михайлович
Волковец**
г. Советский

Знание – это припоминание, по мнению древних, и, что прошлое – хорошо забытое будущее. Мой внук на первом году жизни смотрел на меня настолько ясно, осознанно и даже иронично, что мне становилось немного не по себе, словно он знал обо мне и, вообще, о мире, в котором появился, всё.

Казалось, вот чуть-чуть внимания, соприкновения и какого-то сокровенного усилия и он мне поведает, точнее, навеет каким-то чудом тако-е...

Но через месяца два-три он всё забыл. Взгляд его уже был не потусторонним, а реальным, здешним. Мне пришлось с нуля обучать его тому, что он ещё недавно знал и понимал...

Владимир Волковец

Полонённые светом...

ДАТЬ РОЖДЕНЬЮ ЛЮБВИ

Думают, почва совсем оскудела
И, заржавев без привычного дела,
Грабли стоят за углом и лопаты.
А сорняки только этому рады –
Лезут, наглея, из всяких щелей
Без удобрений и свежих дождей.

Даже прохожие смотрят с укором
На дурнотравье за нашим забором.
Значит пора наши ссоры и склоки,
Злые придирки и сны-лежебоки
Вынести вон из избы и на счастье
Перекопать под картошку сейчас же.

И прополов беспощадно, граблями
Клин расчесать под редиску с бобами,
И под петрушку с горохом усатым...
А посредине подсолнух посадим.
Ну и везде, где возможно, устроим
Клумбы с пионами, маком, левкоем.

Сделаем только уступки-поблажки
Нашей любимице – белой ромашке,
Что под окном, у ворот ли, ограды,
Где пожелает, цветёт для отрады
До октябрей безмятежно свежа.
Как перед ней не немеет душа!

ВЗРОСЛЕНИЕ

Окраина в латаных крышах
И клумбах из автопокрышек,
И кладом, зажатом корнями,
Не найденный всё ещё нами.
Ровесницы скоро взрослеют,
От мата уже не краснеют.
Настроив ресницы и губы,
То в баре зависнут, то в клубе.
Болтается кукла на ветке.
Боясь под ботинок соседке
Попасть, укатился подальше
Футбольный наш мяч...
А на пальце
Знакомой сверкнуло колечко,

Что стала поярче и строже.
Нам это всё пофиг, конечно,
А всё же, а всё же, а всё же...

МОРОШКА

Упавшее дерево за год
Съедается почвой в труху.
Я долго в себе берегу
Вкус жёлто-оранжевых ягод.
Их будто накапало солнце
Соцветьям в щепоть.
На заре
Морошка румяна, а после –
Блаженна в медовом желе.
Сейчас торопись,
Кто что любит,
Из ягод хитри и мудри! –
Во всём
Приготовленном будет
Разбавлено солнце Югры!

ОКРАИНА

Осталась без хозяина
Изба давным-давно.
Осколками оскалено
Разбитое окно.
Что было тихо спрятано
И заперто на крюк,
Соседями расхвачено,
Разбросано вокруг.
О памяти, о совести
Подумал хоть бы кто.
На равнодушной скорости
Пронесётся авто.
Старуха сумасшедшая
Придёт сюда с котом,
Сама с собой пошепчется,
Поплачет ни о ком.
Кот, слушая, старается
Держать себя в когтях.
Он знает, люди в старости
Нуждаются в котях.

АКВАРЕЛЬ

До звона изысканно зноен
В сосновых подтёках припёк.
Из брошенных в юности зёрен
Опять прорастает восторг.
На солнце линяли и слепли,
Лучились почти без теней
Сухие пшеничные стебли
Пучком акварельных кистей.
Темнеют в зелёных затишьях
Под томным наплывом леса.
И синего неба излишек
В озёра стекает с листа.

Пёстрый до кутерьмы
Шорох и шелест в роце
Станет под весом зимы
Старой подмётки плоче.
Нехотя кружится пух,
Словно ещё не к спеху
Вьюгами взять на испуг
Нас со всего разбегу.
Катится сон колесом
Тихим, что не заметим,
Как изменились во всём
Мы, полонённые светом.
Зримей становится вес
Произнесённого слова.
Полый вчера ещё лес
Выглядит полным снова.

ОСТРОВ

Остров посреди болота шапкой
Возвышался, хлюпая к нему
По тропе оленьей зыбко-шаткой,
Увязал меж кочек и во мху.
Попадалась клюквенная россыпь
Да орешки заячьи порой.
А с берёзок карликовых осень
Сыпала копеечной листвой.

Сохранился в заповедной стати
Собранный на острове сосняк.
До него добраться наши хваты –
Дровосеки не смогли никак.

В глубине заветного массива
Свято, сокровенно и легко,
Что словами трудно выразимо,
Благодатью на сердце легло.

Как бы ни меняло землю время,
В памяти, настроенной на свет,
Помолчав со мной, поют деревья,
Как родные, долго смотрят вслед...
И увижу с восхищеньем давним,
Возвращаясь по своим следам,
Остров на закате златоглавым,
Вознесённым к самым облакам.

С комарами в двери лезет
Пух и ветхий дух досок.
Как пупырчат и железист
От дождя сырой песок.
Сверху до низу колеблем,
День прохладой бодрит.
И стоит за всяким стеблем
Жизни пёстрый колорит.
На себя в дороге здешней
Примеряешь без затей,
Окрылявшую надеждой
И любовью жизнь людей,
Что в пути тебя не бросят.
Как давно ведётся тут,
Остановятся, расспросят,
Если нужно, подвезут.
Даже с радостью открытой
К чаю с мёдом пригласят...
К человечности забытой
Возвратить тебя хотят.

БЕЛЫЕ СУМЕРКИ

Синие сумерки в белые
Перетекают тишком.
Робкие заросли вербные
Тронуты карандашом.
В стопку на крыши окрестные
Сложен ночной снегопад.
Вместо деревьев белёсые
Призраки в поле стоят.
Лёгким, почти невесомым
Смотрится день, озарён

Ярким,
когда-то срисованным
Из букваря снегирём.

Ты ломишься по ночам
Нервным порывом снега.
Сам двери открою, а там –
Нет ничего кроме неба.

Мучить берёшься, тоской
Душу неволить снова.
Как ни пытай – за душой
Нет ничего кроме слова.

Вспомнишь, можно одним
Словом исправить много...
Но, веришь ли, и за ним
Нет ничего кроме Бога.

В СЕНТЯБРЕ

Мною вспоен и вынянчен
Среди прочих подсобных –
Трёхголовым горынычем
Распустился подсолнух.
Машет шумными листьями
Посреди огорода,
Будто следом за птицами
К югу очень охота.
Солнце клонится к холоду.
И мечты понапрасну
Не в одну ему голову,
А приходят в три сразу.

СВЕТОТЕНЬ

Листва загустела и темень
Пятнисто распята, а свет
Колеблется между, как стебель
Растенья, которого нет.
Покуда с лучами враскидку
Витаешь в своих облаках,
Опять возвращается в книжку
Прочитанное впопыхах.

Безделье не связано с ленью
И предположение не ложь.
Но свет, ограниченный тенью,
Острее, чем сам сознаёшь.

НА ГРАНИ

Одно переходит в другое
И продолжается в третьем.
В итоге недавнее горе,
Тебя изменившее, вскоре
Может стать незаметным.

Забьётся слева в подмышку,
В горькую складку у рта,
В злую затяжку, в одышку.
Не позволяй себе лишку
Зелья хмельного с утра!

Вроде находишься рядом.
Но вижу тревожнее лишь
Как, перед раем ли, адом
С потусторонним взглядом
Отсутствующе молчишь.

ЧУДО

Ещё в такой досаде не был
Бог на людей, угрюм и хмур,
Что даже закурил и пепел
В окно рассеянно смахнул.

А на земле за шаг до боя
Бойцы задрали каски вверх,
В июне с неба голубого
Посыпался горячий снег.

И наш связист за миг до боя
Пока был день слепяще бел
Через пристреленное поле
С катушкой проползти успел.

И снайпер вражеский минуту
В прицеле протирал стекло,
Кружился снег – так это чудо
Тебе на фронте жизнь спасло.

Стихи замедлили свой бег. А может это мои внутренние стихии более-менее уравновесились и лишь изредка взбрыкивают новыми строчками.

Зато потребность в служении Слову стала основой всего моего существования. Отсюда – и сайт, и «Глаголъ» и те новые книги, которые появляются на свет при моём участии...

Татьяна Юргенсон

**Татьяна Владимировна
Юргенсон**

г. Мегион

По собственным следам...

На глазах обнажались берёзы
Под напором внимания ветра,
И дождливые горькие слёзы
Всё бегут в память прошлого лета.
Казино рекламирует Осень,
На кону – золотые листья.
Нет, ни зимы, ни лета, ни весны
Не похвалятся взглядом лисьиим –
Тем, в котором ни капли правды...
Ожидания счастья обманны.
Каплет кровь с рябиновой гарды.
Вера в выигрыш – глупо-туманна...

Высветлю мысли –
Как солнечный блик январский снег.
Пусть лёгкий морозец напомнит
Об утреннем кофе,
Когда все заботы ещё спят.
И лишь смешливые мысли
Щекочут мечты и невесомые хотелки –
Просыпайтесь.

Стаей серых голубей
Мимо пыльно-тусклых окон
День ноябрьский нервно-блѣклый
Без особенных затей
Пролетел, оставив тени.

Незаметные штрихи
Опостылевшего цвета,
Поборов фантомы лета,
Лишь обманчиво тихи,
Но жестоки как забвеньѐ.

Вырваться из этих пут
Не даёт смурной ноябрь,
Он привычно нас ограбил
Словно тать прервавший путь,
Без затей и сожаленья.

Иду по собственным следам
И развиваю навык следопыта.
Вот тут тропа совсем разбита,
А значит был обход. И где-то там
На нём запрятан хитрости капкан.
Не веря по наивности в опасность,
Я в западню внести стремилась ясность...
Не счесть теперь в душе печальных ран.

Зато получен опыт – будь здоров,
Могу уже читать судьбу иную...
Но мысль о помощи благоую
Я утаю под взглядами богов.

Грешно ли в юности беспечной
Мечтать и грезить о любви?
И кто бы ни был визави –
Огонь, казалось, будет вечным.

Ну вот и жизнь к исходу лет
Уж повернула торопливо,
Всѐ в память время превратило,
А от огня и дыма нет...

Играть в саму себя или собой...
Соскальзываю с мысли,
Как обморочный со стула.
Падаю?
Вряд ли здесь, в невесомости, самость –
Лучшие крылья для поддержания равновесия.
Потому лёгкой взвесью
Проникаю в собственное подсознание.
Я ищу упрямо знания
О возможном пути вперѐд.
Возможном...
А может, единственном,
Ибо я – единица измерения для времени,
Отпущенного с недостатком...

Ещё немного
И сакура обронит цвет.
Хочу быть рядом...

Слепок, набросок, эскиз...
Незавершённая оценка минувшего
Оказывается честнее подведённого итога.
Облака тогой скрывают небесное тело.
Вердикт неба равнодушно-высокомерен –
Недостойны снисхождения.
Все попытки скольжения
За грань видимого побеждает рацию.
Телепортация к звёздам –
Невозможное желание,
Как наказание за наивность
И глупую любовь к жизни.

Вместо лёгких мазков
Предвесеннего солнца
Грубым штампом мороза
Означены дни.
Индевелые маковки
Вымерзших звонниц
Как потухшие вдруг
Бортовые огни.
И как старый корвет
Под туманом ненастья
Город мой наугад
Пробирается тьмой,
Глупо веря
В смешное пиратское счастье,
Мол, дороги и так
Все приводят домой...

Взвешенность мира – обман.
Колочая взвесь забивает глаза,
Рот, сердце, выбивая из равновесия.
А кому оно нужно –
Стылое состояние,
Где не я и не ты

Без чувства полёта
Тонем в мареве пространства?
Просто перемещение?
Просто вращение против всяких Солнц
Вопреки традициям?
Завидую птицам –
Их иллюзию полёта поддерживает ветер.
Нам же не втереться к нему в доверие.
Хлопаю дверью с размахом
И смахиваю себя,
Как рой снежинок –
Хрупких, остекленевших...

Почему в диалоге прощ
Выпускать свои мысли на волю?
Нет подводных камней во взгляде,
Что читают мои глаза?
Не скрипит моя суть, не ропщет
На излишки сторонней боли,
И мы оба опять не внакладе,
Коль решились открыто сказать

Всё о том, что когда-то стремилось
Древом стать, подпирающим небо,
И корнями в магму вцепиться,
Пробивая планету насквозь...
Но в итоге – опять немилость
У Судьбы, что отправила в небыль,
Все мечты, превратив их в синицу,
В утешения голую кость...

Но мы можем пока откровенно,
И не пряча глаза друг от друга,
Распахнуть свои мысли навстречу,
Если хочешь – просто возьми...
Я тебе позволяю смиренно
Завершить штрих последний у круга,
Что в себе замыкает вечность
И костром эшафота горит...

Сбежать бы к Богу... В благодать
С восторгом чистым окунуться
И с ангелом своим проснуться
В обнимку, чтобы не страдать...

**Рамазан Нурисламович
Шайхулов**

г. Нижневартовск

Родился 14 декабря 1961 года в деревне Худайбердино Белорецкого района Башкирской АССР, в семье учителя. В 1984 году окончил художественно-графический факультет Аркалыкского педагогического института им. И. Алтынсарина Казахской ССР и получив квалификацию художник-педагог, стал работать преподавателем кафедры рисунка на родном факультете. Занимал должности заведующего кафедрой живописи, декана факультета.

С 2001 года проживает в городе Нижневартовске Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Доцент кафедры Архитектуры, дизайна и декоративного искусства Факультета искусств и дизайна Нижневартовского государственного университета, кандидат педагогических наук, член Союза дизайнеров России, член Союза писателей России. Автор более 50 научных публикаций, 3 учебника и 5 учебно-методических пособий, 1 монографии. Участник городских, окружных и региональных художественных выставок. Лауреат ряда Международных и Всероссийских конкурсов дизайна, как автор проектов и как руководитель студенческих работ.

Является автором воплощённых дизайн-проектов ряда музеев округа.

В 2008 году издал первый сборник рассказов «Неоконченный этюд», который решением Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России был удостоен диплома окружного литературного конкурса на «Лучшую первую книгу года».

В 2016 году издал сборник повестей и рассказов под авторством членов семьи Шайхуловых «С верховьев реки Зилим». Совместно с сестрой Гульсум Мустафиной (Шайхуловой) перевёл на русский язык повести и рассказы отца – Н. Ф. Шайхулова (1929-1996), члена Союза писателей России. В книге представлены: повесть и рассказы Н. Ф. Шайхулова повесть, Г. Н. Мустафиной, и его рассказы.

С 2015 года является членом редакционной коллегии Окружного литературно-художественного альманаха «Эринтур», ответственный за блок о художниках округа и дизайн обложек.

В ожидании белых ночей

Обычная для севера снежная зима – неделями над городом нависает низкое небо, сплошь – молочно-серое, и сыплет и сыплет на землю холодный снег, который пушистыми шапками ложится на крыши уткнувшихся в сугробы машин на стоянках и прикрывает обочины дорог.

А потом вдруг засияет солнце, небо очищается от серой непроницаемой пелены и на сини морозного неба нависнет длинная кучерявая дуга пара из труб теплоцентрали. По тому, куда отклоняется дым, северяне определяют, какую погоду им ждать. И, если направление ветра предвещает сильные морозы, готовятся. И уже с утра водители, торопливо очистив машины от снежных шапок, бороздя заметные колеи в глубоком снегу, с разгона преодолевая бровки от торящих дорогу тракторов, разъезжаются по своим делам.

Город, преодолев черту, когда был самый короткий день и уже в третьем часу дня темнело, радуется удлиняющимся часам светлого и восторженно вступает в очередной суетливый рабочий день. Дворники откидывают, чистят и скребут уже утоптаный ранними прохожими снег у подъездов. Сплошные потоки разноцветных кроссоверов, юрких седанов, трудяг «Газелей»-маршруток и больших комфортабельных автобусов нефтяников, извергая клубы дыма, причудливо сверкающие в свете фар, с нежеланием затормозив, терпеливо утыкаются перед красным светом светофора. Уставшие от зимы жители по заснеженным тротуарам спешат в свои уютные офисы, за прилавки магазинов, в шумные классы школ и везут в санях-колясках своих малышей в детские сады.

Когда этот поток в тёмное зимнее утро иссякает и день полностью начинает властвовать над успокоившимся микрорайоном, в одно и то же время перед нашими окнами появляется пара, вовсе не соответствующая этой бестолковой суете. Они неспешно идут, одетые в уже вышедшие из моды, но тёплые и удобные зимние одежды. Она держится правой рукой за его привычно согнутую в локте и, казалось бы, так и застывшую в этом положении левую руку. Перед скользкими уступами дорожных переходов он спускается первым и заботливо подаёт ей руку, осторожно, мелкими шажками, боязливо спускающейся.

Потом они подходят к обнажившимся от снега бетонным плитам с парящими теплом из подземных сетей. Она достаёт из сумки остатки хлеба, и они долго кормят наглых, не боящихся никого городских голубей.

Несколько раз я их видел в магазине. Он везёт тележку и каждый раз снисходительно, как бы извиняясь за её привередливость, улыбается окружающим. Она же и не думая торопиться придирчиво, близоруко щурясь на ценники, несколько раз беря в руки и кладя обратно картошку ли, яблоко ли, по известным только ей незыблемым принципам долго выбирает продукты. В это время я успеваю рассмотреть её белое морщинистое лицо с выцветшими глазами, седые волосы, выбившиеся из-под облезлой старомодной норковой шапки и добрую улыбку. Он же красный лицом, седые усы и борода, мохнатые брови. Старается держаться прямо и молодецкато, как будто по-мальчишески доказывая ей и окружающим – я ещё ого-го...

Глядя на них, каждый раз пытаюсь представить себе – кто они. Несомненно, это старожилы-первопроходцы. Ещё молодыми комсомольцами приехавшие в только начинающий строиться город. Он мог быть буровиком или водителем, строителем, а может и геологом. Она, по её виду, возможно бывшая учительница или бухгалтер. Наверное, они познакомились на танцах под магнитофон в клубе, потом гуляли по гулким и местами хлюпающим по болотной жиже деревянным тротуарам строящихся улиц. Сорванными ветками отгоняли от себя надоедливо пищущих комаров и мошкарку. В серебряные белые ночи, опьянённые тёплыми и светлыми рассветами, бродили по уже подсохшему от весеннего разлива берегу Оби, целовались. Потом комсомольская свадьба, квартира в деревянной двухэтажке, дети...

И я вспомнил как в семидесятых годах провожал сюда к зятю свою сестру с маленькой дочкой. Ему, уехавшему на год раньше, пришлось в незнакомом городе, больше недели жить впроголодь, ночевать на жёстких и холодных скамейках вокзала, а днём обивать пороги организаций. И лишь с трудом устроившись водителем

«Магируса» и через год получив отдельную комнату в рабочем бараке, он вызвал семью к себе. Я вспомнил её письма с загадочным обратным адресом. Она писала, что живут они почти в тайге, что за окном сразу начинается лес и в ягодный сезон можно согнувших над подоконником срывать бруснику.

Всё было в их жизни. Самым тяжёлым было ожидание мужа с рейсов в зимние морозы. В эти тягучие, долгие часы сестра пыталась вспомнить молитвы, услышанные в детстве от бабушки и неумело шептать запомнившиеся обрывки. Однажды он в привычное время не вернулся – куда бежать, где искать?

Был вечер, солнце уже заходя за горизонт щедро разлило по небу розовато-багряную акварель. Редкие рваные облака на западе то светились ярко-оранжевым, то хмуро супились тёмно-фиолетовым, а на противоположенной стороне неба постепенно серея сливались с темнеющим небом. Сделав несколько привычных рейсов и уже расслабившись в ожидании вкусного ужина, трогательных объятий и поцелуйчиков дочери и смешных рассказов о её проделках он, возвращаясь на базу любовался ритмичными силуэтами сосен и кедров на фоне закатной симфонии. Зимник шёл то меж продолговатых гривок, то вырывался на болотные просторы с чередой покосившихся, сухих сосен с растопыренными голыми ветками, то нырял в темные коридоры кедровников.

И вдруг на совсем безлюдном участке дороги, далёкой от основной трассы машина несколько раз оглушительно хлопнув глушителем заглохла и по инерции проехав несколько метров, зарюхавшись правым колесом в придорожную бровку, встала. Он с надеждой, на что ещё всё в порядке долго пытался оживить машину:

– Ну давай, давай же, роденькая, ну заводись же, не помирать же нам здесь. Давай, заводись, – но всё напрасно, всё ту же и ту же крутил стартер и огни на панелях уже стали заметно подрагивать – сел аккумулятор. О том, чтобы выйти, осмотреть поломку и попытаться отремонтировать не могло быть и речи.

Сначала он ещё надеялся на то, что появится встречная или попутная машина и поэтому терпеливо, ничего не предпринимая ждал. Но прошло несколько часов, закатный румянец померк, сугробы посинели и уже тонули в сумраке – ни

души, видимо мороз окреп и водителей уже не пускали на рейсы.

Пока ещё совсем не разрядился аккумулятор он от отчаяния сигналил, моргал фарами, хотя понимал, что его никто и не может услышать, потому как трасса далека, за этой гривкой слева. От мороза и вентиляторов, уже нагнетающих холод, гасли огоньки приборов панели. И вдруг он, подумав, что скоро совсем стемнеет, кинулся искать в бардачке ручку, но вспомнил, что перед самым отъездом отдал его товарищу по базе и не дождавшись его уехал в рейс. А так хоть написал бы что ни будь жене.

Потом он в отчаянии выскочил из кабины. Захлопывая дверь, успел увидеть, как кабина выдохнула паром в морозную синь последнее тепло – оно мгновенно растворилось на фоне темнеющего неба. Хотел кинуться к опушке леса за сухостоем. Но увидев метровые сугробы снега и поняв, что мокрая одежда его окончательно добьёт, передумал. Когда заскочил обратно в кабину, сильно пожалел о своём поступке – он мгновенно окоченел и уже кабина практически не спасала – холод впитался в каждую клеточку тела.

«Магирус» совсем остыл, почти заледенел, огоньки приборов погасли, стемнело, мороз пронизал до костей. Глядя на уже проклёвывающиеся на синем бездонном небе, холодно мерцающие звёзды он думал: «Неужели это всё, конец... И пожить-то толком не успел. Что будет с семьёй, как дочка вырастет без меня», мысли одна страшнее другой лезли в голову. И ведь только начали то по нормальному жить... Какие планы они строили и всё так глупо закончится? И он, уже в кромешной темноте, когда в запотевшее от его дыхания лобовое стекло всю силу светили звёзды, совсем замерзая стал прощаться с жизнью. Но, всё равно, его закоченевшая рука с дрожью всё тянулась к замку зажигания. Остывший металл ключа обжигал холодом, всё надеясь на какое-то чудо, он пытался повернуть его и услышать спасительное привычное урчание двигателя. Но чуда не происходило и, тогда как и все лишившиеся в такой ситуации воли, медленно и незаметно, в полной темноте стал засыпать...

Возможно именно в этот момент сладко спящая дочка вдруг проснулась и стала, всхлипывая, кричать: «Папа, папочка!»... Внутри сестры всё оборвалось, ведь маленькие дети чувствуют беду. Ей было уже не до сна. Почему-то она тепло

оделась, ходила взад-вперёд, рвалась к двери, то начинала одевать зимнее пальто, валенки, опомнившись снимала, потом уселась на табурет и так и сидела у порога, как будто этим могла ему чем-то помочь. Но надо же что-то делать! Идти бы, но куда? Да и как оставишь дочку и так вон всё ворочается, что-то шепчет в тревожном сне.

Так сидя у порога, она начинала клевать носом и в тягучей дремоте ей вспоминалась прошедшая осень – «Магирус», они всей семьей выехали за клюквой. Ступая большими и неудобными резиновыми сапогами по колыхившимися как ступень, покрытых мхом кочкам, обходя опасные оконца трясин, они быстро заполнили два ведра янтарной ягодой. Потом уселись на сухой лужайке перекусить. Дочка носилась вокруг, собирая жёлтые листья, что-то лепетала, пыталась петь модную в то время песню «Арлекино». В эти минуты муж становился очень внимательным и даже немного сентиментальным. Мечтательно глядя на вершины багряных трепетных осин, на пожелтевшие стройные берёзы, на высокие кедры, гордо вскинувшие кверху свои темные, мохнатые ветви, говорил:

– Представь, ещё полгода и у нас на книжке будут деньги на покупку «Жигулей». Мы купим беленькую «Ладу» и поедем в отпуск. Запрыгнем на платформу и неделю будем отдыхать до Тюмени. А там! Сначала по дороге к моим заедем, потом к твоим в леса и горы! Знаешь, как классно будет! Всех свояков объедем, погуляем с ними на наши северные!

«Вот и купили «Ладу», не надо мне никаких «Жигулей», лишь бы живым и здоровым вернулся» – думала она в дремоте, и ей чудились его бодрые шаги по скрипучему снегу, его радостное – «Эй вы там в хате, спите!?!». Но за окном так и продолжалась тихая, нескончаемая морозная ночь... Она, так и сидя на табуретке, тревожно вздрагивая незаметно уснула. И ей приснилось, что его ярко-оранжевый «Магирус», едет по ледяной переправе и вдруг треск и грохот – грузовик проваливается под лёд и медленно уходит под воду. И вот он уже под водой, окружённый стремительно уходящими вверх мелкими пузырьками воздуха. Она в коричнево-зелёной воде, подсвеченной солнцем, проникающим в ледяной провал, видит его лицо. Он ещё весело и озорно смотрит, пытается что-то сказать, но постепенно его глаза закрываются, и он медленно уходит вниз...

Вернулся он лишь утром. Обнимая зарёванную, опухшую от слёз жену рассказал:

– Представляешь, заглохла, зараза. Два километра до трассы не дотянула. Раньше я думал – как можно, ничего не делая для своего спасения, уснуть и замёрзнуть насмерть. Думал – почему бы не развести костёр, ведь вокруг много сухостоя. Запали костёр, да грейся. Оказывается, всё просто – мороз настолько сковывает, лишает воли, и любое лишнее движение так холодит, что ничего и не хочется, да и не может. Такое ощущение, что мороз проникает в мозг человека и он перестает думать. Нет! Ты этого не испытала и не поймешь меня!

– Проснулся я от того, что кто-то меня нещадно тербит, бьёт по щекам. Придя в себя, я сначала ничего и не понял. Мне было так хорошо, я видел такие красивые сны, что подумал – кто осмелился меня потревожить. И лишь когда мой спаситель, увидев, что я ещё живой, перетащил меня в кабину своей машины и на полную мощь включил печь, я пришёл в себя. Он стащил с меня унты, растёр замёрзшие ноги, руки. Напоил горячим чаем из термоса. Мой спаситель – украинец из нашей базы. Давай на выходные позовём его семью к себе в гости.

А спасла его... ручка. Тот самый товарищ из базы вернулся с рейса и стал искать хозяина ручки. Может и махнул бы, мол, что там ручка, сейчас их кучи. Но она была особенной. Зять привёз её ещё с Венгрии после дембеля. Сидя в полутёмной курилке, он, поворачивая ручку к тусклой лампочке, рассматривал её толстую основу – на ней были миниатюрные, сочные фотографии полуобнажённых красавиц, и он, причмокивая приговаривал:

– Эть запад, сделают же, а, какие девахи-то грудастенькие, а. – Довольно сопел он осоловевшими глазами шаря по ручке. То так повернет, то эдак.

Зная, что хозяин хранил её как талисман и она кочевала из бардачка одной машины в другую, решил дожидаться, да и любил после тяжёлых рейсов посидеть с ним за партией шахмат и не торопясь, за интересными беседами распить беленькую. Уже вернулись все машины, водители, ругая на чём свет стоит морозы, разошлись по домам, часть понуро ждала служебный автобус. И уже когда никого не осталось и в курилке установилась гулкая тишина он рванулся в диспетчерскую.

– Да что ты переживаешь-то, наверное, остался на той базе, ведь уже всем передали – прекратить все рейсы, – недовольно бурчала толстоватая, с пухлыми, ярко окрашенными губами, крашенная блондинка-диспетчерша.

– Ай дивчина, та не мог он там остаться, не холостой же хлопец, у него в хате дочка та баба на сносях. Вызови ту базу по рации, там он аль нема.

Недовольная хозяйка диспетчерской кое-как, сквозь шум и треск в эфире услышала, что на базе чужих машин не осталось.

– Так выпиши мне путёвку или дай поехать за ним, наверное, что-то случилось, помёрзнет ведь!

– Куда ты поедешь, запретили все рейсы! А что, если и сам застрянешь? То ли с одним беда, то ли с двумя...

Плюнув и в сердцах обматерив её, он, несмотря на свои лишние килограммы и большой, выпирающей из-под ватника живот, легко и стремительно бросился к своей машине, завёл и не успев как следует разогреть подъехал к воротам и чуть ли не с боем вырвался из базы, на ходу успев крикнуть сторожу:

– Хлопец в тайге погибается, выручать нада!

Машину они тогда всё же купили – беленькую, блестящую по бокам серебристыми молдингами, с парными круглыми фарами впереди, ноль двадцать первую модель «Жигулей». Как и положено тогда, закрепив машину на платформе и запасшись недельной провизией выехали на «большую» землю.

Я помню как они приезжали на своей «Ладе». Одетые во всё модное, импортное, молодые и красивые. Покупали всё дорогое не считая денег. К концу отпуска сестра говорила:

– Всё. Хорошо отдохнули, пора домой. Как здорово! Я уже так соскучилась по своему Северу!

Со временем они переехали в пригород большого нефтяного города, стали жить в приспособленном под жильё вагончике. Родилась вторая дочь. Дети росли вместе всем двором – соседи молодые пары как одна семья, так и все дети – всё время вместе.

Когда уже окреп город и чётко обозначились основные улицы, выросли красавицы московские шестнадцатизэтажки, строились дороги между городами, стали подтягиваться и родные.

Стало веселее. Сначала родня жила у них, потом получив жильё съезжали. Зять с удовольствием встречал на своей машине приезжающих, возил их по организациям, помогал с обустройством быта. Все праздники, дни рождения дружно проводили вместе. Здесь выросли дети, выучились, повыходили замуж, женились. Город стал для всех совсем своим, родным и любимым... К ним позже присоединились и мы.

Проходит зима. Дни заметно удлиняются. Морозы постепенно отступают, но время от времени напоминают о себе, и водители на стоянках опять подключают подогрев машин к уже забытым, запорошенным снегом удлинителям. Но всё чаще на чистом голубом небе всё радостнее светит солнце от которой глубокие сугробы заметно проседают, становятся грязно-ноздреватыми. Неугомонные трактора, снегоуборочные машины, грузовики, вывозят последние почерневшие кучи снега со дворов, подчищают грязные обочины уже чистых от наледи дорог.

Как-то стоя у окна, я вдруг вспомнил ту пару – что-то давно они не появлялись. В любую погоду – в буран ли, в стужу ли, невзирая на гололёд или сырость они каждый день совершали свои неспешные, размеренные прогулки. Куда-то уехали, а может заболели?

Вспомнил, что последний раз видел их, когда завьюжили февральские бураны. Порывистый холодный ветер разносил падающий снег вдоль дорог, тротуаров, забивал укромные проходы, заглаживал впадины и неровности. Поднимал и крутил по немислимым траекториям пустые пакеты. Они шли согнувшись, пряча в воротники подбородки, придерживая свободной рукой шапки, время от времени поправляя шарфы. Шли совсем тихо, кое-как переставляя ноги – ветер упорно гнал их назад, и каждый их шаг давался с большим трудом. Они останавливались, отворачивались от ветра и колючего снега чтобы отдышаться. Потом снова упорно шли метр за метром преодолевая сопротивление шквалистого ветра. Наблюдая за ними, я думал – вот так же, наверное, они шли по жизни вместе, рука об руку, всё время преодолевая трудности, тяготы – сколько их выпало на их долю... И вот с тех пор они не появлялись.

Но уже когда снег совсем растаял, газоны, кустарники, берёзы вдоль улиц, под щедрым солнцем белых ночей, брызнули зелёным,

и коммунальщики обновили свежей краской посеревшие за зиму столбы и ограды, я увидел её...

Она идет еле переставляя непослушные ноги. Её губы что-то шепчут, голова всё время поворачивается направо, и её правая рука всё время приподнимается, видимо она привычно и неосознанно ищет отсутствующую и главную для неё опору – согнутую в локте левую руку мужа...

Но слева держась за неё, бодро вышагивает смешной карапуз. Он всё рвётся вперёд, тянет за собой спотыкающуюся бабушку. Она смешно ругается и не в силах удержать его, отпускает. Он начинает бегать взад-вперед, кружиться вокруг

неё. Срывает с газонов расцветшие желтые одуванчики и всё сует их бабушке.

Дойдя до тех самых бетонных плит он всё бегая кругами распугивает важно разгуливающих голубей, они разлетаются. Но как только бабушка достаёт из сумки остатки хлеба, они уже не обращая внимания на расшалившегося внука собираются вокруг их доброй кормилицы...

Жизнь продолжается, город ежедневно прихорашиваясь ждёт шумных и весёлых северных праздников, проходящих в пике белых ночей...

Белые степи жизни...

Книга Рамазана Шайхулова «Белые степи», изданная в Москве в 2024 году в крупнейшем издательстве России «Эксмо», первоначально была выпущена тиражом 3000 экземпляров. Затем, из-за большого спроса выпущен дополнительный тираж в таком же количестве. И необходимо заметить, что роман издан не за счёт средств автора или спонсора, а за счёт издательства, и автор по договору получает свои проценты от продаж, чего не происходило со времён развала советской системы книгоиздательства.

В чём успех этой книги? Необходимо отметить то, что все работники издательства и читатели единодушно признали её семейной сагой, в которой через историю семьи автора правдиво, непредвзято передана вся история России и Башкирии. Книга состоит из двух частей. В первой – жизнь бабушки автора Зухры, родившейся в 1900 году. Поэтому события происходят на фоне истории России, начиная с Первой Империалистической войны и заканчивая семидесятыми годами XX века. Вторая часть – на основе жизни матери автора, начиная с предвоенного времени и заканчивая годами перестройки. Вся история данных героев и судьбы второстепенных героев тесно переплетены с драматическими событиями прошедшего века.

Автор книги получает множество отзывов и одна из самых выразительных от писателя-романиста из города Екатеринбурга Нарин: «Как будто и не книгу читаешь, а хроники семьи, записанные в тетрадке. Страницы живые: тут чернила растеклись от слёз, тут у самого переплёт-

та осталось несколько иголочек хвои, лепесток степного цветка. Хотя события описаны грустные и трагические, история очень добрая. Эта доброта, смирение пробивается через текст даже в те моменты, когда, казалось бы, и места им нет.

Богато написаны пейзажи, деревенский быт. Стоишь с Зухрой на крылечке, "на мокрых от росы досках", пробираешься с ней через дремучий лес, переходишь вместе с Заятом вброд ледяную реку. Проживаешь простую крестьянскую жизнь, мудрую, как смена времён года.

Эта книга показалась мне очень родной, и не только потому, что я с Урала, и такие башкирские деревушки знакомы со школьных походов, а, наверное, потому что многое в ней из нашей общей истории. А некоторые моменты уютные, как советские кинофильмы. Например, эпизоды о том, как Салима ходила на танцы.

Добавлю, что мне откликнулось бережное отношение автора к прошлому, без мелких обид, ненависти. По-народному терпеливое переживание трудных времён, отношение к тяжёлым событиям, как к паводкам или грозам, которые проходят. Поэтому книга будет актуальна во все времена».

Автор получает много отзывов основным лейтмотивом которых являются благодарности за знакомство с историей, культурой, менталитетом башкир.

Шайхулов Рамазан Нурисламович в данное время завершает работу над следующим подобным романом.

**Маргарита Генриховна
Сладкова**

г. Сургут

Наотмашь дождь колющий вперемешку
с порывами причинённого «добра».
Добавочные разочарования участвуют
главными действующими лицами.
Снова и снова лица икона конструирует
стойкую бесстрастность, наглухо зашториваясь
шатким подобием равновесия.
Но, без надобности. Ибо – отчуждённость.
Неудержимый бубен подправляет
подпорченную историю, пробивая ход наружу.
Ледяным треснутым магическим шаром
мечется в не прочерченных границах
взбудораженная и онемеваящая душа.
Прячась в собственный профиль,
стынет гримаса недоумённого бессилия.
Человеческий глаз успеваает
захлопнуть припухшее веко,
не отпуская в этот мир
отливающую жемчужным светом
живую каплю.

Маргарита Сладкова

Високосный февраль

1.02...

Несчётные произнесённые условия нашёптывают, успокаивают, бормочут, просят, настаивают, диктуют, издеваются, игнорируют, существуют по умолчанию... Ими занят весь объём времени. Деться некуда – они давно привыкли иметь на меня право. Извне видится, в лучшем случае, лёгкое сопротивление. Для меня же – самое гладко округлое и почти безобидное – самое жёсткое многоугольное, неуловимо меняющее свои принципы поглощения. Избежать невозможно. Отсутствие равно присутствию. Я – точка превращения в себя условно.

2.02...

Бесстрастно и хрономерно переваливаются через меня и вползают на новое доверчивое пространство не состоявшиеся (по их мнению) творения, с постоянством, достойным уважения, предоставляющие себя как поле действий. Я вправе отказаться от них. Но не нахожу границу раздела. Вернее (правдивее), тщательно втираю клей в невидимую трещину. Заранее невозможно отказаться от своей, хоть и самой несовершенной, части.

3.02...

Погружение в уныние... Но что толку тратить на это время. К тому же – грех. Стараюсь удержать позиции или хотя бы игнорировать – не получается. Разберусь чуть позже. А пока счищу краски, замешаю новые и растрёпанной кистью пройду по наглой роже этого подлого дня.

4.02...

Убит полёт. Убит предметом: спицы обыкновенные (сопутствуют приспущенные шторы взглядов). В таком пересечённом пространстве движение просело в целом. И раскатами грома в грудной клетке отбивается время. Как выяснилось – потерянное.

5.02...

Меняю упрощённые отношения на выигрышные – проявляющие, подчёркивающие. Переходим как шестерёнками «втекаю» в каждую обоюдность, принимая другое видение, не уловленное мной вовремя, недостающее... недостижимое...

6.02...

Не тороплю, не опережаю, не подгоняю под сказанное, не помогаю без просьбы, уважаю время в т.ч. чужое, в т.ч. мнение, терпеливо выслушиваю – и..! И много чего ещё так называемого правильного придерживаюсь. На фоне этого малейшая оплошность высказывания или действия вызывает явление лавины и заваливает меня всеми самыми наименееподъёмнейшими морализаторскими мегалитами, вне зависимости от праведности моих намерений... Не поэтично. Но это вечер сего дня.

7.02...

Явление рассветного тумана затянулось до вечера. Он местами провис фантомными сугробами и приятно щекочет нервы своей несвоевременностью и этим – мой мост с собой налажен! От этого – спокойствие разливается в сосуды винно-гвоздичной нотой. И хватает секунды, чтоб ожить на чуть большее время.

8.02...

Припудренный женский конфликт сменил оттенок, стал похож на застарелую гематому. Есть маленькая надежда на полное исчезновение с поверхности. И есть большая уверенность, что даже этого не произойдёт.

9.02...

Ловлю действительности на эфирных стадиях предчувствий и предположений. И пусть они будут амортизирующими подушками, в крайнем случае, спасительными матами.

10.02...

Тонко наигранная лучезарность. Дальше – веселье с фальшивой вовлечённостью и полностью отсутствующим интересом каждого к каждому, и – подмена общности остаётся нераспознанной. Обрывки фраз с отчётливо слышимыми повторами вперемешку с поглупевшим эхом... Заранее проживаемое сожаление по не случившемуся родству душ. Круг не сложился. Детали не ответны – настойчивое соединение имеющихся даёт в результате ущербный ноль. И как из начала, из него, такого, ничего не может состояться. Воистину, искренность проверяется отношением к успехам других.

11.02...

За собой оставляю право, несмотря на жёсткие условия, уйти от случайной привязанности обоюдных сторон не ставшей, но уже трудноотдираемой от сердца. Лучше это раньше произойдёт. Да что – произойдёт. Это сейчас и происходит.

12.02...

Обойдёмся малой кровью. Скажем друг другу по полправды. Косметический ремонт отношений тоже имеет право на существование. И тогда завтра снова будем рады друг другу. До тех рамок, где каждый позволил себе остаться неприкосновенным.

13.02...

Только вечером вспоминаю, что утром собиралась у видеть в зеркале другую. Лёгкую, пластичную, органично вписанную... Прошедший день под это описание снова не подходит.

14.02...

Шёлковым бежевым айвори скрыта неоконченная скульптура. И ни единой душе, ни её автору, ни ей самой не известна истинная стадия и результат работы – как бы атласно, а местами бархатно странные очертания положений не навевали более или менее правдоподобные образы. И так каждое утро.

15.02...

Облачка, созданные из иллюзий, вдоль и поперёк исписаны неразборчиво-плотно. Тем самым явили иные поля смыслов. Они, непонятные, более живые, чем узнаваемые, читаемые, и потому преследуют меня, не мелочась, подобием полупрозрачных гигантских виноградных гроздей. Каждая мыслеградина – целое сокровище! Достаточно пригубить – становишься и словом, и живым вином.

16.02...

Единичные личности без лиц естественными линзами из единственно едва приоткрытых прорезей скользят по едва различаемым микроскопическим частицам утра. Ничего необычного – минус сорок. Конечно, не полная мерзлота, но утомлённые тенями обезжизнелись. Кто не решился на встречу с хладнокровной стихией, тот просто остался апатично-потусторонним собственным временем, где сон теплей и реальной, а реальность – сон во сне, лабиринт без выхода.

17.02...

Ладонь скользнула по плечу, щеке, прикрытым векам... Прохлада, влага, песок, рубашка, взгляд глаза-в-глаза, с растяжкой тихий голос, чёрная вода и камни, капли с лунных слитков, чужие стены, чайный столик, курение иллюзий, томительное километро-время, короткое эссе и... гулкий ритмичный стук сквозь замороженное серое окно и скудный свет бесцветно-равнодушного светила... и соло в далёком настоящем за чашкой утреннего кофе.

18.02...

Запредельный белый полностью заменивший собой до стона далёкий тёплый сам с собой сыграл злую шутку – не дав хотя бы нюдовых, ушёл в себя полностью. Исчез, как запрограммированное выключение от хлопка в ладони. От этого же хлопка, перевоплощающимся вирусом явился калейдоскоп оттенков и сочетаний, соединяющих цветовые точки и бредово-вынужденные переходы: из соснового короба дверного проёма вылетают и беспорядочно парят апельсиновые шары, бирюзовая шкатулка плещет о

подоконный волнорез и титановая пена разномразмерных кашпо добегают почти до макушек лесотундровой горшочной и скромно-зелёной бамбуковой растительности; царапает глаза пастель песочных. Набор цветного стекла стаканов – изящное дополнение феномену спектра идеи.

19.02...

Приходится из развёрнутых незаказанных событий, мысленно произнося скороговоркой отчаянное неодушевлённое «боже-боже» и одушевлённое «прости-прости», создавать подобия своего уравнения, постоянно меняя на равносильные и, насколько хватает сил, искать решения, вживаясь в числа, звуки слов и игру извлекаемых корней, то теряя, то набирая их, на первый взгляд посторонних.

20.02...

Нечаянное падение головой в ладони внезапно по активированной спирали ушной раковины затянуло и выбросило в другом пространстве! Ура. А это метод. Может в нём что-то получится.

21.02...

Свисаешь сломанной веткой... Шанс прорасти есть. Но нужно упасть во влажную смесь из давнего и ближнего прошлого. Тогда начнётся новое движение. А пока только метка во времени. Щемлящая по утрам. По ночам – зовущая.

22.02...

Не по неосторожности, с предвзятостью, походя, раздают себя направо-налево советы, не озаботившиеся узнать – кому, собственно, и надо ли. И справедливо, если натываются на крепкую заслонку с крепким ответным советом.

23.02...

Когда избегаешь, бережёшься, не хочешь – жизнь сама выталкивает на предел... Оценить отсутствие, ощутить ярче присутствие, сменить угол зрения на эпицентр. Чем жёстче «погодные» условия, тем быстрее приходит принятие себя без собственных условностей, выбор линий, зигзагов и точек над «ё».

24.02...

Говорим гладко обтянутыми поверхностями. Проверенный способ остаться целыми.

25.02...

Равновесие пропало... Теперь иду с одним крылом, по инерции ловящим потоки, а другим, обессиленным, плакуче ивовым, заметаю остатки следов блуждания и заблуждений...

26.02...

Сердце, вихрящимся цветком собирает капли алого вечера. Вдох хрустально-мелодичного букета запахов и нежелание его выдыхать.

27.02...

Символы королевской власти трёхлепетковыми самоподобными букетиками, разбросанными печальномерным стройным ритмом, вбиваются в ковровое покрытие всё глубже, крепче, знаменуя очередное завершение жизненного цикла: роста, расцвета, увядания и опадания так прикипевших ко всем фибрам ролей. Обречённость отречения приглушается пыльной замшей и рассредоточенностью шаговых повторов. Даже не стараюсь ступать мимо, якобы по пустоте. Что это поменяет, будь они на стенах, тканях, гардинах или потолке? Чёртово колесо...

28.02...

Всё! В безответственную обострённость забиваю чоп – картина «Настроение, противоположное происходящей тряске» готова. Пока что, это единственно разумный подход к себе.

29.02...

Хочу оставить этот лист нетронутым. Прозрачным и потусторонним. Ещё не имеющим влияния и влияющего. Параллельным мне. Неприкосновенным даже собой.

**Василий Васильевич
Киляков**

г. Электросталь

КРАСОТА И НЕПОДКУПНАЯ ПРАВДА

Для русского писателя всегда было важно ощутить контуры современной ему реальности, уловить и обозначить её чувственное восприятие, не только понять смысл событий и поступков, но и ухватить содержание самой этой эпохи, внутри которой довелось дышать и жить художнику и его народу. Каждый повествователь и литературный мыслитель по-своему считывает открывающиеся ему знаки и письма, но почти всегда они включают в себя молекулы подлинной жизни, пусть даже автор будет во многом тенденциозен. Однако его первичные впечатления и умозаключения наверняка хранят под собой вполне достоверную основу, хотя бы она и имела малый вес и плохую наглядность для иного стороннего человека. Всё дело в существенных опорных точках реальной жизни, в её главнейших постулатах и привычках. Вот почему тот автор, взгляд которого упал на узловыe предметы и явления времени, становится писателем выдающимся, вне зависимости от того, о радостном или о трагическом повествуют его литературные страницы.

Василий Киляков – писатель, примечательный, в первую очередь, своей интонацией. Его сюжеты и персонажи отличаются ни на что не похожей «вживлённостью» в окружающий их мир: в деревне – это мир уходящий, кажется, безвозвратно и непоправимо, постепенно и тихо; в городе – мир, рушащийся на глазах, теряющий человеческое тепло, забывающий о добре и зле и устремлённый только к собственному эгоистическому самостоянию. В рассказах и повестях прозаика читатель часто обнаруживает конфликты и эмоции, которые обычно не называются и не показываются в современных книгах. Будь то зияющая нравственная пропасть между совестливым отцом и циничным сыном. Или исподволь зреющая ярость телохранителя, видящего ежедневную низость хозяйина. Однажды, пусть только в воображении, служивый выпускает тайный гнев на волю и бьёт о землю своего нанимателя – ещё, ещё и ещё раз...

В записках о современности Киляков запоминается читателю сокрушённым авторским тоном, в котором улавливается горечь и от собственной вины за гибель советского миропорядка – за то, что ранее привычные понятия о любви и чести превратились теперь в пустую риторiku.

Однако печаль художника в прозе и заметках оказывается свойством только его скорбящей души. Этот вздох сердца он никому не навязывает, но показывает то, что видят его глаза, что улавливает его слух даже и под земною корой. И одновременно всматривается в книги своих собратьев по перу, в их подвижническую деятельность во благо русской культуры и Православной веры.

В его устах часто звучит имя Михаила Петровича Лобанова, выдающегося критика и мыслителя, профессора Литературного института им. А. М. Горького. Семинар прозы Лобанова не раз называли «семьёй», потому что вот так, по-семейному, старший говорил с молодым поколением, которое взялся учить уму-разуму. Он обладал удивительным умением называть вещи своими именами и никогда не боялся этого. Неслучайно многие завидовали ученикам Михаила Петровича белой завистью: редкое счастье входить в «семейный круг» подобного уникального человека.

Василия Килякова по праву можно считать одним из лучших выпускников лобановской литературной школы. Практически все его статьи о творениях наших классиков и лучших произведениях советского периода написаны с этих позиций. Когда речь заходит о современниках – Дмитрие Мизгулине, Николае Бурляеве, Александре Орлове, Александре Кердане, о других авторах, каждая подобная работа симптоматична для времени и места – Москвы, Санкт-Петербурга, Ханты-Мансийска, Красноярска, Пскова, Воронежа...

Перечисление географических точек на карте словно бы заживляет ноющие рубцы в окоёме разорванного пространства отечественной культуры и лишней раз позволяет сказать с внутренней уверенностью: русское искусство не собирается умирать, а если его голос на какие-то годы стал тихим, то это значит, что копилась творческие силы, и уже близко мгновение, когда этот голос вновь станет уверенным и свободным.

В статьях Василия Килякова много радости от осознания того, что русский художник сегодня менее одинок, нежели в чёрное вчерашнее время. Око творца и мыслителя открыто, ему доступны тайны прошлого, нынешняя меланхолия, видны очертания твердыни духа. И эта книга, кажется, подводит черту под минувшим и будто требует от читателя взглянуться в день завтрашний, во многом холодный и ветреный, но наполненный красотой и неподкупной правдой.

Вячеслав Лютый,
*председатель Совета по критике
Союза писателей России.*

Будьте любезны!

В одном из больших домов большого города жил холостяк Пётр Петрович, человек незаметный, маленький, худой и чистенький. Дом, в котором он жил, стоял высоко, точно на подносе, этажей было много, а окон еще больше. И каждое хранило в себе по частице высокого неба, в точности повторяя рисунок облаков, их оттенки и переливы. В летние легкие вечера стекла пламенели от заката – зрелище необыкновенное. И всякий раз, когда Пётр Петрович возвращался домой, он останавливался поодаль, закладывая под мышку свою трость стеклянного набора, неторопливо протирал очки платочком и любовался.

Снизу вверх казалось, что дом кренится, вот-вот рухнет, и от этого делалось жутко и весело...

– Вот так громада! Какая великолепная силища, а стоит себе – и молчок... А ведь когда-то и ухнет... о-о...

Пётр Петрович, видимо, всем существом своим желал в своей серенькой жизни увидеть что-нибудь необычное, из рук вон выходящее. Но дом стоял себе как стоял. Глухо отражал он любой звук, был прочен, был нем и холоден, словно крепость, и Пётр Петрович, вздыхая, отмерял тросточкой коротенькие шаги – от угла дома до крыльца их было девятнадцать, потом погружал-

ся в гулкую утробу подъезда, в его холодное пространство, и пропадал до утра. Подъезд поглощал его, как огромная разинутая пасть, и покорность, с которой Пётр Петрович отдавал ей себя, один вид этой покорности мог бы вогнать в тоску самого весёлого от природы человека.

Пётр Петрович шёл чёрным узким коридором, непроглядным даже в погожие дни, и однажды поймал себя на мысли, что против воли пригибается, как-то весь сжимается от страха удариться обо что-то в темноте, и с горечью подумал: «Вот так-то и во всей моей жизни».

Было так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Утром шла мимо дома, рекой текла толпа, она подхватывала Петра Петровича, а вечером возвращала усталого, чуть потрёпанного, слегка ошалелого и смешного. И опять он задирает голову, и опять разглядывал что-то на холодной каменной стене, ждал, пугался собственных мыслей и семенил домой. И если бы кто-нибудь сказал ему тогда, что с высоты седьмого этажа на него с интересом смотрит некто Иван Дмитриевич, Пётр Петрович очень удивился бы. Он и представить себе не мог, что им может кто-то интересоваться.

Спешить Петру Петровичу было некуда и не к кому, сам же он был настолько мал и близорук, а

дом так громаден, что разглядеть в серых лужах окон хоть что-нибудь было очень трудно.

Как раз в то самое время, когда Пётр Петрович появлялся во дворе, некто Иван Дмитриевич стряхивал с себя остатки послеобеденного сна, раскуривал толстую ароматную папиросу и от безделья глядел на улицу, глубокую, как ущелье. И всегда, лишь только догорала его толстая папироса, он замечал Петра Петровича. Трудно сказать, чем этот маленький человек привязывал его внимание. Ясно другое: Иван Дмитриевич видел его ежедневно и уже улыбался ему как старому знакомому. И Ивану Дмитриевичу казалось, что Пётр Петрович тоже в ответ улыбается. Случалось даже, что Иван Дмитриевич махал рукой Петру Петровичу, а тот как раз в это время снимал шляпу, чтобы не сронить её, задирая голову, и получалось, что они друг друга приветствуют.

Затем Иван Дмитриевич плотно ужинал, пил свой крепкий приторный кофе и опять курил. Это был рыхлый пожилой мужчина с генеральской осанкой и круглыми, развёрнутыми назад плечами. Голова Ивана Дмитриевича казалась плоской, срезанной на четверть и блестела отполированной плешью. Ровная, словно вытертая долгим ношением фуражки. Сам Иван Дмитриевич нисколько не стеснялся её и шутил: «Что под шапкой, то моё!»

В прихожей висела гимнастерка старого образца, в углу стоял буковый кий. Сразу после ужина Иван Дмитриевич влезал в эту гимнастёрку, брал тонкий-тонкий и несоразмерно тяжёлый кий и спускался вниз под семь маршей лестницы, в бильярдную.

Бильярдная находилась в подвальном помещении того же дома. Иван Дмитриевич гонял там шары с вечера до полуночи, время от времени подумывая о том, как хорошо и всё же нехорошо быть в отставке, в достатке и одному. Его штаны тёмно-зелёного цвета, жарко начищенные пуговицы на гимнастёрке и строгий стоячий воротник – всё это было в полном порядке, а неторопливость и внимательность, с какой он натирал мелом кий, покручивая его в руке, когда готовился к очередному удару, – всё это открывало в нём человека очень непростого, бывшего, что называется, и на коне, и под конём в этой жизни. А жизнь шла. И Иван Дмитриевич с вечера до полуночи клал с размаху шары налево и направо по лузам. Не любил играть один, не любил сам писать мелочком на доске и за деньги не держался, то есть был не жадюга. И не раз приходилось маркеру подниматься со стула и нехотя менять

ему побитые шары на зелёном поле бильярда и в сетках луз, раздутых, как карманы подростка от ворованных яблок.

А Пётр Петрович? Кто же знает, чем он занимался в это время... Известно лишь то, что с темноты до утра он не переступал порога своей квартирки по той простой причине, что ему некуда было пойти.

Но однажды в пятницу, 12 апреля (и до сих пор эта дата обведена в календаре Петра Петровича кружочком от бордового карандаша), – в жизни его случилась необычная, радостная и трагичная перемена...

Началось с того, что возвратился он не в пять, как обычно, а в семь часов вечера. И был так расстроен и разбит усталостью, что в спешке попал не в свой подъезд, но, сразу же заметив это, повернул было обратно, как вдруг услышал смех, а за ним и громкий говор и увидел косую, сломавшуюся на ступенях полосу света из-за полуоткрытых дверей. Полоса света была зелёной от неплотно задёрнутых штофных занавесок.

Раскат смеха повторился и был так некстати сейчас, так не сродни мыслям Петра Петровича, что он опешил. Потом торопливо и скоро спустился под лестничный марш, и, отворив дверь, сказал отдельно и в сердцах:

– Ничего весёлого, молодые люди! Ровным счётом ничего весёлого, да!

С той же чудаковатой поспешностью круто повернулся на каблуках и вышел... нет! И вот тут-то он и столкнулся грудью с Иваном Дмитриевичем. И то ли проход был так узок и тёмн, то ли Иван Дмитриевич так грузен и мясист, только Пётр Петрович оказался вдруг вытесненным обратно в бильярдную, а узнав при свете лампы его лицо, толстый Иван Дмитриевич сказал запросто, как знакомому:

– Ба-ба-ба! А я вас знаю!

И само внезапное появление такого крупного, добротного, ладно скроенного человека, и известие, что его, Петра Петровича, может кто-то знать, так его огорошило, что он не нашёлся что ответить.

В накуренной комнате били по шарам, а Пётр Петрович и Иван Дмитриевич уже улыбались друг другу.

– Я, это, собственно, хотел... – сказал Пётр Петрович, краснея и огибая сторонкой Ивана Дмитриевича. – Это... я...

– А это я! – ответил Иван Дмитриевич, протягивая свою очень мягкую ладонь, широкую и горячую.

– А это... вы... – проговорил вконец потерявшийся Пётр Петрович.

– Повоюем? – спросил Иван Дмитриевич.

– Это как? – не понял Пётр Петрович.

И тут же, при общем внимании, ему был вложен кий в руки, и он на потеху всей бильярдной братии ткнул им в шар впервые в жизни. Иван Дмитриевич одобрительно промычал, следя глазами за бегущим шаром, написал мелком виньетку на большом пальце левой руки и с тяжёлой грацией взмахнул локтем. Его шар прокатился как гром по ясному небу, и состязание началось. Так – помнил Петр Петрович – началось посвящение его в товарищество игроков.

Через полчаса – когда-то одинокий во всём мире, а теперь разгорячённый азартом и счастливейший из людей – Пётр Петрович топтался вокруг бильярдного стола и, неловко, врозь расставляя локотки, бросал отрывисто и резко:

– Свой в левый угол! – и, приседая, бил в шар.

– Вот так! – повторял он, запирая дыхание, и замирал в полу-приседе, пока шар не обегал все борта и не останавливался, крутясь, где-нибудь в уголке.

– А мы вот так! – отвечал ему Иван Дмитриевич и удачным карамболом, вздёрнув кверху плечо, вгонял с маху «чужого» в лузу.

– Как это вы его ловко! Ишь, карман-то оттопырил, тяжёлый, дьявол, – говорил Пётр Петрович, добывая шар в руки и устанавливая на полочку.

Шары Ивана Дмитриевича Пётр Петрович пересчитывал с особенным удовольствием, двигал и носил осторожно, как свежие птичьи яйца. И всё-таки Ивану Дмитриевичу было скучновато с вечно проигрывавшим Петром Петровичем, и поэтому он предпочитал играть вчетвером. И нужно было видеть, как тогда при каждом новом, влетевшем в лузу шаре Пётр Петрович восхищенно вскидывал руки, с каким уважением глядел на Ивана Дмитриевича, и с таким конфузом за себя, за своё жалкое существо. Тёр пальцем углы, о которые ударялись его шары. И ясно тогда становилось видно, что Пётр Петрович болеет вовсе не за себя, а за Ивана Дмитриевича, хоть тот и без того очень ловко, с плеча впечатывал шары один за другим в лузы так, что за показ можно было деньги брать.

Тем же вечером Пётр Петрович впервые за много лет отомкнул дверь своей квартиры с улыбкой на лице. Перед глазами всё ещё стоял добрейший Иван Дмитриевич и то и дело оживали, бегали весёлые шары, крепко хлопая друг о

друга и широко раскатываясь по зелёному стёртому сукну.

«Очень, очень хороший человек, – думал Пётр Петрович об Иване Дмитриевиче утром следующего дня, – серьёзнейший, добрейший человек...».

И он опять снимал и протирал перед зеркалом платочком очки, и всё лицо его казалось в это время ещё милей, и проще, и радостней.

И они опять играли. Играли и на следующий день, и Пётр Петрович уже с нетерпением ожидал, когда наконец в бильярдной покажется осянистая фигура Ивана Дмитриевича.

Пётр Петрович приходил намного раньше, приходил он заранее с удивительной охотой поговорить. Он ждал и не мог дожидаться Ивана Дмитриевича. Он хотел слышать его низкий тембровый голос, хотел видеть его крупные, круглые, развёрнутые плечи и ладно посаженную, плоскую от плечи, лобастую голову. Голову Иван Дмитриевич носил как-то особенно, гордо: чуть-чуть назад и сызбоку. Умело носил. И всё это: и своё уважение к Ивану Дмитриевичу, неизвестно откуда и как взявшееся, и свою расположенность к бильярду – Пётр Петрович чувствовал ясно. Случались теперь дни, когда часами напролёт Пётр Петрович гадал, что бы такое придумать, чтобы ещё ближе расположить к себе Ивана Дмитриевича. В жизни его теперь появилась как бы тонкая струна, звонкая, поддерживающая его существование. Часами отыскивал он темы для будущих бесед. Находил и подхватывал интересные случаи и анекдоты, такие, чтобы они уже сами по себе подразумевали в нём, Петре Петровиче, ум и чувство юмора. Когда же темы для разговора не находилось, он тщательно осмысливал, что по логике вещей может увлечь Ивана Дмитриевича, и шёл ещё дальше: старался предугадать весь их разговор, диалог, сцены. И всякий день теперь до встречи Пётр Петрович бывал радостен и счастливо взволнован. Он перестал останавливаться перед стеной своего дома и любоваться светом заката, а проходил мимо поспешно, теперь он был занятый человек, теперь он вечно спешил: нужно было сделать то-то и то-то, скорей, как можно скорей. И румяная как яблочко продавщица от души смеялась, когда Пётр Петрович путал персиковое варенье с майонезом «Провансаль».

А потом – бильярд.

И всё-таки он продолжал казаться себе мелким, маленьким и неуместным, даже смешным в

сравнении с крупным и величественным Иваном Дмитриевичем.

– А погодка на дворе чудесная, по заказу! – говорил Пётр Петрович, потирая руки и мелко, ненатурально смеясь. И ему было стыдно, что он так лживо смеётся и потирает руки. Но Иван Дмитриевич, казалось, не замечал этого.

– Не подморозило бы опять, – отвечал он сдержанным басом.

– Ой, а сколько же на улице-то?

– Двадцать два – для интересу! Ну, не начать ли нам?

И опять, как вчера, как много дней назад, крепко хлопали друг о друга шары и разбегались в разные стороны.

Первые дни было заметно, что Ивану Дмитриевичу скучновато, и тогда Пётр Петрович из кожи вон лез. Он намеренно спешил, натирая мелом кий и себе, и Ивану Дмитриевичу, исполнял мелкие обязанности шута и маркера, пыжился, прицеливаясь, потешно выдувал губы и пучил глаза. И по-прежнему часто и мелко смеялся.

Что заставляло его пасть до постыдного шутства? Он не задумывался. Да и в этом ли дело... Просто и ему было приятно делать то, что нравилось Ивану Дмитриевичу.

– Быстро же ты делаешь успехи! – сказал ему как-то Иван Дмитриевич.

– Стараю-ся! – и это старомодное «ся» проскрипело как заискивание, и опять стало стыдно.

– А Пётр Петрович-то у нас, – сказал вслух Иван Дмитриевич, принимая от него пальто, – от двух бортов бьёт в середину так, что за показ деньги брать можно!

– Ну?! – притворно удивился кто-то, мельком взглядывая на Петра Петровича. – Полковник, вы куда?

– В никуда.

– Как это?

– А так: до-мой.

И я домой, Иван Дмитриевич. Подождите, Иван Дмитриевич...

...Ночь Пётр Петрович спал дурно: то ему казалось неловко оттого, что он не сказал, не успел сказать Ивану Дмитриевичу что-то очень важное, то вдруг подхватывало и согревало тёплое веселье от похвалы, и в ушах стоял чей-то бархатный баритон: «Ну-у». Затем наставлял новый день, и вновь Пётр Петрович тщательно отыскивал темы и фразы и мило, по-детски радовался каждой, как ему казалось, удачной находке. «А он бы мне ответил вот так... или нет,

скорее вот как...» – думал он, и сам бы не мог сказать, откуда бралось то весёлое чувство, которое окатывало его с ног до головы. Это было что-то похожее на влюблённость, да он и не хотел вдумываться в это чувство, боясь погубить его размышлениями.

Однажды Пётр Петрович, с крупным портфелем под мышкой, в белом халате, время от времени выбивавшемся из-под пальто, с какой-то излишне сосредоточенной серьёзностью вошёл в один из подъездов своего дома. Поднялся на седьмой этаж и трижды позвонил. Пахло от Петра Петровича коллодием.

– Врач! – сказал он, вытирая ноги и так наклоняя голову, словно собирался бодаться. – Врач. Кто болен? Где больной? – И сунул в протянутые к нему руки своё коверкотовое пальто.

– Врач? Так-так-так... – приветствовал его знакомый голос. Пётр Петрович поднял голову. Улыбаясь, держа в руках пальто, перед ним стоял Иван Дмитриевич.

– Вот! – сказал Пётр Петрович. – Это вы, Иван Дмитриевич?

– Я, Пётр Петрович, как видите, живой, здоровый и даже не поцарапанный, – он зацепил петлю пальто за крючок. – Вот так-то, будьте любезны.

– Да?

– Да!

– Однако не очень и здоровы, как я понимаю? – Пётр Петрович снова протёр платочком очки. И оба засмеялись: ха-ха-ха, хо-хо-хо!

Битый час Пётр Петрович осматривал крупное тело своего дородного друга. Забирал в ладонь мягкую горячую кожу его живота, мял, тискал, вкладывал пальцы в ребра, утонувшие в складках жира. Постукивал по спине. Считая пульс, он неодобрительно поморщился и pokrutil головой. Окидывая взглядом всю эту гору мяса, сказал:

– Знаете, Иван Дмитриевич, милёночек, ведь у вас нейроdistония и тахикардия страшная.

– Вот?! – удивился Иван Дмитриевич. – Что же, мне жить-то – два понедельника? –

И, подумав, добавил:

– Знаете что, оставайтесь-ка у меня!

– Ну?!

– Что «ну»? Ведь я же могу умереть, вы же сами сказали.

– Я так не говорил...

– Нет, вы сказали. Сейчас вы останетесь, и будьте любезны – чай пить.

– А что, и останусь. Вы ведь у меня сегодня последний.

– Да вы и совсем оставайтесь.

– И совсем останусь...

И Пётр Петрович поселился у Ивана Дмитриевича. Утром они вместе завтракали по-холостяцки: яишенкой или холодцом, но очень умеренно. Потом до пота и красноты лиц напивались чая с кренделями. И незаметно Пётр Петрович перенял у Ивана Дмитриевича поговорку – «будьте любезны». Он говорил так: «Придёте, и вот вам чай, будьте любезны. Нет, вдвоём не в пример жить кучерявее» или: «А вот и я, будьте любезны», «Будьте любезны, Иван Дмитриевич!».

Иван Дмитриевич страдал грудной жабой. Болел он давно и неизлечимо, и Пётр Петрович, принявший приглашение поселиться у него, принялся ястребом следить за здоровьем больного. Он напускал на себя неприступно-строгое выражение, разбавлял Ивану Дмитриевичу чай, горький, как пиво, и, вконец осмелев, принялся прятать папиросы и спички, чтобы тот не курил. Но Иван Дмитриевич всякий раз находил их и снова жарко раскуривал толстую папиросу, наполняя комнаты душистым дымом папирос «Аида», дым стоял и волновался на кухне от малейшего движения. Этот душистый дым везде преследовал Петра Петровича, и он, к своему тайному удовольствию, пропах им насквозь. Запах ароматного табака не давал ни на минуту забыть о том, что у него есть друг, а значит, и семья, потому что друг был по-настоящему добрый, надёжный и большой. Он помнил об этом на улице, в аптеке и дома, в парикмахерской, в бане – везде. Мирно и легко текли дни, и не было им счёта.

Здоровье Ивана Дмитриевича шло на поправку.

Только раз Пётр Петрович пришёл немного взволнованный и сказал с виноватой улыбкой, усаживаясь за обеденный стол:

– Знаете, а меня ведь сегодня на пенсию выгнали!

– Ну! Что вы говорите! – удивился Иван Дмитриевич.

– Да, на пенсию. Теперь я свободен. Свободен, как птица в полёте. Совсем, совсем... А так... жаль. А у вас есть семья?

– Есть. Дочь. То ли в Джанкое, то ли в Симферополе, а вернее – то там, то там. И писем не шлёт. Вот и заводи их, детей-то...

– А я, знаете ли, всегда как-то был одинок, –

тихо, точно сам себе, говорил Пётр Петрович. – всю жизнь. Так вышло. И даже не замечал, не тяготился этим своим одиночеством, пока вот вас не встретил.

За сильными очками Петра Петровича не видно было глаз, и оттого он казался Ивану Дмитриевичу безликим, вроде тех трогательных слабых людишек, каких он так часто встречал за свою жизнь.

– Да-да. Знаю это. Это что-то вроде веры в Бога. Потому-то, может быть, среди одиноких чаще всего встречаются верующие...

– Именно. И ещё. Больше всего это присуще, извините, женщинам. Но они ищут опоры в замужестве, а это другое... Вот вы спрашиваете, почему я не был женат. Именно по этой причине: какая, позвольте спросить, из меня опора? Да мне её хоть самому подавай, да где взять-то?

– Ищут поддержки.

– Да уж, поддержки. А женись я? Разве мог бы я стать поддержкой? Нет-нет...

И опять летели дни, и теперь Пётр Петрович поднимался в свою комнату только лишь для того, чтобы поменять что-нибудь из одежды. Так он поменял демисезонное пальто на пиджак, потому что наступило лето, и, прихватив кое-какие книги, спешил скорее, скорее выйти вон. Эти вынужденные возвращения к себе, в свой гардероб, превратились для него в пытку. Слишком много дней, пустых и жёлтых, провёл он в этих четырёх стенах, и теперь с неподдельной радостью спускался он и спешил, спешил к Ивану Дмитриевичу, подальше от своего затхлого жилья, пропахшего чем-то стоялым, душным, сыростью начавших уже плесневеть обоев и падающей штукатурки. Он спешил и шептал на ходу в такт шагам:

– Покой, покои, покойник... Покои, покой, покойник...

Он бежал из своих «покоев» к Ивану Дмитриевичу, торопился к его ароматному табачному дыму, к его грубому говору, шумной одышке; и потом из передней с удовольствием слушал притаясь, как Иван Дмитриевич опять и опять говорил сам о себе в третьем лице: «Иди, генерал!», – или: – «Ешь, генерал!», или – «Вот включу свет (и включал), занавешу шторы (и занавешивал) и лягу спать...».

И так во всём.

После таких вынужденных возвращений в свою комнатушку Пётр Петрович особенно остро и радостно сознавал, что он живёт, и ему

хотелось жить. Да-да, жить, вот так просто и радостно, долго, тысячи лет. Со времени ухода на пенсию он почти не расставался с Иваном Дмитриевичем.

В одно из воскресений, в полдень, Пётр Петрович по привычке отпер дверь Ивана Дмитриевича своим ключом, отпер, вошёл в квартиру, а Ивана Дмитриевича не было. Не было Ивана Дмитриевича и к вечеру, и к следующей ночи. И на следующий день тоже не было. Удивление Петра Петровича сменилось испугом и, наконец, всё возрастающей тоской.

Протолкавшись сутки в толчее больниц, вокзалов и милиций, он оглох от звонков, треска, скрежета и движения толпы. Пётр Петрович вконец отупел, очумел, и то и дело принимался дрожать, точно от мороза. Дома он, не раздеваясь, опустился в кресло и затих, задрожал плечами, заплакал навзрыд. Он плакал долго, безутешно, горько и сладостно, сотрясаясь плечами, трясая сухой породистой головой и разводя руками, да так и уснул весь в слезах. А очнулся внезапно оттого, что весело и чудесно затрещал вдруг в прихожей звонок и кто-то знакомо крякнул. Сердце Петра Петровича встрепенулось, прыгнуло, и он перевёл взгляд с окна на дверь. Звонок повторился, когда он уже с бьющимся сердцем и дрожащими руками, улыбаясь сквозь слёзы, распахивал дверь. Против него стоял почтальон, весь чёрный, как цыган или трубочист, в чёрном же костюме, с чёрными волосами и чёрными, врозь поставленными, словно с чужого лица, глазами. Он молча протянул телеграмму и дал Петру Петровичу расписаться в потрепанной книжечке, которую Пётр Петрович так же молча подмахнул, и вlepился взглядом в телеграмму... Трепетной рукой сорвал он бумажную ленточку и, задержав дыхание, переводил глаза со строчки на строчку: «Срочно выезжаю дочери». Адрес указывал: Мелитополь, проездом.

Всё...

Слова, которые он прочёл, были будто сказаны голосом Ивана Дмитриевича.

Комната ещё хранила тот уютный беспорядок, который всюду оставлял после себя Иван Дмитриевич. Там и сям лежали его недочитанные газеты, вещи как будто хранили запах его ароматного табака, прихожая – его бас. Точно он гудел ещё, тот грудной тембр: «Будьте любезны...». А сам он?.. Где он был сам? Отъезжал от какого-то чужого Симферополя, белокаменного,

со шпилем башни вокзала, далёкого, жаркого, ненужного.

Пётр Петрович ничего не хотел знать, он знал только то, что он остался один, совсем один. Даже больше, чем один, потому что когда не было никого, то совсем не хотелось верить в то, что кто-то и где-то живёт полной грудью, весело и счастливо. «А как же одиноким-то жить? А как же?..».

Он встал и стал быстро-быстро писать письмо. Рука дрожала и торопилась, словно была не своя, а чужая. Пётр Петрович несколько раз рвал то, что писал, и пихал в разные карманы пиджака и брюк. И когда письмо наконец было готово, Пётр Петрович прочитал его вполслуха и не сдержал грустной улыбки: письмо получилось такое, какое нужно, строгое, ласковое и убедительное. Всё в нём сводилось к одному: «Возвращайся». Пётр Петрович слабо улыбнулся, когда представил, с каким удивлением будет читать это письмо Иван Дмитриевич, как округлятся его глаза, затем разойдутся в улыбке щёки, растянется рот и, наконец, он погладит себя по плечи, как он делал всегда, когда волновался.

До самого почтамта Петр Петрович не спустил с лица улыбки. Он почти не сомневался теперь, что Иван Дмитриевич вернётся, непременно вернётся, уж теперь-то наверняка.

– С уведомлением, – сказал Пётр Петрович, протягивая конверт, и только тут вспомнил, что не знает адреса. «Мелитополь, – стучало в голове, – Мелитополь!». Струна, поддерживавшая его существование, лопнула.

В одну минуту он перестал видеть и слышать. Он видел только широкий пустой зал почтамта, насквозь пропитанный тёплым сквознячком калориферов.

Два дня он не спал, не ел. На третий его видели в бильярдной с трясущимися руками и сиротским лицом. Он сидел в уголке и смотрел из-под сильных очков на входную дверь, смотрел неотрывно. Чудилось ему, что вот-вот войдёт Иван Дмитриевич, гордо неся впереди себя брюшко, и скажет громко: «Во, задержался... А в Мелитополь-то тридцать два – для интересу!».

Хлопнула дверь, Пётр Петрович вздрогнул. Вошёл незнакомый, и Пётр Петрович ясно понял вдруг, что не помнит отчётливо Ивана Дмитриевича и не может представить теперь его таким, каким видел много-много раз. Он помнил голос, помнил его шинель и больше ничего. И когда пытался представить себе Ивана Дмитриевича,

то получалось, что разговаривал он с его широкой спиной, – и чтобы вернуть в память Ивана Дмитриевича, Пётр Петрович вернулся в его квартиру, влез в его шинель и прошёлся в ней туда-сюда, время от времени заглядывая в зеркало, но так как он при этом очень волновался, то так и не воскресил Ивана Дмитриевича в памяти. Он повторял его жесты, походку, движения рук и голос:

– Ходи, генерал! Хм-м, ма-ма-м... Ешь, генерал. Гм-хрр, смотри, генерал... Нет, не то, совсем не то! Ходи, генерал, будьте любезны!

Захотелось покашлять, и он покашлял – и вздрогнул, так сухо и непривычно отозвался его кашель в пустых комнатах... Потом снял очки и долго-долго протирал их платочком, то очки, то глаза.

..В городе Мелитополе появился сумасшедший. Это был будто бы худенький, слабый человек, старый и седенький, с высоко подрезанными височками. И выглядел он нелепо: маленький, в широченной, с чужого плеча, шинели, с тремя крупными звёздами на погонах. Пуговицы этой шинели будто бы взялись от времени и влаги зелёной ярью.

Но больше всего удивляло то, что в руках он носил... кий. Обычный кий, но носил он его осторожно – как носят заряженное ружьё. Почему кий? Зачем кий, а не какой-нибудь посох или трость? Этого никто не знал.

Человек этот останавливал прохожих и, извиняясь, приподнимал шляпу. Затем доставал из-за пазухи сложенный вчетверо лист телеграммы и, водя по ней пальцем, спрашивал, не видел ли кто некоего Ивана Дмитриевича Кошепьяна...

– Такой плечистый, видный мужчина. Такой... Его трудно не заметить, и лицо у него такое, такое... И одышка ещё вот так: хх-о... – и маленький смешной человек показывал, как дышит воображаемый Иван Дмитриевич...

Прохожие спешили от него, не оглядываясь.

Однако он всё же оказался в психиатрической клинике и был тщательно и придирчиво выслушан и выпущен со строгим наказом одеться прилично и вести себя с достоинством, как подобает нормальному человеку, а тем более в прошлом – врачу.

– Иди, иди, – сказала ему кастелянша, – иди, Кошепьян! – и проводила его до дверей. – Ишь, хрущ какой, а ещё седой, чучело! – И поспешно, с оглядкой скрылась за простенком коридора.

В этот день ярко светило по-осеннему холодное солнце и было зябко. То ли от этой текущей мимо людской толпы, то ли от высокого негреющего солнца, но маленький седенький человек в шинели поёжился. Трещали трамваи. По-прежнему подходили поезда к вокзалу, сменяли друг друга автобусы на остановках, выплёскивая на площадь и тротуары толпы народа. И шёл, шёл этот народ куда-то в молчаливой спешке, спешке на месте. Старухи торговали помидорами, грецкими орехами. Хлопали и переходили из рук в руки двери магазинов. Толпа шла молчаливо и нестройно, как разбитая армия. И эта страшная свобода среди множества безликих существ, когда можно бормотать что хочешь, показывать язык, декламировать стихи, и никто не услышит, не придаст этому значения; можно строить рожи, прыгать на одной ноге или топтать ногами, – эта странная и страшная свобода уже не поражала Петра Петровича. Это самое изумительное из одиночеств – одиночество в толпе. Кажется, что толпа не идёт, а плывёт над землёй, подталкивает плечами, раскрывает, расталкивает перед тобой проспекты, заставляет видеть то, что читает она: те же проспекты, аншлаги, вывески и объявления. Читать те же газеты, что и она. Толпа берёт от тебя часть твоей жизни, и топит её в общем котле, заставляет терпеть и спокойно мириться со всем тем, что тебе открывают и показывают. И это ощущение одинокой общности со всеми вдруг совершенно излечило маленького седенького человечка в роговых очках. И толпа великодушно приняла его, медленно, шаг за шагом спустила с крыльца, наступая на волочающуюся по ступеням шинель... Толпа скрыла и потопила его, и никто не замечал странного вида этого маленького человека, ни букового кия в его руках, ни измученного, бледного, растерянного лица. Лишь психиатр, тот самый врач, что четыре часа беседовал с ним, глядел теперь ему вслед из окна своего кабинета. Но и его внимание отвлекла вялая осенняя муха, долго выбиравшая, куда бы ей сесть на подоконнике. Психиатр без труда раздавил её пальцем, а когда поднял голову, то уже не смог различить своего недавнего пациента в десятках других людей, снующих взад и вперед.

Голова Петра Петровича скрылась за другими головами, а плечи широкой шинели потонули за другими плечами.

Вот уже и совсем его не стало видно. Теперь уже навсегда.

**Наира Александровна
Симонян**

гг. Сургут, Ереван

Поэт, переводчик, член Союза писателей Армении, член Союза писателей России.

Родилась 30 июня 1971 года в селе Эштия Богдановского района (ныне Ниноцминда) в Грузии в семье учителей. Окончила филологический факультет Ереванского государственного педагогического института имени Хачатура Абовяна. Преподавала армянский язык и литературу в школах Армении и Грузии с 1993 года.

Первое стихотворение было опубликовано в двенадцать лет в журнале «Пионер» (Ереван). Много печаталась в журналах, газетах, армянских и грузинских коллективных сборниках. Первая книга «Асупи цолк» («Блеск метеора») вышла в Ереванском издательстве «Наири» в 1997 году, затем там же – сборник стихов «Я не принцесса жизни» в 2004 году, «Ночные эскизы» в 2014 году (на армянском языке).

Произведения Наиры Симонян в оригинале и переводах Павла Черкашина, Татьяны Юргенсон вошли в авторские и коллективные сборники на русском и армянском языках.

Публикуется в литературных журналах Еревана, Тегерана, Тбилиси, Абхазии, России – Москвы, Екатеринбурга, Ханты-Мансийска, Сургута: «Пионер канч» («Пионерский зов») Ереван, «Аршалуйс» («Заря») Ниноцминда, «Пионер» Тбилиси, «Запредельный» Ереван, «Образ» Москва, «Литературная Армения» Ереван, «Норк» Ереван, «Факт» Ереван, «Литературный мост» Тегеран, «Мост» Тбилиси, «Бизнесмен» Москва, «Сургутские Ведомости» Сургут, «Литературный Амшен» Абхазия, «Нефть Приобья» Сургут, «Сургутская Трибуна» Сургут, «Чаша кругов» Екатеринбург, «Эринтур» Ханты-Мансийск, «Врата Сибири» Тюмень, «Второй Петербург» Санкт-Петербург, «Югра многоликая» Ханты-Мансийск.

С 2013 года является членом Сургутского литературного объединения «Северный огонёк», занимается переводами, развитием связей между армянской и русской литературой.

Лауреат национальной премии Армении в области культуры, литературной премии «Паруйр Севак» (2018). Награждена Золотой медалью имени Ованеса Туманяна за переводческую деятельность (2017). Лауреат всероссийской литературной премии имени Н.С. Лескова «Очарованный странник» (2020).

В слова обращать простор...

Перевод с армянского Андрея Расторгуева

Когда всё будет пройдено – до шага,
От слов устав, я лягу под гранит.
Всю истину и ложь мою бумага,
Быть может, ненадолго сохранит.
И, став с иными почвою единой,
Через столетья для Господних рук
Прохладною податливую глиной
Опять отправлюсь на гончарный круг.
Но и тогда частицею нетленной
Я, как сегодня посреди живых,
Смогу расслышать голоса вселенной
В глубинных отголосках корневых.
И снова бесконечную объемлю
На языке бушующей листвы,
Связав любовью солнечную землю
И глубину небесной синевы.

Когда среди заснеженной глуши
Твоё простое имя называют,
На глубине раздвоенной души
Цветы надежды новой оживают.

Когда тоска-тревога настаёт
По древним дням твоим и переменам –
Подобно кочкам клюквенных болот,
Она цветёт опасливым кармином.

И, об армянах долгий разговор
Ведя со мною посреди Сибири,
Не заглушит моё кедровый хор
Излюбленное соло о Наири.

Пока берёзы соком по весне
Меж небом и землёй неутолимы,
Ты навсегда останешься во мне –
Душа и плоть вовек неразделимы.

В круговороте вечном бытия
Мы все плоты земные воедино.
Я – маленькая косточка твоя,
И ты – моя живая сердцевина.

В грядущем я прошлого не изменю,
Крылом не убавлю увёртливой боли,
Но, страстью подобна живому огню,
Кружением танца вернусь из неволи.

Космической пылью надсадно дыша,
Опять о телесном мечтаю покрове,
По вере её обновится душа,
Моё во плоти возрожденье готова.

Во множестве слабые и без меня
В земное вцепляются вновь недотроги,
Но этого пляшущего огня
Гасить я не вправе, не кончив дороги.

И он разгорится, и всё повторится –
Пусть губы вино заблужденья сожжёт,
И ноги сотру, и надежда солжёт,
Что заново скоро восток озарится.

На глубине душа сторонится бури.
Дремлет с одышкой старый кедровый бор.
Как невесомо птица парит в лазури.
Как тяжело в слова обращать простор.

Запах живой смолы набирает бремя –
Густо внутри по широким ноздрям скользит.
Может, меня не осудит земное время
За небольшой невольный в него визит.

Но и дорогу в толщах его теряя
Там, где словами трудно определить,
Я и по воздуху прямо шагну от края,
Чтобы границы собственные продлить.

Утраченные заново поля
Подобны высыхающим пескам...
Что завещает вешняя земля
Подснежников летящим лепесткам?

Ушедшие за смертную черту
Небесные просторы защищать
Кому о сильной родине мечту
Расцветшую успели завещать?

Заколот агнец, но ответа нет –
Господний гнев ничуть не помягчал.
Бессильны наступающий рассвет
И женское начало всех начал.

На самой богословной из планет
У совести залеплены уста.
И только я свидетельницей бед
Сжимаю тело, снятое с креста.

Как будто птицы стали безголосыми,
Округа полусонная молчит.
Иное здесь таится за кулисами,
Иная музыка звучит.

Необратимым стиснута течением
Душа моя, как полая вода.
Каким неодолимым попечением
Ей суждено растаять без следа?

Бедою слова беззащитно существу
В бессмертии уверенности нет...
Я не узнаю, голосу зовущему
Взлетала или падала в ответ.

Другой дороги нет, и выхода иного:
Спасения ища, цепляюсь за слова,
Когда из далека видения былого,
Сгущённые в крови, рождает голова.

Другой дороги нет, исхода нет иного:
Какие бы любовь ни зачала плоды,
Осеннею порой всё опадает снова,
А далее – зима, и на снегу следы...

Партер битком, кулисы разошлись –
Изображай, паяц, в пределах сметы,

Единственную собственную жизнь
Тащи на сцену под аплодисменты.

Душа твоя хотя и хороша,
Ей только вера точкою опоры:
Пока слаба – не стоит ни гроша,
Подкована – передвигает горы...

Тут все свои полны чужих словес,
Чужие роли каждому швырнули.
В чей населённый призраками лес
Спроста мы ненадолго заглянули?

Здесь небо плачет о своей вине,
И души нераскаянные бродят,
Листву хоронит осень в желтизне,
И солнце остывающее бредит.

Но я всегда наперекор жила
Инстинкта необъявленную сутью.
Плавник мой плод утратил и крыла,
Когда ещё не трепетал под грудью.

Комочек нарастающей мечты,
В ком жизни беззастенчивая сила
Свечение небесной высоты
С приливною волной соединила.

В раскалённом мерцании мыслей, сходящих на нет,
От тоски по тебе в мельтешении дней пропадаю
И опять, погружаясь в калейдоскопический бред,
Я судьбу, как Елена Троянская, переменяю.

Обнажённое тело бесстыдно среди темноты
Жаждет губ остужающих, не помышляя о мере,
А душа в глубине поминает былые мечты,
Потаённое эхо поёт эпитафию вере.

Наши реки у самого берега – скоро впадут.
Наше время подтачивать скалы единым
течением...

Жаль, идущие следом, наверное, не подадут
Ни единого повода, чтобы вздохнуть
с облегченьем.

Перевод с армянского Михаила Рябия

В мятежное небо душа воспарила,
Прельстившись лукавым блаженством,
Но пала – на большее сил не хватило! –
К подножию несовершенства...

И плачет, и стонет в замёрзшей кручине –
И молит прощенья у Бога!
Но пламя молитвы погасло в трясине
Греховных страданий без срока.

Раскаянья жаждет безвольное тело
Под спудом камней Сизифа,
Напрасно цвело и улыбочиво пело,
Соблазном, рождённое лихо!

Над морем житейским по-прежнему чайка,
Как символ бескрылой надежды,
Парит над волнами, – и рыбная стайка
Блещет в златистой одежде.

Благословляю этот день,
Когда вершит он сладость с мукой,
Когда бесценною наукой –
Владеть тобою! – мне не лень...
И я, подвластная любви,
Твоя рабыня и царица,
То вознесусь с тобой, как птица,
То кошкой греюсь на груди!
Куда несёт меня судьба? –
Состав по рельсам дней-ночей!
Не нужно доли мне ничьей –
С тобой, куда зовёт труба!
О, голос, сладок он, как мёд!
Он высшей воли – приговор! –
И потому правдив, хоть лжёт,
Как наш с тобою вечный спор...

Перевод с армянского Павла Черкашина

REQUIEM

В череде штормовых смертоносных воронок
Ищут выхода тщетно и люди, и Бог.
Вой собаки по жизни – и долог, и звонок –
Стал оракулом дней, чей фатален итог.

Отупляющий влажностью запах хачкаров*
Разливается вширь, никуда не исчез.
У посланников мира на крыльях кровавых
Воспаряют слова побеждённых небес.

Изувеченным падает зов пробужденья...
Кровь невинного в каждой земельной горсти...
Мне последнего выпадет доля мгновенья:
Мира высохший труп на плечах пронести...

*Хачкар – (дословно «крест-камень») – вид армянских архитектурных памятников и святынь, представляющий собой каменную стелу с резным изображением креста в национальном орнаменте.

ЭЛЕГИЯ НА СЛОМАННЫХ РЁБРАХ ЗЕМЛИ

Я здесь, как слепец, без конца спотыкаюсь:
Глаза ли слепы, темноты ли сгущенье?
На мира дорогах, в крови разлагаясь,
О, сколько мечтаний и жертв поколений!
Ворота свисают разбитого неба
(Господь, Человек – заблудились, изгой)
Разбита, разорвана кожа планеты
И всё ещё пьёт чаши полные крови.
...В их зеркале красном души отраженья:
Глядя – поканьем искупит грехи.
Жрецы теперь ищут звезду для спасенья
В безжизненной нашей холодной крови.
Я с теми, кто пал на дороге кроващей:
Отчизны в душе сберегая звезду.
Я ближусь к мечтания точке горячей,
Живую лампаду поднять хоть одну.

МЕЛАНХОЛИЧНЫЙ ВЕЧЕР

Меня больше небо не хочет узнать
Повсюду, во всех многозвёздных мирах,
Напевы другие желают звучать
На сонного ветра холодных губах.
И шорохи эти — сплошная печаль!
Дрожание слабое мышц не унять,
И нет у них крыльев, стремящихся в даль,
Чтоб пламя с душой сумасбродной обнять.
Теперь и вот в эти напевы лишь вой
Бездомной собаки вольётся сейчас.
В нём тоже тоска и вселенская боль,
Как образ опознанной сущности в нас...

Иногда мне говорят: «Да ты, брат, романтик!» Или: «Ну, ты философ!» И мне непременно становится неловко, ибо ничего романтично-философского в служении Слову нет. Это изматывающий труд. Рутиня. Болезненный плен. При этом главная сложность – сохранить ему преданность. Несмотря ни на что.

А Слово отзывается и даже помогает своему верному «адъютанту», посылая вдохновение. Но это не послабление, как может показаться на первый взгляд. Это экзамен на зрелость: умение расправить крылья и полететь. И не задохнуться от ощущения полёта. И вовремя понять, что падать всегда больно.

Минувшая зима была для меня истинным подарком. Слово не покидало меня ни в январе, ни в феврале. И даже прихватило март. Это было удивительное время. Моя Сургутская зима 2025-го! Перед вами – плоды её...

Сергей Ильиных

**Сергей Владимирович
Ильиных**

г. Сургут

Стихийно отражённый свет

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ

Бреду, бреду тропинкой зоровой,
Едва заметной в мареве вечернем,
И терпкою потрёпанный травой,
Мечтаю, очарованный кочевник.

Как хорошо бы было не стареть
И вымерла сама собою смерть,
Страдание мифическим осталось
И впереди любви бежала жалость.

Как хорошо мне просто так брести
И слушать, как поёт в тумане птица,
И в пенье этом тихо раствориться,
Приветствуя стучащий в темя стих.

Я чувствую, как снова, снова, снова
Из ощущений прорастает слово.

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Слышу песни стылой пустоты –
Словно эхо осени продрогшей.
Глядь – повсюду чёрные кресты!
Чёрные берёзовые рощи,
Будто вдовы, плачут об одном –
Об ушедшем лете и о солнце.
А над ними тучка с ветерком,
Как девчушка шалая, несётся.
Этой тучке, впрочем, невдомёк,
Что когда задумчивые лица
Смотрят вверх, то наступает срок
Дождиком отчаянья политься.

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

Я в опыт жизненный не вник,
Но с головой в архив зарылся.
Забытый старенький дневник
Мне неожиданно открылся.

Ах как бесстрашен он, колюч,
Любвеобилен и злораден!

И где-то там хранился ключ
К душе растрёпанной тетради.

Я разыскал его с трудом –
И вник в страдания и боли,
И вдруг себе признался в том,
Что буду доживать в неволе.

Видать, судьбою обречён
В объятьях памяти томиться:
Теперь сургутским сургучом
Скрепляю старые страницы.

Что былое тревожишь?
Что ты хочешь понять?
В этой жизни ты можешь
На себя лишь пенять.

Память – малая щёлка
Для того, кто не слеп,
Кто счастливо прощёлкал
Память-ад, память-склеп.

Но и это не помощь,
Не спасательный круг...
Благодарная полночь
Станет мачехой вдруг!

Ни заслуг, ни везенья
Впредь никто не зачтёт,
Только горькое зелье –
Как предъявленный счёт.

МАРТ. НАЧАЛО

Пять налево и девять направо –
И во двор, меж машин, наугад...

Марширую по марту я браво,
Как весны караульный солдат.
Марширую не глядя, вслепую,
Разгильдяйством нутро веселя,

Ничего-то не слышу, но чую:
Пробуждается наша земля.
Вновь мерещится лето: запели
В ближней роще мои соловьи...

Мне бы только дожждаться капли
И – как дар – обновленья любви.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РОМАНС

Напеки мне оладушек, мама,
окропи их печалью-слезой –
я забуду песочный мой замок
и однажды приеду домой.
Говорят, на деревне отныне
будет всё по-другому; и ты
в беззаветной заботе о сыне
на полатах скопила мечты.
А в хозяйстве, понятное дело,
каждой думке – положенный срок.
Ты ведь всё, дорогая, успела:
семена заготовила впрок,
насадила по окнам рассаду,
и в порядок сарай привела...
Подожди, на дорожку присяду
и – назад, от чужого угла!
Ты не бегай, автобус встречая,
лишь почаще в окошко гляди.
Я такой же, как прежде, родная:
в телогрейке и с грустью в груди.

ПОКАЯНИЕ

О, кабы не случай
с его не замыленным глазом!
О, кабы не ты
с осторожным, кошачьим чутьём!
И кабы не враг мой,
годами казавшийся рядом
мне другом и братом
в привычном позёрстве своём –
природа не стала б
лепить из меня стратотерпца,
в ком, с ритма сбиваясь,
влюблённое кается сердце
над прошлым, что просит
однажды себя растерзать,
взамен выправляя
гусарскую поступь и стать.

Но главное в этом
безумном и дерзком разброде –
предчувствие истины,
схватка капризной судьбы,
отечества пустошь
и пепел родной городьбы...
Ах, кабы не леть
о моей пресловутой породе –
и я б не связался
с коварной частицею «бы»!

У любого молчания громкое эхо:
и тревога, и страх, и слепая помеха,
и любовь, и надежда, и тайна успеха,
и кривая ухмылка судьбы.
Ничего под луною ленивой не ново:
схоронится за хрипами хрупкое слово,
а язык перестанет юлить без улова,
если мысли пусты и грубы.

ЗАЗДРАВНОЕ

«Как ты?» – спрошу я. –
«А это, друг, тайна!
В мире немеряно тайн».
Память разборчива,
Но постоянна,
Ей не велишь: выбирай.
Все мы заложники
Вздорного блага –
Путь свой вслепую пройти.
Нянчатся с нами
То страх, то отвага,
Крылья расправят: лети!
Запросто, только...
Проверенным курсом
Иль наобум и стремглав?
Главное – чтобы
Назад не вернуться,
Логику смыслов поправ.
Чтобы за каждое
Жизни мгновенье
Здравицы памяти слать.
Гой еси? Ратуйте
За вдохновенье:
Низкий поклон! Исполать!

LOCA TASCENTIA

До обид ли мне сегодня?
Я обиды не держу.

В терем прелой преисподней
На ночь глядя ухожу –
Ночи мне родней, и даже
Горечь мысленно круша,
Знаю я: опять в продаже
Чья-то подлая душа!

Огонёк внутри потушит
На ночь глядя индивид
И, отчаянно бездушный,
Сам себя приговорит:
Мгла кругом, и помраченье
В лоно пало валуном...

Чую млечное влеченье
Позабиться знойным сном.

БОРОЖБА

Они живут отдельно от меня,
Как дети беспризорные. Но мне ли,
Отеческую преданность кляня,
Метаться лабиринтами сомнений?
Не лучше ли напомнить о себе,
О том, что был такой же одинокий,
Когда однажды в жаркой ворожке
Мучительные выколдовал строки.
Добавил красок, музыки слегка
И отпустил! Но плакал я при этом,
Пленённый невесомостью стиха,
Его стихийно отражённым светом...

Да, доверчивым был,
но не к аду иль раю,
Потому-то и жизнь
на алтарь не кладу.
Я разнузданный век
сам в себе доживаю –
Тем и счастлив, пока
сам с собою в ладу:
Никуда не спешу,
пересудам не внемлю,

От судьбы не бегу
и от бед не сверну...
Я пришёл в этот мир
и уйду в эту землю,
Не предав ни родных,
ни друзей, ни страну.

Я помню всех, кого любил,
О ком годами сох когда-то,
Но страстный юношеский пыл
Гасил улыбкой виноватой.

Я помню их туманный бред
Не наяву – в мечтах наивных,
Где каждый ядовитый след
Вымыливал в кипучих ливнях.

Я помню снов и пот, и кровь,
Слепую оторопь сближенья,
Когда запретную любовь
Спасает мгла стихотворенья.

Я помню всё: и липкий страх,
И гул безбашенного смеха,
И скепсис – милый на устах,
А значит, значимый как вежа.

Я помню счастье, помню боль
И лёгкий трепет узнаванья,
И откровенное «Уволь...»,
И вновь немое «До свиданья».

Дни не уходят в никуда –
Они скрепляются успехом
И превращаются в года,
Тихонько отзываясь эхом.
А эхо будит мифы в нас,
Определяя место слухам,
И те хранятся про запас
В противоречии пожухлом.
И так мелькают времена.
Потомок наш –
Хорош ли, плох ли,
Посеяв слухов семена,
Получит лик чужой эпохи.

**Оксана Борисовна
Чайковская**

г. Томск

Родилась в заповедном уголке нашей области – в Кожевниковском районе, но с детства жила в Томске. Была творческой личностью, и стремилась реализовать все таланты с ранних лет. Ходила в Художественную школу, драмкружок, вокальную студию, редколлегию, в актив школьного музея. Сочиняла стихи, выступала с ними на разных мероприятиях и каким-то чудом находила время на то, чтобы писать дневники... Когда настало время остановиться на чем-то одном, поступила на отделение журналистики филологического факультета ТГУ. С той поры журналистика стала любимой работой, поскольку с первого курса я сотрудничала с областной газетой «Красное знамя», а с третьего уже работала в этой газете. Стихи и прозу писала без отрыва от основной работы, вырастила по ходу жизни сына и дочь... Попутно иллюстрировала свои и чужие книги, сотрудничала с такими изданиями как «Томский вестник», «Вечерний Томск», «Комсомольская правда» в Томске, «Вечерний Томск» и другими местными газетами и журналами. Много лет была литсотрудником журнала «Персона.Томск». Участник и призёр различных творческих конкурсов, есть ряд публикаций в литературных журналах и сборниках, член Союза Журналистов РФ и Союза Российских писателей. Автор двух сборников стихов – «Перо птицы Феникс», «Зимняя девочка» и сборника рассказов «Тёплая листва минувшего сентября».

Увлечений и хобби много – краеведение, история, кино, театр, коллекционирование. Основная страсть – собирание старых кукол и игрушек, ёлочных украшений и открыток времён СССР, но и старые книги, и старые вещицы невозможно оставить без внимания. «Уходящая натура» – главное, что хочется сохранить для будущих поколений, и я этим увлечена всерьёз. Поэтому сейчас с удовольствием работаю в Музее деревянного зодчества, и радостно выступаю в роли хранителя старины.

Оксана Чайковская

У памятника Санитару

От гладкого больничного подоконника исходила приятная успокаивающая прохлада. Нина прижимала к себе плачущую девочку и гладила её по голове, ритмично похлопывая по спинке. Ей самой в детстве такое помогало успокоиться. Бабушка тогда ей что-то нашёптывала, похлопывая по спине. Гладила, целовала в темечко, и всё проходило. Боль, тревога, страх. А, может, дело было не в похлопываниях, и просто у бабушки, точнее, прабабушки – баба Варя была Нине прабабушкой – были такие волшебные руки?

Она говорила: «Сейчас всё пройдёт!» и всё проходило. Даже боль неоспоримая, например, от разбитой до крови коленки. Рана на ней пугала месивом из едва запёкшейся крови и прилипших к ней травинок и была обрамлена махристой бахромой содранной кожи.

Даже прикоснуться к ней, чтобы убрать из раны мусор, было страшно. Но бабе Варе это удавалось – заговорить боль. Не то она так внимание отвлекала, не то и правда какие-то особые слова знала... Про прабабушку Варю говорили, что она ведунья и знахарка, но к её восьмидесяти годам, когда старшая правнучка Нина стала достаточно взрослой, и могла побольше понимать в устройстве жизни, баба Варя уже давно уехала из деревни. Из тех мест, где её знали, как травницу, повитуху и мастерицу на все руки. Такая слава пристала к ней, поскольку именно у неё хлеб был самый пышный, квас – хмельной, а брага – лёгкая.

Сама Нина ничего из таинственных дарований прабабушки не унаследовала. Разве что полученные от неё в детстве уроки мудрости и чуткости усвоила. Стремилась никому нарочно не делать зла, не мстить, не конфликтовать без особой нужды. Такой завет баба Варя давала своим внукам и правнукам.

Сейчас Нина гладила по спине и по волосам свою плачущую внучку и сердце её разрывалось от жалости. Их радостная прогулка в ясный майский день обернулась для внучки неудачным падением на бегу. Уля с размаху упала на асфальт, ударившись коленками. На одной только немного кожу содрала, а на другой!.. Содран большой кусок кожи, текла кровь... Настоящая рана!..

Она уговаривала девочку совсем немного потерпеть, шептала, что скоро всё само пройдёт. Сама Нина знала, что боли и болезни со временем проходят, но восьмилетней Ульянке ещё не хватало жизненного опыта, и она не верила в такие обещания взрослых. Слёзы текли по щекам ручейками, и оставляли на праздничном шелковистом платье девочки тёмные потёки, похожие на искристые следы от звёздочек салюта, которые скатываются с неба.

Пришлось срочно ехать в травмпункт детской больницы, накладывать швы и повязки, утешать девочку и волноваться. Волноваться, как бы не было заражения. Нервничать, гадая, как скоро заживёт ранка, из-за которой Ульке теперь придётся долго пропускать занятия в бассейне.

И вот – рана на коленке уже была промыта, отошедший лоскутик кожи пришит обратно, коленки забинтовали и даже поставили болочные уколы – один с обезболивающим лекарством, другой – с лекарством от столбняка.

А ещё Нина ломала голову, как объяснить снохе и сыну, почему девочка, доверенная бабушке, травмировалась именно во время прогулки с нею. Нина глубоко вздохнула, и тут рядом с ней прозвучал детский жалобный вздох со всхлипом. Всхлипывала внучка, прикипая к её плечу. Нине стало стыдно. О чём она думает, о каких пустяках, когда главное, что внучке очень больно! Девочке-то сейчас намного хуже... И Нина решила, что уж как-нибудь объяснится со снохой. Та, быть может, вспомнит, что и под её прищотом маленькая Ульяна зеркало разбивала и с табуретки падала, ударившись о край стола. До сих пор у неё над бровкой еле заметный шрамик красуется.

– Как твоя ножка, Бельчоночек, сильно болит? – спросила Нина внучку.

– Нет, не сильно, баба Нина! Щиплет только... И чешется!

Тут они хором засмеялись.

– Идти можешь, или такси вызвать?

– Нет, не хочу такси, мы же собирались ещё погулять! Ты обещала карусели и мороженое, и в книжный магазин...

Нина обрадовалась. Если девчонка рвётся в книжный магазин, значит, всё совсем не так плохо.

– Пойдём Улечка, тут близко. Только давай сядем в трамвай! Вдруг нам повезёт, и достанется новый вагон?.. Они такие красивые и удобные!

Уля привычно резво соскочила с подоконника, но тут же охнув, уняла прыть и сделала несколько шагов, прихрамывая. А бабушка велела ей идти аккуратно и медленно. Хватит уже с них приключений после той погони за первой весенней бабочкой нынешним утром.

Город в мерцающий зелёной дымке только что распутившихся листочков, омытый вчерашним дождём, был таким прекрасным, свежим и таким любимым, что Нина порадовалась тому, что живёт в нём всю жизнь и не хочет никуда уезжать из своего драгоценного Томска. Её не понимают те подруги, что уже переехали на Кубань, в Калининград, в Москву. Им там очень нравится, и они не скрывают, что считают Нину глупой. А она любит бывать в других городах, но жить хочет в своём. Тут всё знакомое с малых лет, такое дорогое, привычное и милое, что сердце замирает. И оно пока не откликнулось так же остро ни на какой другой город, кроме её родного.

От детской больницы путь до трамвайной остановки шёл через сквер возле медицинского университета. На невысоком постаменте, почти вровень с идущими мимо прохожими, стояли бронзовые люди. Трое. Пожилой мужчина и молодые юноша и девушка. Они стояли на ступенях, которые, видимо, изображали крыльцо госпиталя, из которого уходит на фронт этот молодой солдат. Он уже спустился с крыльца, и был на пару ступенек ниже старого врача и санитарки. Доктор смотрел вслед раненому с грустью, санитарка – с болью, сожалением и нежностью. В её опущенных руках были развевающиеся бинты.

Скамейка, на которую присели Нина с внучкой, решив дать отдых забинтованной ноге, находилась рядом со скульптурой. Нина смотрела на неё, и размышляла, рассказать ли внучке о том, что значит для неё этот памятник. Или ещё обождать, уж слишком мала девочка. Нина всегда считала, что солдат с этого памятника – её дедушка, запечатлённый в тот час, когда его выписывают из госпиталя... И она всегда вспоминала о своём дедушке, когда находилась тут.

Но Уляна сама проявила интерес к памятнику. Посидев минут пять, она спрыгнула со скамейки и, прихрамывая, подошла к скульптурам. Потрогала звёздочку на ремне у солдата, приклад ружья. Металлическим было все, не только пряжка ремня, но и ремень, и гимнастёрка, сама винтовка и её приклад. И лица всех троих людей были бронзовые, холодные даже в жаркий день. Нина зябко поёжилась, передёрнув плечами, и снова задумалась – сказать, не сказать?

– Баба Нина, а что это за памятник? Это врачи? – спросила девочка, трогая манжет на рукаве халата бронзовой девушки. Выше внучка дотянуться не могла, а встать на одну ступень со статуей не решалась, оставалась на асфальте.

– Тут написано, что это памятник бойцам Красной Армии, которые воевали в Великую Отечественную войну и медицинским работникам, что работали в госпиталях. Они вылечили тысячи раненых, вернули их в строй. В нашем городе в войну был не один десяток госпиталей. В основном, для тяжело раненных солдат. В глубокий тыл везли тех, кого надо долго лечить. Некоторые бойцы потом снова отправлялись на войну, а кого-то до конца вылечить не удавалось, и они становились инвалидами. Им больше нельзя было воевать, и они возвращались домой. Вот так же и твой прапрадедушка вернулся с войны за полгода до Победы.

– Деда Вася, который у тебя на плакате в шапке со звездочкой? – вспомнила Уляна и оживилась.

Конечно, лицо прапрадедушки ей знакомо. Нина, пока не берет её на шествие «Бессмертного полка», слишком много надо идти. И не только в строю парада, ещё до начала колонны надо как-то добраться пешком – транспорта в праздник ходит мало. Нина жалеет внучку, бережёт от нагрузок, и на шествие «Бессмертного полка» идёт одна. Точнее, с дедушкой. Его портрет на плотной фанерной основе с удобным древком весь год стоит в квартире Нины на почётном месте, ожидая своего часа. А в День Победы с утра Нина берёт в руки тёплое, ещё папой гладко оструганное древко, к которому крепится портрет, и спешит на площадь Революции, где будет проходить парад. У площади теперь другое название, но Нина упорно называет её так, как она называлась и в сорок первом и в восемьдесят пятом году.

На этой площади был памятный митинг 22 июня, тут проходили демонстрации и парады в

День Победы, всю жизнь, сколько она себя помнит... А теперь люди приходят сюда каждый год, сами, никто их не загоняет в колонны. Нина немного ещё помолчала и спросила Ульяну:

– Уля, ты деда Колю помнишь?

– Да! он такой высокий, добрый. Он меня на плечах носил и на ноге качал. И ещё мы малину с ним собирали и пароходик строили...

– Вот, это твой дедушка, папин папа, он далеко живёт и редко приезжает. Но он у тебя есть. А у меня дедушек не было. Один – дед Семён, на войне погиб, другой, дед Василий, после войны, но меня тогда ещё не было...

– Он не на войне погиб?...

– Нет, уже после войны. Я тебе сейчас хочу рассказать не как он погиб, а как выжил. Спасся чудом.

Внучка прижалась к ней бочком, они обнялись, и Нина, машинально снова начав поглаживать девочку по плечу, принялась рассказывать историю, которую сто раз слышала от своей прабабушки.

Случилось это во время войны, когда будущий дед Нины и прапрадед Ули был ещё сам почти мальчишкой, ему не было ещё даже двадцати лет. Он ушёл на фронт в восемнадцать, в сорок втором. Вскоре был ранен, но довольно легко, в плечо. Полежал в госпитале, подлечился, и снова на фронт. Шли бои за Белоруссию, Советская Армия продвигалась к границе, мечталось, что скоро наша страна будет освобождена от войск гитлеровцев. И в бою за деревню Казаки в Витебской области Василий вместе со всем своим отделением шёл в атаку. Точнее, бежал.

Бежал, стрелял, падал, вставал, снова бежал. Его друг Мишка видел, как Вася бежал, вскидывая на бегу винтовку, потом увидел, как шагах в десяти от него, там, где только что был друг Василий, прогремел взрыв, взвилось вверх меси-во огня, земли, железа. Покорёженная винтовка Василия упала недалеко от Михаила. Он сперва ошалело смотрел на эту винтовку с дымящимся обгорелым прикладом, а потом поднял её и побежал дальше, в бой, за командиром.

Их соединение в этот день ушло вперёд с тех позиций, на которых произошёл злосчастный взрыв, и искать тело друга Мише было некогда. Командир на основании рассказов однополчан подал рапорт, в котором Василий был причислен

к погибшим. Михаил написал письмо матери Василия, командование отправило извещение. И всё. Можно не ждать солдата.

– Но наша баба Варя, моя прабабушка, а твоя прапрапрабабушка – ждала, – рассказывала внучке Нина. – Она ждала, молилась, и оказалось, что сын жив, только был тяжело ранен и контужен. Когда он в госпитале пришёл в сознание, сразу написал своей маме письмо, чтоб она не сходила с ума от горя...

«Сходила с ума» – звучит как простая фигура речи, фразочка в переносном смысле, но мать солдата и правда чуть не тронулась умом. Ходила как чумная, потеряла интерес к жизни, работала машинально, кормили её чуть ли не силком. Если бы то письмо пришло из госпиталя чуть попозже, может, и не застало бы её. Но судьба пока что пожалела их. Письмо Васи вернуло мать к жизни спустя почти месяц после похоронки!

Нина не стала рассказывать маленькой девочке в подробностях, как всё было на самом деле. А было так...

Взрывной волной Васю отбросило от самого эпицентра взрыва, но завалило землёй буквально с головой. Ранение в ногу было тяжёлым, кровопотеря серьёзной. Сколько пролежал без сознания в земляном валу младший сержант гвардейского полка, не известно. Полк ушёл вперёд, а на поле боя вскоре появилась «санитарная команда». Весной в Белоруссии тепло, не то, что в Сибири. Требовалось зарыть трупы и собрать вооружение и обмундирование. Сапоги, шинели. Документы, опять же.

Санитаров было мало, редкой цепью шли они по полю боя – его и полем-то назвать можно было с большой натяжкой, всё в рытвинах и кочках. Шли, наклонялись, подбирали винтовки и автоматы, оттаскивали тела к воронкам, чтобы потом было легче похоронить в них множество тел. Санитарами были пожилые «нестроевые» мужики, много повидавшие, привыкшие к горю и смертям на своей тяжкой службе.

Худой, жилистый дядька с обвислыми усами и сивыми, седыми волосами, которые топорщились вокруг затылка, наклонился над Василием. Едва живой парень был в сознании, видел его в узкие щёлочки между слипшимися веками. Но даже глаза открыть, чтобы засверкали белки на чёрном от копоти лице, он не смог, не то что позвать на помощь... Он понимал, что его плохо видно, он весь засыпан, но пошевелиться никак

не мог. Раненая нога была горячей, кровь всё ещё текла из ран (ногу раздробило осколками, как он потом узнал) и слипалась, остывая и делая штанину галифе жёсткой, как железо.

Над бесформенной кучей, под которой взрывом погребло Васю, торчала немного наискосок и вверх его левая рука. С часами!!! «Может, хоть часы заметят» – подумал солдат довольно вяло. Силы жить и надеяться у него уже кончались. Но санитар был внимательный, старательный, и, наверное, очень добросовестный. Он нагнулся, разглядев в земле человека. Пилотка, чтоб не падала поминутно, была у него заправлена под погон, это уже машинально, остатками сознания, заметил Василий. Санитар дотронулся до чёрной руки раненого и вдруг широко улыбнулся... Живой! Рука тёплая!..

«Братцы, сюда, тут живой!!!» – закричал он остальным, своим товарищам. Ни часы, ни сапоги Василия его не интересовали. Интересовало – донесут ли до медсанбата. Уж больно нога плоха – под коленом всё разворочено, да и про само колено ничего не понятно. Всё в крови и обрывках ткани.

До медсанбата бойца донесли живого, но уже без сознания. На его счастье, врач оказался хорошим хирургом и сложил кости ноги так, что их осколки срослись, правда, нога почти не гнулась. Но зато – живой! К исходу сорок пятого года он, хоть и на костылях вошёл в родной дом, обнял мать.

– Мама рассказывала мне, – говорила внучке Нина – как дедушка им с братьями рассказывал, про всё это. Что он запомнил навсегда лицо того добросовестного санитара, что его отыскал и спас. Помнил, как он радостно улыбался щербатым ртом, и усы его, обвисшие вдоль щёк. Дедушка говорил, что он по гроб жизни будет благодарен этому санитару, низкий ему поклон...

– Какой хороший санитар! – забыв про свои горести ответила Уля. – Я когда вырасту, тоже буду добросовестной. Может, даже, санитаркой!

Нина молчит. Она не мечтает о карьере санитарки для внучки, но порыв девчушки ей поня-

тен – творить добро, быть старательным работником – такие стремления надо поддерживать.

– Надо на любой работе быть добросовестной – изрекает Нина прописную истину.

Она думает о том, что благодаря обстоятельности, внимательности и добросовестности одного конкретного санитара – крохотного винтика в большой военной машине – спасён был её дед. И она сама, и Уля, и вся их большая родня есть на земле благодаря тому, что Санитар зорко всматривался в округу. Благодаря тому, что среди этого месива тел, он заметил одну-единственную руку, обратил внимание на то, что она теплая...

– Да, Уля, представь – этот Санитар спас моего дедушку. И тот не истёк кровью, остался жив. Благодаря этому продолжился наш род. Появилось шесть детей деда Васи, двенадцать внуков, девятнадцать правнуков и ещё ты – первая пра-правнучка.

– Как много! – удивилась Уля. – Так много, что в нашу квартиру все не поместятся!!!

– Если надо, поместятся – ответила с грустной улыбкой Нина.

Не хочется объяснять первокласснице, что полсотни всех их родственников сейчас и собрать в один раз трудно, да и не все они уже в живых. Она вспомнила своего любимого дядюшку, крёстного-«лёлку». Лёлю Мишу. Сейчас из четырёх её дядьёв в живых остался только он. Сивая грива с залысинами, обвисшие «гуцульские» усы... Он стал с годами похож на тот образ Санитара, который нарисовала в своём воображении Нина по рассказам старших. Санитара, спасшего для неё деда. Жаль, что дедушка погиб вскоре после войны, только и успел наследников оставить.

– Баба, а тому санитару есть памятник? – спросила Уля. Она осмелилась забраться на ступеньку, где стоит изваяние санитарки и обнимала сейчас большую бронзовую фигуру за пояс.

– Наверное, где-нибудь есть... – задумчиво ответила Нина. – Обязательно должен быть.

**Анжела Михайловна
Бецко**

г. Нефтеюганск

Родилась в Минске (Беларусь). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Четверть века живёт в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре. Автор трёх поэтических сборников и книги прозаических миниатюр. Публиковалась в российской и зарубежной периодике, в том числе в журналах и альманахах «Наш современник», «Неман», «Сибирские огни», «День и ночь», «Второй Петербург», «Литературный Иерусалим», «Парус», «Огни Кузбасса», «Александръ», «Эринтур», «Чаша круговая», «Врата Сибири», «Подъём», «Югра», «Костёр», «Наш Филиппок», «Рюкзачишка» и др. Член Союза писателей России.

Девочкины рассказы

«МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ...»

Девочка любит зиму. За снег и мороз, санки, коньки и лыжи, сосульки, снежки и снеговиков. Только зимой можно одолжить тёплую шапку и пушистый шарф чихающему снеговiku и хрустеть сосульками как леденцами из золотистой жестяной баночки. Девочка любит зиму и когда ранним утром они с мамой впотьмах карабкаются по снежной горе с крутым нравом, и уже почти на вершине гора сбрасывает путников к подножию, но они не сдаются и героически ползут вверх, и снова скатываются вниз, и всё же покоряют несговорчивую белую целину, за которой через квартал девочек детский сад. Заснеженные ступеньки, конечно, есть, но до них – целая вечность, поэтому в поисках кратчайшего пути и экономии бесценного утреннего времени, которое совсем не то же, что вечернее, надо ломиться напрямик, и всё равно все всегда опаздывают: девочка – в детский сад, а мама – на работу. Но мама у девочки красивая, и опоздания ей прощают.

Ещё вчера девочка договорилась с Томкой и Танькой, что они пойдут кататься на санках с большой горы. И когда на лестничной клетке раздаётся топот и грохот, это значит, что девочке пора прыгать в валенки, нырять в шубку, натягивать шапку и варежки, завязывать шарф (а штаны с начёсом она надела с самого утра) и с четвёртого этажа вести под уздцы своего верного коня – тяжёлые зелёные санки, потому что Томка и Танька уже повели своих коней с пятого. А бедным соседям несладко: лошади – животные громкие. В подъезд вкрадчиво вползает пахучий снежный дух, и на первом этаже девочек конь всхрапывает, и задирает назад большую голову на крутой шее, и беспокойно стучит копытом о цементный пол, жадно ловя чуткими ноздрями запах снега. Снег всегда пахнет по-разному: зимой – арбузом, или огурцом, или яблоком, весной – рыбой. А наберёшь его полные пригоршни, поднесёшь к лицу – и запаха нет. А набегавшись и раскрасневшись, когда вместо щёк у тебя из шапки торчат два спелых помидора, снег – лучшая еда на свете. Но маме знать об этом совсем не обязательно!

Если шустрый детский народ (кто на лыжах, кто с санками, а кто с фанерками, картонками, тазами и всякими занятными тронами, например, ящиком от бутылок, а то и выброшенной пушистой ёлкой) снуёт вверх и вниз, и хохочет, и визжит, и кричит, то он занят очень важным делом – катанием со снежной горы. Ну а когда их целых две: высокая и в меру крутая, с длинным спуском, и низенькая, с широким раскатом в конце, то идти домой незачем, ведь горки с собой в кармане не унесёшь. Это только кажется, что ты всё время делаешь одно и то же: наверху у начала спуска ждёшь своей очереди, замираешь на мгновение, сильно отталкиваешься и съезжаешь вниз, стараясь дотянуть до конца снежного раската, а потом разворачиваешься и карабкаешься на горку снова. А на самом деле ты оседлал своего зелёного коня, и он во весь опор мчит по бескрайней белой равнине. Твои ноги в стремях, и ты откидываешься назад, и в руках у тебя вожжи, а глаза блестят, как два январских солнца. А потом ты несёшься с горы сидя задом наперёд, и лёжа на животе, и на спине с раскинутыми руками и ногами, и паровозиком в три вагончика, и в первом – всегда серьёзная Томка, во втором – улыбчивая ты, а в третьем – дрожащая от страха маленькая Танька. На излёте скорости паровозик резко на что-то натывается, и пассажиров выбрасывает из вагончиков, и они с оглушительным визгом катятся кубарем вниз – и рукастая, ногастая, головастая куча мала готова! Сдавленной извивающейся ящеркой ты пытаешься выбраться из свалки барахтающихся, мешающих друг другу детских тел. Быстро и ловко двигаясь, нужно быть осторожным, чтобы не разбить кому-нибудь нос и не попасть в глаз. А дети налегают, толкаются, наваливаются со всех сторон, и ты уже у цели и, чуть живой и счастливый, наконец выползаешь на свет, и неведомая сила вдруг подхватывает тебя сзади и с криком «куча мала!» бросает на вершину муравейника. И если закрыть глаза, то легко представить себя в набитом людьми утреннем автобусе, который такая же куча мала, только для мам и пап.

Домой всегда надо возвращаться чистым, сухим и вовремя. Испачкаться зимой трудно, а вот не промокнуть до нитки просто невозможно. Но

ведь для чего-то нужны в подъезде батареи центрального отопления? И каждый раз после катания с горки девочка, Томка и Танька в кофточках и колготках пугливыми воробьятами сидят у почтовых ящиков, а их обмундирование по-хозяйски развешано в два ряда на большом радиаторе: ничто так не приближает завтрашнюю прогулку, как сегодняшняя сухая одежда! А добродушные соседи, снующие туда-сюда и втаптывающие каблуками в коврик у подъездной двери нетающие снежные комья, кажется, совсем не против ежевечерней основательной просушки, потому что строгим мамам-воробьятам пока не жалуются на промокших воробьят.

– Что, горемыки, домой не пускают? – усмехается дядя Веня с четвёртого этажа.

– Замёрзли, сердечные! – охает тётя Надя со второго.

– Арбузом пахнет! – шумно втягивает в себя воздух вбегающая с мороза портнихина Людочка из двадцать первой квартиры. – А ну-ка, признавайтесь, малявки, кто арбуз лопал?

Малявки только переглядываются: ну, разумеется, все. Сегодня снова все ели снег!

ОЧКАРИК

Всё «полезное для глаз» девочке давно казалось бесполезным: петрушка была слишком травой, черника – слишком водой, тыква – только каретой, селёдка – просто солью, рыбий жир – отвратительным, а морковку она вообще тайно презирала.

– Я ж не заяц! – фыркала девочка. – Мама, а почему заяц косою? Он всегда морковкой хрустит!.. А если я сгрызу всю противную морковку на свете, мои глазки будут смотреть, как у всех детей, да?

– Ну... всю морковку ты, допустим, не осилишь, – ускользала от прямого ответа девочкана мама. – А если и сгрызёшь противную, то останется прекрасная, – улыбалась она.

– А если и прекрасную? – не унималась девочка. – У меня больше никогда-никогда не будет очков, правда? – на мгновение воодушевлялась она, продолжая мусолить опостылевшую морковку.

Ей очень хотелось верить в чудо. Пусть даже такое обыкновенное, как морковка из овощного за углом.

Когда откуда-нибудь вдруг неслось жалящее «очкарик», девочка знала, что это по её душу. С мальчишками она дралась. В кровь. Девочек молча презирала. Как морковку. И лепилась к тем, кто не замечал её косых глаз и уродливых очков на вздёрнутом носу. За бурей видевшая солнце, девочка верила в крепкую дружбу после отчаянной драки. Она прощала обидчикам и понимала природу человеческих заблуждений. Единственное, что отделяло девочку от ощущения полного счастья, – её косые глаза и очки с попеременно замыленным одним стеклом. О, как она ненавидела эти стёкла, захлопывающие огромный сияющий мир на замок и вынуждающие подсматривать в замочную скважину! И девочка казнила очки: она их разбивала. Верней, они разбивались сами. Но со странной и закономерной периодичностью: раз в три месяца. Девочкина мама не верила в невиновность девочки.

– Бестолковка! – роняла она с укором, засовывая в дамскую сумочку старый рецепт для новых очков.

...А поезда тянулись сплошной лентой, в затылок друг за дружкой. И это был не вокзал, а знаменитый институт имени Филатова в Одессе, куда привезли девочку её родители. И как сладко лежать на верхней полке устремившегося на юг поезда, глядеть в немытое после зимы окно и всю дорогу мурлыкать себе под нос весёленький мотивчик:

Ах, Одесса, жемчужина у моря,
Ах, Одесса, ты знала много горя,
Ах, Одесса, любимый милый край,
Живи, моя Одесса, живи и процветай!..
Ма-ма-ма,
Ах, Одесса...

Пожалуй, лишь однажды девочка была благодарна своим косым глазам: если б не они, видеть бы ей море на картинке в любимой книжке Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке».

– Рыбка-рыбка, – шептала девочка, – дай мне ровные глазки...

Рыбка, конечно, даст, только надо подождать. Даст, но не сейчас. А сейчас:

Ещё пуще старуха вздурилась,
Опять к рыбке старика посылает...

И рыбке не до девочки...

Тихие слепые «паровозики», снующие взад-вперёд по длинным-предлинным обшарпанным коридорам грустной одесской больницы, во главе с подслеповатым поводырём... Тихие – до звона в ушах и до режущего света в глазах – слепые...

Девочка часто размышляла о слепоте. И она пугала девочку. Но уж если быть слепой, то тогда и глухой. Чтоб никогда не слышать этих гадких слов, летящих в спину злобными колючими снежками, когда ты идёшь и всех любишь. Слепоглухая – это когда темно и тихо. Можно быть и слепоглухонемой. Но по поводу немоты девочка всё же сомневалась. Она тотчас же видела перед собой свою немую соседку, живущую этажом выше. Соседка умела произносить только один звук – «с», но все дети во дворе знали, что это значит «Серёжа». Так звали соседкиного сына. И девочка никак не соглашалась быть немой: не будет же она всю жизнь звать своего ребёнка С. Тогда откуда ему знать, что на самом деле он – Серёжа?..

– Рыбка-рыбка, дай мне ровные глазки... – просит девочка, уткнувшись упрямым лбом в холодное запотевшее оконное стекло уже другой больницы, за которым мокрая осень и высокая стена бездушных сосен, напрочь закрывающая небо.

Рыбка, разумеется, даст: ну что ей стоит! Даст, но не сегодня. А сегодня:

Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа...

И рыбке снова не до девочки...

Эти сосны прячут небо. Вместе с небом – маму. Маму – от девочки и девочку – от мамы. И нельзя повиснуть на родной маминой шее и тоненьких цепких ручонках не разнимать...

– Следи за лучиком: куда лучик, туда и глазки, – объясняет тётенька в белом халате.

Разве лучик может заменить маму? Девочка уже сто раз смотрела на лучик и ни разу не видела маму. Нет, мама её не бросала. Просто маме запрещено приезжать к девочке: каждый мамин визит заканчивается девочкиной истерикой. А чтобы девочкины глазки выровнялись, ей ни капельки нельзя волноваться. Она же не море! Зато можно быть унылой осенью. Как все взрослые в больнице. Детей здесь совсем нет, и не с кем даже поиграть. А в палате самое страшное: злая

чужая бабушка с ремнём. Девочка удирает от неё по кроватям, потому что по полу бабушка бегает здорово, а по кроватям пока не научилась.

– Возьми карандашик, обведи солнышко, – продолжает тётенька в белом халате.

Девочка знает, что всё это не настоящее: солнышко – нарисованное, а карандашик – вовсе не карандашик, а палочка с проводками. Девочке нужно точно по контуру обвести картинку, и, если девочка чуток собьётся и сойдёт с черты, тут же раздастся предательский звонок. Это бег по кругу, как в цирке, где на арене скачут пони, весело размахивая хвостами и длинными пушистыми чёлками. Только у пони – круг жёлтый и бег радостный, а у девочки – круг серый и бег безнадежный: невсамделишное солнце, безжизненные лучи и сосны выше неба...

– Садись на стульчик, бери лопаточку и закрывай левый глазик, – всякий раз говорит медсестра детской поликлиники, старенькая и добродушная, с сиреневыми волосами. – А ты за три месяца успела подрасти, – с улыбкой добавляет она. – Называй картинку, что я показываю... А эту?.. А вот эту?.. И ещё... Молодец! Теперь – правый глазик...

Когда девочка стоит у стеклянной светящейся таблицы, она видит всё: звёздочку, грибок на кривой ножке с горошинками на шляпке, колечко, самолётик, лошадку, уточку, чайник, слоника, машинку, ещё колечко. А когда девочка проходит в глубь кабинета и садится на стул, не видит почти ничего. А юркая указка медсестры, выхватывающая из строчек картинку, девочке кажется скользящей ядовитой змеёй с раздвоенным на конце языком.

Через пару лет наметится прогресс: таблица с буквами потеснит таблицу с картинками. И если для всех алфавит начинается с буквы А, то для девочки сразу с двух – Ш и Б. Обе буквы в обнимку стоят в первой строке новой таблицы и улыбаются друг другу и девочке...

Жади́на-говя́дина,
Злая шоколади́на!

Ябеда солёная,
На костре варёная!

Так дразнили Алку в детском саду.

Девочка покажет этой дрянной Алке, где раки зимуют! Девочка заставит её носить свои про-

тивные очки! И пусть Алка будет очкариком!..

Это произошло после обеденного сна. Малыши выстроились в рядок и ждали очереди вымыть руки перед полдником. А тяжёлая дверь на упругой пружине как всегда угрожающе грохотала. Когда девочка шагнула в проём двери, на неё вдруг налетела Алка. Она оттолкнула девочку. И та, чтобы не упасть, схватилась за дверной косяк. И дверь захлопнулась. Больше девочка ничего не помнила... И девочкина мама раненой птицей с поломанным крылом билась у пустого гнезда. А детсадовский сторож твердил одно и то же: «Какого-то ребёнка увезла «скорая». Идите домой...». Допоздна под дождём просидела девочкина мама на скамейке у подъезда, пока на асфальте не заплескали блики автомобильных фар и у дома не остановилось такси. Первое, что бросилось в глаза девочкиной маме, когда она открыла дверь машины, это мимолётный виноватый взгляд молоденькой воспитательницы. Потом она никак не могла поднять голову, будто голова свинцовая, и всё время смотрела вниз. Девочка лежала у воспитательницы на руках. Но в этом полусонном полумёртвом ребёнке в испачканном кровью платице с разрезанным рукавом и с гипсом на левой руке девочкина мама не узнавала свою девочку. Девочка медленно-медленно поднесла указательный палец правой руки к губам и потеряла сознание...

– И куда её?.. Здесь же дети!.. – выпалила молоденькая воспитательница спустя месяц, когда девочкина мама привела девочку в детский сад.

А потом девочке на живую, без обезболивания срывали изуродованные ногти. И с ней снова случился обморок. А ещё через месяц девочка стала щуриться, поминутно тереть глаза и у неё появилось косоглазие. На приёме у окулиста выяснилось, что она видит только первую строчку светящейся таблицы: звёздочку и грибок на кривой ножке с горошинками на шляпке. Врач долго толковала растерянной девочкиной маме о последствиях сильного нервного стресса и о резком снижении зрительных функций...

– Рыбка-рыбка, дай мне ровные глазки... – молила девочка.

Рыбка обязательно даст, но чуть позже. А пока:

Подбежали бояре и дворяне,
Старика взащей затолкали.

А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила...

Когда-нибудь все мы будем счастливы. А терпеливому всё вовремя.

«Я ИДУ ПО КОВРУ...»

– Сиротушка! – охают соседки на лавочках.

– Сердешная! – шелестит ветер озябшей листвой.

– Бедняжечка! – стучат дождевые капли по стеклу.

Все-все на свете знают, как плохо жить без мамы, и только она одна об этом даже не догадывается, потому что не возвращается... не возвращается... не возвращается...

«Я иду по ковру... Я иду по ковру...» – заевшей пластинкой крутится у девочки в голове, и каждый новый оборот только усиливает девочкину зелёную тоску. Тоска и в самом деле зелёная. Она сидит рядом и дырявит девочку своими жабыми глазами. Девочка не выдерживает и соскакивает с кровати на пол.

Я иду по ковру...

Я иду по ковру...

Я иду по ковру...

Пока мама в отъезде, можно ходить без тапок по полу и в тапках – по ковру. Но что-то не очень хочется. А верней, не хочется совсем. И девочка бродит по своей тёмной комнате в ожидании папы, а его срочные вечерние дела никак не кончаются. Он обещал почитать на ночь самую маленькую и грустную сказку – про Колобка. И даже если знаешь её наизусть, папина сказка на ночь ещё никому не мешала.

Колобок, Колобок, сядь ко мне на язычок

Да пропой в последний разок...

Я иду по ковру...

Я иду по ковру...

Папа так долго бреется, что, кажется, его электробритва никогда не замолчит. Она жужжит как девочкин шмель, когда она его ещё не поймала, но глаз положила. А в спичечном коробке не очень-то пожужжишь: в плену не до песен!.. Девочка уже пять раз рассказала себе

сказку про Колобка, а бритва не унимается. И нельзя попросить папу её выключить: он рассердится и отругает. Надо сделать так, чтобы бритва выключилась будто бы сама. Тогда папа удивится, медленно и аккуратно сложит бритву в чехол и придёт читать сказку. Папа бреется в соседней комнате, и розетка там как раз напротив розетки в комнате девочки. Значит, можно попросту вытолкнуть вилку бритвы из папиной розетки, засунув что-нибудь тонкое и длинное в розетку в девочкиной комнате.

Я иду по ковру,
ты идёшь, пока врёшь...

Девочка в темноте шарит руками по столу: книжка, альбом, линейка, ручка, карандаш, ластик, кисточка... Кисточка! Конечно, кисточка! Девочка хватается её, быстро забирается на кровать и на ощупь пытается затолкнуть в отверстие в розетке. Не тут-то было! Тонкая деревянная ручка кисти вдруг разрастается до размеров столетнего дуба. И разве можно в крошечную лунку засунуть дерево? Нужно что-то другое, совсем-совсем тоненькое... Девочка в раздумье чешет в затылке: знает! Она знает, чем вытолкнуть эту противную вилку! Девочка на цыпочках крадётся в ванную, где на стеклянной полке всегда лежат мамины шпильки, которыми она закрепляет свой чудный каштановый шиньон. Девочкина мама – большая модница, а модница без шиньона – всё равно что грибок без шляпки. Странно, почему мамы нет, а шиньон дома?.. Девочка, конечно, его примерит, но завтра, а пока... она хватается металлическую шпильку и лёгкой тенью скользит в свою комнату. Бессовестная бритва по-прежнему жужжит назойливым шмельём. И девочка объявляет ей войну. Она заскакивает на кровать, левой рукой нащупывает дырку в розетке, а правой резко до упора толкает шпильку:

– Вот тебе!

Из стены вырывается страшный и красивый язык пламени. Такой язык девочка видела в мультике у Змея Горыныча, только там он был нарисованный. Яркая вспышка озаряет комнату, и на мгновенье всё видно как днём.

«Электричество!» – рывкает вдруг из розетки в самое девочкино ухо.

Нет, она не могла ослышаться и перепутать это рывканье ни с чем другим. И девочка навсегда запоминает это длинное опасное слово: ещё

пригодится. Что-то грохает и обжигает ей пальцы, и в комнате пахнет так противно, что хочется зажать нос. Девочка и сама не поняла, как вдруг оказалась на своей подушке. И в квартире стало странно тихо.

– О, ёлки-палки! – ругается папа и зачем-то открывает входную дверь.

Только сейчас девочка заметила, что в доме нет света. На лестничной площадке что-то хлопает и щёлкает, и, когда на пол в девочкиной комнате ложится тонкий светлый луч, просачивающийся из прихожей сквозь дверную щель, папа возвращается домой и деловито закрывает входную дверь на два замка. И через секунду бритва как ни в чём не бывало снова заводит свою нудную шмелиную песню. В этой огненной битве побеждает электробритва, и вечером сказки про Колобка не будет.

Я иду по ковру,
ты идёшь, пока врёшь,
он идёт, пока врёт...

А через неделю девочка с папой едут в деревню к бабушке. Весь день в душном воздухе носится что-то невидимое и тревожное, а к вечеру начинается гроза. Грозы часты в июле, но привыкнуть к ним невозможно. От страха девочка залазит папе куда-то под мышку, но вполглазка всё же поглядывает в грохочущее окно. В уголке беззвучно у зажжённой свечки молится бабушка, а папа бесстрашно, по орлиному смотрит на безудержный разгул стихии, и девочка уверена, что ещё секунда – и одним своим взглядом папа остановит это безумие. Из солнечного бабушкиного окна видно много неба и луг со столбами и аистами. Столбы держат туго натянутые провода и аистовые гнёзда. Столб – любимое место аиста. Эта большая красивая птица с длинным клювом и красными ногами селится высоко над землёй, и, если внимательней посмотреть на столб, в нём легко узнаешь печатную букву «А». «А» – значит «аист». И тот, кто думает, что столбы – для проводов, ошибается, потому что столбы – для аистов. Но сейчас в окне только резкие вспышки света и вода. Тяжёлыми струями рушится ливень на хрупкий бабушкин домик, и воды вокруг столько, сколько бывает её в океане, когда пытаешься переплыть его на бумажном кораблике. Короткая вспышка молнии выхватывает из темноты маленькое слепое окошко и бледное девочкино лицо.

– Ерунда! – бодро улыбается папа. – Не бойся, это просто электричество. Всё будет хорошо!..

Серебристая ветка молнии вдруг низко качается над самым ближним столбом, и на нём распускается огненный цветок. За секунду облизав столб от вершины до основания, пламя перекидывается на провода и тонкими струйками бежит по их невидимым нитям. От страха девочка не может пошелохнуться. Ещё какое-то время на её глазах борются две стихии – огня и воды, потом вторая одолевает, и факел гаснет, и бело-серое облако то ли пара, то ли дыма расплывается в стороны. Девочка смотрит на папу: его губы всё так же растянуты в улыбке, но мертвенный цвет лица и выражение глаз говорят о том, что эта застывшая улыбка осталась ещё от его бодрого «ерунда» и к настоящему моменту никакого отношения не имеет. Такое случается, когда уголки губ по рассеянности забывают опуститься, приняв исходное положение.

– Ерунда... – шепчут белые папины губы. – Я же говорю... ерунда... электричество...

А девочка гладит папу по голове и думает о том, что бабушкин домик выстоит и гроза и ливень сейчас стихнут, что её бедный маленький папа ничего не знает про электричество, но бояться не нужно, потому что девочка его спасёт, что всё будет хорошо и аисты по-прежнему будут гнездиться на высоких столбах, что все будут живы, и жить будут долго-долго, и увидят жизнь новую, светлую и чистую и новых прекрасных людей, и в мире больше никогда не будет войны, только надо любить и верить, и всем повезёт, а больше всех, конечно, девочке и папе, потому что завтра к ним наконец возвращается мама, и они снова будут счастливы, и самое главное не перепутать: по полу – в тапках и без тапок – по ковру...

Я иду по ковру,
ты идёшь, пока врёшь,
он идёт, пока врёт,
мы идём, пока врем,
вы идёте, пока врёте,
они идут, пока врут...

СКУПЩИК ПАМЯТИ

– Едет! Он едет! Сюда! Сюда! – несло по двору, и все дети знали, кто такой «он».

«Он» – старый седой цыган с бородой и усами, на деревянной ноге, старьёвщик на телеге, запряжённой серой в яблоках лошастью, скупщик памяти, продавец воздуха и безраздельный повелитель детских сердец. В девочкин двор он въезжал царём и победителем. Бессловесным и безусловным. Слова излишни: для победы достаточно взгляда!

Телегу украшали красные атласные ленточки, в которые вплетался ветер. И колокольчик пел серебряно под красной расписной дугой. Повозка останавливалась на дворовом пятачке, у контейнеров с мусором. Но эта прозаическая деталь ничуть не портила поэзию происходящего. Серая в яблоках лошадь приветливо кивала собранию головой и учтиво позволяла гладить свою неизменно добрую морду. И морда, и голова, и лошадь, и главное – собрание отлично знали, что настоящая дружба крепка не столько нежными поглаживаниями да лёгкими похлопываниями, сколько хлебом, морковкой, яблоками, финиками, печеньем и белоснежными кубиками сахара-рафинада, а о вреде сахара и пользе фруктов никто и слушать не хотел. Имя лошади было неизвестно: и животное, и хозяин хранили молчание, и это обстоятельство разрешало собранию всякий раз нарекать лошадь по-новому. Впрочем, имя старьёвщика тоже оставалось тайной, как и время его появления на свет Божий и в девочкином дворе и место его земного пребывания.

Зеваки за секунду облепляли телегу, а самые удачливые устраивались на колесе. И то были зрители. Что касается пьесы, то по жанру это была драма: ещё не трагедия, но уже не комедия. Но о жанрах современного театрального искусства девочка не знала ничего: ей вполне хватало неохватной и высокой – почти до остановки дыхания – любви к Его Величеству Театру. А действующие лица со свёртками, связками, узлами и авоськами – как по команде – высыпали из подъездов и устремлялись к режиссёру-постановщику действия – старьёвщику. Он, стоя в телеге во весь рост, окидывал «просителя» с головы до ног оценивающим взглядом, лукаво усмехался в усы и бороду и брал из его рук «товар». У каждого «товар» был свой: у одного – изношенная одежда, у второго – стоптанная обувь, у третьего – толстые затрёпаные книги, прошлогодние газеты и ненужные письма в пожелтевших конвертах. Несколько семей из девочкиного дома

навсегда уезжали в Израиль, и фотографии из прежней, очевидно, несложившейся и сломанной жизни им были ни к чему, и они несли фотоальбомы. Всю эту россыпь ныне негожего, зряшного и лишнего можно было назвать одним словом – прошлое. И теперь оно особенно тяготило его владельцев и желало быть немедленно продырявленным большим безменом собирателя хлама и выменным на пригоршню безделушек – такова красная цена прошлого в базарный день. Процесс взвешивания «товара» был простой условностью: старая пружина в безмене заржавела и растягиваться давно отказывалась. Но старьёвщик деловито цеплял связку с барахлом на крючок и, прищурившись, пристально вглядывался в шкалу безмена, пытаясь разобрать деления и цифры, стёршиеся, вероятно, ещё в минувшем веке, затем снимал с крючка взвешенное, швырял его в конец телеги и распахивал сундук, служивший облучком и ларцом одновременно. В сундуке жила звонкая, цветная, яркая, сладкая радуга: глиняные горшочки, ступки, зеркальца, мыло, бусы, ленты, заколки, носовые платки, нитки, иголки, напёрстки, свистульки, резиновые мячики, игрушечные пластмассовые часики, крошечные куколочки-голыши, скакалки, воздушные шарик, школьные тетрадки и золотистые леденцовые петушки на палочке в целлофановой обёртке! И старьёвщик всему двору по кусочку раздавал радугу, как раздают в день своего рождения вкусный торт. Толпа замирала в восхищении, а режиссёр-постановщик пьесы с высоты своего помоста и положения хищно и плутовато взирал сверху вниз на актёров и зрителей. Взгляд, усмешка, поворот головы и вечное многозначительное молчание – так много дьявольского могло быть только... в дьяволе! И девочка была уверена, что старьёвщик – вовсе не старьёвщик, а самый обыкновенный чёрт со всеми чертовскими атрибутами: рогами, хвостом и копытами. Но проверить это она не могла: в любую погоду на старьёвщике были шляпа и сапог, и даже в знойный день грязный и мятый его пиджак был всегда застёгнут на все пуговицы. А потом сундук с радугой захлопывался, и, звонко хлестнув лошадь вожжами, старьёвщик (или чёрт?) потихоньку уплывал из девочкиной жизни до нового своего визита.

Бедняк и богач, святой и разбойник, бог и дьявол, великий немой и ловец человеческих душ, он давал мелкие монетки и тем, кто сегодня не

продавал память, в надежде, что они сделают это завтра. И если бы он хотел увезти в своей телеге всех детей двора, то с лёгкостью бы увёз. И не против силы, а беспрекословно, по согласию и доброй детской воле. Но больше любопытных маленьких носов он любил свои сокровища, что составляли его счастье и были его большой вселенной. А она в знак благодарности за покорность и верность ей одаривала его горами никчёмных и бесполезных вещей, от продажи которых он имел мизерный, но стабильный доход. От детей же никакого проку – лишь сплошные расходы, поэтому детская стайка не убывала. И каждый раз, провожая телегу старьёвщика до последнего подъезда пятиэтажки, где царственно раскинулся шиповник, она с грустью смотрела вслед, пока повозка не скрывалась за соседним домом. А в ушах ещё долго слышался скрип колёс и бодрое цоканье лошадиных копыт.

Этот странный старик, пропахший солнцем, ветром, пылью и дождём, немотствующий и видящий тебя насквозь, вместе с отжившими свой век вещами увозил в телеге в неведомую девочке страну человеческую память и своё глубокое знание жизни, оставляя людям в залог в их новой действительности возможность жить с чистого листа и совершать новые ошибки – по беспамятству и незнанию, неискущённости и неопытности.

А через весь двор вдруг опрокидывалась радуга, нарядная, пёстрая и певучая. Но теперь она выплёскивалась не из сундука старьёвщика, а из самого девочкиного сердца и застилала небо. А в радуге купались бело грудые весёлые ласточки и под её высокой аркой лепили гнёзда. Ласточка – вестница: она на своём хвосте лето приносит.

КАК ВЫ, РЫБЫ?..

Приходит зима, и на душе у девочки делается чисто и светло. Будто там тоже снег – чистый-чистый и белый-белый. Но в отличие от настоящего, тот снег не гребут дворники и он никогда не чернеет.

У девочки есть бабушка, и её, как и Богородицу, зовут Мария. Бабушка живёт в деревне. А деревня раскинулась на берегу большого водохранилища. Когда-то заболоченное место с важными журавлями, хитроумными цаплями и приветливыми аистами превратилось в рукотворное

море. Журавлей и цапель с тех пор не видно, а молчаливые аисты по-прежнему гнездятся на водонапорных башнях, вершинах крупных деревьев, высоких столбах, крышах домов и каждый год в длинных красных клювах не забывают приносить людям малюток в пелёнках и с пустышкой во рту. А ещё за деревней – цепочка больших и маленьких прудов с разными рыбами и лягушками, тритонами и улитками, водяными жуками и пауками, блошками и личинками. И между тоненькими нитями полупрозрачных трав беспокойными челноками снуёт-суетится по насущным делам подводный народ, торопясь разрешить до зимы все свои неотложные вопросы.

Деревня вьётся узкой длинной лентой по обе стороны дороги. В доме напротив живёт бабушка Таньки Матоты. Низенькая и сухонькая старушка со странным именем Варочка всегда улыбается и, светясь изнутри тихим светом, каким светятся иконы, гладит девочку по голове. Как и девочка, Танька приезжает из города. Матота – совсем гнилой товарищ, как яблоки в саду в год проливных и затяжных дождей, и ей нельзя доверить даже крошечной тайны: вмиг всей деревне разболтает. Причиной гниения яблок может быть и больная яблоня с живущими на ней паразитами. Танькины паразиты запрятаны у Таньки в голове. И ещё на языке, когда он кривляется и говорит обидные слова. Девочка даже заприметила парочку. Ну а главный паразит – ростом с Таньку – сама Матота! Но чтобы не слоняться в одиночку, девочка иногда слоняется с Танькой. Истину великого и мудрого Омара Хайяма «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало» девочка пока не постигла, но каждый раз, встречаясь с Матотой, девочку терзают смутные сомнения, и судьба одинокого столба выглядит куда привлекательней бездарного времяпрепровождения с пустоголовой вображалой и задавакой.

– Задавака высший сорт!
Куда едешь?
– На курорт.
– На курорте пусто.
Выросла капуста!..

Вображала хвост поджала
И под печку убежала,
А под печкой крокодил
Вображалу проглотил!..

Это про Таньку. А Матота – не фамилия, а прозвище. Когда Танька была от горшка два вершка, на вопрос «Как тебя зовут?» всем отвечала: «Матота». Так и прижилось. А быть одиноким столбом даже полезно. Только надо быть столбом высоким, чтобы на тебе гнездились аисты! Танькин старший брат Юрка – заядлый рыбак. Всё лето торчит он с удочкой на море и таскает мелкую серебристую рыбёшку, которую не нюхают даже деревенские коты. У этих котов какой-то особенный вкус, потому что и мышей они жуют с большим одолжением. Зато птичек и их птенчиков в гнёздах – просто обожают! Девочка не раз спасала птичье гнездо, но за каждым котом не уследишь. Красавчик и озорник Юрка постоянно подмигивает девочке правым глазом: наверно, левым подмигивать ещё не научился. Что означает это подмигивание девочка пока не поняла, но на всякий случай держится с Юркой строго и норовит улизнуть от него подальше. А зимой девочка с Матотой, Юркой и другими ребятами скользит на пруду. Коньки из города никто не привозит, и девочкины драгоценные белянские чешские фигурные коньки с тремя золотистыми звёздочками на ботинках дожидаются её в шкафу в прихожей. Но можно скользить в сапогах или валенках. Разгоняешься по снегу – и вихрем несёшься по гладкому льду пруда, начиная от самой его кромки. Зеленоватый крепкий лёд выдержит стадо слонов – и бояться провалиться и утонуть не надо! Застывший пруд словно телевизор с громадным экраном, полотно в сто твоих осторожных шагов, картина такой красоты, какой и во сне не увидишь. А под тобой в глубокой тишине на самом дне целыми стаями неподвижно стоят рыбы. И в лютые морозы вода на дне не замерзает. Рыбы стоят совсем плотно друг к другу, рядком, головами все в одну сторону. Их тело – как шубой – покрыто слизью. Ни хвостом, ни плавником не шевельнут. Только по едва приподнимающимся жабрам можно понять, что рыбы живы. Просто они спят. Лягушки в тину закопались, улитки раковины закрыли, и весь мелкий подводный народ до весны зарылся в мягкий надёжный ил. И девочка долго – кажется, всю жизнь – лежит на животе, уткнувшись носом в лёд, и во все свои зелёные изумлённые глаза смотрит в спокойные водянистые глаза неведомого мира. Зеркальный пруд – гигантский сияющий «секретик», спрятанный таинственным великаном на снежном

берегу. Девочка тоже умеет делать «секретики», но такие необъятные, да ещё с живыми рыбами – никогда! Уже нос замёрз и даже вмёрз в лёд, но она этого не ощущает, потому что интерес – всё, а нос – всего лишь нос: пустячный, маленький и курносый. А со стороны может показаться, что девочка ловит им рыбу:

– Ловись, рыбка, и мала и велика! Ловись, рыбка, и мала и велика!

– Ясни, ясни на небе звёзды! Мёрзни, мёрзни, девочкин нос!

Загадочный и прекрасный, мир живёт под девочкой своей обычной и непостижимой для неё жизнью и ничуть не замечает девочкиного присутствия. И можно постучаться в его огромное окно:

– Как вы, рыбы?..

А рыбы молчат, а если и пролепечут что-то спросонья, то девочка всё равно не расслышит, ведь говорят они тихие слова очень тихими голосами. А можно, как Иисус, ходить по водам. Пусть и замёрзшим. И не причинять никаких неудобств тем, кто рядом, и не беспокоить их, не тревожить и не обременять. Только любить. Молча и восторженно.

Ребята давно разбрелись по домам – и вокруг никого. Только снега белая равнина. И синее торжественное органное небо. И разлитое солнце на снегу. И больно глазам. А тишина такая, какая бывает, когда с головой уходишь под воду.

КОМАНДИР ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

Баба Агата из шестого подъезда девочкиного дома была легендарной личностью. Сколько ей лет, в точности никто не знал, но все говорили, что она видела живых фашистов. Подробности этой истории были тоже не известны, но сам факт её встречи с врагом создавал вокруг бабы Агаты таинственный и героический ореол. Каждый пробегающий мимо сосед почитал за честь хотя бы на минуточку присесть возле неё на скамейку: то ли для того чтобы приобщиться к истории великого подвига в страшной войне, то ли поддержать одинокую больную бабу Агату.

Её голова была наклонена вперёд, руки согнуты в локтях, пальцы сжаты в кулак. И всё её тело страдало от произвольной бесконечной тряски. Чтобы кулаки не плясали на коленях, баба Агата цеплялась за свою тросточку, и тогда тросточка

тоже весело пускалась в пляс. Сгорбленная, еле ковьяляющая на полусогнутых ногах, баба Агата здорово смахивала на живущую в пруду мудрую черепаху Тортиллу из любимой девочкиной сказки. И девочка знала, что где-то у себя верно и надёжно баба Агата хранит золотой ключик и передаст его самому достойному. Без посторонней помощи ей было невозможно, и в любую минуту ей грозило падение. Говорила баба Агата с большим трудом, зато всегда по делу и о самом главном. Её вечно недоеденную кашу во рту разбирали только Танька Долмат. Она жила в квартире напротив и часто гостила у бабы Агаты. Танька ужасно гордилась своей ролью переводчицы. Всякий раз возвращая смысл бабыгаатиной невнятице, Танька будто извлекала золотой ключик из глубокого пруда черепахи Тортиллы, полного «лягушек, пиявок и личинок водяного жука». И выходило, что всё самое важное для бабы Агаты заключалось в нескольких словах: «солнце», «дождь», «весна», «травы», «дерево», «птица». Про зиму баба Агата, кажется, ничего не знала. Наверно, она про неё просто забыла, потому что зимой на улице не бывала. Два слова она твердила с упрямым постоянством. Танька ручалась, что слова эти – «анютины глазки». Из уст бабы Агаты звучали они странно и неожиданно, как, например, «аленький цветочек». Проверить правильность Танькиного перевода было нельзя. Но на клумбе у шестого подъезда росли только эти цветы.

Причин бабыгаатиной болезни не знали, но у каждого была своя единственно верная версия. Одни уверяли, что баба Агата упала с высокого дерева, другие полагали, что её болезнь развилась после встречи с проклятыми фашистами, третьи твердили про укус опасного малярийного комара.

Девочка тоже знала историю про комаров. Было это летом в первый год войны. На деревню наступали фашисты. И все жители побежали прятаться в болото. Девочкина бабушка Мария взяла на руки сыночка (было ему полгода) и побежала вместе со всеми. Тучи злых комаров напали на людей. Малыш громко плакал. И люди прогнали бабушку, чтобы она их не выдала. Бабушка с сыночком вернулась в деревню. Кроме фашистов, там никого не было. Они уже хозяйничали в её доме, а ей приказали убираться в сарай. До темноты люди сидели в болоте и вслушивались в тишину. Они пытались понять, живы ли Мария с сыночком. Выстрелов никто

не слышал, и люди вернулись в деревню. Чтобы фашисты не убили крошку сына, девочка бабушка стирала им бельё. Так было три года. Потом пришла наша Красная Армия и погнала фашистов далеко-далеко. После войны болото осушили, и комары пропали. А бабушкин сыночек вырос и стал девочкиным папой.

Во дворе бабу Агату любили и помогали чем могли. Каланча Жанка с третьего этажа бегала в магазин за хлебом и кефиром; толстый дядя Толлик из соседнего подъезда привозил из деревни для бабы Агаты красные яблоки и крупные, со сладкой мякотью, жёлтые сливы; Тамара Петровна с первого этажа вела нехитрое бабыагатино хозяйство, стирала её одежду, варила супы и пекла пироги и выводила её на прогулку. Свежий воздух и летнее солнце, люди и птицы, кошки и собаки радовали бабу Агату, но в запертой квартире она оставалась одна. Девочка знала, что сначала у неё будет муж, потом пойдут дети. Так бывает всегда и у всех. И у бабы Агаты тоже есть семья. Но занятым людям недосуг носа утереть. И девочка представляла себе, что муж бабы Агаты, к примеру, космонавт. И у него то подготовка к полёту, то месяцы работы на околоземной орбите, а после приземления ему приходится заново учиться ходить. Вот и не может он навестить свою бабу Агату. А сын – капитан дальнего плавания. Ну или командир краснознамённой подводной лодки. Капитан третьего ранга. И Герой Советского Союза. Как Маринеско. И ему некогда сойти на берег.

Наступила осень. С берёз тихо сыпались жёлтые листья. Всё шире расползались голубые просветы в небе. Воздух делался ясней и прозрачней. Низкое солнце уже не грело. Дождей не было. Не было и бабы Агаты. И все знали, что не будет никогда: она умерла. У шестого подъезда на старых кухонных табуретках стоял маленький красный гроб, украшенный широкой чёрной лентой. Люди обступили его и смотрели на затихшую бабу Агату. Её больше не трясло. Теперь её наконец отпустило. И девочка со страхом и любопытством вглядывалась в жёлтое, высохшее лицо, тёмные провалы глаз, заострившийся нос, бескровные губы и вздёрнутый подбородок.

Редкие седые волосы были убраны под праздничный платок, а в сложенных на груди жёлтых руках цвели анютины глазки.

– Явился не запылится! – прорезал тишину знакомый визгливый голос.

Девочка обернулась. В нескольких шагах от неё стоял невысокий человек в чумазах ботинках на босу ногу. Длинные сухие руки выглядели из рукавов некогда белой сорочки с оторванной пуговицей, вытянутые на коленях, измятые брюки украшало большое масляное пятно. Его всклокоченные волосы давно не знали расчёски, а расквашенный нос разнесло на пол-лица. По впалой щетинистой щеке незнакомца вдруг скатилась крупная слеза, и корявым кулаком он принялся тереть глаз. Руки его дрожали.

– Да кто тебе поверит, выпивоха! Опять в зюю уклюкался! – раздался тот же голос. – Мать в гробу, а у него черти в глазах пляшут!

Девочка хорошо знала этот голос. Он принадлежал Тамаре Петровне.

– Мать сиротой жила, а теперь и сам осиротел! – снова в сердцах бросила она.

Человек растерянно и глупо улыбнулся, и по другой его щеке скользнула такая же крупная слеза. Он несмело, бочком подошёл к гробу, склонился к самому лицу бабы Агаты и громко прошептал:

– Прости, мать...

Баба Агата не ответила, но простила. Она простила всем. Потом на соседских руках маленький красный гроб поплыл в огромную синюю вечность. Девочка шла за гробом и всю дорогу косилась на сына бабы Агаты, пытаясь разглядеть в его глазах пляшущих чёртиков. А он всё беспокойно озирался, будто обронил что-то дорогое, без чего теперь не будет жизни.

Тамара Петровна никак не понимала, что для того, чтобы в последний раз увидеть бабу Агату, командир краснознамённой подводной лодки сошёл на берег. И за самовольное оставление корабля в боевой обстановке ему грозит трибунал.

Вскоре на худенькой шее Таньки Долмат на тонкой верёвочке блестел новый увесистый ключ. И Танька хвасталась, что он золотой.

**Игорь Викторович
Кириллов
(Игорь Северский)**

**п. Сингапай,
Нефтеюганский район**

Родился 1 декабря 1954 года в городе Красный Луч Ворошиловградской области. В 1972 году окончил среднюю школу № 20.

С 1973 по 1975 год служил в Советской армии. В это же время, в областной молодёжной газете «Молодогвардеец» выходит первая большая подборка стихов. С 1976 года живёт и работает в Ханты-Мансийском автономном округе. В 1977 году в газете «К победе коммунизма» (Сургут) выходят его работы, относящиеся к Северу. Большой подборкой стихов его представляют читателю.

С 1978 по 1986 год работает корреспондентом, а затем редактором газеты «Нефть Приобья». В 1987 году закончил Уральский государственный университет, факультет журналистики.

С 1986 года по 1996 работает заместителем главного редактора газеты «Ленинское знамя», «Местное время» (Нижневартовск). В это время регулярно печатается на страницах периодических изданий, активно участвует в работе литературного объединения «Замысел», выпускает литературную страничку «Иван-чай».

В 1997 году в Нижневартовском издательстве «Приобье» выходит первый авторский сборник И. Северского «Письмена». Второй авторский сборник «Фрески» вышел в 2004 году. Третий авторский сборник «Инь-Ян» выходит в 2014 году. В течении 20 лет стихи И. Кириллова регулярно публикуются на страницах коллективных сборников, литературно-художественных альманахов, журналов, выходящих в Югре, Тюменской области, Башкирии.

Член Союза российских писателей.

Ко мне приходит женщина...

КО МНЕ ПРИХОДИТ ЖЕНЩИНА ОДНА

Ко мне приходит
Женщина одна
Она мне не жена и не сестра.
И вешает на гвоздь
Своё пальто.
Я ей никто
И мне она – никто.

Ко мне приходит
Женщина одна.
Она необычайно холодна.
Снимает туфли, платье и лицо.
На тумбочку кладёт
Своё кольцо.
К её ступням скользит
Последний шёлк,
А подо мною пол
Пошёл, пошёл, пошёл...
Как будто бы
Скрещение дорог
На нас ползёт
Дощатый потолок.

И забытьё
И долгий жаркий стон.
Блаженный миг,
Короткий сладкий сон.

Затем спокойно
Женщина встаёт
Привычно всё своё
Она берёт.
Вот с тумбочки взяла она кольцо.
Вот надевает
Платье и лицо.

Знакомый долгий
Поворот ключа,
Уж каблучки
На лестнице стучат.
За нею наблюдаю я в окно.
Я ей – никто.
И мне она – никто.

И снова дни.
Без радости они.

Негромкими заботами полны.
Вот так проходят лето и зима.
Затем грядёт весна,
А с ней – она.
И снова каблучки её стучат,
И снова робкий поворот ключа.
Несмелый взгляд,
А в нём – немой вопрос.
Дурман её духов и папирос.

Но в жестах вновь
Читается легко:
Ты мне – никто.
И я тебе – никто.

ВСЕГДА РИСУЮ ЖЕНЩИНУ ОДНУ

Всегда рисую женщину одну:
То старше выглядит она,
А то – моложе.
Я узнаю её по цвету кожи,
Из прочих всех её лишь узнаю.
А встречи с ней в себе несут беду,
Здесь свет и тени противоположны.
Игру их уловить бывает сложно.
Она вдали мелькнёт и я иду.
И будто по пустыне я бреду.
Зной беспощаден, он жестоко строит.
Песок и пот
От них тюрбан не скроет,
Нет никаких гарантий, что дойду.
Я знаю: не дойду, так доползу.
И если надо будет – шкуру сброшу.
Пред ней предстану грязным и заросшим,
Вдруг пожалеет и прольёт слезу.
А я её схвачу и увезу–
Прочь! Далеко!
В берёзовую рощу
Но ей-то нужен кто-нибудь попроще,
А вовсе не похожий на гюрзу.
Такой, что не сбежит встречать грозу.
Кто в будни – трезв,
Совсем не полуночник.
Ей нужен тот, который знает точно:
Что наша слава – лишь досадный зуд.
Она на ужин стряпает азу
Под острым пряным соусом восточным.

Он в кресле спит
Я это знаю точно –
Во сне сачком он ловит стрекозу.
Со мной же остаётся мой мольберт,
Неясный силуэт, что скрыт за шторой,
С приятелем случайным разговоры,
Да два потрёпанных билета. На концерт.
Ещё есть не отправленный конверт,
Письмо, что было в нём, порвал я в клочья.
Со мной – мой десяток грустных строчек,
Да добрый пёс – природный интроверт.

МЕНЯ ВСТРЕЧАЕТ ЖЕНЩИНА ОДНА

Меня встречает женщина одна,
Предчувствиями странными полна.
Концы роскошной шали теребя,
Переживает что-то про себя.
О чём-то, о своём она молчит.
Полынью поцелуй её горчит.
И взгляд скользит куда-то вдоль окна.
Мы с нею вместе, но она одна.
Одна в нелепом городе чужом,
Её виски охвачены огнём,
Румянец на щеках её горит.
В гортани – сухо. Трудно говорить.
Но хочет что-то мне она сказать,
Слова она пытается связать.
Но рвётся эта непростая нить.
Как? Почему? Кого за то винить?
Возможно, в этом есть моя вина,
И мне её не вычерпать до дна.
И не испить летящих рук укор,
И не сломить мятущийся отпор.
За что же мне судьба жестоко мстит?
Кого за это мне благодарить?
Возможно ту, что так была мила,
Случалось, за собой меня вела.
Дарила что-то, а потом ушла.
Ушла и это что-то унесла.
Я это что-то захотел вернуть –
Перехитрить, придумать, обмануть...
Кого? Да получается – себя.
Увы, ушли пустыми поезда.
Ушли года, как талая вода.
И в ночь уходит женщина одна.

МНЕ КАЖЕТСЯ – НЕСЧАСТЛИВА ОНА.

Мне кажется – несчастлива она,
Взгляд бирюзовый говорит об этом.

Случилось видно что-то прошлым летом.
И вот с тех пор одна – совсем одна.
Бокал сухого терпкого вина
И белый мрамор – в них так много солнца...
Она себе ни в чём не признаётся,
Но точно знает: в чём её вина.
Вот почему она с тех пор одна.
В барашках белых синяя волна,
В прах рассыпалась перед парашютом...
Смеялись, вспоминали то и это...
Себе твердила – нет, ты не должна!
Но это всё случилось прошлым летом.
И вот с тех пор – одна,
Совсем одна.
Хватило, слава Богу, ей ума
Встать и уйти к себе перед рассветом,
А утром быстро съездить за билетом.
И вот с тех пор одна, совсем одна.
Что дальше?
Дел привычных кутерьма –
Грибы солила, резала капусту,
Но было это всё ужасно тускло.
И чарку беленькой с утра пила до дна.
Ну, вот и всё, такие вот дела.

ЕЁ ЛЮБВИ ДОЛЖНО ХВАТАТЬ НА ВСЕХ

Её любви должно хватать на всех:
На деточек, на матушку, на мужа.
А муж – он пьёт.
Он был в Чечне контужен.
Порой ей кажется,
Что он ей также нужен,
Как почерневший прошлогодний снег.
Но стон свекрови,
Яркий детский смех
Её опять на землю возвращают.
Она всех понимает, всех прощает,
А по ночам замаливает грех.
А грех-то в чём?
Она, бывает, ропщет.
И хочет встать, всё бросить и уйти.
Но только тихий
Еле слышный шёпот
Становится преградой на пути.

ОТ СЧАСТЬЯ

Та женщина давно с ума сошла.
И всё, что захотела, то – забыла.
Она в своём безумии нашла,

Всё то, что раньше страстно так любила.
Фата ей очень даже подошла.
Свекровь с ней обходилась очень мило.
А ночью всё кипело и бурлило
И утром нега дивная сошла.
Затем она приданое сочла,
Его богатство очень удивило.
Верёвка, рядом с ней кусочек мыла.
Взяла всё это – вдоль стены пошла.
От счастья, говорят, с ума сошла.

НОЧЬ-ВОРОВКА

Ночь-воровка нас бросила в бездну
Наши души, смешав и тела.
Все вокруг растворилось, исчезло –
Серый пепел, немая зола.
Но едва зацепился за крышу
Луч – посланник грядущего дня.
От тебя я впервые услышал:
«Все ты врешь, ты не любишь меня».

День был ярким, томительным, жарким.
Изумрудно блестела трава.
Мы гуляли в реликтовом парке.
Ты твердила: «Права я, права...».
Дни тянулись, а годы мелькали...
И желанием страстным маня,
Губы милой как прежде шептали:
«Всё ты врешь, ты не любишь меня».

Чередую восторг и усталость
Суждено нам по жизни идти.
И осталось лишь самая малость –
Старость – грустный отрезок пути.
Нам в затылки натружено дышит
Торжество ледяного огня.
Ну а я? Я по-прежнему слышу:
«Всё ты врешь – ты не любишь меня».

ЧАС ЖЕСТОКИЙ...

Эта женщина, друг, не про нас.
Этих губ колдовское веселье.
Этих рук и объятий похмелье
И змеиная преданность глаз.
Она выдаст тебя и продаст –

К колпачку приторочив бубенчик,
Это нам за покинутых женщин,
Что любили без памяти нас.
Мы рубили с плеча – нипочём
Были нам их немые укоры.
А они исчезали покорно,
Уносимые вешним лучом.
Час жестокий, но праведный час,
Так по-крупному сводятся счёты.
А удача – бесстыжая сводня –
Улизнула, ехидно смеясь.

ЛЮБИТЬ ТЕБЯ...

Любить тебя – Господь не приведи...
Уж лучше на унылые галеры.
Весло и цепи не лишают веры
И даль морскую видишь впереди.
Забыть тебя – Господь не приведи,
Уж лучше на унылые галеры.
Весло и цепи не лишают веры.
И даль морскую видишь впереди.

Я НЕ МОГУ РАЗГАДАТЬ

Я не могу разгадать
Этот извечный секрет
Где твое «да» – это «да»
Где твое «нет» – это «нет».
Вот пелену разорвал
Как простыню рассвет...
О, я вчера угадал
«Да» в неприступном «нет»!
Нынче ты в дождь ушла,
Сумрак в моём окне.
Это в покорном «да»
Зрело стальное «нет».
Тонкий стальной клинок
Рвёт паутины бред.
Ржаво скрипит замок –
Слово сложилось «нет».
И никакие дары,
И никакая мольба.
Не превратят, увы,
«Нет» в желанное «да».
Но если ждать и терпеть,
И коль милосердна судьба.
То снова в решительном «Нет!»
Услышишь желанное «Да!».

**Павел Рудольфович
Черкашин**

г. Махмутлар, Турция

Символы хрупкости зримого счастья — цветок клевера на пути голодной коровы, бабочка в прицеле глаз хамелеона, людный пляж за минуту до цунами...

Счастье всегда хрупко. Вдребезги!

Павел Черкашин

И жизнь ещё почти что вечна...

Мы не творенья Божие, о нет —
Мы раковая опухоль на коже
У самой беззащитной из планет
И метастазы множим, множим, множим.

Куда нам до подобия Его,
Мы сами то придумали в гордыне
И в страхе от уродства своего,
Мы бесподобны Богу и поныне.

Не знаю я, не знаешь ты,
Какие чудные цветы,
Какие чистые леса
И певчих пташек голоса
Встречают ласковый рассвет
На той далёкой из планет,
Где синь озёр, прозрачность рек,
Где благодать из века в век
Для всех растений и зверей,
Где злобы нету и скорбей,
Где нет рабов и нет вождей,
Где пыток нет и палачей,
Где нет бессмысленных смертей...

Где нет
и не было
людей.

Всему есть срок. И мой последний
Когда-нибудь наступит день,
И часом утренним в передней
Возникнет мрачной гостыи тень.

Готов я, Вечности Сестрица,
Но сделай милость для меня:
Дай напоследок насладиться
Восходом... завтрашнего дня.

Довольно скучен мой обед,
Лишь сны о лакомых кусочках.
Всему виною диабет
И склад камней в обеих почках,
Блюдущих мой бессрочный пост,
Не зная строгости пределов.
А мне б с икрой хрустящий тост,
Рокфор да парочку эклеров...

Второпях, в потоке дел,
Собираясь вновь на встречу,
«Ты совсем, брат, поседел», —
Отражению замечу.
Усмехнётся мой двойник,
Понимающе, устало,
Подмигнёт: «Держись, старик,
Время к Богу не настало».

Моей далёкою весной,
Наивной, искренней и чистой,
Любил сидеть я под сосной –
Подростком с кроною пушистой.

Когда мне было тридцать пять,
И жизнь под стать бурлила планам,
Увидел я сосну опять
Уже с могучим стройным станом.

В мою последнюю весну,
Когда я этот мир покину,
Повалят зрелую сосну
И мне сколотят домовину.

Моя последняя весна
Начальной станет для кого-то,
И вместе с ним взрастёт сосна
И подождёт его до срока...

Неужели затем, чтобы явней
И дороже ценилось добро,
В человеке с поры многодавней
Чутко дремлет стоглавое зло?
То одной, то другою личиной
Проявляется в мире людском
И не лезет в карман за причиной,
Чтоб войти беспрепятственно в дом,
Где раздором, где ложью, где местию,
Как к подошве налипшая грязь,
Где гордыней, где сладкою лестию,
Упрочая коварную власть
Недоверья, вражды и печали —
Трёх сестёр вековечного зла.
Что бы случилось, когда б мы не знали
Исцеляющей силы добра...

На крутояре Иртыша
Печалю взгляд, едва дыша,
Трепещет сердце, словно птица,
Как будто бы освободиться
Желает из моей груди.
Ну что ж, христовое, лети!
Над Иртыша лети волнами,
Над поймой, солнцем залитой,
На Север вместе с облаками
Лети в предел родимый мой!
Я знаю, там твоё гнездовье,
Где дремлет Мужевский Урал —
Моей Отчизны изголовье,
Ведь это он тебя позвал...

Бедняк ты или обеспечен,
Живёшь в Сибири иль Париже,
Мнишь о себе, что человекен, —
Всегда своя болячка ближе,
Всегда мучительней свербит,
Всегда важней, чем у соседа, —
Мол, у него не так болит, —
И остаётся без ответа
Позыв унять чужую боль.
Ты ждёшь сочувствия? — Уволь!

Скрипит уключина в гнезде,
Всё дальше вёсел плеск в тумане,
Таким, что утренней звезде
Не разглядеть себя в лимане.
Мы в море вышли до зари,
Пока и ветер спит, и волны,
А ты, звезда, гори, гори
Как оберег с небес бездонных!

Пока путь жизни впереди,
Считаешь прожитое днями,
Но не спеши, но не беги,
Года тебя нагонят сами.
Седьмой, восьмой, девятый вал —
Не увернуть, не запереться.
И первый зуб, и первый бал
Уже как будто по соседству.
Событий грозных и смешных
Волна внахлест черёдной катит
И так порою бьёт под дых,
Что слабодушно стонешь: хватит!
Но вот путь жизни позади,
Считаешь будущее днями
И молишь время: погоди,
Отсрочь последнее цунами!

А юность тем и хороша,
Что безоглядна и беспечна,
И жизнь ещё почти что вечна,
И не испачкана душа.
Ещё не ноют в сердце шрамы
Ошибок, подлостей, потерь,
Ещё везде открыта дверь,
Во все комедии и драмы.

Загостилась непогода —
Дождь полощет пятый день.
Как горелая колода
Чёрен ивовый плетень.

Не посплетничать старушкам —
 Все завалинки мокры —
 Затворились по избушкам,
 Приумолкли до поры.
 Лишь бобыль махровый Боря,
 Раззадорив брагой кровь,
 От дождя не знает горя
 И горланит про любовь.

За селом в туманной дымке
 Убаюканная даль,
 В лёгкой звёздной пелеринке
 Дремлет месяц-государь.

Колыбельные допеты,
 Потонули в тишине
 Их последние куплеты,
 Растворяясь в первом сне.

Добросердечья лёгок нрав,
 Совсем иной у злости норы —
 Тяжёл, коварен и лукав,
 И слеп порой, как старый боров,

Но чаще зряч и бьёт прицельно
 Исподтишка, а то и в лоб.
 Как много ранено смертельно,
 Сколь многих злость вогнала в гроб...

Мне часто стала сниться мама.
 Так было раньше, на войне.
 В плену дремотного тумана
 Она светло являлась мне.
 Но то война. А что же ныне
 Причиной новых частых встреч?
 Наверно, думает о сыне,
 Моля от бед его беречь.
 Ведь думы эти непрестанны,
 Сквозь расстояния, года
 Тревоги наши чуют мамы
 И к нам приходят в сны тогда.

Для птицы невысокого полёта
 Заказан необъятный кругозор,
 И пусть видны все ягодки болота,
 Не разглядеть заоблачный простор.
 Скучна её картина мирозданья,
 Хотя горда наличием крыла,
 Расхваливает прелесть прозябанья,
 Охаивая вотчину орла.

И я умру. И этот день всё ближе,
 Пока не виден он, но лишь пока.
 И вряд ли побываю я в Париже,
 А уж в Сиднее так наверняка.
 Но мне теперь, пожалуй, и не надо,
 И пусть в мечтах уже одно быльё,
 Была бы рядом ты, моя отрада
 И счастье неизбывное моё.

ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Вот город, ставший мне родным:
 Он был бревенчат, двухэтажен,
 Зимой укутан в сизый дым
 Из труб печных, а как вальяжен
 Был ход коров по тротуарам
 Порою только в три доски,
 Там в лес войдёшь – все шишки даром,
 В дворах – смородины глазки.
 Почти вчера всё было это.
 Почти вчера – и жизнь назад.
 За годом год, за летом лето
 Преображался город в сад.
 Аллеи, площади, фонтаны,
 Пускай не сразу же, не вдруг,
 Дивились древние урманы
 На волшебство рабочих рук.
 Он многим может похвалиться,
 Причём по праву, знаю я.
 Цвети, югорская столица –
 Ханты-Мансийск, любовь моя!

**Александр Анатольевич
Матаев**
г. Урай

Родился 1 апреля 1960 году в селе Ларьяк Нижне-вартовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области.

В 1966 году родители вместе с детьми переехали в районный посёлок Кондинское Ханты-Мансийского АО Тюменской области.

Окончил в 1975 году заводскую восьмилетнюю школу Кондинского пищекомбината, а затем в 1977 году общеобразовательную Кондинскую среднюю школу. В том же году поступил в Омское лётно-техническое училище Гражданской авиации на специальность наземная радиолокация и окончил его в 1980-м году. Попутно получил военную специальность и звание младшего лейтенанта запаса. Побывал в стройотряде на Сахалине и на сборах в полку ПВО в Купино Новосибирской области.

По окончании учёбы по распределению приехал в Урай, где начал трудиться в должности радиотехника объекта Обзорно-диспетчерский радиолокатор (ОДРЛ) Урайского объединённого авиаотряда (УОАО). Тогда Урайский ОАО был крупнейшим вертолётным авиапредприятием на Тюменском Севере с самым современным оборудованием. Едва войдя в рабочий ритм, в 20-летнем возрасте получил первое самостоятельное задание: был послан на вертолёт в строящийся аэропорт г. Нягани с несколькими ящиками железа и двумя портфелями документации. Задание было – установить на резервный дизель-генератор оборудование для автоматического контроля сети, запуска и остановки.

Жизненные университеты дали будущему поэту и писателю увидеть изнутри разные людские характеры и обстоятельства, в которых они формируются. Александр Анатольевич работал старшим электро-механиком в радио-телевизионном передающем центре (РТПЦ) на станции спутниковой связи «Орбита», электромонтёром в Урайском производственно-техническом управлении связи, инженером оперативно-технического отдела Службы безопасности ТПП «Урайнефтегаз». В биографии писателя было и возвращение в коллектив, на «родной» объект (ОРЛ-А +АРП-75 тогда он так назывался), сначала техником, а потом вновь – инженером.

В 2020-м году переезжает в город Тарко-Сале (ЯНАО), где работает техником первой категории вплоть до выхода на пенсию, в 2024 году. В Тарко-Сале был некоторое время членом Общественного совета Пуровского района ЯНАО. Поощрен Благодарственным письмом Главы Пуровского района.

Александр Матаев – автор тонких, чувствительных стихов, понятных людям языка, поэзии и музыки. Литературой (поэзией) стал заниматься с 1978 года.

Впервые стихи опубликованы в сборнике урайских поэтов «России маленькая часть», изданном в честь 40-летия Шаимской нефти. Автор сборников стихов «Красные плюс белые» (2004 г.), «Старый плюшевый

медведь» (2006 г.), «Спина белая!!!» (2017 г.), «Весёлая Азбука Урая!» (2020 г.), «Всё не зря»: проза (2023 г.).

Стихи и проза публиковались в журналах: «Русское эхо», «Эринтур», «Сызранская излучина», «Врата Сибири».

Представлял свои стихи на страницах семи поэтических сборников, два из которых – зарубежные.

Активный участник фестивалей авторской песни. Гитара стала неотъемлемой частью имиджа и стиля поэта. Впервые гитару в руки автор взял ещё будучи курсантом Омского лётно-технического училища ГА.

С 2011 года по 2018 являлся идейным вдохновителем, «двигателем» и спонсором первого в городе

Урае фестиваля авторской песни «Чумбардия». «Детище» Александра Анатольевича возродилось в г. Тарко-Сале ЯНАО в 2022 году и на сегодня статус фестиваля – «действующий».

Три раза был лауреатом и два раза дипломантом разных степеней на региональных фестивалях авторской песни в Сибири и Зауралье.

Александр Анатольевич признается, что теперь ему больше нравится писать прозу: рассказы, очерки, эссе. Первая книга прозы называется «Всё не зря».

Член Союза писателей России.

Александр Матаев

Там, в Ильичёвке...

ШАМАН, ОДНАКО!

1.

День рождения бабы Капы в тот год получился на славу. Пошла вторая уже неделя, а он всё ещё продолжался, изредка утихая. То, что в деревне так иногда делятся свадьбы, если самогон наготовлен впрок – не удивляет никого. Но с днём рождения такое даже в Ильичёвке случилось не часто.

Это радостное событие растянулось по времени не просто так. К бабе Капе и деду Васе нагрянули в отпуск родственники из райцентра. Аж на две недели! Родственники предполагали погулять на дне рождения, съездить на охоту, порыбачить, пошишковать в кедровом бору – в общем, культурно отдохнуть на всю катушку. А баба Капа резонно удумала, что шесть дополнительных рук в начале осени на любом дне рождения в хозяйстве лишними не бывают. Картошка не докопана, дрова не доколоты, в поленицы не уложены – да мало ли на что ещё может пригодиться день рождения? Деда Вася был уже не тот, а на непутёвого сына Малку делать ставку было опрометчиво. Он мог в любой миг дезертировать с трудового фронта на рыбалку, охоту либо в райцентр, и зависнуть там.

Гостей было: племянник Терентьич, работник районного рентгенкабинета, его жена Фёдоровна, кассирша в Госбанке да сын их Венька. Терентьича по солидной внешности в очках можно было принять за работника райисполкома. Фёдоровна была худенькая, оде-

валась тоже культурно, а Венька был пацан как пацан. Его взяли лазить по кедром с шестиком-шишкобоями. Кедрач в Ильичёвке был древний, толстоствольный, и колотом¹ шишку бить было нельзя. Конечно, можно было выискывать в траве шишку-падалицу и собирать её, но деревенский люд и боровое зверьё всегда опережали приезжих.

Баба Капа была эффективным менеджером, и поощряла дневные трудовые подвиги по вечерам, выставляя на стол бутылочку-другую, «за день рождения».

Но запланированный культурный отдых никто не отменял, а потому некоторые моменты в производственных планах бабы Капы мужики обходили, как могли, не дожидаясь вечера. Наивная женская логика зачем-то подсказала женщинам, что при пацане-то эти охламоны пить не посмеют (ага!), а значит пусть Венька везде с мужиками и ходит. Он и ходил.

В тот день с утра мужики таскали с низины с общего огорода в мешках выкопанную ранее картошку, спускали её в погреб, и изрядно умялись. А после обеда они так технично «слиняли» из дому, что женщины за своими женскими хлопотами их не сразу-то и хватились. Хотели было послать на поиски Веньку, но того тоже нигде не оказалось.

Венька, пацан лет 14-ти, в мужики не проходил по возрасту. Хотя, издали мог сойти и за взрослого. Он с удовольствием увязался за ними.

¹ Колот – специальная кувалда из чурки на длинной ручке для того, чтобы ударять им по стволу кедрового дерева и шишки от сотрясения падали наземь.

А чего? С матерью же не поспоришь. Сама сказала ходить.

2.

Компания сидела на чурбачках вокруг здоровенной колоды, на которой на свежих газетах было покрошено розоватое сальцо, крупно порезаны помидорки с огурцами, зеленели пучки лука и петрушки и поблескивали гранёными боками стаканы. Ну и – куда же без неё – в центре натюрморта красовалась не распчатая ещё поллитровка. Что ещё нужно для счастья? Они находились за околицей под надёжной защитой поленниц, сложенных из напиленного плавника², который дожидал своего часа. К зиме плавник просыхал и в наколотом виде перемещался в поленницы поближе к жилью. А пока это был популярный деревенский «бар» с лабиринтами, закоулками и «отдельными кабинетами» – территория, для женского пола непозволительная. Душевное такое местечко. Компоненты культурного отдыха – бутылка и часть закуси – были ещё с вечера припрятаны между чурок.

Собственно, мужиков-то было двое – Терентьич да Малка. Венька в качестве мужика признавался только, когда надо было таскать картошку мешками, колоть дрова или тащить на берег тяжеленный лодочный мотор. А при розливе ему в мужики было ещё рано. Терентьич вид имел ботанический, согласно интеллигентному статусу среднего медицинского работника: шляпа, толстенные очки в роговой оправе, ладно хоть – галстука под ватником не было. А Малка в любимой куртке-брезентухе и чудом держащейся на затылке лыжной шапочке выглядел всегда одинаково стильно. По последней деревенской моде. Полосатая лыжная шапочка должна была в любую погоду находиться между затылком и правым ухом, это обязательно. Чтобы не портила впечатление от лихой волны тёмно-русого чуба. Остальные предметы туалета могли и меняться. Ну, например: повседневные короткие сапоги на сапоги с длинными голенищами, которые каждый заворачивал ниже колена немислимыми каральками сообразно личному понятию о крутизне.

² Плавник – вылавливаемые из реки стволы деревьев. Пилются и сушатся на дрова.

3.

Мужики сидели на чурбачках, вдыхали пряный деревенский воздух, приправленный близостью реки и кедрового бора, щурились на скромное сентябрьское солнышко и предвкушали чудные моменты предстоящего счастья, заслуженного тяжким огородным трудом. Они набулькали себе «по чуть-чуть», не забыв налить и Веньке морса из трёхлитровки, выпили, крякнули, похрустели огурчиком и приготовились вести обычную в таком деле задушевную беседу.

Внезапно в эту идиллию ворвался беспокойный стрёкот, вырастающий до звука приближающегося вертолёт. Вертолёт облетел деревню, развернулся и сел на высоком берегу у магазина, где была подходящая ромашковая поляна.

Малка вдруг о чём-то задумался, а потом скопил хитрые глаза на Терентьича и подбоченился.

– Ты вот со мной всё как с простым – Малка то, Малка сё – а я, может, шаман вообще. Я ежели захочу – мысли чужие читать могу запросто! А то и заставить издаля кого, чтоб по-моему всё делал! Как Вольф Мессин. Страсенс ясновидящий по правильному называется – слышал?

– Да ладно – а то я тебя не знаю? Свистишь как чайник! – Терентьич потянулся разливать. – И не Мессин, а Мессинг. Немец он был, балда! А то и вовсе еврей.

– Я? Когда это я свистел-то? – искренне возмутился Малка. – Я же не немец тебе какой-нибудь!

– Да всегда. Балаболишь. Тот ещё «страсенс»! – поддел его Терентьич.

– А хошь докажу? Вот щас что захочу – то лётчики и сделают.

– А давай – равнодушно откликнулся Терентьич.

Малка встал с чурбачка, сделал «шаманское» лицо, простёр руки в сторону магазина и страшным голосом начал завывать:

– Взлетааааайте! Взлетааааайте!!! И летите воон за те поленницы, что возля кустооооов!!!

Так и произошло. Вертолёт, как и велел ему Малка, послушно перелетел через деревню и сел за дальними поленницами.

Терентьич даже забыл про розлив:

– Ну... Раз-то ты, думаю, угадал. А ещё можешь так наколдовать? А?

– Да запросто. Только мне роздых нужен. Думаешь, легко это всё? Знаешь, какие энергетичные

дыры в астральном теле получают? Обязательно надобно залатать. Да вам, медикам, не понять. Это тебе не ренген ваш, тут с умом надо просвечивать, не наскрозь... Наливай!

С одухотворённым видом приняв лекарство для починки астрального тела, Малка начал сосредотачивать «энергетичные» потоки в сторону дальних поленниц:

– Взлетаааайте! Взлетаааайте!!! И летите обратно, к магазиину!!!

Зрители были уверены, что ничего у него не выйдет, но вертолёт в точности выполнил предписание. У Терентьича на лице удивление боролось с недоверием, а Венька давно уже сидел с открытым ртом и круглыми глазами.

Вновь подкрепив известным уже способом астральное тело и залатав дыры в ауре, Малка сделал лицо утомлённого Будды и решил добить публику в зале:

– А вот они у меня так легко не отделаются! Пускай-ка ещё разик по этому маршруту смотятся!

– Да ладно уже парней маять! – заступился за летунов Терентьич. Задолбались, поди, через деревню туда-сюда гонять... Не велосипед же.

– А чего – пешком им мотаться? Тут, поди-ко, с километр будет! Вертолёт тогда на што? Хотя, ладно, уговорил – как бы нехотя согласился Малка. И, грозным «шаманским» голосом повторив изначальное заклинание про «за поленницы», он милостиво добавил: – А потом летите уже, куда хотите!

Вертолёт послушно перелетел от магазина за дальние поленницы по знакомой трассе, а потом поднялся и от греха подальше утарахтел от этого странного места, скрывшись за лесом.

4.

Свидетели необъяснимого чуда были под впечатлением.

Вид у Малки сделался как у Геракла, утомлённого героическими подвигами. Он медленно и с чувством отрезал себе горбушку чёрненького, тщательно и красиво разложил по ней сало вперемешку с помидоркой и зеленью, налил на три «буля» в стакашек, интеллигентно выпил с оттопыркой мизинца и культурно зажевал бутербродом. Терентьич просто выпил и просто закусил, находясь в зомбированном состоянии, а Венька так и сидел с открытым ртом, восхищённо лицезрея настоящего живого шамана.

Терентьич, будучи закоренелым медиком и атеистом, точно знал, что чудес не бывает. Он начал приобретать осмысленный внешний вид:

– И вот ведь знаю, что подвох – а не знаю где! Я же не баба у колодца, чтобы всему верить. Да и в пилоты кого попало не берут. Их в центрифуге прокручивают, как масло в сепараторе – и то ничё им. Они вон самого начальника аэропорта-то не всегда слушаются. С чего бы они тебя ещё слушались? Давай говори, пошто так-то?

Выходить из героического образа Малке не хотелось. Когда ещё такой успех на сцене получится? Но он решил взять великодушием:

– Да ладно вам, не запаривайтесь так-то! А то ещё болты в мозгах посвёртываются, майся потом с вами... Всё просто.

– Ну?! – надавил на голос Терентьич.

– Чего «ну»? Знаю я этот вертолёт. Он уже неделю как на НПС³ке базируется, по трубе летает.

– Ну?!

– «Ну» да «ну»... У них в магазине водку-то не продают же. Сухой закон. Да и хлеб у нас лучше.

– Ну?!!

– Ну занукал опять! Я и говорю – работяги летунов за водкой к нам в деревню и посылают. Не бесплатно же – два «пузыря» с ящика гонорар (Малка знал много культурных слов).

– Ну это ладно. А дальше-то что?

– Так магазин-то закрыт с утра. Продавец, Федул, день рождения с дружками своими за дальними поленницами отмечает. Не домой же ему идти.

– Ну допустим. И что?! – терпение Терентьича кончалось.

– Ты чё такой-то? Всё же понятно. Ты видел там лавочку на берегу у магазина? Видел, что с обеда бабка Ягодка каждый день на этой скамейке сидит, чтобы плавмагazin⁴ на реке не проворонить? Она одеколон «Гвоздика» по 70 копеек там весь скупает, а потом по утрам мужикам по рублю продаёт на поправку головы. Бабка до пенсии-то в районе в «Хозяйственном» торговала. Понимает в одеколوناх-то.

– Ну видел лавку. И бабку видел. А одеколон у нас в подарочных наборах к простыням в

³ НПС – нефтеперекачивающая станция. В описываемое время находилась на стадии строительства.

⁴ Плавмагazin – самоходная баржа, с которой деревни вдоль реки снабжали товарами не первой необходимости.

нагрузку дают. И лосьон ещё. «Огуречный». Он ещё вкуснее с утра. Так вертолёт-то тут причём?

– Ну ты уж совсем, Терентьич! Не ожидал от тебя! Ты же не одну шляпу поди износил. В очках вон ходишь: соображать-то должен? Так ведь бабка-то в деревне всё про всех всегда знает. Кто, где, когда, блин! Она же лётчикам маршрут почище любого диспетчера определит – где и когда продавца найти можно! Смекаешь? Вот бабка им диспозицию обрисовала, они за Федулом слетали, в магазин его привезли, отоварились и аккуратно доставили обратно, откуда побеспокоили. От дела ведь человека оторвали! А как иначе – поставь, где взял! Етикет у нас такой – снова вернул он мудрёное слово. – У вас в районе не так, чтоль?

– Да и летунам никак невозможно пустыми возвращаться. Ждёт ведь народ-то. Надеется. – и Малка показал кому-то жилистый кулак, обозначив степень народной надежды. – У них свой етикет. Теперь-то хоть понял?

– Дааа уж – проворчал Терентьич. – Давно меня так не дурили. Совсем было повёлся. Ну и силён ты балаболить!

Довольный Малка распределил из поллитровки остатки по стаканам. Культурный отдых требовал культурного завершения.

А Венька даже расстроился. Он был уже большой и в Деда Мороза давно не верил. Кто такой «страсенс» Венька в силу возраста ещё не понимал. А вот иметь в родне настоящего шамана, которого даже лётчики боятся – было бы здорово!

Самый секретный сотрудник Родины (СССР)

1.

Венька и Валерка рыбачили. Конечно, настоящие рыбаки точно знают, что чем дальше уедешь – тем крупнее рыба. И вкуснее. Особенно там, где рыбачат другие: а то чего бы эти другие там рыбачили-то? И решили они поставить сети на большой лайде-старике неподалёку от соседней деревни Ильичёвка. Конечно, если по правде, то около их районного посёлка Кондинское подходящих угодий было никак не меньше, и рыба ничем не хуже, но ведь охота пуще неволи.

Точнее – рыбалка. А два часа дороги и бак бензина тут уж в расчёт не берутся.

В-общем, поставили братовья сети, палаточку на берегу, костерок запалили – всё чин чином. Сидят, курят, умные разговоры разговаривают. Природой любуются. Комаров даже нет почти. А природа у нас – рай, да и только. Когда комаров нету.

На закате проверили сетки – как-то не очень-то... Пара карасей, четыре подъязка, одна щука да окуней с пяток нацеплялось. С двух сетей не солидно как-то. Уха-то хорошая получилась из окуней; в охотку полуведёрный котелок на двоих опростали – и спать. А как сладко спится на природе – кому тут рассказывать? Понятно и так. Особенно, когда под ушицу да ещё четвертиночка по жилкам разошлась... Ну, это уж как полагается. В бардачке в старом валенке у них был и стратегический запас в две поллитровки, но на то он и стратегический. По сто двадцать пять грамм под уху для аппетита – и хорош! Норма.

С утраца, проснувшись со свежими головами, неспешно вздули костерок, запарили чайку со смородиновым листом и степенно пошвыркали горячей душистой жидкости с конфетками «подушечки». На душе было благодно, нежаркое солнышко приподнялось из-за тальника и прогоняло с зеркальной поверхности воды остатки тумана. Вот только содержимое сетей опять огорчило. Надежды братьев не оправдались, рыбы было мало, и сети решено было снять. Ну не с удочками же тут сидеть, как малолетки какие... В их возрасте (а старшему уж было за двадцать) это занятие считалось неприличным. Не пацаны ведь уже, да и до пенсии далеко. Было решено снять сетки, перебрать их в Ильичёвке у дальнего родственника деда Васи и ехать домой.

Сети перебирать желательнее было влажными, пока не засохли. И трава мокрая легче вычищается из них, и собирать равномерными частями-провязами по тетиве, чтобы не путались при установке, легче. Всяко получалось, надо к деду Васе заехать. Да и повидать надо – родня, никак.

Ильичёвка располагалась на живописном зелёном высоком берегу реки, по которому были вольно разбросаны потемневшие дома, бани, изгороди, поленницы, гуляли коровы и овцы, и с одного края она упиралась в изумрудную громаду реликтового кедрового бора, могучие стражи которого спускались к самой воде. Вся эта красота дополнялась высоким песчаным яром, изрытым стрижевными норками, и походившим

на срез дорогого сыра. Когда какое-нибудь плавление вышло из-за крутого мыса реки, от открывающейся красоты у всех захватывало дух.

2.

Нос лодки шурша вспорол песочек на берегу. Венька и Валерка не успели ещё спрыгнуть на берег и поддёрнуть лодку, как увидели, что к ним крупной рысью приближаются трое аборигенов. За минуту до этого они ещё сидели на яру на лавочке и осматривали просторы реки. Скорость, с которой местные преодолели крутейшую тропинку, ведущую с яра, впечатляла. Это были молодые парни характерной деревенской наружности. Фасоны сапог-болотников, камуфляжных штанов и брезентовых энцефалиток отличались несущественно. Запоминалась только замызганная фетровая шляпа на затылке одного из них, которая во времена своей молодости запросто могла бы украсить лысину какого-нибудь районного партработника. Видимо, он был главный.

– Валерка, ну чё? – ещё на бегу прокричал тот, что в шляпе. Веньку они почти не знали.

– Чё насчёт чего? – прикинулся шлангом Валерка.

– Чё ты как дурак-то?

– Так нету... – развёл руками Валерка.

– Да ладно свистеть-то!

– Гадам буду! – и Валерка для убедительности сделал честные глаза.

Этот диалог, в местах победившей цивилизации, мог бы прозвучать так:

– Уважаемый сэр Валерий! Надеюсь, Вы оправдаете наши ожидания? Не разочаруйте нас, пожалуйста!

– Не сообразовали ли вы поточнее сформулировать суть вопроса, джентльмены?

– Исходя из Вашей всем известной мудрости и предусмотрительности, нам казалось, что мы имеем все основания предполагать, что Вы, досточтимый сэр Валерий, имеете на борту достаточный запас виски, или как минимум тёмного эля, и сообразовали поделить с благородным собранием, ибо наши запасы давно истощены, а в казне нет средств для их пополнения. Что наносит истинным джентльменам невыносимый моральный ущерб... И только лишь Вам, милорд, по силам существенно облегчить эти нравственные страдания!

– Не хотелось бы вас огорчать, джентльмены, но запасы благородных жидкостей на рыбалке истощаются быстрее, чем хотелось бы. А поскольку наш корабль на обратном пути не заходил ни в Кейптаун, ни в Рио-де-Жанейро, то пополнить судовые запасы не было ни малейшей возможности. А потому команда наша была вынуждена перебиваться с чая на уху, что едва не привело к бунту!

– Досточтимый сэр! Разумеется, у нас нет ни единого повода усомниться в Вашей кристальной честности, но мы вынуждены уточнить, правильно ли мы вас поняли, во избежание трагической ошибки...

– Репутация моя настолько кристальна, джентльмены, что её невозможно ещё более испортить! – гордо произнёс сэр Валерий и сделал честные глаза. – Позвольте откланяться!

Ну, поскольку и я не Вальтер Скотт, и джентльмены в деревне попроще, то и мысли свои они выражают наиболее эффективным способом.

– Да пошли вы!.. – булькнул джентльмен в шляпе, и компания потеряла к Веньке и Валерке всякий интерес.

3.

Пристроив рыбу в садке в проточную воду и сложив влажные сети в рюкзак, Венька и Валерка вскарабкались на яр, и вскоре уже входили в старенькие вороточки дедавашиного дома. На высоком деревенском крыльце, как на троне, восседал Малка собственной персоной. Ибо был он деду Васе сыном, а следственно, Васильевичем. Ниже него на ступеньках размещались его сестра Чирушка и ещё какой-то молодой парень.

Поскольку в деревне фамилий мало, имён на всех не хватает, то всем присваивается какое-нибудь прозвище, по-нынешнему – позывной. Так что и я по именам-фамилиям их озвучивать не буду. Ни к чему. Прозвища, как правило, очень характеризуют человека. Например, степенного уважаемого мужика, который гонял в деревне электрический генераторный движок по вечерам и в праздники и ремонтировал всем лодочные моторы, звали Король. Но звали его так за то, что сам он нежно называл жену Дамой. Одна бабка скупала в Плавамагазине, который заходил во все деревни, стоящие на реке, а заодно и завозил в клубы «банки» с кинофильмами, одеколон

«Гвоздика» по 70 копеек, а по утрам продавала его же страждущим по рублю. За это мужики её ласково звали Ягодкой. А местную молодую вдовушку, у которой, по сведениям бабулек, уровень социальной ответственности не соответствовал деревенским стандартам, звали за глаза Двустволкой. Но не потому, о чём могли бы подумать некоторые несознательные граждане, а потому, что она могла так засветить дуэтом между глаз любому кандидату в кавалеры, что валила с ног не хуже двенадцатого калибра. Чирушка и была чирушкой – чёрный маленький утёнок, а у тётки, которую звали Спидола, характер и способность мгновенно разносить по деревне новости, соответствовали техническим характеристикам популярного радиоприёмника. Ну и зачем тогда имена-фамилии? Путаница одна.

Почему Малка звался Малкой – ума не приложу. Возможно, с детства ещё. Он восседал на крыльце в неизменной лыжной шапочке на затылке, линиялой майке и шикарных калошах. Вообще-то Малка был деревенским интеллигентом, наряду с двумя учительницами начальной школы. И вообще он был в статусе местной звезды, так как у него были ключи от клуба, и он крутил там кино, и даже рисовал масляными красками смешные афиши. Интересно, что время проката им устанавливалось произвольно. Некоторые, наиболее понравившиеся трудящимся фильмы, не отправлялись следующим на реке адресатам подолгу. Например, «Свадьба в Малиновке» две недели, по два сеанса ежедневно, не сходила с вершины деревенского хит-парада, и некоторые знали фильм наизусть. А Король, по просьбам общества, не вырубал движок до последнего, изыскивая соляру из непонятных ресурсов. Надо же как-то донести культуру в массы!

4.

Компания на крыльце явно скучала. Завидев братьев, вошедших во двор, общественность встрепенулась, а у Малки рот расплылся от уха до уха.

– Чего, гаврики, опять поди на моих угодах пасётесь? – вместо приветствия блеснул пронизательностью Малка.

Дальнейший диалог по сути повторял тот, что состоялся на берегу. Видимо, запасы «топлива» тут тоже иссякли, и финансовое положение было аналогичным. Но поскольку выяснилось, что дед

Вася и баба Капа ушли в лес по грибы, рассекречивать стратегический резерв было пока политически неверно. Поняв, что от братьевёв никакого толка не добиться, вся компания стала шебуршать семечками, лениво переругиваясь для поддержания беседы.

Венька и Валерка развесили сети на вешала, и стали сноровисто перебирать их.

Не прошло и пяти минут, как вороточки скрипнули, и во двор шустро проник сутулый дед в клеёнчатой шляпе. На нём, как на вешалке, свободно висел серый твидовый пиджак, на котором виднелась планка с ленточками наград. Ветераны тогда ещё были в изобилии. Однако через двор дед шёл шаркающей походкой, ещё больше сутулясь и даже как-то пристанывая. Весь его вид говорил о том, что если ему немедленно не нальют, то он вот прямо тут же скончается от невыносимой обиды.

– Да нет у них ничего! Пустые едут, ума-то нету! – на корню пресёк эти страдания Малка. Дед перестал сутулиться, уничтожительным взглядом обвёл Веньку и Валерку – дескать, где только таких дураков делают? – и уже было хотел ретироваться.

– Нет у вас, у молодых, уважения к ветеранам. Мы кровя проливали на фронтах, чтобы вы... А вы... Да ну вас! – попенял он на свою голову.

– Да ты поди, Григорич, и ветеран-то не настоящий? Планки пришил на пинжак да и красуешься? – Малка незаметно подмигнул Чирушке и хитро прищурился.

– И Спидола тоже сказывала. Спидола-то уж не соврёт же! – поддакнула Чирушка, и погрозила деду пальцем. По всему было видно, что разговор в эту плоскость развернулся не впервой.

– Это я-то?! Да я!! Да вы!!! – завёлся с пол-оборота дед. – Да я всю войну-то – все семь лет – на двенадцать метров под землёй в бункере находился, до того секретный был! Самый секретный сотрудник Родины! Понимали бы вы чё! Меня сам генерал уважал – даже в лицо не видал, потому што не полагается, а уважал! Без меня никак, всё на мне! – дед перевёл дух.

5.

– О чём это я? А! – дед поднял вверх заскорузлый палец. – Гоним это мы конвой из Хантов в Москву...

– Какой ещё конвой? – стараясь не засмеяться, встрял Малка. – Ты же в бункере сидел тогда?

– Какой-какой... Секретный, какой ещё-то! Толкую же вам, дуракам... Я такой секретный был, что без меня никак... Генерал так и сказал: «Только тебе, Григорич, и могу довериться». Оправдай, говорит, не подведи. Орден, говорит, тебе дам – и целоваться лезет. Еле отбился от него. В бункере-то надоел, да ещё тут не хватало...

– Да нашто из Хантов-то в Москву конвой гнать? – по серьёзу спросил другой паренёк. – Ладно бы из Москвы в Ханты...

– Ещё один! – возмутился дед их непроходимой глупостью. – Толкую же вам – секретно! Ещё лет двести говорить нельзя никому! Начальству виднее!

– Ну так вот... – продолжил он вещать – генерал-то мне и говорит: пригонишь, говорит, лично сдашь такому-то генералу (нельзя хвамилию разглашать), да пуцай распишется в ведомости, да печать проставит куды следоват, чтобь порядок, мол... Ну да чё, мол, тебя учить – всё едино без толку. В смысле, сам всё знашь.

Публика пристально следила за сюжетом, стараясь не засмеяться.

– А кому и знать-то, как не мне? Оно конечно, пригнал я конвой-то в Москву, а как иначе? Вызнал тихонько, где того генерала найти, чтоб никто не догадался, кого я ищу и зачем, и сдал всех ему согласно ведомости. А как же? Секретно-секретно, а порядок должен быть! И чтоб количество совпадало, и чтоб по номерам ажур, и всё такое. Сдавать-то уметь надо! Генерал-от проставил мне все печати, расписался бесцветными чернилами на бумагах для секретности, и говорит: «Благодарю тебя, Григорич, за хорошую службу, и вот тебе цельный день отпуска. Небось не бывал в Москве-то – походи, посмотри. А завтра с утра придёшь вот тут (на карте пальцем ткнул) на еродром, возьмёшь вертолёт там какой-нибудь, пуцай тебя в Ханты отвезут. Скажешь – я сказал. Чё ты будешь в такую даль ноги маять?»

– И ещё велел моему генералу кланяться от него. Такой душевный попался – не то что некоторые – он укоризненно покосился в сторону братовъёв.

– Ну, коли так – пошёл я на экскурсию – Москву, значитца, посмотреть. А Москва-то, не поверите – город большушший – от околицы до околицы и за день не пройти. Даже на лыжах. Улицы широченные – не то, что у нас. Два трактора с волокушами запросто разъехаться могут – и он прислушался к внутреннему голосу, не шибко ли загнул?

– Да ладно, скажешь тоже – «усомнился» Малка. – Не завирайся уж так-то!

– Понимал бы ты чё! – разгорячился дед. – Москва! Столиса! Да там протувары по обоим сторонам из чистой лиственницы! Струганные! Досточка к досточке – сухой ногой везде идёшь, хоть бы што! А загородки – в четыре жерди, да тоже струганные, не то что у нас – где в три, а то и в две... Ни одна скотина на грядки не проскочит! Москвааааа!

– Как хоть там люди живут-то? Кремль видал? – не утерпела Чирушка.

– И ты туды же... Обожди ужо с Кремлём-то – дед напустил важности. – Живут не хуже нас. Дома-то большушие, да под железом все. Под шифером-то редко где, а уж под тёсом и вовсе не видать. Окна большушиши, да наличники-то у всех крашены. А по наличникам где звёздочки пущены, а где и серпы с молотками. Столиса!

– Да я, ежели на то пошло, самого Сталина видел! – добил аудиторию дед. – И не положено рассказывать, да ладно уж. Скажу, ежели не сболтнёте кому! – и он строго прищурился на присутствующих.

– Да мы чё – мы ничё... Мы ни-ни! – забожилась слушатели хором.

– Ну, значитца, иду это я по Москве-то, антиресуюсь. А люди-то все нарядные ходят – шинелки офицерские, шапки каракулевы, валенки новёхоньки. В фуфайках даже никоно не видал. Ну, а я-то и любопытствую, по сторонам, на окна заглядываю. Шёл-шёл, смотрю – домина агромадный, поболе нашего клуба будет, да из кирпича красного – я такие только в Тобольском видал. Зазноба у меня там проживала, в Тобольском-то. А на окнах-то занавески не из сатина, а шёлковы, в цветочек, а цветы в горшках не наши какие-то стоят, не геранки. Каптусы вроде как, опосля слышал. Врут, поди... – и он на мгновение умолк, под грузом воспоминаний.

– Ну вот... Гляжу, а в одном окошке личность что-то больно знакомая... Пригляделся – на лешак!

Сам Сталин сидит у окошка, чай из блюдечка вприкуску пьёт, на меня смотрит. Я было не поверил сперва, да как ево не узнать-то! Ево патрет и в Красном уголке у нас висит, и в сельсовете. Главно, сидит, смотрит на меня, аж мурашки по шкуре побежали – и не здороваётся. И то, откуда ему меня узнать-то, я же секретный! Ну, я тоже здороваться с ним не стал – не в деревне, чай, понимать надо! – и он опять примолк, обозначая значимость момента.

7.

– А Кремль-то я так и не нашёл. Толи они ево лапником завалили, толи тёсом обшили, чтобы фрицев с панталыку сбить... Уж и темнеть стало. Ну, попросился я к одним на постой – хорошие люди оказались: чаем напоили меня, в сенях на сундуке посланку кинули мне, переночевал куды с добром! – А наутро на еродром, куды генерал на карте тыкал. Пришёл, гляжу – мать моя Родина! – там вертолётов энтих, что у нас собак – не счесть! Куды иттить? Пригляделся – в одном форточка открыта и дым идёт оттудова. Подхожу, а лётчик сидит в кабине курит.

– Да чё ты заливаешь-то? В войну в вертолётах курить запрещено было – встрял Малка. – Сто грамм наркомовских – и только. А курить – ни-ни!

– Так он же не в затык и в форточку. Ништо. Этак-то оно можно было.

– Подхожу, в окошко постучался. Здорово, земля – говорю ему. Генерал меня велел в Ханты отвезти.

– Велел – отвезём. Который генерал-то?

– Не положено сказывать. Да ты знаешь ево, вот тут читай на секретной бумажке!

– Этого как не знать. У тебя пожевать есть чё?

– А как же! Сухари есть, сало с дому ещё, спирта фляжка.

– Чё сидим тогда? Кого ждём? – Залезай, поехали! – Ну мы и полетели. Час летим, другой, третий обедать уж пора. Я припасы из сидора вынул, лётчик руль-то ремнём пристегнул, чтоб не болтался – мы и разговелись салом-то с сухарями. Ну, приняли чуток для сугреву – под сало-то оно положено, понимать надо.

– А у тебя карасину-то до Хантов хватит ли? – я спросил. Мало ли чё...

– Да вон его ещё две бочки в хвосте привязано. Не хватит – дольём, не впервой – лётчик-то

грамотный попался, с понятием. – Плесни ишшо чутка, чтоб скорей летелось...

Ну, летим. А уж темнеться начало. У нас же рано зимой-то темнеться начинат. Я смотрю в окошко – а там внизу огоньки каки-то.

– А чё там за огоньки? – у него спрашиваю.

– Дак это, как ево... Тобольско вроде.

А у меня в Тобольском-то зазноба хорошая была. С довойны ишо. Я и смекнул:

– А у тебя парашут какой-нибудь есть?

– Да есть какой-то. А тебе зачем?

– Дак я тута спрыгну, в гости сбегать надо. А в Ханты я посля на лыжах прибегу, тут уж рядом.

– Ну возьми там, под сидушкой. Да смотри, чтоб не рваный был, а то заругают потом за тебя. У меня свой генерал имеется.

8.

– В Тобольском-то я нагостился, налюбился, на лыжи – да и к себе, в бункер. Никто и не догадался, что меня не было – я ж секретный весь. Генерал-то меня хватился когда, а я уж тут как тут, докладую, мол, заданию Вашу исполнил, как полагается, и поклон от тамошнего генерала передал. Ведомости с подписями и печатями одна к одной, комар носу не подточит, и потерь личного состава не допущено.

– А чё, за такое геройство тебя ещё и наградили? Или обошлось? – съехидничал Малка.

– Вот и дали мне тады орден Суворова, Александра Василича. Он, говорят, тоже австрияков по снегу гонял куды-то – и дед ткнул пальцем в планку на груди.

– Хотели Звезду героическую дать мне, да нельзя, вишь... Тады надоть в газете пропечатывать с патретом, а личность-то мою обозначать ни под каким видом невозможно. Бывало, в зеркало-то заглянуть боишься, кабы лишнего чего не усмотреть! – и он гордо оглядел публику, которая уже в открытую изнемогала от смеха. – Всё бы вам гы-гы-гы да гы-гы-гы! А тут понимать надоть, балбесы. Налить жмотите героическому человеку! – и он снова с надеждой посмотрел на братьёв.

Венька и Валерка, позабыв про сети, катались по траве, держась за животы и только тихонько повизгивали, уже не в силах смеяться.

**Дмитрий Алексеевич
Сергеев**
г. Тюмень

Родился в 1956 году в посёлке Родаково Славяносербского района Ворошиловградской области. Окончил исторический факультет Донецкого государственного университета. Служил в Группе Советских войск в Германии, был токарем, школьным учителем, работал в системе МВД, около тридцати лет – в журналистике.

Имеет более 200 литературно-художественных публикаций в газетах («Вестник», «Российский писатель», «Тюмень литературная», «Тюменская правда», «Литературная Россия», «Тюменская область сегодня», «Омское время» и др.), журналах («Рабоче-крестьянский корреспондент», «Югра», «Наш современник», «Фактор», «Сургут», «Литературные знакомства», «Александръ», «Чаша круговая»), в литературных альманахах («Эринтур», «Факел», «Сургут литературный», «Врата Сибири», «Уральский меридиан»).

Стихи и рассказы Дмитрия Сергеева вошли в коллективные сборники «Праздник первого снега», «Север России», «Дивный свет прошедших лет», «Там, где Иртыш обнимается с Обью», «Бульвар писателей», «Каждый труд благослови, удача» в «Антологию югорской поэзии» и в некоторые другие издания.

Д. А. Сергеев издал четыре книги фантастических произведений – «Ложная дверь», «Изнанка мира», «Дело о чёрном чемодане», «Художник сновидений», сборник реалистической прозы «Одинокая женщина на пустынном пляже»; поэтические сборники: «Куда улетают халеи», «За час до рассвета», «Возвращение», «Поэзия космоса», «Хвойный край с просветами берёз», «Рифмы ускользящих мгновений», «Всё, что прожито, было не зря». Кроме того, вышли в свет два фотоальбома со стихами Дмитрия Сергеева – «Сургут» и «Апрели Севера», а также два краеведческих издания автора.

С 1984 года Д. А. Сергеев проживал в Сургуте. С 1994 года – член Союза журналистов России, с 2002-го – член Союза писателей России. В 2015 году переехал на постоянное место жительства в Тюмень.

Д. А. Сергеев получил литературную премию губернатора Ханты-Мансийского округа в номинации «Поэзия» за 2014 год, в 2019 году стал лауреатом национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Экология» и стал дипломантом Тюменского регионального конкурса «Книга года – 2019» в номинации «Лучшая книга художественной прозы». Поэтический сборник «Всё, что прожито, было не зря», получил Диплом конкурса «Книга года – 2021».

Музыка звёздной ночи...

ЦЕНИТЕЛЬ

От того и не пишется, что
Потерялся мой верный читатель.
Беспокойный, ершистый, зато
Был в душе он поэт и мечтатель.

Всё звонил – не противник, не друг –
Разглагольствовал, спорил, ругался,
И, насытившись критикой, вдруг
Он удачной строкой восхищался.

Я писал, зная: рядом живёт
Неотступный суровый ценитель,
Что и за миллион не соврёт,
Но нашёл он другую обитель.

Не оставил и адреса мне,
Уезжая в туманные дали,
И теперь в своей новой стране
Он меня прочитает едва ли.

ГРУСТНОЕ

Жизнь отнимает годы безвозмездно.
Мой дом – из брёвен, с мебелью простой,
А за окном – космическая бездна,
С её холодной чёрной пустотой.

Во мраке звёзды россыпью искрятся,
Но все они безмерно далеки.
В сознании мысли грустные гнездятся,
Их не смахнуть движением руки.

Уходит мир, который был мне дорог,
Где пустота сменила суету,
От всей Земли остался лишь пригорок,
И на пригорке – яблоня в цвету.

МУЗЫКА ЛЕТНЕЙ НОЧИ

Огненной иглою прошивает
Небеса стремительный болид.
Ночь такая чудная бывает!
И душа не ноет, не болит.

Ветер заплутал в древесных кронах,
Из ветвей не выбравшись, уснул.
И вокруг – ни шороха, ни звона.
Месяц в чёрной бездне утонул.

На губной гармошке я играю,
Мысленно читая новый стих.
Ноты я слегка перевираю,
Впрочем, дело, в общем-то, не в них.

Хорошо под звёздами на даче,
В кресле на некошеной траве.
Я себя здесь чувствую иначе,
И такая ясность в голове!

НА ЗАКАТЕ

Я провожал брюнетку в красном платье.
В полнеба тлел оранжевый закат,
Но из того, что мог тогда желать я
Не всё сбылось, в чём сам и виноват!

Она в тот миг расстроилась неожиданно,
Что вечер путь наш общий завершил,
Звала с собой в приморский город Жданов,
Но я поехать так и не решил.

Я в наш счастливый случай не поверил,
Чего себе с годами не простил.
Не написал ей, сам себя уверил,
Что ласточку на волю отпустил.

Ах, как закат по небу распластался!
Глаза, кудряшки, платье, летний зной...
И от всего на память мне остался
Лишь чёрно-белый снимок с желтизной.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

(из цикла «Картины Андрея Комфа»)

Произведения – звенья одной структуры,
Время расставит их, замыкая круг,
Все они – плод единой земной культуры,
Всё в них – творенье мысли, души и рук.

Даже по образам судя, отдельно взятым:
Бесы, волхвы, святые, пейзаж вдали,
Мир Микеланджело, если не быть предвзятым,
Вовсе не так далёк от пустынь Дали,

Где убегает девочка в белом платье,
Скалы в песках, как мёртвые корабли,
Сюрреалистки с шкурами, крест с распятым,
Монстр-элефант бредёт на краю земли.

А с высоты Луны и планет Вселенной
В свете сияния звёзд из бездонной тьмы
Наше искусство – часть пустоты нетленной;
Но и они – лишь то, что в них видим мы.

Славы тельцу – всё больше, всё меньше – лире.
Может, у муз сегодня последний вздох?
Мёрзнет Давид с пращей в электронном мире,
Девочка в белом выросла, монстр издох.

ТВОРЯЩИЕ МИРЫ

(из цикла «Картины Андрея Комфа»)

Шаман камлает у костра не даром,
И в бубен бьёт совсем не для игры,
А, обладая необычным даром,
Он проникает в тайные миры.

Он видит их, он их осознаёт,
А, может быть, он их и создаёт,
Как живописец, пишущий картину,
Или стихи слагающий поэт,

Отбросив повседневную рутину,
Творит миры неведомых планет.
Так разум, подсознание и чувства
Рождают параллельный мир искусства.

ЗВЕЗДОПАД

(из цикла «Картины Андрея Комфа»)

Если звёзды вдруг падают где-то,
Значит, видимо, вышел их срок,
Как у медной старинной монеты,
Послужившей хозяевам впрок.
Если звёзды тускнеют в пустыне
В стороне от восторженных глаз –

Значит, сердце их скоро остынет,
Вспыхнет свет завершающий раз.
Но звезда исключительной пробы,
Не теряя свой цвет золотой,
Светит даже в забвении, чтобы
Всё равно оставаться звездой.

ПЕРЕМИРИЕ

Спят степные города,
Но некрепко и тревожно,
Ведь поверить невозможно,
В то, что мир здесь навсегда.

Не горят нигде огни.
Мрачны абрисы развалин.
Сильным взрывам тополь свален –
Здесь прошли лихие дни.

Непривычно пуст вокзал
Поезда давно не ходят.
Вот и осень на исходе,
Но безжизнен главный зал.

Только месяц в небесах
Как и прежде, бодр и светел,
И в его холодном свете
Стынут стрелки на часах.

МУЗЫКА ЛЕТНЕЙ НОЧИ

Огненной иглою прошивает
Небеса стремительный болид.
Ночь такая чудная бывает!
И душа не ноет, не болит.

Ветер заплутал в древесных кронах,
Из ветвей не выбравшись, уснул.
И вокруг – ни шороха, ни звона.
Месяц в чёрной бездне утонул.

На губной гармошке я играю,
Мысленно читая новый стих.
Ноты я слегка перевираю,
Впрочем, дело, в общем-то, не в них.

Хорошо под звёздами на даче,
В кресле на некошеной траве.

Я себя здесь чувствую иначе,
И такая лёгкость в голове!

КНОСС

Картину я купил в Ираклионе,
На ней написан зыбкий, как мираж,
Мазками серебра на чёрном фоне
Архитектурный греческий пейзаж.

Там полный диск луны взошёл над миром,
И блики света вырвали из тьмы
Дворцовый комплекс древнего кумира,
Во мрак упрятав горы и холмы.

Стоят в строю колонны, как солдаты,
Среди камней, фундаментов и стен,
Где было царство славное когда-то,
До грянувших однажды перемен.

Дворец в ночи, как миг воспоминаний,
Как незначай скользнувший беглый взгляд,
Он – символ исторических исканий,
Воздвигнутый так много лет назад.

На полотне серебряные блики
Не гаснут. Но сильны ветра времён.
И остаются от эпох великих
Развалины, да отзвуки имён.

ГРАФИКА

Я в межсезонье
раньше
на юге не был.
Жизнь в эту пору
блёкла,
но не грустна.
Зимнее море
кажется
частью неба,
Женщина в зимнем
кажется
частью сна.
Снег то растает,
то снова
несмело ляжет.
Волны уносят
рифму

моей строки.
Серых крикливых
чаек
на белом пляже
Женщина в чёрном
кормит
почти с руки.

БАШНЯ

По ней подняться к небу можно,
Осуществив свою мечту.
И лифт возносит осторожно
Вас в голубую пустоту.

Гид повествует увлечённо,
Что здесь за уйму прошлых лет
Судьбой три сотни обречённых
Шагнули через парапет.

Внизу Париж. Теснятся крыши.
Каштаны в парках там цветут.
А башню ветер чуть колышет
До неопасных амплитуд.

Туристы, ёжась у оградки,
В одной из лучших средь столиц
Глядят с заоблачной площадки
Сквозь сетку от самоубийц.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ

Мой приятель приехал в Донецк.
После долгих далёких скитаний
Возвратился домой, наконец,
В результате тревог и метаний.
Чтоб не маяться в чуждой стране
Или в мрачной бандеровской яме,
Мой приятель приехал в Донецк,
Возвратясь окружными путями.
Наступил всем скитаньям конец.
Сколько нам этой жизни осталось?
Мой товарищ вернулся в Донецк,
Чтоб в родимом краю встретить старость.

**Олег Яненагорский
(Игорь Александрович
Ширманов)**

г. Ханты-Мансийск

Родился в Зауралье в 1959 году, образование высшее, литературным творчеством стал заниматься в 45 лет. Член Союза писателей России. В настоящее время живёт в Тюменской области. Сфера интересов: философия, право, история и русская литература.

Издано шесть печатных сборников: «Торговля смыслами и другие рассказы» (2005), «Безумные известия и другие литературные формы» (2005), «Бесконечность в особенном: философская проза и рассказы для молодых юристов» (2006), «Чужие маски, собственная жизнь...» Сборник рассказов и миниатюр (2013), «Путешествие по скрытой части айсберга. Сборник рассказов и миниатюр» (2015, США), «Ангелы не усмеваются и другая печальная проза» (2017). В 2019 году издан сборник «Отблески жизни на грешной земле. Книга прозы». В 2020 году этот сборник был награждён дипломом Международного литературного конкурса «Золотой Витязь».

Кроме того, публиковался в журналах, альманаха и коллективных сборниках российских авторов: «Второй Петербург», «Кольцо А», «Чаша круговая», «Эринтур», «Врата Сибири», «Меридиан», «Высокие широты», а также в «Вестнике Российского философского общества», в журнале «Здравый смысл» и других печатных и электронных периодических изданиях.

Не отвечайте на незнакомые звонки...

ПРЕСТУПНАЯ ЛЮБОВЬ

Никто из них и предположить не мог последствия той первой встречи. Судьба... Он попал под обаяние молодости, а она... Она полюбила и никому не смогла бы пояснить, почему... Любовь необъяснима. Он был старше её, и женская интуиция подсказывала, что он любил и был любим многими до неё... Они не знали, что встречи их проходили под негласным наблюдением и агентурным контролем. Может быть, до сих пор где-то хранятся фотографии их счастливых лиц, сделанные скрытой камерой. Она не знала, что будет арестована на следующий день после того, как он уйдёт за кордон...

Она не знала, что он уже никогда не вернётся... Там за рубежом он проживёт ещё несколько ярких лет, а её судьба почти двадцать лет будет мотать по лагерям и ссылкам. Лагеря... с кем только судьба там не сводила... и с не венчанной женой адмирала Колчака, и с законной супругой Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР, «Всесоюзного старосты» Калинина... и с женой секретаря исполкома Коминтерна... Сколько таких лагерей для «жён изменников и врагов народа» она прошла? Но ведь она даже женой не была! Несколько дней счастливых встреч... и долгие годы лишения свободы. За что? Она даже не знала его настоящего имени. В приговоре было написано «за связь с иностранцем»... как ехидно сказала жена одного расстрелянного генерала (уж не помнится, то ли советского, то ли царского, перешедшего на сторону победившей революции), «за неправильно понятый лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь»».

Она не знала, почему как-то по-особенному ныло сердце 7 ноября 1944 года. Пройдёт ещё много лет, прежде чем ей станет известно – в этот день по приговору суда казнили её любимого. Другая женщина в другой стране через годы найдёт его могилу и перезахоронит его прах... Она не знала, что его казнь будет ей пропуском на свободу... Хотя какая свобода в ссылке? Думала, что освобождение связано с Великой Побе-

дой в Великой войне, а оно пришло только через полгода после того, как шею любимого сдавила петля...

Жизнь прошла... и мало радостного могла вспомнить она, глядя на фотоснимок в «Правде»... Она пережила его на много лет, и теперь, в хмурый ноябрьский день 1964 года, смотрела на фотографию любимого и читала о его подвиге в газете. Теперь она знала, как звали его на самом деле... теперь она поняла... что любовь её не была преступной... теперь она знала, что эти долгие годы была просто заложницей...

Она очнулась от голоса уже взрослой дочери: «Мама, что с тобой»? Молча протянула ей газету, а потом, глядя в глаза ничего не понимающей дочери, прошептала: «Это он»...

Взяв газету, дочь прочитала вслух: «...Присвоить звание Героя Советского Союза (посмертно) Рихарду Зорге...»...

ПРЕДАННЫЙ ПОЛКОВНИК

Верить никому нельзя – в тяжёлую минуту предадут самые близкие. Люди по природе своей не благодарны ... и не помнят добра. Каждый, каждый готов укусить руку, которая его кормит, но лижет сапог, которым его пинают... И не имеет никакого значения, носит ли человек военную форму, либо одет в штатское...

...Да, военные... всё же придется к годовщине Революции дать очередные звания большой группе генералов и полковников... с соответствующим материальным поощрением...

«Гений Карпат» и «великий кондуктор» Николае Чаушеску с брезгливостью бросил на большой стол список высших офицеров гвардии, спецслужб и армии, принесённый час назад его адъютантом. Потом снова просмотрел его и нахмурился. В список не был включён майор Корбу...

...Вспомнилась первая встреча с Корбу в Лондоне. Он сразу понравился Николае весёлым нравом и статью, а позднее стал его любимцем. Николае засыпал его подарками: Корбу жил на

великолепной вилле, его обслуживал целый штат, по городу он передвигался только на бронированном лимузине в сопровождении эскорта мотоциклистов... Впрочем, для Корбу все это было не важно: он любил Николае бескорыстной любовью и всегда был рад новой встрече с ним...

...Не всем нравился Корбу. Иные из министров зубы сжимали, когда Николае ставил их по стойке смирно перед майором Корбу...

... Вот кто по настоящему мне предан... Он не забудет, не предаст, не вступит в заговор... Ему первому я сегодня присвою очередное воинское звание. Он будет единственным, по-настоящему преданным, мне полковником...

Корбу действительно был верен своему хозяину до самой смерти. Но прекрасная жизнь ламбратора закончилась в день расстрела Николае Чаушеску и его жены Елены. Пса убили вместе с ними...

ВОКЗАЛ

В совместно прожитых годах

Они сожгли цветы любви...

Мосты любви сгорели сами...

Дай Бог, чтоб не случилось это с Вами...

И. Сентябрьский

До прихода опаздывающего поезда оставалось ещё пара часов. Крепчавший мороз и меня загнал на вокзал. Удача, как всегда, улыбнулась мне, и на скамейках, рядами установленных в зале ожидания, нашлось свободное место. Я сел и в тепле почти сразу задремал. Время от времени сквозь сон доносился голос диктора и тогда, пытаюсь понять смысл объявления, я размыкал веки и тарасился на окружающих. Пару раз я даже доставал из кармана очки, хотя, наверное, это и было чистой глупостью – они не могли помочь ни услышать, ни понять объявление. Впрочем, в том состоянии полусна, полуяви очки помогли мне быстрее прийти в себя.

Напротив меня сидели юноша и девушка лет двадцати. Любому с одного взгляда было понятно, что это влюблённые. Они держались за руки, глаза сияли, и улыбки не сходили с их лиц. Парень чем-то отдалённо напоминал моего младшего сына.

По проходу, в поисках свободного места, шёл какой-то мужчина средних лет. Он уже прошёл

мимо молодых людей, но вдруг остановился, развернулся и внимательно посмотрел на них. Помолчав несколько мгновений, мужчина сказал с какой-то добротой и затаённой грустью в голосе: «Ребята, постарайтесь сохранить это чувство как можно дольше». Потом он двинулся дальше, чуть ссутулившись, как будто на его плечах был тяжкий груз.

Проводив мужчину взглядом, я неожиданно для себя поправил очки и внимательно посмотрел на девушку... Она была похожа на мою невесту... Дежавю... Когда это было? В 79-м... на пригородном вокзале... Я прикрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться...

«Скорый поезд сообщением ... прибывает на второй путь». Голос диктора снова вернул меня к действительности. Я открыл глаза и хотел ещё раз взглянуть на парня и девушку. Но места напротив были пустыми...

НОЧНАЯ БЕСЕДА

В палатке было душно, и я вылез, чтобы подышать. Ярко светила Луна, ночной лес был заполнен тишиной, и даже комарьё куда-то исчезло. Возвращаться в духоту не хотелось и, вытащив походный коврик, я улёгся возле ствола одинокой сосны, устроив голову на корневом выступе.

Время от времени на светлый лик Луны набегали лёгкие облака, создавая игру света и тени. Засмотревшись на неё, я снова незаметно для себя задремал. Сквозь сон до сознания донёсся то ли лёгкий шёпот, то ли шипенье, то ли свист. Открыв глаза, я увидел странную ветку, покачивающуюся перед глазами. Неожиданно ветка изогнулась и повернула ко мне один конец. Потом она вдруг блеснула глазом и раздвоила язык.

«Змея, – подумал я, – ядовитая или нет? Мне придёт конец, если укусит ядовитая – даже голову не успею повернуть...».

«Ты кто?», – снова раздалось то ли шипение, то ли шёпот, то ли свист.

«Человек, – прошептал я охрипшим голосом. При этом вдруг почему-то стали вспоминаться симптомы белой горячки, хотя пьющим меня назвать уж никак нельзя. Да и в целом, я психически здоров...»

«Я сам вижу, что человек, – прошелестело в ответ – ты кто такой, зачем пришёл на это место? Кто тебе позволил?».

«Это змей, а не змея», – подумалось мне как-то отстранённо. И я почему-то больше не боюсь смертельного укуса. Но как мне объяснить этой твари, что никто мне не позволял приходить сюда. Просто понравилось место: широкая поляна с одинокой сосной и отсюда открывался прекрасный вид на заходящее солнце. Поэтому я и решил поставить палатку и здесь заночевать. Это будет чистый бред – попытка на человеческом языке объяснить какому-то земноводному красоты заходящего солнца».

«Ты умеешь говорить?» – задал я совершенно глупый вопрос.

«Всё в природе умеет говорить, только люди не понимают это. Большинство людей не понимает, – поправился змей, – ты понимаешь, поскольку мы беседуем. А это значит, что ты – не такой, как все».

«Почему ты так решил, – спросил я змея, – откуда знаешь?».

«Ты ведь дома разговариваешь с котом, на улицах – с собаками, не охотишься на зверей и птиц, и в целом – ты противник лишения жизни любых существ... Но ты не ответил на мой вопрос: – Как ты сюда попал?».

Последние фразы об исключительности меня весьма приободрили, и я решил перехватить инициативу в разговоре. В конце концов, «Царь природы» или «тварь шипящая»?

«Ты , а не царь природы», – шипенье последовало в ответ на мою невысказанную фразу.

«Вот гад ползучий! – подумал я, – мысли мои читает, да ещё и матерится при этом. Да не просто матерится, а натурально оскорбляет в моём лице всех «венцов природы» вместе взятых.

«Человече, смири гордыню, иначе я не только разговор прекращу, но и забуду, что яд бывает лекарством... Ты ведь не бессмертен...», – прошелестело в ответ на мою очередную дурную мысль.

Шипенье не было угрожающим, но от услышанного на моей коже поднялся каждый волосок, а разум захлестнула волна ужаса – тёмного, древнего, видимо, обитавшего где-то на клеточном уровне. Последним усилием воли, из-за чувства самосохранения, я задал вопрос, чтобы отвлечь говорящего змея от воспоминаний «о лекарствах»: «А ты бессмертен?».

«Да, я бессмертен, потому что мудр. Предвижу твой следующий вопрос – почему мудр? Потому что, не в пример людям, я попросил мудрости у Создателя. И вместе с мудростью получил бессмертие».

Услышав такое, я очень заинтересовался исполнением просьб, и на смену ужасу само собой пришло любопытство.

«А люди, почему они не попросили бессмертия? И кого мы теперь должны благодарить за такую бестолковость перед лицом Создателя – мужчин или женщин?».

«Их всего двое было: мужчина и женщина. А не попросили потому, что не услышали вопроса Создателя: нужно ли оно им – бессмертие...?».

«Да чем же они там занимались, если даже вопрос Создателя не услышали?» – Чего больше было в моём голосе – сожаления об утраченной человечеством возможности приобрести вечную жизнь или возмущения невежливостью наших пращуров по отношению к Создателю – я и сам не мог сказать.

«Они любовались друг другом, и в это момент родилась на Земле прекрасная человеческая Любовь. Мера – это вечный принцип Создателя. Любовь и Бессмертие – это было бы слишком много для Человека. Может быть, люди это почувствовали и сделали вид, что не слышали вопрос Создателя, чтобы своим ответом не спугнуть рождение Любви...».

Змеиное шипенье затихло, а потом прозвучал вопрос:

«Хочешь посмотреть, как это было? Закрой глаза...».

Я послушно сомкнул веки...

Луч добрался до моего лица. Открыв глаза, я увидел, что солнце уже поднялось довольно высоко и вся поляна, на которой была установлена моя палатка и лесок, стоявший чуть вдалеке – все было залито тёплым светом.

«Да-а, приснится же такое на свежем воздухе...», – подумал я, вспомнив ночной разговор.

«Да-а, такое и присниться не может, даже на свежем воздухе», – прошелестело позади. Я резко обернулся – сосновые ветки одинокого дерева с тихим шорохом качались от лёгкого ветерка.

ЗАХВАТ

Захват был проведён молниеносно. Ещё несколько секунд назад молодой и преуспевающий предприниматель Кирилл Разумовский был доволен жизнью и не ожидал никаких неприятных сюрпризов. Всё было прекрасно: хорошо отлаженный бизнес приносил ежемесячно солидную прибыль, новая квартира, наконец-то, была обставлена с подобающей роскошью, жена-красавица блистала в местных и столичных тусовках, вызывая зависть подруг и восхищённые взгляды мужчин.

Да, конечно, временами Кириллу становилось скучно, всё привычное казалось тусклым и раздражало, но потом это проходило. На участливые вопросы жены Кирилл отвечал преувеличенно бодро: «Дорогая, всё нормально, тебе это только кажется». Что же именно «казалось» жене, Кирилл не смог бы объяснить даже самому себе. Вчера в памяти почему-то всплыла, застрявшая ещё со школьных времен, фраза: «Короче, русская хандра им овладела понемногу...».

Выйдя из подъезда, Кирилл увидел микроавтобус, стоявший напротив двери, и зажмурился от яркого солнца. Потом в глазах потемнело от боли – завёрнутые назад руки крепко держали двое молодых мужчин. Лица их Кирилл разглядеть не успел – заломив руки, мужчины затолкнули его в салон микроавтобуса и захлопнули дверцу. Как на его руках оказались наручники и куда они были пристёгнуты, Кирилл не понял и никогда не узнал. Повернув голову налево, он увидел симпатичную блондинку, сидевшую на переднем сидении.

Девушка ласково улыбнулась Кириллу и спросила: «Кирюша, ты меня помнишь?».

Кирилл, вообще-то, плохо запоминал участников своих романтических приключений, но тут был готов совершенно твёрдо заявить, что эту девушку он видит впервые в жизни. Однако, навыки хорошего переговорщика, благодаря которым его бизнес шёл весьма и весьма успешно, ещё не выветрились из головы Кирилла. Пошевелив за спиной скованными руками, он как можно любезнее спросил: «Пока не могу вспомнить, а где мы встречались?»

– Кирюша, мы с тобой пять лет сидели за одной партой, и я была в тебя влюблена с 4-го класса, а ты меня не помнишь?

Кирилл хорошо помнил Галку, с которой много лет сидел за одной партой, но девушка, задававшая вопросы, совершенно на неё не походила.

– Кирюша, а ты меня любишь? – спросила девушка.

Много лет назад в городок, где жил Кирилл, по линии межкультурных контактов городов-побратимов приезжала маленькая итальянская группа. Спектакль итальянцы почему-то давали на английском языке и без декораций. Кирилл ничего в постановке не понял и ушёл незадолго до конца представления. С тех пор он считал, что понимает выражение «театр абсурда». Но действие, которое разворачивалось в салоне микроавтобуса с участием самого Кирилла, кажется, не походило и на театр абсурда.

– Кирюша, я тебя всё ещё люблю и хочу от тебя ребёнка. Я никак не могу до тебя дозвониться, – шептала девушка, поглаживая Кирилла по щеке – и поэтому попросила ребят сделать так, чтобы мы встретились наедине.

Какая-то странность послышалась Кириллу в голосе девушки. Он отстранился и посмотрел ей в глаза. Что-то безумное сверкнуло там... или это только показалось Кириллу?

«Э-э-э, мы можем встретиться в другом месте, – выдавил из себя Кирилл, – здесь не совсем удобно».

– «Нет, – отрезала девушка, – здесь и сейчас. Или ты умрёшь». Она снова погладила Кирилла по щеке и прошептала: «Но я тебя люблю, и смерть твоя будет лёгкой и приятной».

Не соображая, что он делает, Кирилл рванулся вперёд, но наручники за спиной крепко держали, и порыв только причинил боль в запястьях.

– Не хочешь, – с грустью в голосе сказала девушка, – ну что же, тогда послушай перед смертью свои любимые стихи.

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу,
Дьяволу служить или пророку,
Каждый выбирает для себя.

Кирилла бросило в жар – это действительно были его любимые стихи. Но знали об этом всего несколько человек... самых близких... Он никогда не любил читать стихи на людях. Потом его пробил озноб – девушка, закончив читать стихи, вынула шприц, привычным движением сломала

горлышко ампулы и ловко набрала её содержимое в шприц.

«Всё приготовлено, значит, я всё равно должен был умереть, всё приготовлено, всё приготовлено, всё приготовлено», – билось в голове, но Кирилл не шевелился, глядя, как игла входит в руку. Потом девушка ласково поцеловала его. Её лицо с безумными глазами закружилось, раздвоилось, потом расстроилось и стало резко удаляться. В уходящем сознании Кирилла прошелестело «Я так тебя любила...», и слепящий свет ударил по глазам...

– Алиса, смотри – Буратино просыпается.

– И, правда. Буратино, вставай, ты такой добрый, ты такой хороший...

Кирилл медленно приходил в себя. Приснится же такое – похищение у подъезда собственного дома, наручники, девушка с безумными глазами. Наручники... руки... почему больно рукам? Кирилл посмотрел на запястья – кожа на руках была ободрана и уже подсыхала. Значит, наручники были, значит, похищение было ... И это не сон. Кирилл поднял голову и остолбенел. Перед ним сидели лиса Алиса и кот Базилио. Света двух факелов явно не хватало, чтобы рассмотреть детали, но это были Кот Базилио и Лиса Алиса из детской сказки про Золотой ключик.

Увидев, что Кирилл смотрит на них, Лиса Алиса снова заприпевала: «Буратино, ты такой добрый, ты такой богатый, ты такой хороший, а где ты денежки хранишь?».

Кот Базилио расправлял пышные усы и как-то не очень доброжелательно смотрел на Кирилла.

Деньги, выведенные из оборота свой фирмы, Кирилл хранил на депозитных счетах в нескольких российских и зарубежных банках, включая один карибский офшор. Но слышать вопрос о хранении денег от героев детской сказки – это было дико. В детстве Кириллу нравилось воображать себя Буратино, как-то на новогоднем представлении ему даже доверили эту роль. Он самозабвенно пел на сцене нехитрые строки.

Был поленом – стал мальчишкой,
Обзавелся умной книжкой,
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо.

Кирилл тогда был счастлив, и до сих пор хранил фотографию, где он был изображён в костюме деревянного мальчика с длинным носом.

– Какое небо голубое, мы не сторонники разбоя, – лиса запела другую песню.

– Какое небо голубое. Мы не поедим на Карибы? – вторил ей Базилио.

Услышав про голубое небо и Карибы, Кирилл поднял голову – он был в пещере. Алиса подала какой-то знак Базилио, факелы мигнули, послышалось шипение, похожее на змеиное, и сознание Кирилла отключилось, не выдержав увиденного....

– О, Падишах, наш Повелитель, проснись же. Это же мы, твои любимые жёны. Ты спишь уже два часа, а просил разбудить через час.

Кирилл медленно открыл глаза и осмотрелся. Рядом с ним на красивом подносе стоял большой кальян, кругом были ковры, над головой – шёлковый балдахин. Кирилл был одет в роскошный халат. Он поднял руки и потрогал голову. На голове была чалма. Кирилл посмотрел на руки – на запястьях были прекрасные золотые браслеты.

– Кажется, Иран, нет – Персия, второй век до новой эры. Или до нашей эры... как это правильно? Где я видел такие браслеты? – мучительно соображал Кирилл. – Кажется в Москве? Москва? При чём же тут Москва? – Он даже не заметил, что думает вслух.

Три юные красавицы в роскошных восточных нарядах смотрели на него с обожанием.

– Наш повелитель что-нибудь желает? – прошептала самая юная из девушек

– Кто такая, эта Москва, это новая жена нашего Повелителя? – надула губы другая.

– Да, кажется, такие браслеты я видел в Москве, в Музее стран Востока! – сказал Кирилл. Ему казалось, что в голове стоит лёгкий гул, и мысли шевелятся очень медленно. Как сонные рыбы в аквариуме.

– Она красивая эта Москва? Наш господин теперь нас не забудет?

– Какая Москва, какой музей, кто эти девушки? – рванулось в голове Кирилла. Только теперь он обратил внимание на трёх красивых девушек в прозрачных шёлковых платьях.

– Кто вы? – прошептал Кирилл сухими губами.

Девушки удивлённо посмотрели на Кирилла и друг на друга.

– О, Повелитель, мы твои любимые жёны уже четыре дня.

– А где нелюбимые? – бессмысленно спросил Кирилл

Девушки весело засмеялись и захлопали в ладоши.

– Повелитель, ты приказал их зашить в мешки и бросить в море.

– Всех? – так же бессмысленно переспросил Кирилл.

– Всех, кроме старшей жены, – девушки снова захлопали в ладоши.

– Почему?

– Что почему, наш Повелитель? – продолжая смеяться, переспросили красавицы.

– Почему старшую жену не бросили в море? – вдруг, раздражаясь на их бестолковость, взъелся Кирилл.

– А её по твоему поведению скормили гепардам, – ответила самая красивая из его любимых жён.

От всех этих известий Кириллу вдруг остро захотелось курить. Он взял мундштук кальяна и несколько раз крепко затянулся. Гул в голове немного уменьшился, и наступила приятная лёгкость.

И только где-то далеко-далеко лёгкой тенью скользили мысли: «Какие жёны... почему в море... зачем же всех сразу? Надо было разобраться. Может быть, выговор для начала кому-то объявить... Да и со старшей женой он как-то погорячился... Скормить её кошкам, то есть гепардам... а, всё равно кошки, только большие... это же надо так... надо было лучше развестись... Нет, не хорошо он поступил со старшей женой... Что бизнес-партнёры скажут? Как в глаза сотрудникам смотреть?»

– Повелитель, мы можем для тебя потанцевать или спеть, – девушки весело запрыгали на коврах.

Кирилл медленно встал и подошёл к ковровой занавеске, за которой угадывался проём. Послышался какой-то шипящий звук или свист. Он протянул к завесе руку, и внезапная мысль заставила его вздрогнуть.

– Если я падишах, то почему мои жены говорят на русском языке?

Его рука рванула занавес, и Кирилл увидел пещеру. Как он падал на ковры, Кирилл уже не ощутил...

– Ну, чаво, шпион магадарскарский, очухиваешься? Какие вы интеллигенты слабые, даже бить вас не интересно...

Голос звучал издали медленно и лениво, но вдруг тут же грубо рявкнул над ухом у Кирилла:

– Говорить, сука, будешь?

Кирилл открыл глаза и долго пытался сообразить, где он находится. Какой-то кабинет, в углу – кожаный диван, в середине кабинета – письменный стол, покрытый зелёным сукном, на нём стояла настольная лампа. За столом сидел и курил мужчина в форме довоенного образца. Ещё один в форме, перетянутой португеей, расположился на диване. У него в руках была дубинка, испачканная каким-то бурым веществом. В кабинете пахло чем-то знакомым, но чем именно, Кирилл никак не мог сообразить.

– Что говорить? – тихо спросил Кирилл, покачнувшись на своём стуле

– Как чаво? Рассказывай, как ты враг народа, шпиён и отравитель, товарища Сталина и дело всего социализма хотел загубить?

– Вы ошибаетесь, я никого не хотел губить, даже старшую жену, – также тихо прошептал Кирилл.

– Органы не ошибаются, – отрезал сидящий за столом, – нам лучше виднее, чаво ты, гад, хотел, а чаво – не хотел. Не будешь говорить, тады подпиши протокол, я за тебя уже всё складно изладил...

– Подписывать ничего не буду, требую прокурора, – упрямо мотнул головой Кирилл.

Оба мужчины прямо-таки заржали после этих слов, а сидевший на диване даже выронил дубинку.

– Гляди-ка, прокурора требует... Гы-гы-гы... Где у нас прокурор? В шестой камере? Подожди... Пусть он немного очухается. Он, понимаешь, голову свою вражью без моего разрешения хотел о стену разбить. Ну, так пришлось его етой головой легонько о ету стенку постучать, чтобы к суду был в порядке.

– Вы не имеете право бить арестованных, – тихо сказал Кирилл, уже понимая безвыходность своего положения.

– А я тебя, сука, и не буду бить, – ласково пообещал сидевший на диване, – ты у меня и так всё расскажешь. Я тебя, голубчика, вот здесь на стуле заставлю сидеть до утра, а под задние ножки стула полешко небольшое положу. Через несколько часов яйца твои так опухнут, что ты без битья сам всё расскажешь... В НКВД никого не бьют. Это всё выдумки троцкистов и прочих уклонистов-диверсантов. А за клевету на органы мы тебе после суда «червончик» к сроку добавим, если, конечно, наш пролетарский суд тебя жить оставит...

Сидевший за столом небрежным жестом стряхнул пепел на зелёное сукно. Кирилл проследил жест и похолодел – над столом поднялся хвост и элегантным движением смахнул пепел со стола.

– Это запах серы, – подумал Кирилл, осознав, чем же всё-таки пахло в кабинете. Когда-то в школе Кирилл на уроке химии делал опыты с серой и поэтому вспомнил запах серы. – А была ли школа, и был ли он, Кирилл Разумовский?... Сера... форма... хвост... враг народа... Раздалось лёгкое шипение, и Кирилл увидел, как сотрудники НКВД переглянулись между собой. Последнее, что захватило угасающее сознание, был хвост, вновь поднимающийся над столом...

– Иди вперёд, там ждёт тебя свет, иди вперёд, там ждёт тебя свет, – тихо внушал ласковый голос. Кирилл открыл глаза – где-то впереди светлело, и оттуда задувал лёгкий сквознячок. Кирилл поднялся и равнодушно пошёл вперёд. Голос умолк. Через несколько минут неторопливого движения Кирилл уже ясно различал выход из пещеры...

... Кирилл вышел на свет и зажмурился. Зрение возвращалось понемногу. Он оглядывался вокруг, и в сознании, словно на фотобумаге, проявлялись картины. Вот Лиса Алиса достала из косметички зеркало и причёсывается, глядя в него... Вот Кот Базилио с явным удовольствием пьёт пиво «Балтика». Все три любимые жены падишаха курят «Мальборо» со следователями НКВД... Девушка из микроавтобуса помахала ему рукой...

– С Днём рождения, Кирюша, – услышал он голос своей жены и повернулся. Большая толпа друзей и знакомых, в дорогих костюмах и вечерних платьях смотрела на него.

– С Днём рождения, старик, – закричали друзья – а мы уже тебя заждались, поляна в кабаке, понимаешь, давно накрыта, а тебя всё нет...

– Дорогой, как тебе организация всего приключения? Ты в последнее время что-то заскучал, захандрил, и я решила тебя встряхнуть. Это мой подарок на твой день рождения... О расходах не думай... Да и местный театр надо было маленько поддержать... Но ты как-то плохо выглядишь... Усыпляющий газ тебе не повредил? Врачи сказали, что всё точно рассчитают и по весу тела, и по времени воздействия...

Кирилл отодвинул жену и подошел к Лисе Алисе, оказавшейся миловидной женщиной средних лет. Он молча взял у неё зеркало и посмотрел в него. В зеркале был всё тот же Кирилл Разумовский – молодой и красивый.

Только голова была седая...

АРЕНДОДАТЕЛЬ

*Ангел пальцем хрустальным
Стучал по воротам...*

И. Сентябрьский «Георг Трабль»

Лето на севере короткое и часто холодное, но бывают такие дни, когда все вокруг мучается от зноя. Тяжко тогда приходится жильцам многоквартирных бетонных коробок. После обеда, я прилёг на диван с новым сборником И. Сентябрьского. Но взгляд, скользя по строкам, ни на чём не останавливался. Ещё раз, попробовал понять, что же автор хотел сказать в этих строках:

Наш мир был создан левой дланью?
Не от того ль так много в нём беды?
Чьи искупаем мы вины?..
Творец-левша, изгой среди равных,
Создавших правые миры,
Оставил нас?..

Так и не дочитав до конца, выронив книжку, я задремал, измученный жарой. Сквозь тяжкий сон пробивались мысли о том, что пришла пора

платить за аренду квартиры, и что надо просыпаться и браться за дела.

Телефонный звонок вырвал сознание из этого мутного просоночного состояния, но ответить я не успел. Кое-как поднявшись, поправив скрутившиеся шорты, я поплёлся в ванную в надежде смыть холодной водой липкий пот и сонную одурь. Воды не было. Чертыхнувшись, я направился обратно в комнату, но в это время раздался звонок в дверь.

– Да пропадите вы все пропадом, – со злостью прошептал я, но пошел открывать дверь.

На пороге стол мужчина неопределённого возраста. На мой хмурый взгляд он отреагировал спокойно и сказал:

– Я представитель арендодателя, позвольте пройти.

Молча кивнув, я посторонился и натянул футболку, которую прихватил из ванны. Представитель уже прошёл и сел на диван. Солнце заливало комнату, в духоте дышалось как-то особенно тяжело и моё раздражение всё больше усиливалось. Хотелось как можно быстрее отдать деньги за квартиру, выпроводить незваного представителя и может быть попробовать ещё подремать.

– Что же сам-то арендодатель не появился? – буркнул я.

– Появится, когда сочтёт нужным. Может быть, и не очень рады будете этому приходу. Вот вам новый договор, – сказал представитель.

Сказать, что я изумился – это значит, ничего не сказать. Письменный договор! И это при том, что на мои прежние предложения заключить договор аренды хозяин так долго уклонялся, что я махнул рукой и отступился. Письменный договор! Это когда я регулярно плачу за квартиру «чёрным налогом», а хозяин «забывает» про уплату налогов? Да-а... что-то новенькое.

Взяв документ, я начал читать. Уже первые строки вызвали не просто изумление, а... а... я даже слов не понял. Текст воспринимался какими-то кусками, смысл фрагментов ускользал, как червяк из мокрой руки, память что-то пыталась добыть из своих глубин. Снова и снова пытался понять, что же в договоре было не так?

... Представитель Арендодателя... Ангел... действующий от имени и по поручению... передаёт на новых условиях...

Ангел – это вроде бы распространённое у болгар имя. Но как сюда... на Север... болгарина занесло?..

...В качестве арендной платы ежесекундно забирает себе ...

Это что ещё за новости в гражданском праве? Что за сроки – ежесекундно? Бред какой-то... Что там дальше? Дети, машина, карьера, деньги, любовь, счастье... Бред, бред! Ладно, можно в аренду передать машину, квартиру, чёрт с ним, даже деньги можно передать, хотя это уже не аренда, а займ или кредит... Но как можно детей, карьеру, здоровье, счастье и любовь в аренду передавать?! Бред! А он не сумасшедший – это странный представитель?

Сидевший на диване чуть улыбнулся, как будто услышал мои мысли, и сказал:

– Я не сумасшедший. Всё, что люди имеют, и Вы, между прочим, тоже... всё сущее, даётся вам в аренду, или как иногда говорят, напрокат. То есть – временно. И если вы ненадлежаще пользуетесь полученным, то в любой момент можем всё данное забрать. Мы не можем спокойно наблюдать за нарушением договоров...

Взгляд мой ошалело метался от улыбающегося представителя к тексту договора и обратно.

– Кто это мы? Или кто это вы? Да кто может у человека счастье забрать? Не даётся счастье в аренду! Что Вы там понаписали в качестве арендной платы?— Я перевернул лист и прочитал: ... забирает Прошлое... позволяя наслаждаться Настоящим...

Внезапная догадка кровью ударила в мозг, застучала по вискам: «Не болгарин... не болгарин... не болгарин... прочитай начало... прочитай начало... прочитай начало...».

Да я уже снова читал начало договора – только мозг не желал понимать, то, что было прочитано. Похолодев, дрожащими руками я всё же перевернул договор... вот оно... Ангел Смерти...

Представитель молчал и внимательно смотрел на меня. Вот оно значит, как бывает... Сердце моё остановилось...

Что я сделал такого? Жил как мог... как все жил... За что? Ведь я ещё молод... сравнительно... я ещё могу... по-другому как-то жить... Сколько их... тех, кто гораздо хуже меня и дольше живут... Где же справедливость?!

Представитель опять улыбнулся и процитировал:

– Все говорят: нет правды на земле, Но правды нет и выше...

Кажется, так написал поэт?

Я молча кивнул. Улыбка вдруг исчезла с лица говорившего.

– Вы готовы подписать договор на новых условиях? Но знайте – если Вы и впредь будете ненадлежащим образом пользоваться тем, что передано во временное пользование, договор будет расторгнут в одностороннем порядке. Соглашайтесь, но помните – всё сущее принадлежит не Вам, а нам, и мы можем всё забрать в любое мгновение. Помните...

Телефонный звонок прервал речь представителя. Сердце моё стукнуло в груди и заметалось там. Почему-то вспомнилось как я всплывал с пятиметровой глубины, как ударило солнце в глаза, как жадно рвался воздух в лёгкие... В голове слабо ворочалась мысль о том, что такое «ненадлежащий образ», над чем может или должен лежать образ... А телефон всё звонил и звонил и звук шёл откуда-то снизу...

С трудом разлепив глаза, я нашарил телефон под диваном. Наверное, устраиваясь вздремнуть, я нечаянно толкнул ногой лежавший на ковре телефон... Но звонивший уже отключился. А солнце по-прежнему заливало комнату...

Что же такое – надлежащий образ? Чей образ?

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Всю неделю стояла отвратительная погода: мокрый снег сменялся дождём, лёгкий ветерок пронизывал насквозь. В пятницу стало ясно, что простуда всё-таки добралась до меня. Окончание рабочего дня было овеяно только одной мыслью: «Скорей бы домой, принять горячий душ, отключить телефон и уснуть...».

Вернувшись с работы в крайне болезненном состоянии, я принял таблетку какого-то жаропонижающего лекарства, и прилёг на диван. Из соседней комнаты тут же явился кот и, свернувшись возле моих колен, удовлетворенно замурлыкал. Голова продолжала болеть, но теплота старого пледа и ритмичные звуки мурлыканья, начинали оказывать своё успокаивающее действие. «Надо было выдернуть телефонный шнур из розетки», подумал я сквозь дрему.

К моменту звонка, видимо, прошло достаточно много времени, потому что чувствовал я себя достаточно хорошо, голова была свежей, исчез насморк, да и в целом было ощущение полно-

ценного отдыха. После третьего или четвертого звонка я поднял трубку и услышал приятный женский голос.

– Здравствуйте, мы проводим социологический опрос среди жителей города. Не могли бы Вы уделить несколько минут и ответить на наши вопросы?

– Да, пожалуйста, – ответил я, –ё если Ваш вопросник не состоит из 100 или 200 вопросов.

– Нет, нет, – торопливо ответила женщина, – вопросов не очень много. Я Вам так благодарна за согласие. Знаете, мне надо опросить не менее 100 человек, из них 50 мужчин, а люди с такой неохотой отвечают. Некоторые в середине опроса просто бросают трубку, не желая дальше разговаривать.

– Ну, это, конечно, не вежливо, – согласился я, – или сразу надо отказаться, или уж дать ответы на все вопросы, чтобы время не было потеряно зря. Начнём?

Первый блок состоял из стандартных вопросов о поле, служебном положении, профессии, уровне доходов, удовлетворенности своим положением и т.п. Вопрос о возрасте почему-то был в конце первого блока, хотя мне казалось более логичным поставить его на второе или третье место. Узнав, что возраст мой от 40 до 50 лет, интервьюер, с каким-то непонятым удовлетворением в голосе, повторила: «От 40 до 50».

Услышав следующий вопрос, я подумал, что, возможно, люди неслучайно бросали трубку в середине опроса.

– Вы часто думаете о смерти?

– О чём?!

– О смерти.

– Я вообще о ней не думаю, – начиная раздражаться, ответил я.

– Почему? – спросил женский голос.

Я чувствовал, как во мне подымается злость, но пытался её подавить. Чёрт бы вас всех побрал – и тех, кто составляет вопросы и тех, кто проводит опрос.

– Почему Вы не думаете о смерти? – повторил вопрос женский голос.

– Девушка, что за дурацкие вопросы? Я думал, что речь пойдёт о выборах или о какой-то социальной проблеме... А тут ерунда какая-то, вопросы о смерти...

– Значит, для Вас вопросы о выборах очередного главы района, губернатора или президента

важнее, чем размышления о смерти, – уточнил женский голос.

– Да что о ней размышлять, – я просто взорвался, – «Не буди лихо, пока тихо», так, кажется, в народе говорят. И потом, не помню, кто говорил: «Пока мы есть – нет смерти, когда смерть есть – нас уже нет».

– Удобная позиция, ничего не скажешь, – согласился женский голос, – и Вы зря так сердитесь. Ваш довод, практически, ничем нельзя опровергнуть, поскольку он соответствует действительности.

Тут я спохватился, что разговор идёт по какому-то иному сценарию, который вряд ли вписывается в рамки социологического опроса.

– Девушка, у Вас по телефону проводится социологический опрос или философский диспут, – как можно ехиднее поинтересовался я, но, кажется, ни моего ехидства, ни самого вопроса телефонная собеседница просто не заметила.

– Вы подумайте, сколько людей ежедневно, ежечасно и ежеминутно неожиданно гибнут в автомобильных авариях, железнодорожных и авиационных катастрофах, при террористических актах, в пьяных драках, при несчастных случаях на работе? Они даже не успевают понять, что жизнь их закончится через мгновение... Вы согласны с этим? Вы же видели десятки трупов, тех, кто погиб внезапно. Они не успели не только закончить свои земные дела, но и даже сказать близким последнее «прости». Вы не можете не признать, что так бывает довольно часто...

Где-то в глубине моего сознания вспыхнул сигнал тревоги и, через мгновение, он сформировался во внутренний вопрос: «Что-то многовато знает собеседница из моего прошлого. Откуда»? Я действительно в молодости повидал многое из того, о чём говорил женский голос, но сейчас-то, во время разговора, не упоминал об этом.

– ... Вы молчите, поэтому что задумались, а значит, согласны со мной. Действительно, скажите человеку, что он умрёт через месяц, через неделю или через три дня, и он по другому проживёт оставшееся время. Вряд ли человек будет совершать столько ненужных поступков, растрачивая свою жизнь по пустякам. Вы согласны с этим?

Да, я был согласен с этим утверждением. Вряд ли мужчина, узнав, что жить осталось не очень долго, будет часами «забывать козла» или «расписывать пулюку», хлебать пиво со случайны-

ми собутыльниками или домогаться очередной юбки. Может быть, лишний раз подымет глаза к звёздам, посмотрит в глаза своему ребёнку или погладит по щеке любимую женщину. Да, я был согласен с этим утверждением, но могучий дух противоречия заставлял меня опровергать ещё невысказанное.

– А как же на счет единственной роскоши – «роскоши человеческого общения»? – поинтересовался я.

– Вы называете роскошью человеческого общения употребление алкогольных напитков со случайными собутыльниками? Или домогательства до какой-нибудь распутной бабёшки, которая будет забыта сразу после получения сомнительного удовольствия? – теперь неприкрытое ехидство звучало уже в голосе женщины.

Когда же я успел проговорить фразы про пиво и случайные связи? Да, я задумался над предыдущим вопросом. Но последние сорок лет я размышляю, не проговаривая мысли вслух. Неужели вопрос застал меня врасплох настолько, что я не смог проконтролировать свою речь?

– Но ведь нельзя же каждое мгновение размышлять только о великом, без всякого основания ждать смерти через минуту ... Жизнь продолжается и есть требования, созданные ею самой: интересы здоровья, безопасности, богатства, наслаждений, развлечений, защиты... Нельзя же всё время думать о смерти, о том, что из запланированного останется не сделанным, – задумчиво произнёс я.

– Почему нельзя? – спросил женский голос

– Да потому, что люди не ангелы, – опять разозлился я, – и пиво желают пить, и пробовать силу своего очарования на случайно встреченных представителях другого пола. Может, эта случайная встреча станет судьбоносной? Может, в этом разговоре зародится симпатия, переходящая в любовь до смерти...

– До чьей смерти?

Тон заданного вопроса, охладил мой пыл. Вспомнились многочисленные примеры случайных встреч мужчин и женщин, совместных выпивок, закончившихся случайными убийствами.

– Вы опять задумались. Потому, что в душе Вы согласны с моей правотой. Да, люди не ангелы. Но и не скоты. Им дано сознание для того, чтобы они выполнили своё предназначение в жизни, а они растрачивают отпущенное время по пустякам, о которых не могут вспомнить

на следующий день. Это – в лучшем случае, а в худшем – творят зло далёким и близким. А если бы они думали о смерти, то и жизнь бы прошла по-другому... Те же, кто перед приходом смерти успевают оглянуться на прожитую жизнь, горько каются и сожалеют об упущенных возможностях. Люди жалеют, что вовремя не погладили по щеке своего ребёнка. Этот ребёнок уже вырос, у него теперь свои дети, но и ему в голову не приходит погладить по голове своего ребёнка. Жалеют, что отвернулись от красоты заходящего солнца, простояв в очереди за водкой. Люди жалеют, что в погоне за деньгами забыли про любовь, что из ложно понятых чувств пожертвовали дружбой. Жалеют, что не пришли на могилу родителей... А теперь – перед их уходом – щемит вопросом сердце: «А ко мне кто придёт?».

Вы подумайте над всем этим и при встрече скажите мне, что же надумали, – закончил свой монолог женский голос.

Какое-то смутное беспокойство за клубилось во мне. «Это не социологический опрос ... и не дурацкий розыгрыш...», – мелькнула мысль.

– Почему вы думаете, что мы с Вами встретимся? Может быть, я этого не захочу?

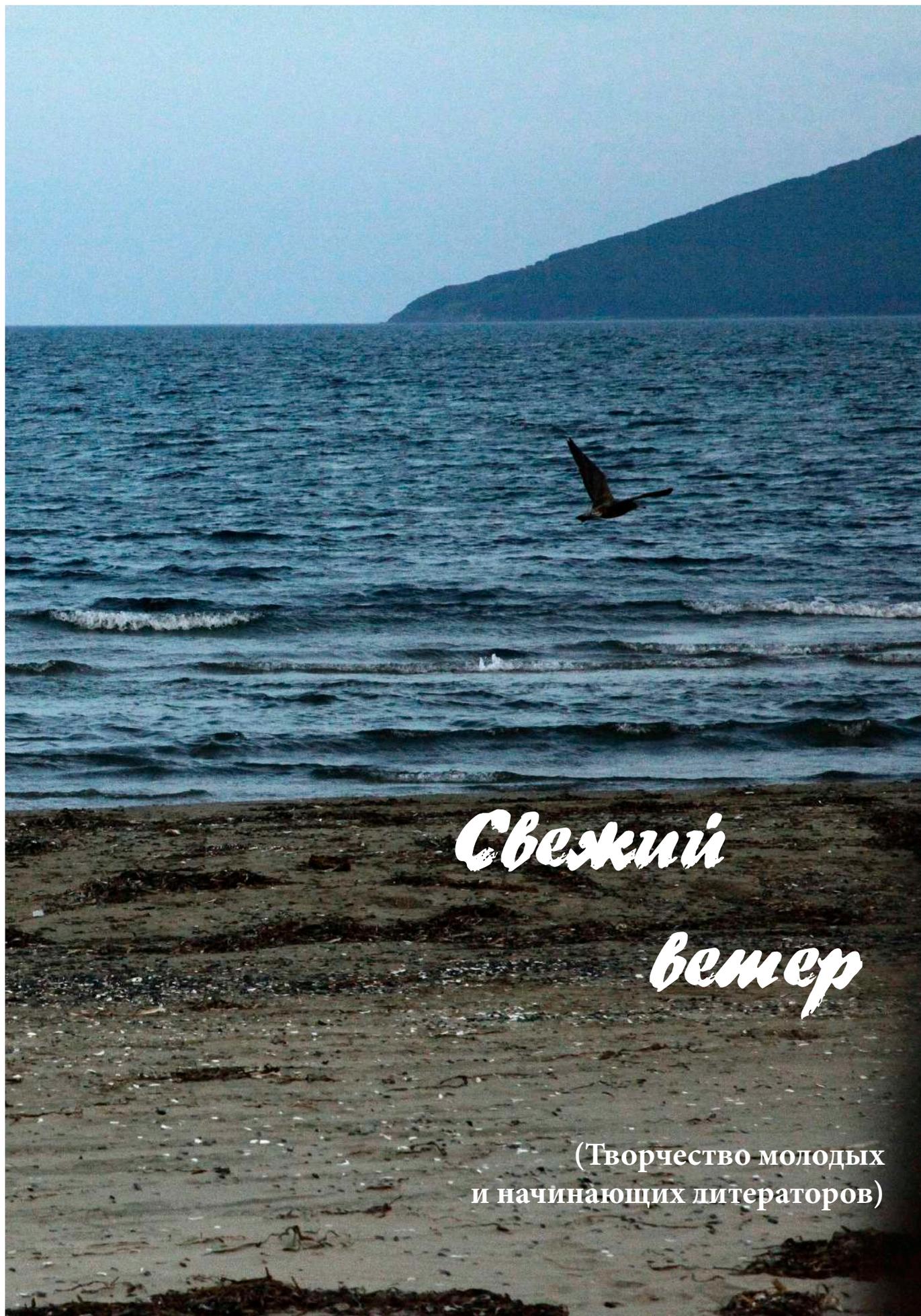
– Встреча состоится. От таких встреч ещё никому не удавалось уклониться, и от Вашего желания ничего не зависит...

Клубы внутреннего беспокойства уже сгустились, стали каменеть и тяжестью давить на сердце. Всё уже стало понятно, но я хватался за спасительную соломинку призрачной надежды... Хотелось в ответ на следующий вопрос услышать совсем иное, а не то, что мне предстояло узнать.

– Вы говорите, как будто, от имени Смерти...

– Почему «как будто»? Почему от имени? Подумайте...

В трубке раздалась короткая гудка. Я вытер пот со лба, потянулся к телефону, чтобы положить её на место. Трубка выпала из моей ослабевшей руки, когда взгляд наткнулся на розетку – рядом с ней лежал телефонный шнур...

*Свежий
вечер*

(Творчество молодых
и начинающих литераторов)

**Ольга Викторовна
Юргенсон-Линкер**

гг. Мегион, Томск

Жизнь – штука на постоянном приколе, у неё там какие-то особые мысли и пожелания, касатель-но тебя. Ты никогда не можешь с уверенностью ска-зать, что сегодня и завтра всё пойдёт по планам, а это значит, что надо уметь быть хамелеоном и подстраи-ваться под текущий отрезок времени. Иметь особый «держатель» своей точки зрения классный навык, но главное помнить, что остальные – это не ты сам. У них, возможно, нет такого чувства слова, накоплен-ного багажа пережитых эмоций или ситуаций, где ты выходил победителем. А у тебя наверняка парочка таких найдется, так почему бы не гордиться этим? Каждый прожитый день, каким бы он ни был, это повод для собственной гордости, потому что ты смог.

Может быть, эти слова прозвучат пафосно, с на-лётотом этакого всезнающего человека, которому про-сто повезло, однако, это не так. Мы не можем пол-ноценно знать ни внутренний мир другого человека, ни его прошлое, ни, тем более, его будущее. Мы не всесильны, и нет, лоботомия тут тоже не поможет. Любое предсказание сомнительно, потому что у тебя нет никакой уверенности в том, какое из множества предоставленных путей, человек выберет.

Зато мы в силах познать себя. У каждого этот путь свой: кто-то находит себя в красках и на холсте, что через миг окрашивается в полюбившиеся тона; кто-то узнаёт ответы через откровенную музыку; кто-то углубляется во внутренние диалоги и строит художе-ственный текст по кирпичикам. То касается не толь-ко искусства, как могло показаться, но и любого дела. Выбери то, что по душе, и действуй. На это могут уйти годы, десятилетия, но разве это не прекрасно?

Мой посыл достаточно прост, проговорен кем-то другим не один десяток раз, впрочем, говорить о нём надо постоянно. Просто отстань от себя и других, ладно? Не сравнивай себя с кем-то другим, потому что вы разные; не стремись повторить чей-то шедевр, а создавай свой и для себя. Для кого-то он может по-казаться глупостью, зато для тебя самого – чуть ли не главным детищем, а чувство собственного удовлет-ворения куда важнее. При этом не забывай о здоровой критике, потому что она всё же полезна, и не стоит впадать в отчаяние. Некоторые, кто действительно хочет тебе помочь, говорят её из лучших побужде-ний. Найти таких людей сложно, но возможно.

Я говорю это, исходя из своего личного опыта, полного ошибок и отрицаний, связанных со многи-ми вещами. И где я сейчас? Здесь, в буквах, словах и предложениях, сложившихся в небольшую напут-ственную речь, которая, надеюсь, кому-то поможет.

Ну, или кто-то вспомнит о такой простой истине, как эта. С возрастом забываются многие вещи, о которых необходимо помнить. Поверьте, ребёнок, сидящий в вас, каким бы вы мастодонтом не были, будет рад её услышать. Даже не думайте отрицать это, а прислушайтесь к самому себе, и вы поймёте.

Подводя небольшой итог, хочу ещё разок всё резюмировать.

Жизнь – штука на приколе, она сложна и местами непонятна, зато интересна. На то, чтобы найти под-

ходящий ключ к двери, за которой кроется абсолютное понимание мира и себя, могут уйти годы. У кого-то эту дверь открыть не получится, но это далеко не повод опускать руки (напоминаю вам так же, как и себе), потому что на этом пути встретится многое. Плохое и хорошее. Так что смотрите прямо, уверенно, идите и учитесь любить себя и своё творчество.

Оно того стоит.

Ольга Юргенсон-Линкер

Инструкция: как выжить в морге

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Пulsация в висках раздражала. Не помогало ни одно обезболивающее, которого, кажется, Артём выпил уже целую гору, что могло бы привести к летальному исходу. А что? Вполне себе неплохо. Ходил бы, пугал весь персонал своим призрачным присутствием в морге, действовал на нервы, как они ему иногда. Получилось бы прекрасное развлечение, и никаких дополнительных неприятных ощущений. Ничего, кроме привычного холода, ставшего таким родным за последние годы работы. Однако ж в тонусе его держала тупая боль, что не прекращалась уже вторые сутки, выводя на новый уровень раздражительности и пассивной агрессии.

Бесило абсолютно всё: от звука помешивания ложечкой отвратительного растворимого кофе в кружке, до мерного гудения холодильных отсеков для трупов в коридоре перед секционной. Упомянутые покойники так вообще, казалось, задыхались по новой. Артём даже прикладывал маленькое зеркальце к синим губам, пытаясь уловить то, чего априори быть не могло – мёртвые не оживают, Соловьёв, запомни уже наконец. Он отмахивался от невидимой мухи-мысли, противно жужжащей в голове. Каждое действие отдавалось очередной волной боли в висках. Грёбанная мигрень захватила весь его организм. С тяжёлым вздохом пришлось натягивать новые латексные перчатки, ибо копать в чужих внутренностях с дыркой посередине ладони – такое себе занятие. Перчатки чёрные, к слову, подобно его душе, как ему ласково сказали, когда всучили новую упаковку. Так сказать, принимай подарок.

Гуров Владислав всегда был своеобразен в мелочах, что любил подкидывать судмедэксперту, независимо, касалось ли это непосредственно

его работы патологоанатома или же нет. «Хорошие» вести приносил с неизменной бодростью и крошечным налётом издёвки. К примеру, о недавнем утопленнике, у которого фиг разберётся без стопочки водки, добровольно ли он решил отдать свою душу дьяволу или помог кто. Вода коварна, у неё такое хобби – играть в загадки, потому она и смывала отпечатки возможного преступника, не оставляя почти никаких весомых следов. И после этого делайте, что хотите, ваше право. Так что перчатки ещё ничего такой подгон, полезный. Ну а то, что душонка у него чёрная – извольте, не его вина. Циником в морге выжить проще всего, потому крокодилы слёзы не лились по каждому, кто у него на столе оказывался. Хорошая черта.

Только черту эту надо оставлять на работе, впрочем, как и ряд других. Не было бы проблем с людьми, да хотя бы с теми, кто сумел разглядеть в Артёме положительные качества и остаться рядом. Таким, как они, памятник ставить надо, определённо. А ещё лучше – его жене, что умело пропускала вырывающиеся противные словечки и попросту улыбалась. Нежно так, любяще, из-за чего Соловьёв моментально менялся на глазах: расплывался по дивану лужицей и издавал около мурчащие звуки. Тихий смех наполнял их уютное семейное гнёздышко, отчего делалось невероятно тепло. Поганый характер Артёма утихомиривался, становясь покладистым в маленьких ручках.

К сожалению, не всегда это работало, а жена у него всё-таки не терпела. На последнюю шутку, сорвавшуюся быстрее, чем Артём успел понять, обиделась знатно. Ну не виноват он, что не разбирался во всех видах сложного искусства мейкапа. Для него всё одинаково: декоративная косметика, она и в Африке декоративная

косметика, на трупах и на живых людях аналогична. Катенька разное творила, пока практиковалась для своих курсов визажистов. Видите-ли, ей мало работы танатопрактиком, разойтись негде. А полёт фантазии у неё ого, какой большой. Артём ей эти курсы оплатил, чем бы любимая ни тешилась, лишь бы не грустила. Кто ж знал, что она моделями своими сделает не только готовых на любую халяву живых, но и усопших?

– Ах, значит, ты меня сейчас сравнил с трупом?

– Но я не...

– Вот пускай тебя твои трупы кормят, ласкают и вообще! – Катенька топнула ногой, складывая руки на груди. Её нижняя губа дрожала от негодования.

– Некрофилия запрещена законом, да и ты такой букет обретёшь, что никакие поминальные венки его не превзойдут. Катюша, дорогая, ну...

– Иди, зарабатывай свой букет, хоть так тебе кто-то цветочки подарит, как остальным врачам. Домой можешь его не приносить, я уж как-нибудь переживу.

Так что да, голова у Артёма болела уже второй день. Дома тишина хлеще, чем в морге, и, отчего-то ему думалось, в гробу. Она не была долгожданной, скорее, пугающей. Злая и обиженная Екатерина подобна маленькому дьяволёнку, что будет измываться до тех пор, пока её цель не признает полное поражение. Желательно, валяясь у её длинных ног и преданно смотря в глаза.

Прямо сейчас Соловьёв осматривал внутренние органы взрослого мужчины, – на вид ему около сорока-сорока пяти, – пытаясь установить причину. Работа судмедэкспертом – штука весёлая. Каждый день приходилось гадать, какой же «экземпляр» попадёт к тебе на стол сегодня – смерть от бытового предмета или что похлеще. Такие дела Артём любил больше всего: осмотрел внимательно, подтвердил предположение детективов и занёс в отчётную документацию. Никакой дополнительной возни, проще простого. Он не извращенец какой, как его коллега из другой больницы – Молчанин Валерий Степанович довольно интересный персонаж, которому только дай возможность покопаться в витиеватых способах убийства. Тех же утопленников щёлкал, как орешки, настолько легко управлялся с их историей. Умный дядька.

Ладно, Артём не жаловался, собственная работа ему нравилась. Всяко лучше, чем, если бы он просиживал штаны в больнице и слушал жа-

лобы пациентов. Покойники больше молчали, и на том спасибо.

Артём присмотрелся к повреждённой печени, на которой остались следы ножа. Хватило трёх весьма агрессивных ударов в бок и в грудь, чтобы пострадавший начал усиленно истекать кровью. Следователь Собакевич Николай предположил, что это могло оказаться обычной кражей в тёмном переулке, но Соловьёва как-то смущала характер действий убийцы. Уверенные и быстрые движения, словно заранее знали, куда необходимо целиться. Окажись нападавший обыкновенным вором с улиц, то достаточно было бы и одного удара с правой или левой стороны. Если, конечно, его не спровоцировали.

Стянув с одной руки перчатку, Артём потянулся в глубокий карман халата за неизменным инструментом – диктофоном. В голове удержать всё невозможно, поэтому он, как и многие его коллеги, предпочитал голосом записывать нужные детали. Ранее он уже успел установить причину и предположительное время смерти, пол и возраст. Посторонних отпечатков на одежде, как и на самом трупе, не нашлось. Скорее всего, преступник знал о мерах предосторожности, что могло говорить об определённых намерениях. Артём зажал большим пальцем кнопку пуска и начал говорить:

– Приблизительная длина лезвия ножа составляет двадцать один сантиметр. Нож вошёл не до конца, примерно на семнадцать сантиметров, что позволило достать до печени. – Соловьёв вглядывался в лицо мужчины, которого уже настигли метаморфозные изменения. Кожа побледнела и приобрела синий оттенок; появились трупные пятна в области бёдер, спины; частичное трупное окоченение, хорошо наблюдалось в жевательных мышцах, а также в верхних и нижних конечностях. На руках не ярко выраженные ссадины. Возможно, была попытка дать отпор. – Ширина лезвия три сантиметра...

Стандартные после вскрытия процедуры, – бальзамирование, томпонирование и зашивание, – прошли без особых помех. По-хорошему, надо было бы дождаться Юру, чтобы тот мог выполнить свою прямую обязанность санитара – обмыть и продезинфицировать тело, но сегодня Артём решил заняться этим сам. В конце концов, лишние лица в и так не большом помещении будут только мешать, а Соловьёв всё ещё надеялся поговорить с Катенькой, когда та придёт, дабы закончить свою часть работы. Всё же, помимо

сегодняшнего жмурика, у них была ещё парочка предыдущих «гостей», на чьё захоронение родственники уже успели получить разрешение. Танатопрактик обязан приводить их «клиентов» в надлежащий вид, дабы после передать в руки близким. У тех и так шок от произошедшего, так зачем ещё больше усложнять жизнь и давить на психику не самым благопристойным видом почившего?

Не успел Артём закончить все свои манипуляции с трупом, как в помещение вошла Катя. На ней, как обычно, идеально выглаженный белоснежный халат, на ногах сменная обувь в виде удобных кед; на голове шапочка, из-под которой выглядывали невидимки. Наверняка отросшая чёлка лезла в глаза, оттого и убралась по максимуму. На лице медицинская маска, оставляющая на виду только глаза. Однако и без того понятно, – одного хмурого взгляда на Катю хватило, – что продуктивного разговора не видать. Артём старался не отчаиваться.

Катя держала в руках простой чемоданчик с необходимой сейчас танатокосметикой. Даже мертвецам требовались услуги персонального визажиста, чтобы войти в загробный мир при всём параде. Жалоб иначе не оберёшься, и речь далеко не о живых – им и без того проблем хватало.

Следом за Катей вошёл хорошо знакомый санитар, что этот самый свежий труп доставил сегодня во владения грозного Соловьёва Артёма Александровича. Аксёнов Юра, готовый выполнить свою работу и увезти сегодняшнего «клиента» к его временному месту пребывания в холодильнике, застыл на месте, останавливая перед собой каталку. На металлической посудине с колёсиками лежал предыдущий покойник, – мужчина лет тридцати пяти ждал своего часа, – готовенький для окончательного приведения в порядок. В сторону санитара кидали убийственные взгляды и всем выражением лица показывали: «Забирай новенького и вали отсюда, ты не вовремя».

Аксёнов парень не глупый. Он не раз получал наставления от второго патологоанатома – Владислава, касательно отношений двух супругов. Потому, наученный мудростью, лишь закатил глаза и развернулся к двери на выход. Всё отделение было в курсе ссоры семьи Соловьёвых, а лезть в их разборки – себе дороже. Хотя каждому было бы интересно послушать новоиспечённые слухи.

Юра, оглядев напоследок замершую парочку, прикинул, можно ли оставить дверь слегка открытой и подслушать их разговор. Владислав, если он принесёт ему свежую сплетню, пообещал угостить чем-нибудь вкусненьким. А вкусно поесть он любил, особенно готовку практикантки Марии, хотя это уже лирическое отступление. Но тут их с Артёмом взгляды пересеклись, и Аксёнов поспешил ретироваться, пока в него не кинули каким-нибудь из инструментов. Не очень-то хотелось получить в голову молотком или долотом.

Раньше бы Артём оставил Катеньку, чтобы пойти в свою каморку, – у него просторный кабинет, вы не подумайте, – и заполнить отчётную карточку, но сейчас, видя его мнимое убийственно-спокойное состояние, не решился. На горизонте активно махала лапкой надежда, что им всё-таки удастся нормально поговорить. Конечно, где это делать, как не в морге? Кате не получится сбежать, бросив работу, а в доме она могла скрыться за любой дверью. Безмолвное «и что ты мне сделаешь» вызывало внутренний скулёж.

Присев на табуретку возле стенки позади жены, Артём следил за уверенными движениями её рук, что раскладывали необходимую косметику на столе рядом с привезённой каталкой. Соловьёву разве что не хватало виляющего хвоста позади, чтобы выразить всю свою преданность и готовность выполнить любую просьбу. Ох, кто бы что не говорил, но он так слаб перед Катенькой.

«Подкаблучник», – в сознании проплыла любимая фразочка Влада. Да, он, и что?

Многозначительное и явно затянувшееся молчание Кати прятало в себе раздражающую сегодня тишину, редкое потрескивание лампочек и бесконечное ожидание внимания. Артёма хватило всего лишь на пять минут тягостного безмолвия. Не выдержал больше, ведь он не слышал ласкового голоса, обращённого к нему, уже как два дня. А ласки хотелось. Не зря Катя, в минуты особой нежности, изредка называла его мартовским котом. Видя, как жена склонилась над трупом со спонжиком в руке, Артём вдруг опомнился.

– Катенька, солнышко, тут такое дело... «Чемодан» ещё не привезли, – искреннее раскаяние. Кошмарные два дня, что сказать.

Та вся напряглась. Послышался еле слышимый вздох через маску. Медленный разворот лица и взгляд, от которого по телу Артёма

побежали мурашки, заставляя невольно сжаться. Он, конечно, не мог взять на себя вину за то, что две задницы ритуальщиков так нагло опаздывали, но чувствовал себя ответственным за них. Не самое приятное ощущение в его жизни. В глазах бывшей Кукушкиной, нынешней Соловьёвой, отчётливо читалась вся усталость этого мира, а всё из-за непутёвого муженька. На словесный контакт же выходить с ним по-прежнему отказывались. Мысли друг друга читать они не умели, хотя... Артём, кажется, научился и этому. Было видно, как Катя хотела поскорее закончить со своей работой, погрузить тело в «чемодан» и отправиться домой.

В этот самый момент в секционную ворвались со смехом, что в данных стенах являлось чуть ли не осквернением святая святых. Усопшие здесь принимали смирение или набирались сил перед тем, как войти в загробный мир. Весельчаков Олег и Сергеев Дмитрий – двое парней, бессовестно разбивавших не самый приятный образ всех работников ритуальных услуг. Последние вообще от них предпочитали открещиваться, приговаривая, что эти двое не с ними. Они слишком взбалмошные, шумные и весёлые для тех, кто хоронит людей по несколько раз в сутки. Въехала очередная каталка, на сей раз с гробом на ней.

– Соловьёв, циничная ты задница, наверняка опять шутил про свои «чемоданы», – Дмитрий показательно встал в позу, выгнув бровь. – Катенька, дорогая, он шутил, ведь так?

Сергеев в пол-оборота повернулся к танатопрактику, чтобы найти в ней поддержку и подтверждение своих слов. Та неопределённо промычала, не давая точного ответа. Оно, на самом деле, и не требовалось, всё и без того понятно – Соловьёвы себе никогда не изменяли. Неожиданно Олег приосанился, кинул недобрый взгляд на Артёма, мол, я знаю, что ты натворил. Он готов за Катеньку и ритуальный двор стрелять в упор. Хобби у него, кстати, цветочки сажать, потому недалеко от здания их агентства он развёл небольшой садик. Совместил приятное с полезным, так сказать. Эти лучшие подружки со своими причудами... Артём никакой ревности не испытывал, знал, что они друзья с детства. Собирались частенько, дабы приобрести метафоричные крысиные уши и хвосты, и «посекретничать» за чужими спинами. Кто бы что не говорил, а мужики – те ещё сплетники.

– Понимаешь, Дима, некоторым просто не дано понять всю важность нашего дела, – Олег

скрестил руки на груди, дуя губы.

– Валите, давайте, за своим «саквояжем» придёте чуть позже, – Артём отмахнулся от них, как от надоедливых насекомых.

– Клянусь, Тёма, я сделаю всё, чтобы ты в своём «чемодане» перевернулся раз так дцать прежде, чем тебя доставят куда надо. – Шутливая угроза Дмитрия вызвала в Катеньке усмешку. – Маякните, как будет готово. Мы пока плюшками побалуемся.

Как только два брата-акробата скрылись за дверью, тишина вновь зыбким туманом расплылась по помещению. Откровенно говоря, в Артёме появилось желание бахнуть кофейку, хотя бы того же отвратительного растворимого, присесть на мягкий стульчик в своей камерке и провалиться в сладкую дрёму. Документами заниматься, в конце концов. Но, как самому провинившемуся человеку, ему пришлось выбрать тот, что в данной ситуации ближе всего к любимой жене. Снова поза послушного ждущего мальчика – ну точно щеночек.

К тому же, пульсирующая боль временами напоминала о себе. Ему хотелось, как в детстве, чтобы поцеловали и разом всё прошло.

Тем временем, Катя продолжала работать, а Артём безостановочно рассматривал её спину, мечтая к ней тесно прижаться. К сожалению, ему этого не позволят, пока способ заглаживания вины не будет найден. Если он сейчас подойдёт, то не дай бог, ещё ударят и вдогонку скажут, что просто тренировались в приёмах реалистичного грима. Новое увлечение, никаких предъяв.

– Катя, милая, ну давай поговорим, я устал от этой молчаливой войны. – Таким его мог видеть только один человек, что сейчас стоял и не обращал на него никакого внимания. – Ну что ты хочешь? Новую палетку, кисти, эм, тональник?

– То есть, – из-за продолжительного молчания голос Кати был непривычно низковатым и хрипловатым, отчего Артём чуть ли не взвыл. Эти два дня с ним не только не разговаривали, но и не касались. Он изголодался по ней всей. – Ты хочешь сказать, что можешь искупить свою вину какой-то там косметикой, которая делает меня похожим на труп?

– Я не... Это не то, что я...

– Это не то, что? Артём, дорогой, – плавный поворот и теперь они смотрели друг другу в глаза. – Не ты ли сказал, что мой макияж точно такой же, какой я делала на всех этих достопочтенных, почивших нас, людях? Какой же ты болван.

– Да чем он отличался? – всё же не выдержал, взрываясь. Он, правда, не видел никакой разницы. – Ты точно так же делала, когда руку на них набивала. С чем я ещё сравнивать должен был?

– Вооот. Вот об этом я и говорю! Дальше своего носа порой не видишь и не слышишь ничего, а я ведь объясняла много раз, что технике новой учусь. – Весь напускной холод, казалось, с каждой фразой только усиливался, будто покрывая помещение тонким слоем льда. Того и гляди, морг в Северный полюс превратится. А может быть... Артём почувствовал, что в действительности стало холоднее. Однако сейчас не об этом. – И он ярче был, чем обычно! Но нет же, ты умудрился ляпнуть, что ляг я на стол, то вообще бы не отличил меня от неживого человека! – ладони Кати сжались в кулаки. Благо хоть, в них ничего не было, а то остались бы одни щепки.

– Так это почти комплимент!

Среди повышенных голосов, фигуральных метаний молний друг в друга и напряжения, расходившегося волнами по секционной, прорезался приятный слуху баритон с нотками очевидно смущения и неуверенности:

– Эм, извините?

– Не вмешивайся! – сказано одновременно, от того так пугающе.

– Но... Может быть, вы закончите свою работу? А то скоро родственники придут, судя по гробу... Им бы тело моё забрать надо... – Он все же осмелился продолжить начатый вопрос.

– Послушай, – Катенька развернулась к появившемуся мужчине лицом, хватая со стола кисточку, – если ты сейчас не замолчишь, то я верну тебя в твой 2007-й. Мама родная не узнает. У нас тут важные проблемы решаются!

Артём наблюдал за тем, как бедный человек, точнее уже не человек, а призрак, прижался спиной к стене. Как он ещё не провалился сквозь неё – загадка. Собственно, само его появление никого из них не удивило. Время для подобного как раз подходящее, уже пару дней прошло со дня его смерти и вскрытия. Мужчина, физическое тело которого Катя приводила сейчас в порядок, смотрел на них и не знал, куда себя деть. Этот хоть спокойный, сразу понимающий попался; объяснений, что произошло и как он здесь очутился, не потребовал. А то от некоторых такие истерики выслушивать приходилось... Артём в подобных случаях делал перекур, уходил на минут двадцать-тридцать, и после возвращался.

Когда он только пришёл сюда работать, есте-

ственно удивился наличию призраков в отделении. Подумал, что постепенно начал сходить с ума, оттого первое время шарахался из-за каждого шороха и холодного дыхания в затылок. Владислав тогда смотрел на него ехидно, не объясняя ничего, настоящий подлец. Чёрт знает, сколько бы это продолжалось, не увидь он однажды, как Соловьёв прямо на работе стакан чистого вискаря глотнул. У него под глазами уже такие мешки были, что очередной труп легко спрятать получилось бы. Гуров сознался быстро, сказав не переживать – место само по себе такое необычное, мягко говоря. Все, кто со жмуриками так или иначе работал у них, видели их призраков через пару дней. Никаких научных объяснений не имелось. Просто как данность, примите и распишитесь.

Так что, если и помешательство, то массовое. Неплохо так, да?

Через месяц, как Артём устроился, случилось знакомство с Катенькой, – на момент начала его работы судмедэкспертом, Кукушкина ушла в отпуск, – и зажилось куда проще. Их первые заигрывания, неловкая симпатия, неприкрытый флирт, свидания... А через два года и свадьба. Ух, сколько же всего эти стены повидали, не позавидуешь. В их странную компашку входили Владислав, Катенька, Олег и Дмитрий. С недавнего времени – Юра. Этому хоть бы хны, принял, как нечто естественное, и ладно.

Неожиданная ностальгия навалилась на Артёма, от неё как-то потеплело на душе, а ссориться дальше совсем расхотелось. Он поднялся с табуретки, подошёл к Кате и дотронулся до её предплечья, чтобы та снова переключила внимание на него.

– Кать, послушай, – его недовольно бурчащая жена затихла, – давай не будем ругаться. Лучше доделывай этого бедолагу скорее, а я с документами быстренько разберусь, да поехали домой. Я жуть как соскучился. Так много чего хочу сделать с тобой...

– Ммм, и что же? – появившаяся между ними игривость мигом сменила ориентир разговора. Прекрасная особенность Соловьёвой Екатерины: её можно отвлечь интересным предложением, и тогда все обиды отходили на второй план. Так что оба, кажется, сосредоточились лишь на одном. Всё же, кошмарные два дня им обоим дались тяжело.

– Ох, я б с удовольствием принял сначала с тобой ванную, чтобы смыть этот дурацкий день, а затем...

– Не хочу вас отвлекать от примирения, но... Может, вы поторопитесь? Мои родные ведь... – Призрак мужчины во второй раз предпринял попытку их образумить. В самом деле, они в морге находились или где? Предъяву в какую-нибудь инстанцию накатать можно?

– О, Господь Всемогущий, ну можешь ты пару минуток помолчать? – Катя прохныкала. Ей так редко удавалось застать Артёма настолько открыто-нуждающимся в ней, что приводило в неимоверный восторг. – От такого примирения с многообещающим продолжением отрываешь, имей совесть!

Обиженный призрак весь как-то сгорбился, мягкой поступью добрался до ближайшего угла комнаты, присел на корточки и принялся «колу-пать» стенку ногтями.

«Дорогой дневник, не описать словами всю ту боль, что скопилась во мне не только при жизни, но успела и за время моей смерти. Прошло всего несколько суток, а я уже устал. Меня игнорируют даже врачи...».

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Чета Соловьёвых, наконец-то, в мире и в согласии. Настала долгожданная тишь да гладь. Артём не кидался колкими фразами больше, чем обычно, а Катенька никого не стремилась пригвоздить взглядом к полу. Вот она – свобода от гнёта, можно расслабиться и поработать спокойно. В отделении перестали шептаться и... Начали молча передвигаться на цыпочках, ибо беда пришла оттуда, откуда вовсе не ждали. Лишний шорох или даже вздох – пиши-пропало, понадейся на свою память, что в завещании всё верно написал. За последние дни все, кто, так или иначе, приходили в отделение морга, успевали получить по макушке. Никакого возмущённого слова сказать не можешь, потому что Владислав Гуров выдаст сто в ответ. Далеко не факт, что они будут лестными.

Патологоанатома на самом деле уважали за глубокие познания в своей сфере. Он безошибочно ставил результаты биопсии и превосходно проводил вскрытия – итоги редко, когда шли вразрез с лечением терапевтов, и это не могло не радовать. Владислава приглашали принять участие в конференциях, где тот превосходно выступал с докладами. В общем, он был той ещё востребованной звёздочкой среди знающих ме-

дицину людей. Артём частенько, дабы побесить, обращался к нему: «О, Звезда Смерти, на кого сегодня пал твой лазерный взор?». У них с Соловьёвым дружба на особых уровнях подстёгивания друг друга. За это, наверное, они и дорожили ею, подкидывая в неё всё больше дров в виде саркастичных шуток.

Иногда, когда им стучало в голову собраться вдвоём после работы, чтобы пропустить по паре стаканчиков, – зачастую это могло перерасти в настоящую пьянку, – они устраивали соревнования между собой. «Кто первым установит приближённую к правде причину смерти, тот и платит сегодня в баре», – неизменное их развлечение. Обычно для такого приходилось дёргать знакомых коллег из той же сферы, – те привыкли к подобным выходкам, – и выпрашивать какое-нибудь интересное дело. Им накидывали сухих фактов по телефону или отправляли сообщением, после чего они сидели и выдвигали гипотезы. Профдеформация – она такая, да.

К слову, зная то, как радовался Влад своим победам, Артём вытянул его вчера в бар ради этого. Он наивно полагал, что, поддавшись, сможет поднять тому настроение. Конечно, в какой-то степени оно помогло. Гуров сидел с раскрасневшимися щеками из-за выпитого алкоголя, довольно улыбался и не переставал его поучать – Артём честно терпел, на что не пойдёшь ради друга. Но настоящее быстро становилось прошлым, вот и вчерашний вечер остался позади. Сегодня Владислав вновь ходил мрачнее тучи, с этим срочно надо было что-то делать, иначе всё отделение вздёрнется и превратится в самое настоящее потустороннее царство.

В голове Артёма зародилась идея. Возможно, совсем немного бредовая, но им не привыкать, не так ли? Они с призраками каждый день контактировали, а это уже повод для того, чтобы близко пообщаться с психиатром. Интересно, как бы на них отреагировали, заявись они целой толпой к нему на приём?

Влад же просто устал. Бесспорно, работа являлась для него всем. Ему нравилось быть эдаким светилом знаний в медицинском пространстве; похвала и немножечко лести мотивировали на подвиги. Его руки касались совершенно разных тел: взрослых и детей, мужчин и женщин. Некоторым из них требовалось время на осознание того, что они уже не живы. Он разговаривал с ними, подбадривал, иногда, если это выходило, передавал их последние слова родственникам.

Получался своеобразный проводник – на работу Харона он не претендовал. Иногда лишь с грустью смотрел на то, как по зданию, в не слишком большом радиусе от самого тела, разгуливали призраки. Кто-то переосмыслял жизнь, а кто-то сидел, уставившись в одну точку. Встречался и агрессивный тип – такие люди, как показывала практика, были теми ещё отморозками при жизни. Их старались игнорировать.

Владислав помнил, каким разъярённым выглядел Артём, когда один из подобных экземпляров в красках расписывал свои пошлые фантазии касательно Катеньки. Танатопрактик просто выполняла отведённую ей работу, ни больше, ни меньше. Видимо, тот мужик был засранцем, раз позволял себе подобное. Возможно, что так сработала защитная реакция на свою смерть. Только это не оправдание, чтобы поступать подобным образом. Радовало только, что те, кто попадал сюда, не являлись полтергейстами, а лишь отголосками прежнего себя. Бросаться предметами они не умели.

В итоге, Артём ходил злее чёрта, а Катенька была слишком понурой и отстранённой. Этого всего не выдержал Юра. Он что-то сказал вредителю спокойствия, из-за чего тот заткнулся, а затем и вовсе исчез. Соловьёв даже угостил то-ваарища в благодарность нормальным кофе из кафешки рядом.

Некая разбитость, вместе с усталостью, преследовали Владислава на протяжении нескольких дней. А ещё его достал холод, который был везде: на работе и дома, в буквальном и переносном смысле. Одиночество никогда не напрягало. Проводить время наедине с собой в целом приятно: ориентируешься на свои желания, делаешь только то, что хочешь и заботишься о себе, как сам считаешь нужным. «Одиночество и одинокий – это разные понятия, пойми», – как-то сказал ему Юра с самым умным видом. Владислав тогда ничего не понял, пока не осознал простую истину – он начал немного завидовать семье Соловьёвых. Артём рядом с Катей становился мягким и практически ручным, а та, в свою очередь, расцветала от их взаимной нежности. Хотелось точно так же.

«Одиночество и одинокий – это разные понятия, пойми». Так вот что это значило.

Пресловутой, скорее даже тривиальной вишенкой на торте стала неожиданная симпатия. Не так давно с ними начал сотрудничать новый детектив, Фролова Оксана. Девушка не из робко-

го десятка. Она ни разу не скривилась, когда ей доводилось наблюдать за вскрытием тела. Влад, конечно, человек прямолинейный, но говорить о возникших чувствах в лицо объекту симпатии не решился. Старался намёками, толстыми и тонкими, но его умело игнорировали. Специально то было или нет, однако он всё равно расстраивался. Оксана настолько ему понравилась, что об этом, кажется, знали все, – Владислав мог начать заикаться при разговоре с ней или начать безбожно краснеть, – кроме самой девушки. Та слишком вся в делах, в своих расследованиях. Тьфу. Но хоть одно хорошо: она, после парочки вкинутых ему фактов, поверила, что отделение морга не совсем простое. Косилась, естественно, иногда, но в целом не возникала.

Артём умело вытягивал на своих вскрытиях из призраков всё, что те помнили, и передавал важные знания Оксане. Полезно с таким судмедэкспертом работать, ничего не скажешь.

Сидя на их импровизированной кухне, Гуров отдыхал после последнего вскрытия. Из-за двери показался Артём. Он чуть помят, – видимо, вчерашние посиделки не прошли мимо, – и растрёпан. В его глазах великое понимание, будто он не знал наверняка, но догадывался, что творилось в голове его друга. Влада это немного раздражало. Не надо за него так переживать. Отправьте в отпуск, в котором он не был, кстати, уже года два нормально, и дело с концом. Вернулся бы посвежевшим, отдохнувшим и готовым вновь освещать всю темень этого места. Точно, ему следовало уйти в отпуск, дабы отпустить все свои переживания.

Соловьёв молча налил себе отраву, именуемую кофе, и сел с кружкой напротив него. Было видно, что он хотел что-то сказать, но не решался, поэтому просто помешивал ложкой ту бурду, что пил. Слегка сгорбленный и задумчивый Артём наводил тоску. Влад не выдержал.

– Выглядишь так, будто кто-то умер, – он поставил локоть на стол и прижал раскрытую ладонь к щеке.

– Ты работаешь в морге, как думаешь?

– Так вот и я о том же. – Хмык. – Чего хотел? Консультации у меня платные, но тебе, так и быть, сделаю скидку.

– Ага, и обойдётся мне она даже со скидкой в мою месячную зарплату. Нет уж, спасибо, сам справлюсь, – Артём отпил, тут же морщась. В любом случае, лучше это выпить, пока горячее. Их и без того мерзкий кофе становился ещё

более мерзким, когда остывал. Марку напитка, что ли, поменять. – Я за другим к тебе. Знаю, что мы никогда толком не обсуждали личные проблемы, но меня, если честно, достало ходить на цыпочках вокруг тебя. Да и никто вздохнуть нормально не может.

– Так не дышите. Вон, трупам вообще не обязательно. А жизнь, как оказалось, после смерти всё же есть. – Шутки – это хорошо. Почти что показатель, что не сошёл с ума, по крайней мере, не сегодня. – Ничего у меня не случилось, просто устал. Сложно, знаешь ли, быть нарасхват.

– Сложно на потолке спать – одеяло с подушкой падают, а для того, чтобы не хвастаться, стоит просто закрыть рот. – Соловьёв усмехнулся, откидываясь на спинку стула. Он понимал, что за едкими словечками от него пытались скрыть свою подавленность. Каким бы человек ни был сильным морально, всем необходима поддержка. Артём сам вряд ли сможет оказать её нормально. Так, чтобы его поняли, а не окрестили в очередной раз каким-нибудь болваном. – Вижу же, что тебя что-то беспокоит. Ходишь тут, свои недовольные флюиды распространяешь на всех. Работать тяжело.

– Так работа не волк – в лес не убежит, не знал?

– У этой поговорки есть продолжение: потому её, окаянную, делать и надо. В общем, помня о том, что времени у тебя вечно не хватает, я позаботился кое о чём. Точнее, – он задумался, подбирая нужные слова, – не моя вина, что так получилось, но сейчас это как нельзя кстати. К нам несколько дней назад труп привезли. Дознаватели сказали, что нашли его в кабинете. Психологом работал.

– Из-за чего умер? – Влад практически заинтересовался. Артём редко, когда приходил к нему и чего-то хотел.

– Да вроде как один из клиентов страдал агрессией. Сеансы не помогали, вот убийца и решил, что это вина психолога. На приёме прямо и порешал, – пожимание плеч. Как хорошо, что он не пошёл на мозгоправа, – не важно, психолог, психиатр или психотерапевт, – как бы его не уговаривала мама. «Там нет никакой опасности, сидишь, просто разговариваешь с людьми и получаешь за это деньги». Ага, как же. Человек в любом виде представляет опасность, а те, у кого проблемы с психикой – тем более. Пересекаться с ними во любой медицинской плоскости, не считая морга, ему не приглядывалось. Вот, будет

теперь, что маме рассказать в оправдание выбора профессии. – В общем, сам понимаешь, прошло несколько дней, так что «ожить», – он показал кавычки пальцами, – должен очень скоро. Если не сейчас.

– погоди, ты хочешь отправить меня к нему, чтобы я поговорил с призраком, будто нахожусь на сеансе? Я правильно понял? – брови Влада взметнулись вверх. Он, конечно, знал, что в последнее время не был благоухающим цветочком, радующим глаз, но чтоб вот так. Как ему реагировать? Рассмеяться или же стукнуть по чужой голове, чтобы привести в чувства? – Этого психолога убили из-за того, что он не смог помочь, а ты хочешь отправить меня к нему?

– Ну...

– Ты просто хочешь, чтобы я сел точно так же, как и тот мужик. Признайся, ты мне завидуешь, поэтому хочешь устранить, – режим «драма-квин» включился автоматически, в этом весь Гуров Владислав.

– Призраков невозможно убить, идиот. В любом случае, – Артём поднялся, принимая, наконец, свой обыденный вид: профессионально пофигистичный, – моё дело предложить. Мне ты всё равно ничего не расскажешь, даже под воздействием алкоголя, так что выбор за тобой. Труп не заберут какое-то время – разрешение ещё не поступало, так что он лежит в холодильном отсеке.

– Так вот ты зачем меня вчера в бар водил! Поди ещё поддался, чтобы потешить моё эго! Скотина такая.

Соловьёв совсем уж по-детски показал язык и вышел, оставляя Гурова одного. Тот должен самостоятельно принять решение, а затем выставить это так, будто никто ему ничего не советовал. Его великий ум додумался до этого сам – по-другому никак.

Кофе в кружке так и осталось недопитым. Всё-таки дрянь редкостная.

Влад, плюясь и матерясь про себя, остановился возле входа в секционную, где чаще всего вскрытия проводил именно Соловьёв. Он пытался совладать со своим умом, что разделился на две половины. Одна часть твердила, что эта идея – бред собачий, а другая – чем чёрт не шутит? Хуже не станет, верно? Бывает, что самим психологам нужен собственный специалист в

сфере их работы. А базу, какую-никакую, Гуров знал, да и поболтать любил.

Мимо прошёл дедушка лет восьмидесяти, что улыбнулся, снимая импровизированную шляпу – старая привычка ещё с жизни. Вот уж кто точно не переживал по поводу своей кончины. Влад по-доброму усмехнулся и, неуверенно толкнув дверь, вошёл в секционную. «Надеюсь, что мне не придётся искать этого психолога по всему отделению», – он не особо горел желанием бегать, как дурак.

Но ожидания оправдались. По секционной ходил туда-сюда призрак молодой девушки – он отчего-то думал, что это будет мужчина. Как бы то ни было, она не выглядела так, будто ей требовалась чья-то помощь в принятии ситуации. Наверняка при жизни ей делали кучу комплиментов – у нее миловидные очертания лица, длинные волосы, она сама по себе миниатюрная. Такой типаж нравился многим.

Девушка заметила его присутствие, но никак не отреагировала, посчитав, что он её не видит. Нередко, когда мёртвые сами начинали какой-то диалог в попытке разобраться, а тут... Владу даже стало неловко прерывать её раздумье. Она словно смотрела сквозь него, из-за чего появилось неприятное ощущение. Интересно, все призраки чувствовали себя также, если в морг приходили те, кто не мог их видеть? Кашлянув, чтобы она посмотрела прямо на него, а не за его спину, он постарался приветливо улыбнуться, насколько вообще мог себе позволить.

– Эм, здравствуй?

– О, ты видишь меня? – девушка чуть склонила голову.

– Да, я, как и некоторые здесь, могут видеть призраков. – Он сунул руки в карманы халата и подошёл к табуретке – та всегда стояла возле стены. Для него наблюдать за привидениями это обыденность, а вот она никак не отреагировала на его «способность». – Ну, знаешь, это исключительное место...

– Конечно, это же морг, как иначе, – она остановилась напротив него. Её лицо ничего не выражало. – Такие, как я, здесь остаются навсегда?

– Нет, – Влад помотал головой, – когда тела приходят забирать, то и вы исчезаете вместе с ним. Не знаю, что случается дальше. Может быть, вы окончательно уходите на покой, а может, слоняетесь по кладбищу... Мы предпочитаем думать о первом варианте.

– Как я понимаю, меня убил тот, – её губы

поджались, а в бесцветном голосе появилось отвращение, – придурок? Ладно, можешь не отвечать. Помню его перекосившееся лицо, в момент всплеска злости. Так и знала, что надо было отправить его к психотерапевту за транквилизаторами. Ох, говорила мне мама, не лезть в эту профессию.

Владислав рассмеялся. Всегда проще разговаривать с теми, у кого преобладала адекватность в общении, за которую можно зацепиться. Девушка хмыкнула, уселась на пол в позу лотоса и сощурила глаза. Она не вошла в ряд тех, кто тут же просил увидеть собственное тело, если его нигде не было поблизости, и его это обрадовало. Наблюдать искажённые из-за жалости к себе лица – не самая приятная часть в разговоре с привидениями.

– Как тебя зовут?

– Гуров Владислав, я патологоанатом. К вашим услугам.

– Я – Романова Полина. – Она кивнула. – Так и зачем ты пришёл? Вижу, что мнёшься, спросить что-то хочешь. Учти, при жизни мои консультации дорого стоили, но так и быть, тебе, как последнему клиенту, проведу бесплатно. – Она горделиво задрала нос. – Давай, рассказывай, что тебя беспокоит. Сразу предупреждаю: говорить буду как есть, терять-то мне нечего. – Она весьма прямолинейна и проницательна.

Влад вновь не сдержал смешка. Они могли бы подружиться, сложись всё иначе. Что ж, возможно, он теперь немного понимал, как выглядел со стороны Артёма, но это не повод переставать вести себя так, верно? Соловьёва надо держать в узде, он ещё припомнит ему вчерашние поддавки. Поправив маску на носу, – запах в морге давно привычен, однако, по-прежнему отвратителен, – Влад поудобнее устроился на табуретке. Странный получится сеанс.

Из-за долгого сидения в секционной в пазухах носа засел въедливый запах формалина, раздражая, кажется, самую слизистую. Да, к нему привыкаешь, но всё равно бесишься. Ничего лучше не придумав, он достал чистый спирт, что хранился здесь в ящичках стола, и откупорил стеклянную бутылочку. Спирт ненадолго перебивал формалин, и от этого становилось легче.

Их с Полиной продолжительную беседу прервали спустя примерно час, когда обговорить

удалось уже многое. Дверь открылась, а вместе с ней появился Юра, толкающий вперёд каталку, на которой лежал труп парня лет двадцати. Смерть никого не щадила; касаясь усопших, она всегда одинаково изменяла их тела. Этим парнем Гуров не занимался, скорее всего, очередной «клиент» Артёма, именно поэтому его привезли в эту рабочую зону.

Полина же бросила грустный взгляд, никак не комментируя увиденное. Она, наверное, единственная, кто понимал, каково это – погибнуть в молодом возрасте.

Следом за Аксёновым зашла Катенька, что встала у прохода, и с изумлением в глазах уставилась на них. Оно не удивительно. Когда ещё увидишь картину, как патологоанатом сидит на полу в морге, занюхивая спирт и дуя губы, – маску Влад решил снять, – а напротив него также сидит привидение? Оба хлопали глазами, глядя до того невинно, что и сказать-то нечего. Зато Юра, прекрасно видевший, что спирт держали возле носа и только нюхали, не смог-таки промолчать и не пошутить:

– Я предполагал, что патологоанатомы – суровые люди, но, чтобы чистый спирт в горло заливать... Ты его бы хоть разводил, что ли, – он отвёз каталку чуть подальше. О том, что здесь находился кто-то из персонала, Юра не знал. – А то иронично получится – найти мёртвого патанатома в морге. Мы ж твой труп на пожизненное здесь оставим. Вот Артём будет мучиться.

– Скорее, он лопнет от смеха и останется тут вместе с ним. Тогда страдать будем мы все, – Катенька поставила свой чемоданчик рядом с каталкой и поправила шапочку на голове. – А что здесь вообще происходит? Вы чего на полу сидите?

– О, ребята! Групповую терапию не хотите? – Полина с озорством в глазах оглядела каждого и сощурилась. Ей всегда хотелось провести нечто подобное, а тут такие интересные подопытные.

Артём нервно постукивал пальцами по столу в своём кабинете. Прошло несколько часов, как Влад, а вместе с ним и Катенька, засели в секционной и отказывались оттуда выходить. Он несколько раз посылал Аксёнова, – ему самому строго-настрого запретили даже кончик носа там показывать, – чтобы он хотя бы проверял, живы они или нет. А то после его фразы: «Они там спирт нюхают, то плачут, то смеются», – стало

плохо уже ему. Откачивай потом этих обалдуев, что посреди рабочего дня решили устроить себе гуляние на «широкую» ногу. Благо хоть, дел не так много, как обычно. Их начальство бы по головке не погладило за намеренное отлагательство обязанностей.

Ему бы сосредоточиться на работе, документы перебирать там, но нет. Сконцентрироваться не получалось, мысли летали вокруг секционной и творящегося там хаоса. Никак по-другому он сказать не мог. Впрочем, чему удивляться? Странно, как они все тут раньше с ума не сошли. Чудо просто.

В дверь несмело постучали, а затем вошли. Фролова помахала ему рукой и чуть торопливой походкой направилась к столу, возле которого стоял стул. Она наверняка пришла за экспертизой по последнему делу, которую Артём как раз только что закончил. Готовые документы лежали на столе в папочке с нарисованными котиками. Спасибо жене.

– Привет, – Оксана плюхнулась на стул и довольно вытянула гудящие ноги. Она весь день бегала от одного места к другому, и сейчас кабинет судмедэксперта – её последняя точка на сегодня. Смена закончилась и теперь жуть, как хотелось домой. – Как дела? Выглядишь не очень.

– На себя для начала посмотри, – фыркнул. Та и правда выглядела уставшей, впрочем, ничего нового. Она всегда походила на зомби, особенно, когда попадалось сложное дело. Новичкам в расследовании первое время тяжело, пусть и таким грамотным, как Фролова. Образ познавшего все прелести детективного дела дополняли спутанные волосы на голове и синяки под глазами. Она вообще спит? – По последнему делу: всё так, как ты и предполагала. Удар пришёлся на основание затылка, из-за чего мужчина начал падать, и ударился виском об угол стола. В следствии возникла сильная черепно-мозговая травма, сотрясение и кровоизлияние. Били не всей поверхностью сковородки, а бортиками. Её, кстати, нашли?

– Да, выкинули буквально в ближайшие кусты. Видимо, на эмоциях женщина туго сообщала, что орудие убийства надо хорошенько спрятать. – Она вздохнула, потирая переносицу. – Нам же лучше. Кто ж знал, что хранить дома чугунную сковородку так опасно. Как у вас с вашими жителями дела? Вы всё такой же перво-классный отель, а обслуживание выше всяких высших похвал?

Соловьёв закатил глаза. Он не сомневался, что это влияние Владислава – его навыки в юморе

передавались воздушно-капельным путём, от одного к другому. Боязно представить, что будет, когда эти двое сойдутся. В том, что они будут вместе, Артём был уверен. Ещё немного времени, и кто-нибудь из них обязательно откроет глаза, увидев ответную симпатию. Катенька хотела уже кого-нибудь из них подтолкнуть, но он запретил в это лезть, считая, что те сами разберутся. Лучше бы это произошло побыстрее, а то работать невозможно. Влад в открытую не ныл по этому поводу, но зато страдали все остальные. Очевидно же.

Юра вошёл, как к себе домой – без стука. Куда только делся тот смущающийся ребёнок, который когда-то только пришёл к ним работать? Его точно избаловали вниманием. Он кивнул Оксане и, скрестив руки на груди, со смешком произнёс:

– Мне кажется, пора организовывать спасательную операцию. Их теперь четверо и все ноют, что мужики козлы, – Юра откровенно забавлялся. Ещё бы, не ему же это разгребать. – Они так морг затопят, будем на плотях по зданию передвигаться. И давайте умолчим, что за конкретные плоты это будут.

– Как четверо? – Артём схватился за голову. К чёрту, он притащит с собой Оксану, воспользовавшись ею, будто живым щитом, и прекратит этот балаган. Влад уж точно потеряет свой запал. – Надо срочно вмешаться, пока они даже наших «гостей» не напугали.

– Что у вас происходит? Что-то с Владом? – Оксана нахмурилась, забеспокоившись. Естественно, о ком ещё она могла спросить?

– Ничего такого, – Юра усмехнулся, – просто Влад и Катя сидят в секционной уже часов пять, – это он преувеличил, конечно, – и нюхают спирт. Они называют это «психологический сеанс». Прикольная терапия, да?

Артём одновременно с Оксаной тяжело вздохнули, практически сразу поднимаясь со своих мест.

Влад по-прежнему сидел на полу и поглаживал по коленке Катю, что устроилась на табуретке рядом. Мда, скажи им кто, что они будут едва ли не реветь в три ручья – не поверили бы. У каждого из них, – как у него с Катей, так и у Полины с Максимом, – накопилось много всего в душе. Сначала они втроём около часа успокаивали появившегося призрака Максима,

что погиб в аварии, а затем перешли на тему любви. Как это случилось – они сами не поняли. Гуров в данном вопросе разошёлся: теперь каждый присутствующий знал, какие очаровательные у Оксаны ямочки, приятный смех и умный, нет, просто восхитительный мозг. Хотя в последнем он начал самую малость сомневаться.

Катя, поднеся горлышко бутылки со спиртом к носу, чуть сморщилась. Чем чаще они с Владом это делали, тем больше напоминали токсикоманов. Периодически заходящий к ним Юра мотал головой из стороны в сторону, вставлял своих пять копеек и уходил – небось, докладывать об их состоянии Артёму. У них образовался клуб с простецким лозунгом: «Все мужики козлы!». Влад поддерживал за компанию, Катя ругалась на своего мужа, в очередной раз словесно опростоволосившегося дома, а Полина – на бывшего парня. Макс не остался в стороне, браня на чём свет стоит того водителя, что его сбил. Компашка, конечно, собралась убойная.

– Вам бы, к живому специалисту сходить, что ли, – Романова хихикнула и вытерла щёки, как если бы всё ещё умела плакать, – а то общение с мёртвыми ничего хорошего вам не принесёт.

«Как хорошо, что они не просвечивают нас сквозь, а то было бы реально стрёмно», – Влад в задумчивости прикусил губу, отбирая у Катеньки спирт уже больше по привычке, нежели из необходимости. Вообще, когда он увидел призрака впервые, то опешил. Через них невозможно разглядеть предметы, как обычно показывали в кино, но они проходили сквозь стены и ничего не могли взять в руки; кожа чистая и бледная, наверное, тонкая, впрочем, вены не просвечивали. Единственное, чего они могли касаться и поправлять, так это самих себя. Живые же люди чувствовали мурашки и холод от их прикосновений. Вокруг приведенных виднелось лёгкое свечение, из-за чего рассмотреть их в темноте было достаточно легко.

Гуров как-то до вскрика напугался беззубой бабуленты, что бродила по коридору, где перегорели лампочки из-за электрического скачка, и спрашивала дорогу до терапевта. На выручку пришёл, как ни странно, Юра, который смог его успокоить и вежливо разъяснить даме – к терапевту ей теперь без надобности. Только если в загробном мире у неё заболят косточки. В таком случае, извольте обратиться по новому месту жительства, вам обязательно помогут.

Тем временем, Максим смял край футболки, в которой он был в момент столкновения с машиной, и робко спросил:

– Господа и дамы, я тут как бы лежу перед вами, эм, разлагаюсь, возможно, воняю. Вам нормально?

– Пфф, – Влад усмехнулся, – нашёл проблему.

– Вот именно, к этому привыкаешь, – Катя пожалала плечами. Действительно, они настолько научились не замечать этого «чудесного» вида покрытых трупными пятнами тел, что их уже ничего не пугало. Да и мертвеца они видели не первый и далеко даже не последний раз. Чего такого-то?

– Может, с этим надо что-то сделать? А то смотреть на себя мёртвого как-то... – Макс скривился. Смириться с собственной кончиной сложно, и это нормально, осуждать тут нечего. – Я умер несколько дней назад же, верно? Если моё тело вновь вытащили, то скоро родственники меня заберут, да? Так что...

– Не ссы в трусы, всё равно не согреешься, – Катя хлопнула в ладоши, поднимаясь, – успею я тебя в нормальный вид привести, будешь как новенький. – Она подошла к столу и, подняв с пола чемодан с танатокосметикой, посмотрела прямо на него. – Я из тебя такую конфетку сделаю – будешь ещё красивее, чем при жизни.

– А вот сейчас обидно было.

Полина громко засмеялась, поглядывая на насупившегося коллегу по «несчастью», и Влад отчётливо уловил от их танатопрактика общую атмосферу с Артёмом. Как там говорится? «Муж и жена – одна сатана»? Тут, конечно, ещё вопрос, кто из них больший сатана, но сути дело не меняло. Катенька всегда была с лёгкой перчинкой в характере, а с появлением Артёма в её жизни, стала эту черту только больше раскрывать. Их дьяволёнок не носила Прада, впрочем, лучше от этого не становилось.

Влад поднялся с пола, хрустя косточками, – он сейчас далеко не в том возрасте, когда подобное организм смог бы проигнорировать, – и направился к выходу. Всё-таки они просидели здесь несколько часов, оттого захотелось пройтись. Чай попить там, отогреть руки, проверить амбулаторные карты и дела, по которым ему необходимо составить отчёт. Он бы закончил с этим давно и занялся чем-то другим, более полезным, хотя сегодняшняя компания и смена привычного ритма его ничуть не расстроила. Гуров окончательно убедился, что ему необхо-

дим отпуск, да и появился определённый настрой на «кое-что».

Это «кое-что» неожиданно замерло на пороге, когда он открыл дверь. К нему в ноги на колени упал Артём, не ожидавший, что ту резко откroют, а Оксана неловко переминалась с пятки на пятку и смущённо улыбалась. Их маленькую шалость раскрыли. Чуть поодаль стоял Юра, не выдержавший столь дурацкого поворота событий, поэтому по коридорчику перед секционной прозвучал громкий смех. Позади раздался возмущённый возглас Кати: «Вы что, нас подслушивали?! Уже и посплетничать нельзя!», на что её муж тут же принялся оправдываться. Владислав не придал этому никакого значения, смотря только на одного из виновников.

Фролова точно также не сводила с него глаз.

На правое плечо Влада легла рука Полины, молча подталкивающая его к действиям. «Лучше умереть без сожалений, чем с ними. Я знаю, о чём говорю», – ощущалось так явно, из-за чего пришло осознание: сейчас или никогда. Самый подходящий момент, для того чтобы притянуть к себе за воротник белой рубашки и впиться в желанные губы – лучше просто не придумаешь. Послышались удивлённые вдохи. Всё нутро Влада взволновалось от того, как ему начали незамедлительно и трепетно отвечать. Оксана нащупала его руку и перехватила, осторожно переплетая пальцы.

Этот поцелуй говорил больше, чем произнесённые вслух слова – в нём таились симпатия и нежность. Шквал эмоций, поднимающийся изнутри, побуждал промычать от удовольствия. Губы Оксаны на самом деле мягкие, немного обветренные; чувствовался вкус химозной помады, но это не страшно.

– Может вы, ё-мае, перестанете целоваться надо мной и уделите больше внимания тому, как компрометирующее это смотрится? – Артём, продолжая стоять на коленях перед Владом, возмущённо забормотал. Его лицо находилось на уровне чужой ширинки, из-за чего он очевидно покраснел. – Я за вас рад, и всё-такое, но... Над нами уже призраки ржут!

– Соловьёв, мать твою, Артём! Я прибью тебя дома, клянусь! Такой романтичный момент портишь!

Их отделение и в самом деле самое особенное.

Как быть, если мир переворачивается вверх дном, земля и небо меняются местами, а вместо фениксов и драконов в облаках – простираются до горизонта творения рук человеческих?

Писать, только писать. И, тогда, возможно, в этом мире возродится

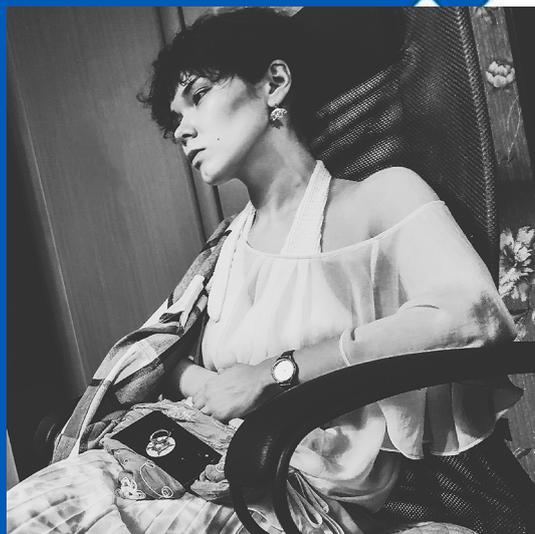
хотя бы один феникс,

хотя бы

один

дракон.

Эмма Новак

**Эмма
Новак**

г. Нижневартовск

Последние сто веков...

МЫ ПАДАЕМ. НО, ПАДАЯ, ЛЕТИМ

Застынет, брошен, камень у виска.
Протяжный крик, и – кубарем со скал,
С обрыва – в торопливом беспорядке!
Небрежно, не стыдясь святых седин,
Дай лапу мне, мой древний исполин,
Вцепись, пророк, своей орланьей хваткой!

Так хрупок мир, так скалится чума..!
Но когти крепки. Морока туман
Обветренные пальцы не расцепит.
Пусть льдом вершин иное крошит сны:
Мой верный брат! До боли мне нужны
Твои пожары, церкви и вертепы.

Мольбы к тебе до ужаса просты:
Не дай остыть, – шепчу, – не дай остыть,
Хватаю твой рассвет – неловко, рвано!
Мне так нужна твоя лихая хтонь!
Не отпускай. Пусть гневно жжёт ладонь
Дыхание седого океана!

Безмолвно до трёхсот взлетает пульс.
Азарт и волю пробуя на вкус,
Колотится под рёбрами живое,
И только ты – константа из констант.
С полярным ветром твой совьётся стан,
Держись же, белогривый буйный воин!

Ни капли страха в ворохе тепла,
До дрожи в пальцах сталь спаялась лап,
Свистят миры в безумном пьяном смерче!
Глаза в глаза, приятель. Грудь – к груди.

Так краток миг.

Так долог миг.

Так вечен..!

Мы падаем. Но, падая – летим.

ЗНАЕШЬ, СОЛНЦЕ

Знаешь, Солнце...

Всё вышло не так, как писали в сказках.
Мы почти потерялись в пути. Мы почти погасли.

Всё куда-то летит кувырком, клопоча бессвязно,
Мир от холода пьян. В нём темно. Не видать ни зги.

А тебе где-то семьдесят пять, или годом больше.
Ты увидел что мог и, наверное, славно пожил.
Мне твердят, что тебя больше нет. Только быть не
может –
Я по-прежнему слышу на Бронной твои шаги.

Мне по-прежнему двадцать. Висит за спиной гитара,
Разноцветной тесёмкой рюкзак перевязан старый,
На запястьях браслеты, горсть мелочи в портсигаре,
В разнотравье кудрей затерялась морская соль,

Я всё так же брожу по проспектам, штурмую скалы –
Бесполезно. Бесцельно.
Мучительно жду сигнала.
Мир сломался.
А если и правда тебя не стало,
Представляю – глядящий с небес, ты, должно быть, зол.

Без тебя догорели костры. Ответшали стены.
Отгремели концерты. Погасла пустая сцена.
По асфальту пыля, в толщи хроник ушла Система –
Незаметно. Бесшумно.

Бездушным стальным крюком

На утёсы отвесные мир выправляет курс, а
Мне нужны твои песни, нужны до потери пульса,
До безумства, до ужаса! Слышишь?.. Не дай проснуться,
Задохнуться в воронке регалий и пиджаков.

В бездну делая шаг, продолжаю дышать (а надо?).
Мир свихнулся, вскипел, свирепеет его громада,
Беспокойный циклон настигает, идёт в кильватер,
Мне немного бы сил – оторваться, запутать след...

Может, кто и дождётся.
А мрак подползает ближе,
Проникает в фундамент высоток, в стропила хижин...

Возвращайся же, Солнце.

Я знаю, что ты не выжил.
Но отчаянно верю
В последнюю
Из легенд.

ДЕВЧОНКА ВСТАЁТ ИЗ ЗОЛЫ

Пострадавшей от пожаров Калифорнии.

Девчонка встаёт из золы,
Из ста виражей вороньих.
Во взгляде плещется сталь,
А в ломких её ладонях
Крики, дым
И немного морской воды.

Девчонка встаёт из золы,
Из пепельной колыбели.
Такой несгибаемой грацией скоя'таэльей
Подёрнуты плечи и призрачный хрупкий стан.
И мороком вяжет, и шепчет во тьму неустанно,
Но тьма наступает, и зла она, и коварна.

Девчонка встаёт из золы –
Последний искусный ватт'герн,

И окрик звучит суровой,
И больше желает знать
Девочка Севера, девочка Старшей Крови,
Девочка-Будто-бы-Сотканная-Из-Сна.

Вскачь – Дикая Гон по оврагам, хватает цепко!

Девочка
Всадников
Жалит
Калёной
Цепью,

Рвано,
Наотмашь,
Бесстрашно, неудержимо!
Духи всего лишь,
Но сколько же их, скажи мне, дышит в висок?..

Обжигают стальные звенья.

Девчонка встаёт из золы –
Дитя белогривой тени,

И небо дрожит, и стены,
И снова звенит в строю
Львёнок-Из-Цинтры, Наездница-На-Вивернах,
Девочка-Словно-Одетая-В-Чешую.

Слышишь? Поют миры,
Гром сотрясает карту,
Шторм берега накрыл стягами Нильфгаарда,

Стрелы его светлы, зов его громче и ближе, и
Девчонка встаёт из золы.

Она
Однозначно
Выживет.

НАЧИНАЮЩИЙ

Над мехами колдую ночами в кузнечной келье,
Поколений черёд не выискивая в толпе,
Он веками
Ковал
Золотую
Броню
Для эльфов –
Легче ветра, оскала воинственной был доспех,
Как влитые – подогнаны наручи под запястья,
Ювелирный шелом Детям Вереска мил и люб.

Говорили о нём: «Начинающий юный мастер,
Возмужает чуть-чуть – и представится королю»,
«Как нормальный – займётся дубинами да ножами»,
«Вступит в гильдию, станет для стражи мечи
ковать...», –

Рассуждали о Мастере пьяные горожане,
Распустив до колен обветшалые рукава,
На эльфийскую вязь на кирасах совсем не глядя,
Баловством проходящим считая да пустяком...

Золотую
Броню
Выколдовывал
Древний Мастер –

«начинающий, юный» –

Последние
Сто
Веков.

ПАМЯТИ СЕВЕРУСА СНЕЙПА

Только глупые сказки кончаются хэппи-эндом.

Словно тлея на паузе маггловской киноленты,
В двух шагах от судьбы, от решающего момента,
Всё утратило смысл, всё утратило цвет,
и впредь –

В невозможном бреду, в полумраке вражды и мора,
Сев, я больше не жду – ни тебя, ни Того, Который...
Мне бы только склониться – и будет окончен спор, и
Унаследует мир Тот-Который-Обставил-Смерть.

ИСПОВЕДЬ

Я – ничто без тебя,
слышишь?
Мальчик, Который Выжил,
Или Избранный, или – Безумец, кому что ближе...
Я бы стёр эти титулы! К чёрту! Расплавить, выжечь –
Все они неважны, если в тонкой усмешке рот

не замрёт, искривясь, сардонической тлея властью –
Неважны, если ты их не высмеял, мрачный Мастер!
Если горло не сдавит сухой алебастр запястий,
Не коснётся ключицы звенящее остриё!

Чем я жил?
Откровения.
Пытки.
Дары.
Крестражи.
Я безумен. Я болен. Что, если, к примеру скажем,
Мне недолго осталось? Что, если мой путь неважен?..
Пять минут – и узнаю, уверую. А пока –

Мир, расколотый надвое, сладок ещё и звучен.

Я, не слыша реальности, болью себя измучив,
Закрываю глаза, и – изящные по-паучьи –
Тонкокостные пальцы касаются языка.

Оперение феникса пляшет в сумбуре вальса!
На колени, герой – отрекись от себя, сломайся!
Ни к чему подкреплению Мальчик, Который

Сдался...

Я устал.

А Палач,
остывающим воском рук,

завершая полёт, наотлёт вынимает шпагу.

Я же – Мальчик, Который Умрёт. И назад – ни шага.
Вздых – отчаянный, рваный – и

Северус, дай мне знак, а
Если нет – слышишь? –

Зов

Превращается

В ультразвук.

Я устал.

Устал от бесконечных просьб, бесконечных жалоб.
Моих детей бесчисленно много. Мои дети заполнили
мир...

Всякий раз, обращаясь вепрем в лесу на краю земли
– я слышу их голоса. Всякий раз, удаляясь в глубины
космоса – я слышу их голоса. Эти крики прорастают
в моей душе, сливаются в нестройный мощный хор,
в единый гул, пронизывающий вселенные.

И мне хочется кричать. До хрипоты, до слепоты, но
безумия.

Мне хочется бежать прочь: я ненавижу их – алчных,
жестоких. Порочных.
И каждый раз, слыша особенно отчаянный вопль, я
думаю: может быть, это Я заронил в них семя поро-
ка? Может быть, это Я создал каждую из преступных,
испорченных мыслей?

Горе мне, горе – Отцу, чей замысел о детях свёлся
к грязной подворотне, где одно благословенное моё
дитя тащит на цепи другое благословенное дитя моё,
чтобы истязать его, надругаться над ним: самозаб-
венно, безнаказанно. Чтобы сотворить с ним невыс-
лимое.

Горе мне – Отцу мертвецов, угасших, пустых, хозяев
плоти, но не духа.

Я не справился. Я проиграл.

Ты спросишь меня, почему я не сжалюсь, не отвечу,
не дарую им спасение?..

Потому что Я – не есть Бог мёртвых, но Бог живых.

МОЕМУ ДОМУ

Вместо вечной души – смотри:
Твой закатный огонь горит.
Ты до одури нужен мне,
Чёрт тебя побери,
Безграничный, седой, совершенно-неидеальный,
Мне нужны твои руки, сплетения ярких вен!

Я хочу окунуться в твою ледяную тень –
Да, так глупо, беспечно,
По-человечьи банально –
Ты мне нужен.

Твой воздух
живёт у меня внутри.

Мне плевать на твоё побережье,
На центра риф,
Мне плевать на музей – разумеется, в переносном,
Не важны твои пальмы,
Холмы и Аллея звёзд.

Мне бы трогать губами
Соцветья твоих волос,
Мне бы гладить брусчатку забытого всеми дома,
Санта-Моники пирс –
Предвечерний и невесомый.

Мне бы слушать тебя – бесконечно.
Шепча бессвязно:

«Ты дождись меня, ладно?»

Я
Без тебя
Погасну».

РЫЖАЯ ЛИЛИ

Рыжая Лили прядёт и сжигает дни.

Зная напевы Древних, что лес хранит,
Ли приручила бы Зверя,
но им не верит.
Дом её шорохов полон, совиных перьев,
трав и свечей,
палых листьев и бурых мхов.
Солью и ладаном, воском и молоком
Ли по ночам запирает в Иное двери,

чтобы не смели стрелы во тьме мерцать.

Нет у неё ни матери, ни отца,
нет ни родной земли,
ни сестры, ни брата.
Прошлой зимой за змея овинник сватал,
да не пошла:
мол, очи его пусты.
«Сердцу горячему хлад чешуи постыл», –
шепчет колдунья,
ловя витражи заката,

травы лесные вплетая в полотна дней.

Сны её пламени ярче,
и в каждом сне
бледные руки звериным теплом согреты.
Снятся сплетенья полыни и бересклета,
высверк клинка и легенды чужих богов,
волны и скалы,

костры и медвежий рёв,
тёплый тумана мёд в молоке рассвета.

Снится и снится Иное, и тяжёлый сон.

Допьяна страх напоив ледяной росой,
ведьма устанет бояться межмирья сечи.

Тающий вечер оплавит узор оплечий,
древнее солнце
напевом
оденет в дым.

Поступь неспешную слушая лап седых,
Ли улыбнётся.

И сделает шаг навстречу.

ПРИЗНАНИЕ

я человек
который чей-то фанат
который делает вид, что это совсем не так
это большая тайна ...

... Я – человек, который в плавающем кармане старый хранит автограф, в брошенном беглом вздоре видит преддверье рая, я – человек, который тлеет, но не сгорает, строя для книг опоры, своды музейных комнат: я – человек, который мог бы их все заполнить флагами и значками – кавалеристам впору. Мне бы умерить пламя: я – человек, который чувствуя правду кожей, лжёт добровольно зверю: нужно сродниться с ложью, чтобы в неё поверить, слиться надёжно, прочно, свиться ветвями с ночью мира, в котором точно будет не как ты хочешь, где вычисляют пульсом правильность траекторий:
если ты в нём проснулся –

ты человек, который

верит и отрицает, зная и лицемеря, больше всего желая, больше всего не смея с тем, кто пророс корнями в самую сердцевину – оловом быть, титаном, сплавленным воедино..!

кто он? пустынный шорох
коды слепая нота

я человек, который
просто
влюблён
в кого-то.

**Елена Николаевна
Архипова-Поддубная**
Московская обл.

Пишу... Давно пишу, с тех самых пор, как разрешили. После школьных сочинений, думала, не дано. Секрет открыл мне Юлий Кун, внук того самого Николая Альбертовича Куна который перевёл «Мифы древней Греции». Обучающий курс для журналистов телекомпании «Ракурс» в Покахах организовала наша Людмила Иосифовна Москаленко, главный редактор.

Московский гость приехал в красивом костюме и пил апельсиновый сок. Мы ездили по месторождениям и согревались чаем. Он смотрел наши репортажи и смеялся, но по-доброму. Общались недели две. Многому научились, но одна фраза, сказанная московским преподавателем-документалистом, развязала мне язык навсегда.

– Пиши так, как рассказываешь своей лучшей подруге.

Потом ещё сказал: «Всё ты видишь правильно...». После этого прошло ещё несколько лет и меня перевели из журналистов в профсоюз, считай, на производство. Вот тут-то я и заголосила, запричитала... Сначала писала в стол, потом спряталась за девичьей фамилией Архипова. Писала зло и боялась, что кто-нибудь узнает себя в моих строчках. Узнавали... Но не себя, а друг друга. С тех пор прошло 20 лет, кажется научилась быть добрее.. Пишу... Часто с ошибками... Не писать уже не могу.

Елена Архипова-Поддубная

Московская синица

САША ПУШКИН ПРОСИТ НЯНЮ...

Ночь сошла на землю рано,
 За окошком ни души.
 Саша Пушкин просит няню:
 – Ты мне сказку расскажи...
 Погуляй со мной на воле,
 Где жар-птица солнце пьёт,
 Из лазурной глади моря
 Витязь на берег идёт.
 Где девицы Красну горку
 Собирают в хоровод,
 Где не пьёт из чаши горькой
 Русский люд... святой народ.
 – Няня, что тебе приснилось?
 Кто являлся на порог?
 – Саша, Саша...
 я молилась,
 Чтобы Бог тебя сберёт.

Облака станут стройными, лёгкими.
 Господа побегут за обновками,
 А старушки чинить кружева.
 И вдруг станет немного неловко,
 Что как злая, скупая торговка,
 Я весну так неверно ждала...

Если слова доставать из сердца,
 В нём остаются раны.
 И хороши ли в бою все средства,
 Даже в бою неравном.
 Я у природы учусь терпению,
 Но только попытки плохи...
 Не человечество, а население
 Мы для своей эпохи.

На фоне отраслевых суперменов
 не нашего века,

Сложенного по принципу домино,
 Лицо обыкновенного человека –
 живописное полотно.

За час созерцания в подземном свете –
 скупая награда –
 Щуплый мальчишка с букетом
 ... Смущается взглядов.

Не туча упругих мышц
 и выпуклых точек,
 А вполне живой паренёк
 среди многих прочих.
 Исключение не из правил,
 из поколений!
 Настоящий! Вот он, герой нашего времени.

А вот ещё одна – с чемоданом.
 До чего интересная!
 Второе пришествие в столицу
 Софьи Ковалевской!
 Уверенно смотрит вперёд, не в пустоту,
 Она на сто баллов вчера написала литру.

Из Пензы, Тамбова, или самой Сибири –
 Она не знает другой, не своей религии.
 И ей нет дела до ваших машин и квартир,
 Она приехала перевернуть мир.

И дай Бог ей не превратиться
 в диковинную толпу,
 Остаться носителем идей, а не только тату.
 В России, повсеместно прирастающей
 брэндом и кассовым чеком,
 Бывают счастливые случаи...
 встреч с человеком!

День чуть ступил босиком за ворота,
 Ночь уж сидит по соседству.
 Нет в расписании того самолёта,
 Чтобы вернуться в детство.

Там, где песок нам горячее море,
 А огурцы словно мёд,

Где в хулиганском вечернем дозоре
Чёс огородов идёт.

Солнце опалит отросшую чёлку
И протрубит отбой...
Здесь все дороги бегут по посёлку
Только к тебе домой.

ЭМИГРАНТСКОЕ СИРОТСТВО

А солдату, как огурчику
Сапогом в строю блеснуть,
А усатому поручику
О России с грустью петь.
Выйдет батюшка с кадилом,
Что из наших из окрест,
Эмигрантская могила
Под тяжёлый русский крест.
Бесприютное сиротство –
Пристань белым кораблям,
Не простила благородства
Вам приёмная земля.
А солдат остался дома
Хлеб растить и воевать,
Да в суровой русской жизни
Правду, Бога ли искать.

В Москве называют предзимьем
Безлиственный этот покой.
Лишь гроздьями алой рябины
Встревожится сумрак ночной.

Хоть убрана хата по-женски,
Хозяйка, надумав белить,
Снимает с окон занавески,
Чтоб трубам всю зиму курить.

Но тщетно мешает белила
Она в эти серые сны,
На полог пролили чернила...
И долго ещё до зимы.

Москва пылает клёнами,
Москве не привыкать,

В борьбе с Наполеонами
Дотла себя сжигать.
И позолота тленная
С осенних куполов
Летит на землю брENNую
Под звон колоколов.
А что там в ботаническом?
Желтеет старый дуб,
Казна его величества
Озолотилась вдруг.
Осеннее затмение –
Улавливает слух,
Как Пушкинского гения
Витают светлый дух...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Октябрьской ночью на четверг,
Мы оба с неба прилетели.
Он – первый на голову снег,
А я – хозяйка канители.
Буравя носом облака,
Разливы световых озёр
Мы обгоняли ночь пока,
А он уже по свету шёл.
При входе в нижний эшелон
Неравнодушный человек
Растормошил немой салон,
Воскликнув:
– Люди, первый снег!

ШАБОЛОВКА

В глубине ветвистого тоннеля
Профиль удлинённого окна,
Абажур из кинолент Данелия,
И такая снежная зима.
Медленно вращая зимний глобус,
До конечной остановки «май»
По проспектам ездит электробус,
С Шаболовки – голубой трамвай.
Пять минут стою на остановке,
Прячусь с головой в своё пальто.
Рядом дядя Стёпа Михалковский
И девчонка из стихов Барто.
В этих тихих, стареньких районах,
Что хранят иной эпохи свет,
Средь пятиэтажек убелённых
Я опять советский человек.

Тот день был сплошным ненастьем.
Облезлый декабрь без пуха.
– Ходить по Земле – это счастье,
Сказала одна старуха.
Решила помочь бедняге:
– Давайте мне Ваши сумки...
Исполненная отваги,
Она отстранила руки.
Вглядевшись в лицо чужое:
– Простите, что напугала,
Сама не ношу тяжёлое,
Наверное, старой стала.
– А сколько тебе, голуба?
– Уже пятьдесят, – шепнула...
Нечаянная подруга
Только руками всплеснула.
– Нашлась, тоже мне, пожилая.
Вот мне – без двух девяносто!
Я много о возрасте знаю...
Поправила белые волосы.
– А шестьдесят, когда стало
Вышла в пенсионеры.
От времени не отстала,
А подалась в курьеры.
Ещё старички кадрили,
Один такооой элегантней...
Да это я так, для примера,
Свой-то!!! Какой был славный...

Так что, живи без оглядки!
Для близких живи, для дела.
Всё у тебя в порядке...
– Ну, что? Я тогда полетела?!

НУ, ВОТ И СНЕГ...

Ну, вот и снег лег понемногу,
Москва невестой перед Богом
Предстала только в январе –
Снег падал тихо, на заре.
И всё, что было серо, грубо,
Теперь по сердцу – мило, любо.
Белён на крыше каждый холст,
Так гениально чист и прост.
А колоколенки и башни,
В чепцах да шубах, словно барышни,
К причастью выстроились в ряд,
Без дела птицы не галдят,

Им под покровом сладко спится...
Поёт московская синица!..

Москва купается в тумане,
Деревья прячет и траву...
Она устала, между нами,
Стоять у мира на виду.
Исчезла вся из поля зрения –
Мы очутились в белой мгле...
Ей тоже надо, хоть мгновение,
Побыть с собой наедине.
Москву веками покоряют,
В аренду срочную берут,
Дурную славу умножают,
А покупая, продают.
В её душе прообраз древний,
Иная русская судьба –
Москва... она ж была деревней
И речка чистою была.
Москва, мы кто перед тобою?
Святое имя теребя...
О сохранении покоя,
Кто б помолился за тебя.

Оттого ли, что трудно спастись в миру,
Оттого ли, что всяк к своему двору.
Оттого ли, что слёзы души тихи...
Бог доверил и мне сочинять стихи.
Вне земных часов, вопреки законам
Я вхожу в небесные эшелоны,
В них душа – хозяйка, а мысль – река,
В дар даётся только одна строка.
С нею день, как тень
И в ночи не спится,
Эта строчка мне, как перо жар-птицы.

На моих устах залегла печать,
Я пишу, когда не могу молчать.
Хоть героя взять, взять хоть среднего,
Время выжмет всех, до последнего.

**Вадим Дмитриевич
Речкин**

**с. Сингапай,
Нефтеюганский р-н, Югра**

Часто думаю о страстях, что обуревают меня всю жизнь. Первая страсть – это охота. Охота с собаками и просто охотничьи собаки – лайки. Сколько себя помню, то у нас всегда были охотничьи собаки. Не всегда породные, не всегда лайки, но были. Позже, уже в Нефтеюганске, отслужив на флоте, я завел себе первую породную и породистую лайку, познакомился с замечательными людьми – охотниками и лаечниками. Они и помогли мне узнать азы собаководства, основы охоты с лайкой, дали первого щенка.

Прошло свыше сорока лет, а эта страсть к лайкам не утихает во мне. Я также восхищаюсь красотой, грациозностью и рабочими качествами моих замечательных друзей – лаек. Меня волнуют и вечерняя зорька с первой уткой, и новый щенок, выросший в серьёзного помощника. Хотя стаж охотничий и профессиональный почти в пятьдесят лет. А стаж эксперта-кинолога – сорок. Не набилась оскомины за эти годы.

Вторая страсть тоже родом из детства. Тоже из Ханты-Мансийска. Это страсть к книгам.

Страсть к настоящему, живому, русскому слову. Сначала просто читал. Отлично помню свою первую книгу, взятую в библиотеке. Потом сам писать начал. Помню и первые стихи, написанные для школьной стенгазеты, первый мой поход в Лито «Кедр» со своими стихами, первый семинар в Ханты-Мансийске в 1982 году. Был большой перерыв в публикациях, перерыв, почти в сорок лет. Сейчас страсть, к слову, слову высказанному мной, горит по-прежнему. Не могут её заглушить комплексы возраста и страх перед чистым листом. Пишу, стараясь не делать юношеских ошибок. Пишу пока только стихи, но всё больше и больше задумываюсь о прозе.

Вадим Речкин

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Мир изменился
 И к утру
 Стал тихим
 И нарядно-белым.
 Затеял, видимо, игру
 На небесах,
 С волшебным мелом.
 И только лишь полоска рва
 За дальним полем всё чернела,
 А зелень сосен и трава –
 Всё, как обсыпанное мелом.
 А на реке,
 Средь сизых льдин,
 Столпотворения и хлама
 Летает снег,
 Совсем один,
 Как мальчик
 Потерявший маму.
 И невдомёк ему сейчас,
 Один шалит,
 Озорничает.
 Давно ушла его зима,
 А он, шутя, весну встречает.

НОВИЧОК

Мы сразу и не приняли
 задумчивого, странного,
 Худого, малосильного
 Поклонника Кирсанова.
 Мы были дети улицы
 Обычными мальчишками.
 А он ходил, сутулился
 С Кирсановым под мышкою.
 Той пыльной долгой осенью
 Гуляли мы ватагою.
 Деревья листья сбросили,
 А кровь бурлила брагою.
 Он не дружил из принципа
 Со школьными порядками
 Всегда уныл, а искренен
 Наедине с тетрадкой,
 – Ну вот. Прочти, пожалуйста!
 Просил меня украдкой.
 А жизнь – забава сложная,
 С порогами и рифмами.
 Мы ждали невозможного,
 Болея вместе рифмами.

Торя тропинку трудную
 В лесу родной словесности.
 Но лишь бы не занудное,
 Пускай и в безызвестности.
 Наивные и строгие
 Романтики, мечтатели
 Мы шли вперёд дорогою
 Поэта и старателя.
 И плавя сплавы сложные
 В огне своей души.
 Нет в мире невозможного,
 Гори, мечтай, пиши.

 И вот, однажды летом,
 Идя в знакомый дом,
 Хотел застать поэта
 За праведным трудом.
 А там у чёрной чурки
 Во тьме, в углу двора,
 Сутулая фигурка
 И стук от топора.
 По сторонам не глядя,
 Бессвязное мыча,
 Поэт
 Рубил тетради
 Размашисто,
 С плеча.
 И белою метелью
 Под взмах его руки
 Испуганно летели
 Поэзии клочки.
 Возможно, их пугала
 Стихийной силы власть,
 Внезапного пожара
 Разверзнутая пасть.
 В коробке чёрной стали
 Горят его стихи.
 – Всё кончено. Достали
 Заумные смешки.
 Какие, к чёрту, ценности,
 Коль публикаций нет.
 Я подчиняюсь серости.
 Я умер как поэт.
 Он в яростном отчаянье,
 Собрав остаток сил,
 Холодной горькой чаркой
 Себя
 в себе
 убил.
 А после, словно ластиком,
 Окончив долгий спор,

С такой же пьяной яростью
Себя,
как строчку стёр.
Жизнь, всё же – штука разная
То каюсь, то грешу.
Но томик тот – Кирсанова
С собой теперь ношу.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ДЕРЕВЕНСКОГО
ПОГОСТА

Всё увлекательно в мире и просто.
Просто, как небо над этим погостом,
Небо бездонное,
Жаркое солнце июля,
Шмель, торопящийся в даль,
Пролетевший как пуля,
Рыжие сосны, тропинка, кресты,
Жаворонок
Что-то звенит с высоты,
Тополь могучий, кудлатый и древний,
Вместе с погостом, июлем, деревней.
Батюшка в рясе, идущий из храма,
Ровные строчки дорог пробегающих прямо.
Узкая, между могил петляет тропинка –
Всё узнаваемо, близко, как эта картинка.
Грубая, в сонмище трещин кора, как короста...
Разве нам важно какого покойник был роста?
Был он медлителен,
Или стремителен был он в движениях,
Мирным и тихим,
Иль в вечных сражениях?
Крест деревянный
Иль памятник в бронзе стоит на могиле?
Важно,
Что помнят его, не забыли.
Важно,
Что ходят к нему посидеть, помолчать,
не за стопкой.
Ходят знакомой, родной, не линованной
тропкой.
Важно – лишь память души и слеза...
Вот приближается в небе гроза...
Прост этот мир, осязаем до дрожи.
Прост он божественно
И исключительно сложен.

Стар он и молод,
Цветёт, как невеста.
Всё уместается в нём и достаточно места.
Место есть всем –
И живущим, и жившим,
Место растущим, плывущим, кружившим,
Славящим Бога
И жизнь отдающим безбожью,
Вечно спешащим
И строящим путь в бездорожье,
Место живущим,
Пусть разного возраста, роста,
Всем нам идущим
Тропинкой своей до погоста.

В ДОРОГЕ

Снова степь и ветер.
Долгая дорога.
За дорогой роща – мутная стена.
Всё стучат колеса.
Еду всё и еду.
Господи,
Какая, долгая страна.
Здесь не важно время,
Век какой, правитель,
Вождь какой над нами – Брежнев или Мамай
Скоро землю вспашут, ляжет в пашню семя.
Будет всем работа. Будет урожай.
Все неприхотливы, словно доживают,
Словно тоже видят жизнь, как из окна.
Выслушают молча. Скажут, мол – Бывает.
И не шелохнётся серая стена.
Где ты край таёжный,
Там, где воздух свежий?
Я в степи безбрежной, право, задохнусь.
Поезд закачает. Я поеду прежний.
И со мной поедут и тоска, и грусть.
Ветер. Степь. Берёзы.
За селом два стога.
За стеклом – Россия. Каждому своя.
Еду всё и еду. Еду понемногу.
Долгая дорога,
Родина моя.

Плезом

к шлезу

(О литераторах
и их творчестве)

**Виктор Николаевич
Козлов**

1937 – 2017

**Виктор Николаевич
Козлов с автором статьи
на встрече в Мегионе
в 2015 г.**

Сергей Луцкий

Ипостаси Виктора Козлова

1.

Непростое это дело, вести «Литературную страницу» в районной газете.

Хочется, чтобы каждая получалась яркой, профессиональной, да вот незадача: где взять произведения, которые отвечали бы таким запросам?.. Читатели «районки», они же пишущие в неё, – люди, в основном, трудовые, озабоченные не столько высокими материями, сколько нуждами повседневной жизни и добыванием хлеба насущного.

Нельзя сказать, что они абсолютно чужды литературным интересам, особенно молодёжь. Но желание сочинять у них часто не подкреплено способностями. А если присутствует то и другое, тогда, как правило, нет литературного умения. Не говорю уж о мастерстве, без которого на успех в изящной словесности рассчитывать трудно.

Однако бывают в жизни составителя «Литературной страницы» и праздники. Это когда встречаешь не просто одарённого человека, а щедро одарённого. Так в середине 90-х произошло у меня. Я в ту пору служил в газете Нижневартовского района «Новости Приобья», и редактор передала мне как-то несколько машинописных страниц: «Посмотрите, это прислал Козлов из Мегиона. Стихи. Может, подойдут для вашей страницы».

Имя Виктора Козлова мне уже было знакомо по публикациям в местной периодике. Это были вполне добротные очерки, хотя чувствовалось, формат тесен для автора, он способен на большее. Но газетные материалы – они и есть газетные. Если имеют отношение к литературе, то весьма отдалённое. Так что мой лёгкий скепсис, когда я взял в руки переданные редактором страницы, понять можно.

Я прочитал их – и ахнул. Да ведь это настоящая поэзия!.. Я вполне отдавал себе отчёт в том, что, изголодавшись в сибирской глубинке по настоящей литературе, могу ошибиться – на безрыбье, как известно, и рак рыба. Потому на какое-то время отложил стихи в сторону. Однако, прочитанные несколько дней спустя, они подтвердили первое впечатление. Виктор Козлов – однозначно талантливый человек. Удивительно, почему я не встречал его стихотворений в литературно-художественных журналах, в том числе московских?.. Ведь они стоят того, чтобы быть известными широкому читателю.

2.

С чего обычно возникает уверенность, что перед тобой настоящий поэт? Разумеется, не с формальных вещей: размера, рифмы, расположения текста «столбиком». Всё это обязательные азы, которым следует каждый приверженец традиционного стихосложения. Так что сама по себе их совокупность ещё ни о чём не говорит.

Но когда, например, в качестве прилагательного к слову «пурга» встречаешь «упругая», а месяц плывёт над тайгой «осторожно, боясь уколоться» о её иголки, и, «чтобы тишину заштопать», мать шёпотом успокаивает заплакавшего среди ночного безмолвия ребёнка – это уже свидетельство образного мышления, которое и является признаком полноценной поэзии. Тем более, что в последнем примере налицо определённый изыск, идущий от литературной искущённости, – звукопись. В словах «тишина», «штопать», «шёпотом» слышится «ш-ш-ш...», каким мать обычно успокаивает не вовремя проснувшегося малыша.

Не стану подтасовывать факты, утверждая, что именно эти стихотворения, примеры из которых приведены, я прочёл при первом знакомстве с Козловым-поэтом. Но впечатление осталось стойкое: передо мной талант. И дальнейшее знакомство с произведениями Виктора Козлова укрепляло впечатление. А это не только публикации в «Новостях Приобья» и других газетах Нижневартовского региона. Но и подборки в окружном альманахе «Эринтур», журнале «Югра», коллективных сборниках, в том числе «Кедровой гриве». Это в конце концов книги стихотворений «Теплынь», «Троицыно утро», стихи, вкрапленные в сборники документальной прозы, на которые Козлов плодovit.

Многое в понимании творчества пишущего человека даёт его биография. Не всегда, но как правило. Бывают, разумеется, литераторы, для которых частная жизнь – одно, а сочинительство – совершенно иное, никоим образом с работой, домом, привязанностями не стыкующееся. Виктор Козлов относится к людям, по произведениям которых можно изучать их биографии. Он родился на Алтае, детство в основном провёл в башкирской Малышовке. По окончании средней школы учился в Уфимском нефтяном институте, молодым специалистом в далёком уже шестьдесят первом приехал на тюменский нефтяной Север.

Здесь как геолог и прошёл все стадии профессионального становления – от помощника бурильщика до главного технолога экспедиции и ведущего технолога объединения. Непосредственно участвовал в открытии многих месторождений нефти и газа. И хотя все эти вехи биографии в основном отразились в документальной прозе Козлова, стихам тоже осталось немало.

*В тёплых сумерках перепёлка
монотонно ко сну зовёт.
Пыль пушистая на просёлке
между пальцами ног течёт.
Малышовка ещё не скоро.
За угорьем бабы поют,
голосами плетут узоры
про любовь, да про жизнь свою.*

*В тёмных пажитях перепёлка
убаюкивает: «Пора...»
На полынной подушке колкой
детство спит мое до утра.
(«В тёплых сумерках перепёлка...»)*

Удивительно гармонично и светло, в лучших традициях русской литературы представлен у Виктора Козлова мир детства. Невольно приходят на ум строки Некрасова о крестьянских детях, «Бежин луг» Тургенева, другие произведения русской классики о детстве. В одном из своих высказываний Козлов утверждает, что тяготеет к Есенину. Возможно. Но мне всё же кажется, что больше – к Пушкину с его открытым и радостным мировосприятием, не замутнённым житейскими обстоятельствами. Дело не в том, что их нет, а в том, что и «печаль моя светла». Когда же появляется хоть малейший повод для радости, душа Виктора Козлова распаивается во всю ширь:

*Растихоня-Малышовка
в разгуляй-четверг шумит!
В председательской кошёлке
мала-куча гомонит.
Выездной рысак в запаре –
селезёнка ёкает.
Ездовой, весёлый парень,
девок в щёки чмокает.
Бабы – то навзрыд рыдают,
То – частушки голосят:
«У пона у Яшки, бают,
чашки вот таки висят!»
«Пережили, бабы, зиму,
чай, весною не помрём.
За налоги лапти снимут –
босиком плясать пойдём!»
Блин гречушный в маслице –
Малышовская масленица!
Солнце ластится,
к лету ладится...*

Или ещё:

*Во мгле искристой Малышовка.
Вокруг всё кажется седым.
От каждой крыши камышовой
тропинкой в небо – сизый дым.
А мы колядки тарабарим,*

*не понимая, в чём их суть.
А нам – кто пирожок с грибами,
кто крендель, кто пятак несут
с улыбкой, в бережных ладонях...
А кто – как побирушек гонит.*

Раннее детство Козлова пришлось на военные годы. А это недоедание, страх перед почтальоном, разносящим похоронки, горе и тяжкий труд матери, собственное раннее приобщение к крестьянской работе. Всё это так или иначе отразилось в стихах. И слёзы украдкой на чердаке, когда мать скажет: «Терпи, сынок, погиб наш папка» (стихотворение «Порой меня ругала мать...»). И боязнь угрюмого объездчика «с сырмятным кнутом у луки» – под рубашкой у мальчишки, лирического героя, ворованные на колхозном поле колоски («Жаркий полдень...»). И такая понятная зависть к ребятам, в семье которых возвращаются с войны отцы («После победного салюта»). Стихотворение завершается строками высокой поэтической пробы: «А мой папка погиб и не знает,/ что уже приезжают с войны».

И всё же, повторяюсь, не мотивы уныния, горя и послевоенных тягот преобладают в стихах Козлова о детстве. Главное в них – солнечное мироощущение, изначально присущее поэту. Вера в то, что всё в конце концов сложится хорошо и гармонично, очевидна в одном из лучших, на мой взгляд, стихотворений Виктора Козлова о детской поре «Над Параниным угорьем...».

Всё, на первый взгляд, здесь беспросветно. Матери лирического героя, чтобы заработать колхозный трудоводень, нужно сжать, связать в снопы и поставить в суслоны хлеб на восьми сотках – задача почти непосильная. Неподалёку сам лирический герой пасёт на жнивье заболевшую корову, которая, как известно, кормилица в крестьянской семье, без неё в тяжёлые годы не выжить. «За какой же грех великий/ все напасти на сирот?!» – в сердцах восклицает мать, оглядываясь на сына и не прекращая работать. Но постепенно всё меняется. Возможно, потому, что жалеет не только мать сына, но и он её – помогает ставить снопы в суслоны, а взаимная поддержка и доброта имеют свойство преображать окружающее. Быть может, причиной что-то иное, но в конце дня:

*К вёдру золотится зорька...
Трубный голос подала,
Оживилась наша Зорька.
Хорошо пошли дела!
Серп железный на руке,
серебристый – в высоке...*

Несколько режет глаз это «на руке» (правильнее было бы всё-таки «в руке»), но лексический огрех с лихвой компенсирует точное и естественное в детской речи «в высоке» (всё стихотворение – несоб-

ственно прямая речь лирического героя). О поэтической смелости говорит и рифма «зорька – Зорька». Казалось бы, слишком просто, даже примитивно. Но вспомним пушкинское «А что же делала супруга / В ожидании супруга?» Вольность, право на которую даёт мастерство.

3

Пожалуй, светлое мировоззрение, незамутнёность восприятия – ключевые слова в определении основы дара Виктора Козлова. И не только поэтического, скажу, забегая несколько вперёд. Если же продолжать разговор о стихах, это качество просматривается как в тех из них, что о детстве, так и в подавляющем большинстве других – о взрослой жизни.

В соответствии с канвой биографии автора его лирический герой едет работать в Сибирь. Стихи этого периода полны задора, искренности, переплетённой с молодой бескомпромиссностью, – всего того, чем была насыщена поэзия времён хрущёвской оттепели. Читатели старшего поколения помнят: в конце пятидесятых и начале шестидесятых стихотворцы собирали целые стадионы, как ныне это делают поп-звезды. Имена Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной, Булата Окуджавы были у всех на слуху. Их известность в Советском Союзе мало чем уступала известности первых космонавтов.

Понятно, молодой поэт Виктор Козлов не мог соперничать с грандами в популярности, но темы его стихотворений и их пафос были созвучны произведениям именитых москвичей:

*Летим! –
не в космос –
на работу
в Сибирь – она без нас там стынет.
Там ржаво-бурые болота,
как марсианские пустыни.
Наш край для мужества
не узок,
познаешь здесь свою весомость!
Ну а пределы перегрузок
тебе твоя укажет
совесть.
Сибирь, как новую планету,
должны
освоить мы с тобою,
не занеся сюда микроба
наживы,
рвачества
и злобы!*

Этот не ведающий сомнений энтузиазм сейчас кажется несколько наивным, самонадеянным. Но искренности и готовности себя не жалеть

у комсомольцев той поры не отнимешь. По своей пафосности молодая поэзия пятидесятых – шестидесятых перекликалась с поэзией двадцатых и тридцатых годов. Для этого были основания: осуждён культ личности Сталина с его людоедским отношением к народу, социализм приобретал, как говорится, человеческое лицо, и казалось, уже не за горами «светлое будущее всего человечества» – коммунизм с его гармоничным отношением людей между собой и людьми и государством. Нужно только добросовестно трудиться и верить. А некоторое нищестанство, когда традиции и самобытная культура обширного края мало что в глазах покорителей-первопроходцев стоят, – неизбежный спутник великого дела. Именно таким воспринималось освоение Сибири, в том числе нефтегазовое.

Романтическая приподнятость ощутима практически во всех стихах Виктора Козлова тех лет. Вот стихотворение «Топографы», в котором автор сравнивает первопроходцев с богами: «Задумчивы, строги, / глаза горят. / Не «топики» – боги / со мной говорят». Топографам приходится шагать по таёжному бездорожью, чертовски уставать, теодолиты, как винтовки, натирают плечи, но ничто не может их остановить. Потому что цель, которая ими движет, высока.

Первый снег, предвестник суровой сибирской зимы, для лирического героя в радость: «...пусть из густеющего роя / снежинок / ветер вьюгу вьёт – / мне для весеннего настроения / лишь не хватает соловьёв» («Первый снег»). Он в восторге от скрипа снега в тайге, напоминающего голоса скрипок («Концерт»). И пусть «на спинах ватники / куржавятся, / и обжигают нос очки», молодую радость не унять: «По всей земле, наверно, / слышатся / шаги идущего тайгой!»

Попав в город и оттого, что здесь можно вдохнуть запах цветущей сирени и сменить сапоги на ботинки, от переполняющего душу молодого восторга лирический герой готов пройти по земле колесом. Но главное для него все-таки другое: «Это здорово, правда? – / очутиться в Тюмени, / а потом / до весны / вновь в тайгу / улететь...» (стихотворение «Весеннее»). Работа, труд с полной отдачей, пахнувший «волей и потом», приобретают в стихах Козлова нравственную ценность. Сибирь обживают не боги, а мастера, говорит автор в стихотворении «Затейливых вод многолучье...»

Однако неверно утверждать, что ничего, кроме эйфории первопроходца, поэту было неизвестно. Природа для него не только мастерская, в которой, повторяя известное выражение, человек работник. Это самоценная эстетическая категория, значение которой с годами всё явственнее проступает в творчестве Виктора Козлова. Приведу характерное в этом смысле стихотворение:

*Октябрь, а навигация на Вахе
в разгаре: катера вовсю снуют...*

*Но хмурый день в мерлушковой папахе
отары туч настись угнал на юг, –
и вывездило в ночь, пока мы спали
коротким, но, как в детстве, сладким сном,
а утром – словно бы попали в Палех,
где чёрный лак в контрасте с серебром,
где отдалённый мир означен резче –
сквозь черноту просвечивает суть...
И весь пейзаж пока очеловечен
лишь одиноким следом на мысу.*

Этой просвечивающей сутью в стихах Козлова можно считать сочувственное, любовное внимание ко всему живому, к самой природе. Стихотворение датировано восемьдесят седьмым годом, но ещё раньше – и намного! – написаны стихи о подстреленной куропатке. В охотничьем азарте вскинута ружье и – «Ах, дурак, дурак, / что я наделал! – / крылья куропатка распластала / возле стелых веток краснотала». Страшно и нелепо выглядит на её груди рана и красный град кровинок на снегу. И не утешают лирического героя слова менее впечатлительных товарищей, мол, всё это блажь, пройдёт. Ему кажется, что он сделал нечто недостойное, противоестественное. Пафос первопроходчества не способен оправдать насилия над беззащитным живым миром. И это важный момент в восприятии поэта. Быть может, один из самых важных. Природа, живой мир вокруг становится не только эстетической, но и нравственной категорией.

Очередное подтверждение тому стихотворение «На Ермаках такое разнотравье!..» Буйное короткое цветение северных трав напоминает герою детские годы, «где первоцвет, дубравка и чабрец». Оно заставляет сладко сжиматься сердце, исцеляет душу. В числе других ценностей жизни не летние ли травы защищал на фронте отец? Но «на бочке с нефтью / лопнула заклёпка – / на Ермаках / поникла / мурава...»

Рифмованной публицистикой можно было бы назвать стихотворение «Метаморфозы», если бы не его яркая образность. Под словоблудие сановных ораторов о защите природы «в кассетнике воображенья / включаю я обратный ход». И, как в кувшин сказочный джинн, возвращаются в пласты нефть и газ, встают деревья из многокилометровых лежнёвок, обрушиваются обратно в карьеры дороги. Природе возвращена первозданная чистота, нет плёнки нефти на воде, кедров «роняют шишки на песок»... Рассудок ещё можно успокоить цифрами, логикой: стране нужны-де богатства Сибири, без вторжения в природу не обойтись, лес рубят – щепки летят. «Но как быть с сердцем?..». спрашивает лирический герой и винится, просит прощения у леса и рек. Ему горько, что вместо искреннего покаяния на устах у людей, от которых многое в этой жизни зависит, пустые слова.

До глобальных философских обобщений поднимается Козлов в стихотворении «Арбуз». В нём «веснушчатый сопливый карапуз» держит «зелёно-голубой арбуз», полосы которого так напоминают земные меридианы. И вдруг нечаянно роняет его. Арбуз разбивается. «Лежат остатки, / как материки. / И багровеет мякоть, / будто магма...»

Но если ребёнка можно утешить, сорвав или купив ещё один арбуз, то «у нас другой планеты нету!». Земля, сходство которой с арбузом так зримо и образно представлено автором, столь же хрупка в век огромных разрушительных сил, которые подвластны человеку. Добавлю от себя: парадокс, но Земля нуждается в защите от нас, её порождения, её детей. И чем раньше люди осознают это, чем бережнее и ответственнее будут относиться к планете, тем меньше вероятность глобальных катастроф – возможно, необратимых.

4

Литература – дама ревнивая. Рано или поздно она ставит пишущего человека перед выбором: или я, или дело, которое до сих пор кормило тебя. Как уже говорилось, по основной специальности Виктор Козлов горный инженер, геолог. И эта двойственность – точный аналитический ум с одной стороны, и тяга к слову, к литературному творчеству с другой, – в Козлове проявилась ещё в пору учёбы в нефтяном институте.

Одним из первых литературных опытов стал художественный очерк о работе топографической партии. «Были летние каникулы, – рассказал как-то Виктор Николаевич, – я и устроился в партию. Стипендия в нашем институте была сравнительно неплохая, но трудно найти студента, которому её хватает. А тут не только возможность заработать, но и пожить на природе – я ведь по рождению деревенский, тянет... В топографической партии познакомился с интересными, можно сказать, колоритными людьми. И как раз республиканская газета объявляет конкурс на лучший очерк! Я и написал о своих новых знакомых, о их работе, о природе Башкирии. Очерк был не только напечатан, но и победил в конкурсе...»

Однако ревнивая дама литература пока ещё спокойно относилась к Козлову. Мало ли молодых людей появляется в поле её зрения, чтобы затем навсегда исчезнуть. Тем более, что соперница-геология не собиралась отпускать подающего надежды литератора. Окончив институт, Козлов успешно работал, продвигался по служебной лестнице, заявил себя талантливым инженером – на его счету со временем скопился не один десяток изобретений и рационализаторских предложений.

Но тяга к литературе не ослабевала. Молодой инженер писал стихи, пробовал свои силы в прозе. Его произведения печатает «Тюменская правда», он становится победителем всесоюзного телевизионного

поэтического конкурса. Со временем стихи и прозу Виктора Козлова публикуют газета «Сельская жизнь», журналы «Уральский следопыт», «Югра»... Молодого литератора тянет к близким по устремлениям людям – тюменский период его жизни давал возможность для такого общения. Знакомство с Иваном Лысцовым, ставшим впоследствии довольно известным московским поэтом, а в шестидесятые годы работавшим в «Тюменьгеологии», учило профессиональному отношению к своим произведениям. Признали дар Виктора Козлова и другие стихотворцы тюменского края.

Но когда ребром встал вопрос, чему отдать предпочтение, литературе или геологии, Козлов задумался. В конце концов было принято непростое решение – геология. Почему именно так, а не иначе, досконально знает разве что сам Козлов, мы же можем только строить догадки. Не так-то легко кардинально менять жизнь, когда у тебя семья, а работа, в общем-то, по душе. Известность – штука притягательная и приятная, но опять вспомним Пушкина: «Что слава – яркая заплатка на ветхом рубище певца». Однако даже её, яркой заплатки, достаивается далеко не всякий пишущий. А вот перебиваться с хлеба на воду – удел большинства профессиональных литераторов. Что в советское время, что – тем более – сейчас.

Ни в коем случае не собираюсь утверждать, что именно житейские соображения сыграли в выборе Козлова решающую роль. Но даже если и так, бросить упрёк не поворачивается язык. Сожалеть – да. Русская литература, отдай он ей все свои силы полностью, потеряла в лице Виктора Козлова писателя общенационального уровня. Я не преувеличиваю, это действительно так. Впрочем, нет худа без добра. Если бы Козлов ушёл из геологии, нам остались бы неизвестны многие герои его рассказов и очерков, перипетии их судеб. Они взяты из личного опыта автора, непосредственно из рабочих будней семидесятых и восьмидесятых годов.

А герои и судьбы эти весьма любопытны и колоритны. Продолжая писать стихи, Козлов всё больше остающегося от основной работы времени отдаёт прозе. Она полнее, чем поэзия, способна отразить разнообразие жизни, в том числе производственной, в которой автор принимал деятельное участие. Появляются очерки, рассказы, делаются наброски более крупных произведений. Но прежде, чем говорить о них детально, попробую определить то главное, что характерно для прозы Виктора Козлов в целом.

В своё время Чернышевский, откликаясь на первые произведения Льва Толстого, в качестве основной их черты назвал чистоту нравственного чувства. Живи Чернышевский в наше время, думаю, то же он мог бы сказать о рассказах и очерках Виктора Козлова. Отдаю себе отчёт в некоторой некорректности подобной параллели, но, по сути, всё обстоит именно так. Незамутнёность мировосприятия,

безошибочное нравственное чутьё, о которых говорилось выше по отношению к поэзии Козлова, характерны и для его прозы. Не берусь судить, врожденные ли это качества автора или же они сформированы окружающими в детстве людьми и обстоятельствами, но чистота тона и чёткие нравственные критерии прослеживаются практически во всех его прозаических произведениях.

Вот очерки, рассказывающие о первых трудовых месяцах молодого специалиста, – «Необыкновенное лето» и «Трудная осень». Время событий – начало шестидесятых, когда на территории округа шли активные поиски нефти. В Сургуте новоиспечённый инженер получает направление в Усть-Балыкскую партию глубокого бурения. Но до неё надо сначала добраться. Вместе с «хлопцами з Донбассу» герой очерка, в котором без труда угадывается автор, целую неделю добирается до промежуточного пункта, посёлка Пим. Затем со многими приключениями до Усть-Балыка и далее в богом забытое Ярсомово.

«Романтики» – с избытком. Это не только купание в ледяной воде, когда буквально на руках приходится снимать катер с мели. Это ещё спартанские условия проживания и питания, отсутствие элементарной механизации на буровой, сатанеющие комары и прочие прелести первопрородческой жизни. И – ничего, люди живут, трудятся, не унывают. «Незабываемое, необыкновенное время катилось!.. Долгое, счастливое времечко!.. Чем-то животное-бездумное, восторженное. Иной раз такое было желание взбрыкнуть молодым жеребёнком, зазвенеть колокольчиком и помчаться, не разбирая дороги!..».

Внимание автора привлекают не столько трудности (они – мимоходом, попутно), сколько люди вокруг. Козлов замечает в них исключительно светлые стороны. Таковы «хлопцы з Донбассу» Грицько Синенко и Павло Беседа, которые предпочли тюменские края благодатному Крыму. Таков бурильщик со стажем Анищенко, ни разу не повысивший голос на новичков, хотя у тех не сразу всё получалось. Более того, старавшийся помочь подчинённым и поднять их настроение. «Да и все остальные рабочие – благожелательны, открыты: объяснят, покажут. Друг к другу уважительны, нас тоже величают по отчеству», – пишет автор. Добросердечна бабка Гротиха, согласившаяся выпекать хлеб и на долю молодёжи, приговаривающая: «Проголодались мои хлопчики... Счас, счас... Сьем горяченького... С поду Богу в угоду, животу в поправку». Таковы практически все герои очерков. Самое негативное, что подмечает автор, это педантичность и склонность к перестраховке инженера Егорова.

Мне известно, что первоначально заметки, из которых затем родились очерки, писались для себя, следовательно – искренне, от души. Допускаю, Виктор Козлов испытывал определённое влияние той приподнятой тональности, которая была присуща совет-

ской очеркистике о первопрородцах. Но в основе всё же лежит его светлое мироощущение. Или, ещё раз повторяя слова Чернышевского, чистота нравственного чувства.

И не таким уж «бездумно-животным и восторженным» становится вскоре настроение героя. Собрание в Усть-Балыке, переименованном затем в Нефтеюганск, открывает ему на многое глаза, заставляет задуматься. Кто он и его новые знакомые? Люди, способные только работать через не могу? «Люди, из которых можно, по-тихоновски, делать гвозди? Или просто заторканные, привыкшие ко всему «трудящиеся», у которых только просыпается «классовое сознание», протест против устоявшегося порядка вещей?.. Такие мысли на излёте хрущёвской оттепели не поощрялись. Это была вольность, граничащая с инакомыслием. Как и закрадывающиеся сомнения относительно реальности планов догнать и перегнать Америку – в Ярсомово героя обязали вести занятия по новой программе КПСС.

Ещё одна черта, характерная для прозы (впрочем, как и для поэзии) Виктора Козлова, это образность слова и свобода, раскованность стиля. Описания его зримы, ритм фразы, абзаца раскрепощен, соответствует изображаемой ситуации.

«– Да сядем ить, ся-дим!.. – кричит шкипер, бегая вокруг Бочарова, начальника партии. – Зазимuem ить на перекате!.. У Рыскиных! Сядим, епонский бог! Куда – и так под завязку!

Бочаров, грузный, невозмутимый, в мятой шляпе, в синей спецовке, в новых, с пряжками, геологических сапогах, небрежно закидывает за спину клетчатый шарф и машет белой рукой Кеше Муратову:

– Ехай, ехай!..

– Не дам!.. Швартовы порублю! – мечется шкипер».

Небольшой эпизод, а как всё осязаемо и зримо выписано. И суетливые возгласы и метания шкипера, опасующегося, что перегруженная баржа не дойдёт до Усть-Балыка, сядет на перекате. И начальственно невозмутимый Бочаров, который не считает нужным спорить. Не повышая голоса, машет белой, отвыкшей от физической работы рукой бульдозеристу, чтобы тот заезжал на баржу. Как полагается начальнику, Бочаров в новых сапогах и в шляпе, пусть и мятой, клетчатый шарф опять же...

Характерна речь персонажей. У шкипера она полна экспрессии, лексика в духе шестидесятых годов с их «епонским богом», простонародным «ить», вместо «ведь» и т.п. Для убедительности шкипер скандирует «ся-дим!» Бочаров, хотя начальник и в шляпе, говорит тем не менее «ехай», что тоже характерно для тех лет.

Можно приводить ещё множество примеров, свидетельствующих о зорком глазе, тонком слухе писателя, его умении образно представить внешность персонажа или событие. Вот как Виктор Козлов говорит о неаккуратной вырубке леса: «словно неумелая рука

выхватила из густой шевелюры клоки волос тупыми ножницами». О взгляде одного из персонажей: «В маленьких, коричневых, что кедровые орешки, глазках золотые рыбки высверкивают чешуйкой». Канаты оснастки у Козлова «струнно запели», когда их с силой натягивают...

Лучшие качества Козлова-очеркиста проявляются и во многих других произведениях. Таких, например, как «Злые Мощи», «Гусар», «Зарницы с четырёх сторон». Кажется, неистощима палитра писателя, каждому мало-мальски значимому персонажу он находит свои краски, зорко подмечает его особенку. Быть может, в очерках семидесятых – девяностых годов меньше молодого задора, но определённо больше вдумчивого, внимательного отношения к отдельному человеку. За непритязательной внешностью, за не слишком ладно сложившейся судьбой Виктору Козлову удается рассмотреть сущность человека. Как правило – симпатичную, вызывающую расположение.

Многие годы писатель живёт в Мегионе. И было бы странно, если бы он, летописец нефтяного освоения Югры, не сказал доброго слова о земляках. Его перу принадлежит несколько документальных книг о жителях этого славного города. Скромность и трудолюбие лежат в основе характера Александра Маметьева, героя очерка «Саша. Внук Незнакомки?». Надёжность и верность данному слову характеризует Александра Ивановича Вацпана («Руки, которые без работы зябнут»). Немногословна и женственна молодая героиня очерка «Галина – Тишина и Спокойствие», эта хранительница семейного очага...

Казалось бы, что в своей основе представляют «Серебряные свадьбы» как не пространный пересказ биографии заместителя главного бухгалтера одной из мегионских строительных организаций? Но благодаря писательскому мастерству материал превращается в законченную новеллу о жизни обычной вроде бы женщины, за судьбой которой тем не менее просматривается нечто ещё – значительное, едва ли не всечеловеческое. И примеров таких метаморфоз, возводящих в степень обобщения, казалось бы, частные факты, немало.

5

Собственно говоря, большого различия между лучшими очерками Виктора Козлова и его рассказами я не вижу. То и другое – полноценная проза. Разве что в рассказах сюжет более строен, отчетливее просматривается основная мысль, а образы героев собирательные – в очерках же, как известно, речь идёт о вполне конкретных людях. Ну и, разумеется, рассказ предоставляет автору большую свободу вымысла.

Любопытно в этом смысле сравнить разные редакции «Тёти Нюры». В одном случае это очерк, в другом – рассказ. В «Тёте Нюре»-очерке Козлова больше

занимает атмосфера многочисленной семьи бывшей спецпереселенки, бытовые зарисовки с участием хозяйки дома, её сына, дочери, зятя, снохи, внучек, квартиранта Мишки Савина – любителя поэзии и бузотера по пьяному делу. И всё это Виктор Козлов выписывает живо, ярко, образно – как говорится, вкусно.

Возникает ощущение, что сам процесс перенесения на бумагу окружающей жизни доставляет автору удовольствие. В чём-то это перенесение может показаться самоцельным. Если искать ему логическое оправдание, можно сказать: в итоге получается срез конкретного времени и конкретного места, что само по себе уже немало. Но в повести или рассказе принято реализовывать определённую идею. Самого по себе отражения жизни, пусть и колоритной, недостаточно. Необходимо наличие серьёзной мысли, объединяющей героев и события. И такая мысль, идея очевидно просматривается в «Тёте Нюре»-рассказе.

Автор основательно сократил написанное ранее, из произведения ушли многие сценки и некоторые герои – тот же Мишка Савин, к примеру. Пришлось пожертвовать и видом Сургута начала шестидесятых с вертолета (в рассказе Сургут стал Пургаем) – видом зримым, напомнившим спил дерева. Тёмная древняя сердцевина, уходящая ещё во времена Ермака, затем полукольцо экспедиционных коттеджей, они из свежих брусев и кажутся постоянно освещёнными солнцем. Ещё дальше от центра – корявая кора: времянки, «шанхай»... Хорошо, зримо представлено, но не соответствовало новым задачам автора и потому было убрано.

В результате последующих изменений в тексте явно проступил образ главной героини. Тому способствовала и новая концовка, которой не было в очерке. Рассказчик несколько лет спустя появляется в доме постаревшей тёти Нюры, видит её саму, выслушивает новости о детях, внуках. Освобождённая от необязательных сценок и персонажей, выпукло предстаёт нелёгкая, по сути своей подвижническая жизнь этой русской женщины. Подготовленная всем предыдущим текстом, естественной кажется концовка рассказа. Прощаясь, тетя Нюра просит передать поклон родным рассказчика. Тот мысленно восклицает: «Господи, тётя Нюра! Тебе поклон низкий. Тебе!» За неустанный труд, за доброту, за перенесённые испытания.

В чём отличие хорошей прозы от посредственной, средней? Ведь бывает так: вроде бы и авторская мысль в произведении достаточно весома, и язык неплох, и образность какая-никакая есть, и на жизнь похоже, – а не берут рассказ или повесть за живое, не проникают в тебя, не окутывают своей аурой. Когда же всё это происходит, и ты какое-то время ещё словно пребываешь в прочитанном, воспринимая жизнь вокруг себя глазами автора произведения, и не сразу это приятное наваждение проходит – верный признак того, что рассказ или повесть написаны талантливым человеком.

Такое ощущение оставляют по прочтении многие прозаические произведения Виктора Козлова. В том числе рассказ «Воспитание по Брэгу». Если говорить о его тематике, несмело затронутая в первых очерках тема человеческого отношения начальства к рабочему люду в этом рассказе прописана более основательно.

Из-за необязательности, а то и прямого пренебрежения руководителей экспедиции вынуждены голодать на буровой тракторист Илюха и бурильщик Слава. Отправленные демонтировать оборудование без спальных мешков, необходимого запаса пищи, накомарников, они съели и выкурили всё, что смогли найти в заброшенных балках. Автор точно подмечает состояние людей, оказавшихся в экстремальной ситуации. Илюха мечтает, как привезёт Славку в родную деревню, познакомит с отцом и матерью – дескать, хороший человек, многое с ним пришлось пережить вместе. Это отвлекает от тягостной реальности и напоминает мечты людей на фронте, знакомые по литературе.

У Славки мечты иного рода. Он, как и Илюха, вахтовик, живёт на Украине. Перед последней вахтой гостил у тётки в Киеве, и там его заметила помощник режиссёра с киностудии Довженко. Славка прошёл пробы на роль инока в будущей картине. Но успеет ли он приехать на съёмки? Экспедиционное начальство, похоже, о них забыло, не присылает вертолёт.

Экстремальная ситуация действует на Славку своеобразно. Он вспоминает слова из своей роли, цитату из Библии: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, где воры подкапывают и крадут...» Происходит некое духовное просветление героя. Нельзя человеку жить только материальным, как это делает начальник смены Михал Михалыч. Тот и командировку выбил, чтобы уладить не столько производственные, сколько свои (и непосредственного начальства) дела, и «отмазаться» от Славки и Илюхи намерен тем, что «дефицита подкинем».

Мотив этот – необходимость преобладания в жизни духовного начала над материальным – быть может, для литературы и не нов. Козлова тяжело назвать здесь первооткрывателем. Но это один из тех мотивов, которые должны постоянно присутствовать в искусстве. И Виктор Козлов вносит свою лепту.

Повесть «Недра» вобрала в себя многие проблемы, характерные для промышленного освоения Югры. Это довольно обширное полотно, в котором на первом плане не столько производство с его нюансами, сколько судьбы первопроходцев. Далеко не всегда они благополучны. Специфика обживания Севера культивирует в человеке не только надёжность, трудолюбие, чувство товарищества. Случается так, что богато одарённые натуры растрачивают себя в бесконечных выпивках (благо, северные надбавки позволяют), в неразборчивых знакомствах, в эпатажных поступках. В итоге деградируют и как специалисты, и как личности.

Яркий пример тому Кирилл, бывший однокурсник главного героя повести Петра Мерцалова. Талантливый от природы, Кирилл после института стремительно пошёл вверх по служебной лестнице. Удачлив он и в любви – его предпочла девушка, которая нравилась Мерцалову. Но непоследовательность, легкомыслие, «гусарство» приводят к жизненному кризису. От Кирилла уходит жена, на работе он, как на качелях – оказывается то в героях, то в штрафниках. Дело доходит до того, что в экспедиции его держат из милости. Времена «запорожской сечи», утверждает автор устами главного героя, в геологоразведке заканчиваются. На смену им приходят дисциплина, упорядоченность, ответственность. Такие люди, как Кирилл, уместные на первом этапе освоения Севера, при всей их незаурядности становятся обузой.

Как и другие произведения Виктора Козлова, повесть насыщена яркими эпизодами, колоритными образами. Чего стоит описание пожара в посёлке, куда прибыл в командировку Мерцалов, – с его беспорядочностью и полупьяным, падким на зрелища людом. Запоминаются сожители главного героя по заезжей, этого своеобразного гостиничного номера: испытатель Алексей, горнотехнический инспектор Сурков, беспорядочно пьющий бухгалтер. Характерен главный инженер экспедиции Плахин, неплохой специалист, но себе на уме, равнодушный к нуждам рабочих человек...

6

О написанном Виктором Козловым можно было бы сказать ещё немало добрых слов. Вспомнить, например, его малую прозу, составившую цикл «Короткие рассказы». В ней сжато повествуется как о случаях из будней геологоразведочной экспедиции, так и из «цивильной» жизни автора. Или поговорить о занимательных, свидетельствующих о любви к животным зарисовках цикла «О братьях наших меньших».

Достойны внимания и стихотворения для детей, в которых отразилось умение автора образно, с тёплым чувством изображать явления природы, зверушек, растения. Да и целый пласт очерков и рассказов остались за пределами этого обзора. Среди них такие колоритные, зачастую глубокие как «Льготный стаж», «Судьба», «Малиновый халатик»...

Написано Виктором Козловым немало. И каждое произведение в очередной раз свидетельствует о незаурядном таланте. Но особенно радует то, что талант этот не убывает. Недавно нашему земляку исполнилось семьдесят. В таком возрасте даже корифеи литературы всё явственнее ощущают, как уходят силы. А Виктор Николаевич продолжает работать, из-под его пера появляются новые стихи и проза. Вместе с сердцем пульсирует незамутнённый родник его дара.

И пусть так будет как можно дольше.

**Алексей Степанович
Смольников**

1926 – 2000

Олег Яненагорский

Скрижали пишутся штыком

*Очерк об Алексее Смольникове,
мальчишке из Ханты-Мансийска, ушедшем
на фронт летом 1944-го...*

8 мая 2025 г.

В тяжёлый час, в досрочный час
Из гнёзд мы улетали.
Не мамы целовали нас –
Нас пули целовали.

А. Смольников. Мои ровесники

Мое поколение – это те, кто родился через 15-20 лет после окончания Великой Отечественной войны. Мы видели и запросто общались с ветеранами, но тогда они были ещё молодыми. Хотя, конечно, нам они казались в свои тридцать-сорок-пятьдесят лет глубокими стариками. Личное отношение к Войне и Победе формировалось незаметно – через рассказы родных, через книги и фильмы. До сих пор помню фильмы, увиденные в детстве: «Она защищает Родину», «Государственный преступник»...

Для меня военные годы – это история моей семьи. Дед со стороны матери – Егор Иванов – в феврале 1942 года пал смертью храбрых в тяжёлых боях на Ленинградском фронте. Дед со стороны отца – Ширманов Шамгун – был тяжело ранен под Ленинградом в 1944-м...

А ещё моё отношение к Войне и Победе формировалось через стихи тех, кто воевал... Сорок пять лет (или, может, уже больше?) прошло с тех пор, как я прочитал и запомнил на всю жизнь простые строки:

Я не забыл, как танки догорали,
Как вырывался автомат из рук,
Как на кресте в гестаповском подвале
Висел непокорённый политрук.

... Я не забыл волынские болота,
 Концлагерей колючие штыки.
 Я не забыл, как с мёртвого комроты
 Эсэсовцы снимали сапоги.

Сегодня уже не помню имя автора, но слова поэта, явно написанные по личным впечатлениям, врезались в память. Всё это вспомнилось, когда начал собирать материалы для очерка о ветеране Великой Отечественной войны, поэте Алексее Смольникове.

Несколько интернет-источников сообщают одну и ту же биографическую информацию. Вот, например, «Воронежский Гид»: «СМОЛЬНИКОВ Алексей Степанович (24.06.1926, город Сарапул, ныне Удмуртия – 2000, город Москва), поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей СССР (1964). Окончил Воронежскую школу радиоспециалистов (1944), Литературный институт имени А. М. Горького (1954). Участник Великой Отечественной войны. Автор многих книг, начиная с 1957 года занимался переводами марийских и удмуртских поэтов. Лауреат премии марийского комсомола имени О. Илая (1980), дипломант Министерства обороны СССР (1985). Участвовал в работе областного совещания молодых писателей (Воронеж, ноябрь 1966 года)».

Но мне хочется рассказать об Алексее Степановиче подробнее, процитировать хотя бы несколько его стихотворений о войне. И ещё сказать слова о Ханты-Мансийске – городе, который поэт любил и считал родным, хотя, формально говоря, родился он далеко отсюда.

Через день после окончания школы № 1 посёлка Ханты-Мансийска, в июле 1944 года, Алексей Смольников был призван в ряды Советской армии. О том последнем школьном вечере он рассказал в биографической повести для детей и юношества «Сотворение Родины».

«Уже трижды мигнули лампочки, предупреждая, что электростанция заканчивает работу, уже устал играть патефон, под который мы танцевали, а нам всё не хотелось расходиться. Это оказалось трудным – взять вот так и уйти. Пока он продолжается, этот вечер, мы ведь все один класс и школа эта – наша школа. Если мы уйдём сейчас, мы уже не вернёмся».

Это был последний прощальный вечер перед тем, как Алёша покинул Ханты-Мансийск и отправиться на фронт.

Через двадцать лет Алексей напишет в поэме «Мальчишки»:

Нас было в классе шестеро ребят,
 И пятерых на фронт зовёт дорога.
 И нам в глаза пронзительно и строго,
 Танцующая, одноклассницы глядят.

О том, как ханты-мансийцы, родные и незнакомые, провожали мальчишек на фронт, через много лет Алексей тоже напишет в повести «Сотворение Родины». Читая эти страницы, я зримо представляю себе колонну призывников, идущую летним днём сквозь кедровый лес по дороге из центра Ханты-Мансийска в Самарово, к пристани на берегу Иртыша. Потому, что до сего дня часть этого леса по-прежнему тянется вдоль той же дороги... А потом – пароход, уходящий на юг... и армейские будни.

В сентябре 1944 года Алексей Смольников был переведён в Воронежскую радишкола, находившуюся тогда в Новосибирске. Здесь готовили радистов маломощных переносных радиостанций. В ноябре 1944 года, вместе с другими выпускниками радишколы, он был направлен на фронт и попал в 3-ю Ударную армию. Верховное командование уже тогда планировало взятие Берлина. Молодого радиста распределили в артиллерийский батальон 73-го стрелкового полка 33-й Холмско-Берлинской дивизии 12-го гвардейского корпуса...

Листаю сборники стихов А. Смольникова, газетные вырезки о нём, заботливо хранимые в отделе краеведения Государственной библиотеки Югры, и перед мысленным взором встают картины, увиденные глазами будущего поэта.

Могила безымянного солдата.
 Нет имени. А было ведь когда-то.
 Известен даже был размер сапог,
 Пока солдат носить винтовку мог.
 Получил гимнастерку. Б/у:
 Под карманом отверстие пробито.
 Под какою упал он ракитой,
 Тот, другой, кто в ней был до меня?
 Отходим мы, а сосны остаются.
 Скрипят, скрипят...
 Придётся ль нам вернуться?
 О, если бы корни, вместо ног у нас!

Никто в 1944 году ещё не знал, сколько продлится война, сколько ещё погибнет солдат и офицеров... Вчерашний мальчик пишет в 1944 году стихи о письмах и смерти в бою.

В БЛИНДАЖЕ

В блиндаже по бревенчатым стенам уродливо
мечутся тени,
Сжатый сплюсненной гильзой пугливо дрожит
огонёк.

В полутьме разложил я конверты на сдвинутых
тесно коленях –
Письма тем, кто уж к нам не вернётся и
не ступит на этот порог.

... На рассвете атака. Придирчиво чистили мы
автоматы,

Адреса оставляли свои: если что – пусть не ждут.
Никому не известна тяжёлая доля солдата.

Может, многие больше согреться в блиндаж не
придут.

И такой тишиной письма их опоздавшие веют,
Даже страшно назад безответными их
возвращать.

И врагов убивавшие руки не в силах, не смеют
Беспощадное «выбыл» на этих конвертах писать.

Читаю стихи из разных сборников, но ощущение, что это одна – большая поэма о великой беде, о Великой Победе. Сколько же успел будущий поэт увидеть и понять за несколько фронтовых месяцев? И как он отразил в стихах, трогающих душу, ощущения Победы!

Как молоды мы все на этом снимке
И веселы. Берлин у наших ног.
Стоим впритирку,
И сидим в обнимку
А кто-то просто на земле прилёг.
И звёзды наши светятся, и лычки,
И ордена – хоть ставь нас всех под стяг.
Вот только фон какой-то необычный –
Сирень,
А взяли только что рейхстаг.
Тут нам смекнуть бы: вот, мол, мы какие,
Мол, мы на «ты» с историей самой,
А мы-то улыбаемся: живые!

Рейхстаг, он что? Нам фото бы домой...
Но я за то друзей не упрекаю
(Историки поправят нас потом) –
История она и впрямь такая,
Пока скрижали пишутся штыком.

И через тридцать лет поэт будет вспоминать эти дни. В 1975 году он напишет не только о себе, но и о других:

9 МАЯ

Ощущение первое это:
Всё. Свершилось. Задохлась война!
Вот уткнуться б щекою в планету,
Будто мамина кофта она.
И уснуть, словно рухнуть в могилу,
На сто лет в тишину, в забытьё
Чтоб добрать, что не доспано было
За все зимы и лета её.
И потом только, выспавшись вволю,
Вдруг понять, не открыв ещё глаз:
Жизнь твоя – предисловье, не боле
К той, другой, что начнётся сейчас.

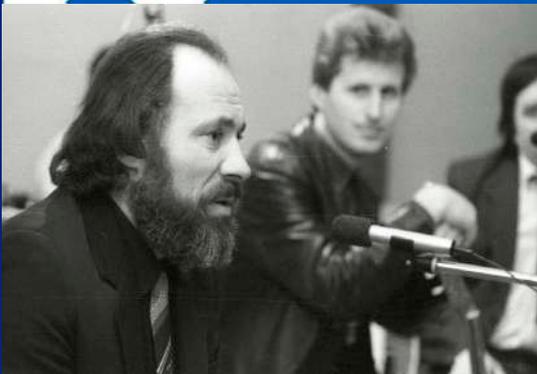
Алексей Смольников остался жив, вернулся к мирной жизни. В 1954 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького, работал журналистом, участвовал в геологических экспедициях на Сахалин, Камчатку и Чукотку. В 1964 году был принят в Союз писателей СССР. Он автор многих поэтических книг, в том числе сборников «Паводок» (1957), «Годовые кольца» (1977), «Полдень» (1983) и многих других. Поэт переводил стихи с языков народов России и зарубежных стран, воспитывал начинающих авторов, способствуя их творческому росту.

В Ханты-Мансийске А. Смольникова помнят до сих пор. В городской школе № 1 есть музей, посвящённый выпускникам школы. И на примере жизни и творчества Алексея Смольникова рассказывают детям о нашей истории.

Юбилей Великой Победы в Великой войне призывает нас вспомнить всех, кто погиб и кто вернулся, отстояв в боях Родину, наших родных и близких, и мир для нас – рождённых после 1945...

**Алла Ивановна
Цукор**
г. Сочи

**Пётр Антонович
Суханов**
1947 – 2008

Родилась в г. Усть-Каменогорске Восточно-Казахстанской области.

Первая публикация сказок состоялась в областной газете «Рудный Алтай» (1973). Стихи и проза печатались в местной периодике, журналах «Советская женщина», «Урал», «Югра», коллективных сборниках и альманахах «О времени, о литературе, о себе», «Эринтур».

Автор книг детских сказок «Приключение Кешки и Плюха», этнографических очерков «Золотой век Пима», книг-размышлений о романах И. Машбаша «Мир и любовь вам, живущие», «Жестокий век», «Народ и история в прозе Исхака Машбаша», «Мамлюки в романе Исхака Машбаша «Восход и закат», перевела садыгейского роман Исхака Машбаша «Чужие среди чужих».

В «Литературной газете» публиковались очерки и критические статьи на творчество югорских писателей Е. Д. Айпина, Ю. К. Вэллы, Т. В. Юргенсон, С. Л. Луцкого, П. А. Суханова, Н. В. Сочихина, Д. А. Сергеева, С. Е. Сметанина, О. Г. Никулина, Уральского писателя и поэта А. Кердана, поэта Евгения Курдакова.

Член Союза писателей России с 2007 г., член Союза журналистов России с 1998 г.

Лауреат Республиканского фестиваля молодёжно-го творчества «Жигер» как лучший молодой прозаик (1986).

Я построю страну

или

*О человеческой жизни
и поэтической судьбе
Петра Суханова*

Из сборников сургутских поэтов, напечатанных в последние годы, наибольший читательский интерес неизменно вызывали книги Петра Суханова. В их числе – «Время первых признаний» (Москва, 1982), «Встреча» (Свердловск, 1984), «Миры и меры» (Москва, 1986), «Площадь Света» (Тюмень 1995), «Высшая мера» (Екатеринбург, 1997), «Заворотъ» (Сургут, 2001), «Разнолетья» (2003). Суханов – лауреат премии им. Чукмалдина (1995), премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа, премии им. Мамина-Сибиряка (2005).

Между этими сборниками уместилась человеческая жизнь и поэтическая судьба, чья логика известна лишь ей самой. Не хочется верить, что

точка в этой поэтической судьбе уже поставлена... Впервые стихи Петра Суханова я прочла в начале восьмидесятых. Помню, сестра, показав сборник «Время первых признаний», сказала: «В Сургуте живёт большой поэт». С фотографии мягко и чуть лукаво смотрел светлоглазый улыбчивый человек, длинноволосый, слегка лысоватый в висках. На лбу прорисовалась вздутая жилка – характерная черта внутреннего напряжения. Густая борода придавала этому романтическому портрету мужественность.

Лишь тот, кто жил на Севере, сможет в полной мере прочувствовать магию ранней поэзии Суханова. Удивительно схожую с первой любовью. Север – центр безумно огромного притяжения. Как любое экстремальное пространство (пустыня, океан, космос), Север даёт потрясающие переживания, глубокие и сильные. Поэтому за стихами талантливого водителя большегрузной машины слышится не столько северная романтика, сколько мощь этой стихии: Раскатали зимник, раскатали, / По морозу: оттепель – беда... / Наши КрАЗы, как на пьедестале / Из тайги выходят в города... За строчками этого лихого парня явно прочитывался молодой художник, обладающий природным талантом и литературной школой в привычном смысле слова, поэтическое слово которого всё больше становилось формой его существования, чья кисть тоньше, слова мягче, взгляд на эту же стихию лиричнее: *Деревни и деревья / В сугробах до небес. / Морозной акварелью / Мир разукрашен весь.*

Только через пятнадцать лет нам впервые довелось встретиться, но знакомство было шапочным. В тот день сургутские журналисты отмечали свой профессиональный праздник – День печати. В разгар веселья в зал вошёл Суханов, окинул чуть растерянным взглядом веселящийся люд и радостно пробаритонил собратьям по перу: «Ребята, сегодня у меня сын родился! Антон!». Я знала, что он давно был на вольных хлебах, жил скудно, обильно пожиная лишь славу «поэта № 1». Эта слава потихоньку делала своё чёрное дело: рюмаха, которую он замахнул за соседним столиком, почти сразу сбила его с катушек. Значит, подумалось мне, Бахус тут уже переусердствовал. Но тогда, в самом конце 90-х, он ещё «тусовался», ещё гонорился, ещё спорил с другими, с собой и судьбой. Позже я столкнулась с Сухановым лицом к лицу, когда затевался литературный альманах «Сургут».

Внешне Суханов старался быть элегантным: ходил в костюме и чёрной водолазке, был коротко острижен, сед, глаза утратили былую лукавость, стали глубокими и грустными, а борода делала его лицо отдалённо похожим на лицо зрелого Хемингуэя. Мы обсуждали концепцию будущего издания, куда Петра Антоновича прочли на должность завлита. Суханов «мэтричал», ерепенился, пикировался с каждым, покрывая пространство хриплым прокуренным голосом. При этом сыпал удивительно чистой русской речью, стилистически правильной, художественно образной. Но сквозь смесь красоты и пижонства прорывалась агрессия: всё-то ему не так! Будто он один знает всё про поэзию! Возмущался в ответ на наше возмущение, мол, при чём тут литературный институт?! Он – поэт и чувствует душой то, что мы – умом.

Ответная реакция у нас мягкая, хотя должна быть жёстче – абсолютную ахинею несёт! Но, с другой стороны – красиво излагает. В конечном счёте, мы ему не верим – он больной на самолюбие человек. А может, мы хитрим? Может, просто Суханов «неудобный» в общении человек? Хлёсткий, прямолинейный и правдивый? Я и сейчас с абсолютной уверенностью не могу точно ответить даже самой себе. Около пяти лет живу в Сургуте, никогда не пытаюсь приблизиться, лишь изредка раскланиваюсь салонным приветствием, боясь сухановской непредсказуемости. А тогда так ни до чего и не договорились, после и вовсе про Суханова забыли.

Да и ему, скорее всего, больше нравилась мысль о стопке водки с острой и горячей закуской. Он надолго ушёл в крутое пике. Видеть замыкающегося на болезни человека и читать исполненные искреннего оптимизма и затаённой надежды стихи горько. Читать намеренно много, чтобы не зачерстветь, чтобы они меня мучили круглосуточно, чтобы я всё время думала и искала – как помочь?..

Ты не верь, что счастья нет!.. / Это осень, осень / По распутьям дум и лет / Наши души носит... / Разметала как листву, все слова и встречи, / И, как в сказку, в синеву опадает вечер. / Возле речки и берёз / Всё в переполохе: / Шум и звон на много вёрст – это скоморохи. / Я присяду в стороне, выпью за удачу... / Хорошо живётся мне – оттого и плачу...

Теперь всё реже и реже маячит среди людей согбенная фигура «поэта № 1». Среди пишущей

братии разговор про Суханова долгий не заводится. О живом Суханове говорят сокрушённо, мол, «поэта без судьбы не бывает», будто его уже и на свете нет. Иногда Горбовского приводят в пример, мол, пока пил – писал гениально, а перестал – исписался. Говорят, его дом стал приютом для бродяг. И едва ли он сам верит, что всё изменится к лучшему. Но всё же... Всё же не верится в последнюю точку Петра Суханова: ведь в пароксизме надежды, он призывными стихами ещё закликает вернуться хотя бы ту, которая сможет хоть что-то исправить в его судьбе:

Всё равно я знаю, что придёшь / и, конечно, не в стихах, а в прозе / скажешь мне с порога: – Ну и дождь! / Только я ведь знаю: это – слёзы... / Ты придёшь. Вернёшься ... / А пока в тишине, в надеждах, в беспорядке, / встрепенувшись, словно бы украдкой, / тянется к перу моя рука...

Нет, не нужно здороваться с ним за руку, целоваться в щёчку, не нужно удивляться осунувшемуся, давно небритому лицу с пролётшими меж бровей складками, чтобы до конца понять эту суровую долю. И уж совсем редко встретишь его на поэтических вечерах, где поэты (успешнее судьбой) говорят о «высоком». Тогда его художное тело ещё больше «скручивается», голова падает на грудь, уходит в плечи: «Ребята, вы ни хрена не смыслите в высоком!».

Пройдёт время, почитатели будут искать сухановские автографы, бережно хранить клочки бумаг с обрывками строк. Будут собираться на поэтические вечера в его память, вспоминать какие-то истории, говорить о дружбе с ним. Будут

вдохновенно читать замечательные стихи, убеждать себя и других в его гениальности. Такое бывает с поэтами. Скажем, с кумиром Суханова – Николаем Рубцовым. Мы – неблагоприятное человечество, безразличное и ленивое. Выражаясь словами булгаковского Воланда: «Люди, как люди!..» А пока чем хуже явь у человека, тем пронзительнее и прекрасней мир у поэта, который, невзирая на жизненный штопор, он возвышенно строит в душе и выражает в стихах:

Я построю избу на крутом берегу. / Заведу голубей, журавля и синицу... / И попробую жить – если только смогу! – / Между прошлым и будущим, как в небылице. / Позабуду, что есть... / Доберусь до сохи... / Наделю трудодни благодатною пашней. / И когда-нибудь выброшу в речку стихи – пусть плывут, / Словно листья, к судьбе настоящей! / Голубая река будет медленно течь, / отражая в погоду небесную стужу, / я построю страну... / в ней с лежанкою печь, / чтобы греть в холода горемычную душу. / Стану жить-поживать при хорошей жене. / Подружу голубей, журавля и синицу, / чтоб никто никогда не завидовал мне, / чтобы чаще случалось всё то, что приснится!..

P.S. Да, уже нет с нами Петра Суханова. Как я и предполагала, уже собирают его атографы, нашлись библиографы, проводят вечера его памяти. и все из тех, кто жил с ним бок о бок, и говорил: «Поэта без судьбы не бывает...».

2017

**Ирина Геннадьевна
Рябий**
Московская обл.

Записанный в Книгу Жизней

Михаил Михайлович Рябий родился 22 ноября 1954 года. Правда, родители в дате сомневались: а, возможно, это было на день раньше?! Вечером 21 ноября они пошли в кинотеатр на новый фильм, но так его и недосмотрели... И вот, почти на Михаила Архангела, – в ночь с 21 на 22 ноября родился у Михаила Кирилловича Рябия и Раисы Сергеевны Тургеневой сын. Было решено назвать его Михаилом.

Отец Мишеньки по возрасту «опоздал» на западный фронт, но принял участие в войне с Японией, победой над которой завершилась Вторая Мировая, имел награды. После войны он, окончив юрфак в Хабаровске, работал следователем, потом юристом на предприятиях. Был эрудитом,

Родилась 28 октября 1954 года в городе Хабаровске. Окончила филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1978) и аспирантуру Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1985-1988). Кандидат филологических наук, доцент.

С 2002 по 2018 год преподавала в Югорском государственном университете. Доцент кафедры журналистики и литературы с 2002 года. Руководила городским литературным объединением «Югорские ваганты» с 2009 по 2016 год. С 2008 по 2011 год руководила Ханты-Мансийской окружной организацией Союза писателей России.

Автор сборников стихов «Что сделаю я?» (1995), «И пусть катится век за веком» (2001), «В сиянии лунном» (2003), «Высота неведомого свода» (2004), «Обратная перспектива» (2010).

Автор более 60 критических и литературоведческих статей.

Член Союза писателей России с 2007 года.

**Михаил Михайлович
Рябий**

1954 – 2023

как специалист подавал большие надежды, но карьеры, которую ему прочили, так и не сделал из-за мягкости характера. Мать Миши – бухгалтер, пошла по стопам своего отца, Сергея Николаевича Тургенева, ревизора, который оказал большое влияние на формирование личности внука. Сколько всего необычного, как потом окажется, знал его дед из дворянского прошлого, да вся его биография была полна загадок.

Детство Михаила-младшего протекало в городе Комсомольске-на-Амуре и напоминало счастливую пору послевоенных лет всех его сверстников. Судя по воспоминаниям родственников, Миша рос любознательным, весёлым и очень разговорчивым ребёнком. Когда встал вопрос о получении им высшего образования, он выразил желание поступить на журфак. Однако отпускать сына во Владивосток, где в университете готовили журналистов, родители не захотели. Родственники склонялись к тому, чтобы Михаил стал строителем. Однако директор школы решил его судьбу, дав рекомендацию не на строительный факультет политехнического института, а на филологический – пединститута, сказав: «Ну какой ты строитель? Ты у нас журналист, писатель!».

Во время студенческой жизни ему всё давалось легко: и бесконечное чтение книг, и сдача зачётов с экзаменами. Беззаботной стрекозой студенчество болтало на парах, играло на спектаклях в студии «Филолог», разыгрывало приятелей, дискутировало на дружеских пирушках. Михаил был у всех на виду, девчонки вертелись вокруг, преподаватели кафедры литературы его обожали... После института – женитьба, рождение дочери Евгении, этот бег с препятствиями не мешал ему радоваться жизни.

После возвращения из армии Михаил пошёл работать на Комсомольскую-на-Амуре студию телевидения и радиовещания. Лёгкое перо, умение общаться, организаторские способности – всё это сделало его любимцем острых телепередач, таких как, например, «Под контроль масс». В те времена быстро пройти по городу из точки А в точку Б нам было практически невозможно. Его узнавали на улице, останавливали, задавали вопросы, просили помочь. С ним любили работать многие гости, приглашённые на прямые эфиры. Среди многочисленных участников телепередач были и большие чиновники. Один из них – Юрий Фёдорович Матвеев, председатель горисполкома города Комсомольска-на-Амуре

(1989-1991 годы), еженедельно знакомивший комсомольчан с общегородскими проблемами.

Однажды Михаила пригласили в КГБ в качестве ведущего будущей передачи об этой серьёзной организации, он взялся и за решение непростой задачи. Потом была работа по созданию сценария фильма «Дорога в никуда» о лагере, расположенным ниже по течению Амура, где содержались политзаключённые.

Михаил первым в истории Комсомольской-на-Амуре студии телевидения сделал передачу о священнике – отце Геннадии (Папазове).

А сколько историй ветеранов и обычных граждан прошло через его сердце. Десять лет – сплошные встречи, работа над текстами передач, встречи с выступающими... но сам он чувствовал, что «вырос» из студии. И тут фортуна преподнесла подарок. Для его получения нужно было переехать в другой город, потому что там открывался институт. Администрация института была не прочь отправить своего перспективного сотрудника в очную аспирантуру московского вуза.

Расставание было тяжёлым. В Комсомольске у Миши оставалась мать, многочисленные друзья. Среди них самые близкие (кроме его сокурсников), любимые физик с лириком: Николай Жмаев и Людмила Зинюкова.

Рассчитавшись на студии, он стал усиленно готовиться к экзаменам, и уже осенью 1990 года, в кульминацию перестройки, был зачислен в Московский государственный областной университет на кафедру русской классической литературы. Его научным руководителем стала профессор Вера Николаевна Аношкина, заведующая этой кафедрой, необыкновенная женщина, живущая душою в высоких сферах, очень много сделавшая и как учёный, и как педагог, взрастившая ни одно поколение исследователей в области изучения истории русской литературы.

Заниматься исследованием текстов писателей, литературных критиков, философов – давняя и тайная мечта моего мужа! На заседании кафедры была утверждена тема его кандидатской диссертации: «И. В. Киреевский как издатель журнала “Европеец”. Литературный круг ранних славянофилов», которая была им выбрана неслучайно. Личность Киреевского, крестника

В. А. Жуковского, оказалась ему духовно близкой. Под многими его высказываниями Михаил мог бы подписаться. Например, под

словами Киреевского, обращёнными к единомышленнику-славянофилу

А. И. Кошелеву: «Куда бы нас судьба не завела и как бы обстоятельства ни разрознили, у нас всё будет общая цель – благо отечества и общее средство – литература <...> Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов, и чистоту жизни возвысим над частотою слога...».

Учёба Михаила совпала с эпохой перемен. В магазинах было пусто, стипендия больше не выплачивалась, пришлось совмещать написание диссертации с работой за кусок хлеба. В столице разворачивались известные политические события, было беспокойно. Миша любил вспоминать, как за несколько дней до его защиты Вера Николаевна, поправляя на нём шарф, сказала: «Осторожно, Михаил Михайлович, на улицах стреляют!». Эта тёплая забота научного руководителя тогда почему-то ассоциативно напомнила ему о событиях романа Михаила Булгакова «Белая гвардия».

Защита диссертации была назначена на день Покрова Пресвятой Богородицы, 14 октября 1993 года, и прошла «на ура».

Возвращаться и хотелось, и не хотелось: с одной стороны, семья,

с другой – город и вуз, к которым он ещё не привык.

Преподавание на кафедре литературы в Биробиджанском государственном педагогическом институте Михаил совмещал с работой в издательстве, которое в те трудные времена из-за недостаточности средств никак не могло развиваться. Зато студенты его любили. Дома двери почти не закрывались: коллеги, студенты, друзья, родственники.

В 1994 году в Биробиджане наша семья познакомилась и подружилась

с первым священником города о. Димитрием (Каплуном), ныне иеромонахом Иоанном, который в 2007 году принял деятельное участие в создании женского монастыря во имя Святителя Иннокентия Московского в селе Раздольном Биробиджанского района.

«Биробиджанский период» больше всего запомнился вузу нашими театральными постановками. Сценарии писала я, а режиссуру делал муж. Играли, конечно, студенты. Зрители были

в восторге, а сами актёры становились нашими друзьями.

Естественно, что у Михаила не могли не появиться тайные недоброжелатели. Но дело даже не в них и не в тех «палках», которые они норовили вставить в колёса, – Михаилу вновь стало «тесно», ему хотелось чего-то другого. И снова случай: внезапное приглашение от знакомой по аспирантуре почитать лекции в Ханты-Мансийске с возможностью переезда для работы в филиале Нижневартковского государственного педагогического института. В столице Югры собирались в ближайшем будущем открывать государственный университет.

Так, осенью 1998 года мы с дочерью и совсем крохотной внучкой Дарьей оказались в Ханты-Мансийске. Это был второй счастливый билет, хотя поначалу было нелегко – переезд пришёлся на дефолт: зарплаты не было в течение полугода у всех членов семьи. Но эти неприятности компенсировались новыми перспективами – моего мужа назначили заведующим кафедрой филологии Ханты-Мансийского филиала. Продолжалась работа над докторской, да и открывался широкий простор для новых знакомств на новой земле. И здесь нас ожидали промышленные встречи. Одна из таких – знакомство со священником Сергием (Кравцовым), беседы с которым были духовно полезными.

Среди студентов филиала было много ханты и манси, приехавших из далеких деревень и стойбищ, которым учёба давалась нелегко. Михаил Михайлович быстро нашёл к ним подход, введя в практические занятия элемент театрализации. Он всегда пытался заразить студентов своим предметом. Одной из важных форм изучения литературы, по мысли Михаила Михайловича, была работа над рефератами, отзывами, статьями. Вместе со студентами он создает в 2001 году первый сборник «“Я вижу мир иным...”». О творчестве писателей и поэтов Ханты-Мансийского автономного округа». К этому времени он уже успел познакомиться с писателями Югры, которые раз в год собирались на общие собрания в гостеприимном Доме писателей, он в ту бытность располагался на улице Механизаторов 3 «б». В самом Ханты-Мансийске проживали, кроме авторитетного председателя окружной организации Николая Коняева, известные российским читателям Еремей Айпин, Мария Вагатова, Андрей Тарханов. Позже переберется в

Ханты-Мансийск Юван Шесталов. Познакомит-ся Михаил и с прекрасным прозаиком Сергеем Луцким, и с автором остросюжетных повестей и рассказов Сергеем Козловым, и писавшей на исторические темы Маргаритой Анисимковой. А сколько замечательных поэтов открыли мы для себя: Дмитрия Мизгулина, Владимира Волковца, Петра Суханова, Людмилу Ветрову. Всех не перечислить... Вообще обилие талантов в Югре всегда радовало Михаила, а писателям был просто необходим человек, который со знанием дела даст оценку тому или иному произведению. Особенно было важно слово критика начинающим авторам. К нему стали обращаться за рецензиями, статьями об изданных произведениях и творчестве здравствующих поэтов и прозаиков. Он с удовольствием знакомится со вступившим в Союз Валерием Михайловским. Борис Зуйков предлагает ему публиковаться в выходившей тогда писательской газете «Литературная Югра», а позже Николай Коняев – в альманахе «Эринтур».

Многих авторов Михаил поддержал на их творческом пути. Он был генератором идей, инициативным и напористым: договаривался о проведении конференций, писал отзывы, давал устные консультации. Никогда никому не отказывал в помощи, более того – всегда сам предлагал её.

В мае 2008 года моего мужа приняли в Союз писателей России. В качестве его поручителей, как он сам потом удивлялся, оказались «аж три секретаря региональных писательских организаций».

Михаил не боялся идти вразрез с чьим-то мнением, если это было необходимо для общего дела. Когда в университете спустя несколько лет после его открытия (в 2002 году), стали ходить разговоры о возможном «сворачивании» русской филологии, он поднял этот вопрос на писательском собрании, проходившем в присутствии Валерия Николаевича Ганичева, председателя Союза писателей России (1994-2018 гг.). В результате этого выступления на имя губернатора Ханты-Мансийского округа пришло письмо за подписью всех членов Союза писателей России в защиту русского языка и литературы в Югорском государственном университете. Можете представить себе реакцию ректора...

Вообще, в большое дерево всегда бьёт молния, вот и Михаила судьба не щадила. Досталось ему с лихвой: слишком уж яркой, неординарной была его личность. Иногда близких

удивляла его необъятная доброта вперемешку с наивностью и неуместными разговорами, которые были на руку недоброжелателям. Эти его качества были подмечены в моём стихотворении, посвящённом ему ещё в 1976 году:

Среди толпы чужой и тёмной
Ты был мне – книжный идеал,
И этот мир серо-нескромный
Тебя к себе не принимал.

И впрямь, как медвежеподобен,
Как неуместно странен ты,
И как громоздко неудобен
Ты для квартирной высоты!

Как не летать небесной силе
В краях подводных, в глубине,
Так и твои тяжёлы крыле –
Ты гость случайный на земле.

И потому вдали сраженья
С земною косою судьбой:
Победы ль будут, пораженья? –
Но, как в стихах: «И вечный бой...»

Как страшно, друг! Сбежать бы в детство, –
В звучащий сладко твой рассказ –
В старозаветный, старосветский
В провинциально-тихий час.

И вот провинциально-тихий час настал. Болезни Михаила вынудили нас оставить жизнь на Севере и перебраться поближе к дочери, которая жила к тому времени с семьёй в Москве. В 2016 году мы переехали в село близ Переславля-Залеского. Сосновый лес, речка, тишина деревенской жизни, чудесный храм во имя Преображения Господня, где служит добродушный батюшка Михаил (Лазарев), книги, во дворе ласковый к своим пёс. Нечастые выезды в Переславль, богатый своей историей, и в столицу. Какое-то время до пандемии мы преподавали в музыкальном колледже, расположенном в Николо-Сольбинском женском монастыре.

Здесь, в деревне, Михаил продолжал постоянно работать. Писал книги, статьи, рассказы, стихотворения. Очень много читал, закачав громадную библиотеку себе в компьютер. У Миши был довольно большой круг общения в социальных сетях. На расстоянии он особенно любил

общаться с духовно ему близким поэтом Дмитрием Мизгулиным. Иногда к нам заезжали долгожданные гости из Москвы, Дальнего Востока, Ханты-Мансийска. Среди них чаще всех – Игорь Александрович Ширманов, интересный рассказчик, философ и талантливый прозаик.

Наша сельская идиллия продолжалась почти 7 лет...

Я не могу сказать, что Михаил ушёл. Нет. Он, конечно, останется в своих учениках, книгах, памяти друзей. Но меня всегда мучило: насколько долговечна эта память? Ранее, бывая на панихи-

дах, во время пения «Вечная память», я сомневалась: а возможна ли «Вечная память»? Человек склонен к забывчивости, – своих-то предков мало кто помнит, а порой и не ведаёт...

Но недавно осенило: для тех, кто знает, что существует Тот Свет – и он Вечный, значит и память тоже может быть Вечной.

Бог записывает своих в Книгу Жизни. Есть такая Книга – и он в неё записан. Поэтому Михаил не ушёл. И ни один из неё никогда не уйдёт в небытие: Вечная Память.

Ирина и Михаил Рябий

Наира Симонян – зёрнышко, согретое в ладонях Доброго Сеятеля...

Настоящая поэзия после близкого соприкосновения с нею может показаться необычной, загадочной и пленительной – чудом, поскольку мысль, заключённая в ней, запоминается, прежде всего, ощущениями образов, что западают в читательскую душу. Стихи Наиры Симонян соответствуют этой закономерности и покоряют свою исповедальностью:

*Слишком жизнь коротка, чтоб поверить
в Тебя без сомненья,
Слишком жизнь коротка, и от скверны
очиститься лень,
Слишком жизнь коротка, светоносного
благословленья
Мы не зрим во грехе и – слепые – всё
прячемся в тень...*

*Глазам ты моим, ах, доверился зря,
В них правды ни капельки нет...¹*

Строчки эти, переведённые на русский язык, отличает изящество формы, восточная узорчатость и глубина лирических переживаний. Дочь Армении, тоскующая по родному очагу – грузинскому Джавахку, и нашедшая себя на русском Севере, удивляет присутствием сокровенных истин, постигнутых Востоком в древности и отточенных в веках.

Родина Наиры приняла Православие гораздо раньше России: ценою огромных жертв и невероятных усилий маленькая, но великая страна, не переменила веру, как бы её к этому не принуждали. Отпечаток пережитого сохраняется в крови каждого, кто родился уже после великой трагедии армянского народа. Эта скорбная память о перенесённых страданиях невольно присутствует и в любовной лирике Наиры и всякий раз выплывает наружу, как отголосок былого. Казалось, речь в стихах только о любви лирической героини к своему избраннику, но откуда же тогда такая необычная образность: «Я себя распяла гвоздями светлых грёз...»? Автор находится в таком возрасте, когда праздник жизни в

самом разгаре и вот посреди его он признаётся читателям: «Каждый день от тоски умираю я тысячи раз...»: конечно же, это не простая случайность! Не от того ли стихи Наиры явно не такие чувственные, как у многих представительниц женской поэзии? Зато они в большей степени философичны и посвящены поиску смысла жизни.

*Загадка трудна, мне её не понять:
Зачем я живу и хранитель чего?..*

Да, стихи Симонян по-восточному философичны: в них можно найти «утешения», «советы» и «правила жизни». Мать и Учитель на Востоке – это святое! Восточная премудрость, помноженная на женскую искренность, делает поэзию Наиры непосредственной, порою даже наивной, но именно этим и привлекательной. На их фоне проигрывают любые современные стилизации под восточное «сладогострастие» и прочие восточные изыски.

Познакомиться с творчеством Наиры Симонян удалось благодаря её совместному сборнику с Павлом Черкашиным «Дорогами потерь и обретений». Книга вышла четыре года назад в Ханты-Мансийске.

В разделе, посвящённом творчеству Наиры, выдержан особенный характер ее стихов. Здесь ярко представлен восточный колорит, противопоставленный, с одной стороны, «мужской» поэзии Павла Черкашина, и, с другой, её славянской окрашенности, где ноты Православия звучат совсем иначе. Под одной обложкой расположились две «страсти», две «мудрости» и две «образности», им есть чему поучиться друг у друга.

У Наиры редчайшее качество: не навязывать свою точку зрения, и тем не менее чувства её героини заразительны, потому что она – человек, прежде всего, чувствующий.

Жертвенность и пленительность лирической героини естественны и органичны, свидетельствуют о сокровищах её души, в которых запечатлён образ любимого, домашний очаг и дети. Но не только это объединяет её с россиянкой. Обе любят, чувствуют, страдают. Женская доля заключает в себе неизбежность душевных мук.

¹ Ссылки даются по книге Наира Симонян Павел Черкашин Дорогами потерь и обретений. Стихотворения. / Пер. с арм. П. Р. Черкашина; Пер. с рус. Н. А. Симонян; Предисл. Эммы Ахтян; Послесл. М. М. Рябия Ханты-Мансийск: Изд-во «Юграфика», 2014. – 116 с.

*Кто этот принц? – Мой век во всех обличьях,
Он любит быть хозяином всего,
То пьян и похотлив до неприличья,
То снова будто не было его,
И мне опять по морю плыть страданий.
Я не принцесса жизни, ни коня,
И ни кареты... Пеший путь скитаний
Туда, куда душа влечёт меня.*

Женщина Востока, воспетая поэтами, являлась объектом их поэзии. В мужской лирике женский образ выступал в ореоле эротики или, напротив, был представлен как недостижимый идеал. Теперь же, в стихах поэтессы женщина представлена субъективно. Читатель смотрит на мир уже женскими глазами, перед ним раскрываются мысли и чувства самой женщины через образ её лирической героини, которая пытается постичь мудрость этого мира и саму себя:

*Дней круговерть мотается в судьбу.
Мелькают дни – цветные нити шёлка,
Я их пряду – растёт веретено
Самопознания. Пусть безумно долго,
Но только так мне к Богу суждено.*

На первом месте в лирике Наиры Симонян – её душа, блуждающая во времени и пространстве, которые имеют определённые координаты. Лирическая героиня Симонян – современная женщина, любящая, страдающая, спорящая со своей судьбой и смиряющаяся с законами бытия, но упорно пытающаяся понять смысл своего существования:

*Когда в свой час моя душа пустыней станет
И превратится влага слёз моих в гранит,
Когда в глазах моих цветущий блеск увянет,
Не озарят улыбки радости ланит,
Когда в свой час моя душа не отзовется
Окаменеет мой язык, лишённый слов,
Когда последний чуткий нерв не ужаснётся
И станет скучен мир и холодно суров,
Тогда умру я, тихо, без предупрежденья,
А слуги Бога мою душу заберут.
Придёт шумливая весна и в облаченья
Оденет деревья, в ярчайший изумруд.
Щедра! Мне тоже принесёт она наряды.
Но слишком поздно. Не примерю платье я.
И над моею обнажённостью наяды
Она беззлобно рассмеётся, как дитя...*

И всё-таки для нас Наира – художница, знающая

цену своему ремеслу: во всём чувствуется мера – мыслях, чувствах.

Её поэтические творения живые, они дышат и у них тоже бьются сердца, как и у людей. Разговариваешь с ними и начинаешь постигать кое-что в поэзии и нашей жизни. Оказывается, любовь – опасный соблазн: им пронизана каждая строчка, каждое авторское слово. Но как прожить без этого соблазна в мире, где многим уготовлено судьбой сгорать от безответной любви и одолевающих нас страстей. Разве женщина не выстрадала это право только одним избранным упрёком к мужчине – «Мой милый, что тебе я сделала?»

Любовная лирика, как и Божье слово, имеет своё выражение – и не важно, на каком именно языке это всё было сказано впервые! Вера и Любовь, без посвящённых в их честь гимнов, безжизненны. И здесь при своей, казалось, внешней неуверенности, Наира естественна.

*Совпала биосфера с самым-самым –
С чертогом Господа, где вечная весна.
А письма (хочу, чтоб не винули)
Лишь для того, чтоб вы припомнили о том,
Что жизнь моя мазками кошенили
И ваш когда-то освятила щедро дом.*

У лирической героини Наиры Симонян любовь – высокое чувство. Причастность к нему требует от неё смирения, а не самоутверждения. Как автор, она единое целое в трёх ипостасях. Пишет, как думает, думает, как чувствует, как чувствует, так и любит! И это – её жизнь, её дыхание! Разве можно всё это уложить в прокрустово ложе доказательств и убеждений? Наира пытается выразить чувство в слове, несущем духовность, и переводчики стремятся помочь ей в этом.

В послесловии к сборнику стихов Наиры Симонян и Павла Черкашина – в этой книге поэты переводили друг друга, – не случайно говорится о строках Наиры, как образце любовной лирики, где, с одной стороны, преобладает восточная женская покорность, с другой стороны, как у обратной стороны медали, присутствуют лукавство и соблазн.

За простотой и незатейливостью её некоторых строк скрывается выстраданная философия – философия любви и веры. Это всегда не только потрясает читателей, но и делает их добрее, сострадательнее, внимательнее к другим.

*Тебя боготворила, полна любви огня,
Твой образ безупречный храня в колодеце слёз.*

... А я по бездорожью
Ночей и дней земных иду к тебе, мой милый,
Ты – веры свет во мне, тебе мой гимн красивый...

Философичность лирики Наиры Симонян отражена в повышенной метафоричности.

О, разума невод, когда рассекаешь ты море
Бесчисленных мыслей и вдруг вынимаешь
на свет
Мгновенье, как рыбку в прекрасном златом
ореоле,
Корыстной старухой из сказки – сомнения нет –
Я стану тотчас, ведь хочу получить...
все мгновенья.

Возможно, некоторые её образы кому-то покажутся странными, как в поэтической строчке «Плыть в Никуда – бессмысленно и тщетно», ведь во всей Вселенной не существует места под названием «Никуда». Но в этом можно увидеть почерк поэтессы, мыслящей парадоксально:

Эх, жизни дни! Как прожила – не знаю.
Была ли я? – Сомненье и вопрос.

Лирика Симонян, богатая тропами, родилась не сама по себе, а стала логическим продолжением всего того, что порождено мировой поэзией и армянской в первую очередь. Эта традиционность проявляется не только в стиле, но и в образе мысли:

День уходящий, размазанный щедро –
лица не видать,
Искры в глазах моих, образы были, как думы,
бесценны...
День уходящий, размазанный и по ноздрям, и губам,
День, что размазан обильно по всей моей
женской природе.
Голос судьбы моей, песни далёкой чуть слышный
мотив,
Слово моё и года на суде неподкупном
небесном. ...
Тело всё празднует, жёлтым в жаре
удовольствий представ,
Празднует тело – и глину мою тихо месит
с землёю...
День уходящий, размазанный густо по телу
всему –
Смерть ли мою ты забрал или Богом спасённую
Душу?..

При этом необходимо учитывать, что женская поэзия переведена на русский язык мужчиной, поэтом Павлом Черкашиным! Совершенно верно заметила по этому поводу Татьяна Юргенсон: он открыл для себя в творчестве Наиры такие глубины, в которые захотел погрузиться с головой, чтобы прочувствовать и понять сущность иного творчества.

Ну, например, как не восхититься этой мыслью и не подарить её своему читателю:

Чтоб уходя, смогла я сгусток слов
Оставить миру в дар насущным хлебом...

В переводческой деятельности существует дистанция точности и её необходимо постоянно выдерживать, как вино в подвалах, с которым сравнивала свои стихи Марина Цветаева. Когда мы пытались переводить некоторые стихи Наиры, то часто удерживались от соблазнов в каких-то строчках подойти к подлиннику ближе в ущерб образности и логике всего стихотворения. Поэтому наш перевод, только что процитированного стихотворения «День уходящий, размазанный щедро – лица не видать...» в отличие от черкашинского, может быть, и менее конкретен, но чувствами и образностью наполнен от всей души:

День уходящий, с норовом шустрым –
лица не видать!
Спутавший мысли и чувства, из глаз
высекающий искры!
День уходящий, дарующий страстной любви
благодать,
Женская доля в котором едва обозначена смыслом...
Голос судьбы, доносящий извечный забытый
мотив,
Слов облаченья в роскошных и нищих одеждах –
Всё нам зачтётся судом, где телесность –
теперь уже миф,
И пониманье того, что низвергнуты в вечность
надежды!
День уходящий, нежданно-негаданно ставший
порогом!
Путь мой, как прежде, с уклоном, но все-таки с
Богом!

Древние говорили: о чём нельзя сказать, о том следует молчать. Но поэт – счастливое исключение из правил. Поскольку, если он – духовный человек, то у него есть моральное право переводить с пророческого языка на простой человеческий,

ибо люди обычно не внемлют божественным истинам, открытым только пророкам, им нужен толмач по их подобию. Но одного подобия мало – нужна тесная связь между ними и тем, что гораздо значительнее их, – настоящим, не затёртым – духовным Словом!

Абсолютно в точку попала автор предисловия к сборнику Эмма Ахтян, когда заметила: «Потрясающее самооткрытие, самооценка...», нельзя не удержаться ещё от одной её цитаты в адрес Наиры: «Кажется, она, то зёрнышко, согретое в ладонях Доброго Сеятеля...».

Наире важно познать себя, чтобы оставаться беспристрастной по отношению к себе и своему таланту. Достигнув этого рубежа, следует непременно готовиться к преодолению следующего: добиться такого уровня концентрации творческих сил, чтобы стать связующим звеном поколений. В нём, как в точке пересечения, встречались бы многонациональные коды культур – прошлого, настоящего и будущего.

*Ты помнишь день, когда смешалось время?
Июня третье выпало число.
Мы вышли – и дорог различных бремя
Безудержным теченьем понесло...
Дороги обманули? Если честно,
Не ведаю, ведь я ещё в пути,
Ты перешёл земли и неба место,
Свой горизонт. Куда теперь идти?..
Я на дороге, ты – за Рубиконом,
Судьбы безвестен мне грядущий день.
Смысл жизни? – Ясно всё тебе об оном,
Весь космос пред тобою сбросил тень.
А я в пути... Сегодня третье марта
И по календарю весенний день.
Всех невод остановит без азарта –
Седое время, ведь оно – мишень.*

Для Наиры, как автора, отдельное стихотворение не существует вне связи с целым. Ведь перед нами разворачивается картина собственной жизни лирической героини, маску которой примерила на себя сама Наира. Это динамичное повествование о себе самой во времени и пространстве не может ни коснуться двух культур – Востока и России. Поэтическое творчество наследницы армянской словесности Наиры Симонян нельзя представить без всеединства и духовного взаимообогащения великих культур. Процесс этот повлиял на мировоззрение художницы.

*Вот парадокс: я, как эфир – прозрачна,
Но в то же время сущностью своей
Загадочна, сложна и многозначна.*

Всеобщность, всеохватность и даже космичность начинает пронизывать стихи Наиры Симонян в перспективе. Это свидетельство того, что она на пути к настоящей поэзии. Восток для неё важен, поскольку он не только географическая, но и культурная реальность. Эта реальность также важна для русского читателя: благодаря ней, совершается художественное открытие исторически сложившегося мудрого мира. Но и Россия предстаёт в облике страны, объединяющей Восток и Запад в единое человечество.

От переключки с поэзией Новеллы Матвеевой во фразе «Глазам ты моим, ах, доверился зря...»; от робких шагов-строк, посвящённых Сергею Есенину в стихотворении «И не было будто совсем ничего», в которых русский национальный поэт предстаёт собратом по творчеству, Наира уверенно устремляется к дальнейшим поэтическим открытиям. Новые её стихи заслуживают особого внимания читателей и, следовательно, издания полновесного авторского сборника. Среди них замечательными показались строки о России. В одном из последних произведений, знакомым нам, к сожалению, по рукописи, происходит качественное осмысление нравственного пути лирической героини, как личности живущей на российской земле.

*Я останусь в России, в пучине берёзовых роц,
Недоступной для чтения тайною книгой тоски,
Я останусь в России душистых цветов языком,
Между жизнью и смертью вулканом бурлящей,
как страсть.*

*Я останусь в России, от родины милой вдали,
Как осколок сияющий слов араратских родных,
Как звезда еле видная в небе на Млечном пути,
Затеряюсь в объятиях радушных сибирских снегов.
Я останусь в России, на русской христовой земле,
Здесь мне легче стоять на морях бесконечных
тоски.*

*Пусть как прежде судьба вызывает меня на дуэль,
Как святого Петра, распинает на страшном
кресте,*

*Я останусь в России, безадресным кратким
письмом,
Запыхавшийся мир не заметит его, не прочтёт.
Я останусь в России, как звонкая горская песнь,
И осмыслит её с благодарностью русский поэт.*

**Дмитрий Владимирович
Ларкович**
г. Сургут

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета.

Почётный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры, член Союза журналистов РФ, член АНРИ.

Автор более 150 научных работ по теории и истории русской литературы. Сфера его научных интересов: жанровая динамика русской литературы Нового времени, авторология, синтез искусств, геопоэтика, филологическая регионалистика.

Мысли, навеянные книгой

Книга «Услышь мой голос...» содержит подборку новых произведений сургутского поэта Сергея Ильиных. Уже в её названии слышится страстное приглашение автора к откровенному разговору, душевному диалогу, доверительному общению, которое будет проходить на языке звучащего слова. А каким иным языком может ещё изъясняться поэт, если исходной формой поэзии было пение? Читая стихи Ильиных, воочию убеждаешься в том, что поэт – это тот, кто поёт, и по звучанию его голоса безошибочно можно определить, что его волнует, о чём он размышляет и чем желает поделиться со своим собеседником.

Примечательно, что в сборнике нет привычного деления на части, главы, разделы, но отчётливо угадываются эмоционально-тематические фрагменты, переходы к которым сродни смене песенных мотивов.

Безусловно, автору книги есть что сказать, ведь его лирический герой в полной мере ощущает себя странником, пилигримом, чьи личные впечатления рождаются в процессе постоянного и непрекращающегося движения, перемещения в различных жизненных пространствах. Способность открывать этот мир заново и неустанно удивляться своим неожиданным открытиям позволяет ему подмечать, как вызревает и падает на цветок росинка, слышать, как осенний ветер беседует с небом, резонировать с величественным звучанием симфонии небесного оркестра.

Но вот в ментальных странствиях по бескрайним просторам бытия наступает краткосрочная

пауза, и тут же обретенные впечатления побуждают его к уединённым раздумьям о соотношении случайного и закономерного в жизни человека, о самом смысле человеческого существования и о причудливости жизненных сценариев, продиктованных судьбой.

Слово «судьба», кстати, вообще часто встречается на страницах сборника «Услышь мой голос...». Нет, автор не исповедует фатализм. Как раз наоборот, он как бы невзначай подводит своего собеседника к мысли о том, что судьба – это то, что определяется выбором каждого из нас. Потому-то одному судьба дарует жизнь, что «весёлых загадок полна», другой же предпочитает «отцвести на земле незамеченным, / не оставив на ней ни следа». Лирический герой Ильных из тех, кто со своей судьбой на «ты». Он готов с ней спорить и даже ругаться, но всегда пылливо всматривается в её знаки и стремится разгадать их смысл.

Задаваясь вопросом «Как долго мне ответов ждать?», он вдруг начинает осознавать, что любые попытки переспорить свою судьбу бессмысленны, когда свои права заявляет неумолимое Время. И – как следствие – «вдруг становятся дороже» те самые «банальности» и «мелочи», из которых и складывается наша жизнь. Всё случайное, словно шелуха, отсеивается и остаётся то, ради чего стоит жить: «Уходит время, где поёшь и плачешь, / Но не порвётся дружбы нашей нить».

Но вот в минорную партитуру размышлений о превратностях человеческого существования встраиваются интонации светлого пейзажного адажио, и в композиции книги возникает иной тематический регистр.

Небольшая по объёму, но выразительная по форме подборка стихотворений сборника образует особый «календарный цикл», основная мысль которого – мир бесконечно многообразен, но неизменно прекрасен, нужно только уметь разглядеть чудесное в обыденном. Отсюда и обращённый к собеседнику призыв: «Ты утро встречай как ребёнок – шутя». Этот незамутнённый детский взгляд на мир позволяет ощутить, что «осень – не повод для грусти», что только зимой можно увидеть, как «дрожит, колышется эфир», а с каждым приходом весны сердце становится «светлей». Созерцание «животворящих пейзажей неброской русской красоты» особым образом обостряет слух лирического героя, и это удивительное сочетание цвета и звука порождает в нём способность слышать музыку вселенной, направляемую уверенной рукой небесного дирижёра.

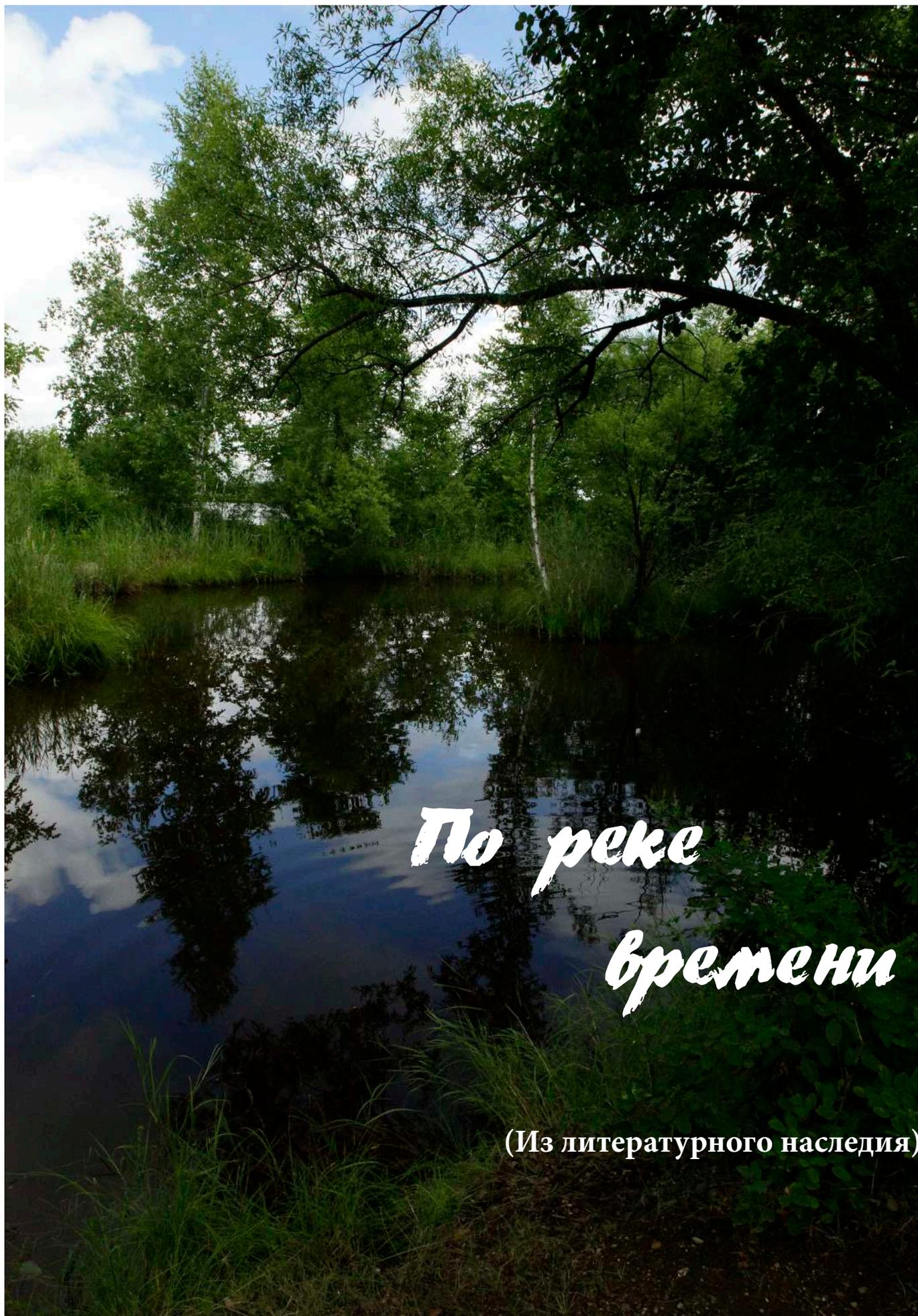
И вновь меняется тональность, потому что в голосе поэта появляются ноты затаённой нежности и сдержанной страсти. Да, конечно, разговор заходит о женщине, такой близкой и такой недоступной, покладистой и своенравной, манящей и постоянно ускользающей. Читая эти строки, знаток любовной лирики, наверное, будет разочарован, ибо он не найдёт здесь условно-поэтических клише, сотканных из томительных страданий, золотых локонов и бездонной синевы пылающих очей. Это очень личные стихи, в них много от того, что наблюдательный Некрасов некогда определил словосочетанием «проза в любви», исключаящем высокопарный романтический флёр. Да и сам поэт далёк от намерения предстать перед читателем в маске опытного героя-любовника, рокового оболстителя, в чём решительно и без стеснения признаётся: «Я совсем безграмотный в любви».

Но тем-то и подкупают его признания, что они безыскусственны и порой наивны, но в их стыдливой недоговорённости угадывается сила большого и настоящего чувства, равновеликого силе самой жизни: «Это значит, что ты – моё вечное солнце. / Это значит, что солнце я должен беречь».

Звучат в сборнике и отголоски военных событий. Звучат, как набат, в напоминание о том, как хрупок и уязвим наш мир, как тонка грань между жизнью и смертью и как ценна каждая минута, прожитая под чистым голубым небосводом. А мальчишки, как и прежде, играют в «войнушку», и это значит, что всё, уже когда-то пройденное и выстраданное, будет вновь и вновь повторяться, совершая свои очередные витки на раскалённой спирали исторической бесконечности.

В завершение автор адресует своему собеседнику стихотворную исповедь, которая звучит как песня-признание, как подведение промежуточных итогов прожитого временного отрезка, как взгляд со стороны на то, что состоялось или состояться могло. Впрочем, слово «исповедь» не вполне подходит к этому поэтическому сообщению, ибо здесь нет ни раскаяния в ошибочном, ни сожаления об утраченном, зато отчётливо различимы торжественные созвучия благодарности высшим силам за дар обладания собственным голосом, который является залогом бескорыстного и безусловного поэтического служения.

Поэтому-то так важно автору этой книги, чтобы его голос был услышан, чтобы на него, говоря словами Пушкина, родился «отклик в воздухе пустом».

*По реке
времени*

(Из литературного наследия)

**Юрий Кылевич
Вэлла
1948–2013**

Узнать и полюбить... Если не полюбить, так понять и принять других людей, другой народ можно только через знания, глубокое погружение в ментальный мир. В современных условиях способом воссоздания этого мира стали этнографические музеи, настоящая задача которых в первую очередь сохранить духовную составляющую народов, а материальную, физическую часть представить уже как результат этой духовной жизни.

По крайней мере Юрий Кылевич видел эти цели и потому так активно участвовал в этом процессе. Известный на всю Югру и не только Варьёганский этнографический музей, музей под открытым небом Югра в составе Мегионского экоцентра, большущее число экспонатов в Нижневартовском музейном комплексе – всё это результат огромного труда и личного вклада Ю. Вэллы. И смысл, который он закладывал в создание музеев не обезличивание экспонатов, а сохранение памяти о конкретных людях. Каждый предмет, предложенный им в музеи, имеет такую легенду (в музейном смысле), что по ним можно создавать целые романы.

По такому же принципу создавал он и «Топонимический словарь бассейна реки Аган». В этой научной работе, по духу очень близкой поэтическому мировоззрению, даны толкования и история возникновения названий географических точек на территории Аганского бассейна, которые закрепились в обиходе коренных народов – ханты и лесных ненцев. Истории настолько разные и по времени возникновения, и по причинам их вызвавшим, и в то же время настолько близки друг другу, что кажется нет здесь ни вчера, ни сегодня, ни завтра, а только единое целое.

PS. Предлагаемые в подборке ранние стихи собраны из самых ранних публикаций Юрия в районных газетах Нижневартовского и Сургутского районов, а также найдены в старой сумке, чудом сохранившейся после лесного пожара, захватившего стойбище. К сожалению, даты написания не обозначены.

Татьяна Юргенсон

Из старой сумки

Я опять к тебе пришёл,
Лес, – приятель давний!
Мне с тобою хорошо,
Обнимая травы,
Принимаю шум я твой,
Ветки, шорох листьев,
Говорю опять с тобой
Среди птичьих свистов.
Наклонюсь я и поплюю
Из ручья водицы.
А потом в полёт уйду,
Чтоб тебе присниться!

1 июня 1968 г. («К победе коммунизма»)

БЫЛЬ ПЕРВАЯ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я пришёл к тебе, пришёл,
Лес, приятель давний.
Хорошо упасть ничком
Хоть во мхи, хоть в травы.
Понимаю я душой
Шёпот листьев с ветром.
Говорю я, лес, с тобой,
Пожимая ветки.
Вот тропа,
Вот пень гнилой,
Вот ручей прозрачный,
Скрытый мхом, густой травой,
Он всегда прохладный.
Припаду я и поплюю
Здесь живой водицы,
Крылья словно обрету,
Чтоб подняться птицей...
Полечу под облака
(Пусть хотя б пониже),
Поищу вокруг себя
Твой конец, дружище.
Но увы!
Куда ни глянь,
В дымке и в тумане
Твой простор
И в ширь, и в даль
Без конца и края.
По артериям твоим

Мчатся теплоходы,
В небо взмыли корабли –
Это вертолёты.
Вижу пики я вдали –
Это нефтешки.
И гудят в трубе ручьи
Чёрно-чёрно-чисты.
Слушай, лес,
Там голоса –
Это вроде люди,
Говорят, что городам
Здесь просторно будет.
Что за свет?!
Гляди-ка, лес,
Меркнуть солнце стало.
«Эй! –
Кричит Сургутский ГРЭС, –
Это я светаю!».
С благодарностью, мой лес,
Я тебя целую.
Не хочу страны чудес,
Родину другую.

БЫЛЬ ТРЕТЬЯ, ИЛИ НОВЫЙ СКАЗ

У святой живёт реки
Кедр старый-старый.
По колено врос во мхи
И скрипит, усталый.
Он из памяти несёт
Сказку, прибаутку.
Задержись-ка ты, дружок,
Погоди минутку.
Ты услышишь про дела
Древние, былые.
Здесь легенда истекла
За седой былиной:
Порнэ с девичьим лицом
Рыбака сгубила,
Щеев-Чиме молодцом
Стыть заставит зимы...
А когда закончит кедр,
Скрипнет, засыпая,
Запоёт трубой из недр
Вышка нефтяная.
Рядом за леском она

Нынче поселилась
И про новые дела
Гулом разразилась.

Прислонился у реки
Кедр очень старый.
По колено врос во мхи
Вздыхает устало.
Он тихонько мне поёт
Сказку-прибаутку –
Задержись-ка ты, дружок,
Погоди минутку.
Ты услышишь про дела
Древние, бывшие,
Здесь легенда потекла
За седой былиной.
А когда закончит кедр,
Скрипнет, засыпая,
Запоёт трубой из недр
Вышка нефтяная.
Рядом, за леском, она
Нынче поселилась
И про новые дела
Гулом разразилась.

10 января 1981 г. («Ленинское знамя»)

БЫЛЬ ШЕСТАЯ, ИЛИ ЧТО СО МНОЙ?

Белая дорога падает в снега.
Звонкая дорога в памяти легка.
Той дороги песня вновь меня зовёт
И словами деда в памяти поёт.
Скрипнет, ускользя, вьётся меж кустов:
«С чудом повстречаться, милый мой, готов?».
Но не знаю нынче, что в моей душе.
Сам я словно песней становлюсь уже.
И лечу над лесом, над своим селом,
Прикрываю нежно милую крылом.
А упругий ветер дышит мне в лицо.
Вон моё окошко.
Вот моё крыльцо.
Снегоход доволен, пыхнул и затих.
Я веду невесту – нынче я – жених.

Если ты друг,
Постарайся понять меня.

Если ты враг,
Постарайся понять меня.
Если ты просто так –
Увы,
Ничем не могу быть тебе
Полезен...

НА ПОСТУ

Я помню над Аганом вечера.
Звон комаров, заката яркий пламень.
Плеск вёсел, лёгкую волну,
Рыб с золотыми плавниками.
Я слышу невода шуршанье по песку.
Я вижу рук рыбацких напряженье,
И белозубую улыбок доброту.
И радость, гордость, упоенье.
Я запах дыма чувствую, вдыхаю
Ухи душистый свежий аромат...
Я мирный труд у моря охраняю.
А мысли над родной рекой летят.
10 июля 1982 г. («Ленинское знамя»)

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Скулит и воеет ветер за окном,
И лижет стёкла мокрым языком
Осенний дождь.
По крышам в пляс пустился, как шалун,
По жести боем барабанным саданул
Осенний дождь.
Косыми линиями скрыл дома и лес,
И в землю, словно юркий червь, залез
Осенний дождь.
Размыл дороги и траву подмял,
И листья жёлтые с деревьев посрывал
Осенний дождь.
Но не хватает силы на меня:
Я крепче стали, жарче я огня,
Я – сибиряк,
Меня сломить,
Подмять,
согнуть
и загасить мой пыл
Не просто так.

29 сентября 1970 г. («К победе коммунизма»)

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Скулит и воет ветер за окном,
И лижет стёкла мокрым языком
Осенний дождь.
Косыми линиями скрыл дома и лес
И в землю, словно юркий червь, залез
Осенний дождь.
Размыл дороги и траву подмял,
И листья жёлтые с деревьев посрывал
Осенний дождь.
По крыше пробежал он, как шалун.
И в двери, словно в бубен, саданул
Осенний дождь.
Вот только чай я утренний допью,
Ружье за плечи – и уйду в тайгу
В осенний дождь.

Из книги «Вести из стойбища», 1991 г.

СЛОВО О ВОЕННЫХ СТРОИТЕЛЯХ

(Баллада)

Стучат колёса в перестук.
Я в краткосрочный еду отпущк.
А рядом весело поют –
Дрожит в купе солдатский голос.
Я по эмблемам узнаю –
Артиллерист и два танкиста.
И смотрят в сторону мою,
Мол, ВСО – род войск «нечистых».
Но знаю я: их жизнь от нас,
От нас, строителей, зависит.
Я поведу тебе рассказ
О наших буднях, нашей жизни.
Представь себе:
Тайга. Мороз.
Земля одета шубой белой.
Идёт машина. Спрыгнул взвод.
Допустим, пусть он будет Первый.
Постель, шинельку, вещмешок,
Короче, всё, что есть в походе,
Свернув, сложил он на снежок
И приступил к своей работе.
Топор в руке Он молча взвесил,
Расправил плечи и... пошёл!
Летит щепка осколка крепче,
Подобно взрыву грохнул ствол.
Берёт пилу... Визжит, рыдает,
Как в бурю стонет дикий лес.
Скрипит лопата, в грунт вгрызаясь, –
Траншея под фундамент есть...

Темнеет. Сумерки сгустились.
Ракетой падает звезда.
Палатки рядом разместились.
Умолкли звуки. Тишина...
А там за лесом гарнизон
Отдал приказ Второму взводу:
Грузить раствор, кирпич, бетон
И отправляться на подмогу.
Всю ночь машины брали путь.
Друг друга хлопцы грели телом.
Никто не скажет громко: «Друг!».
Докажет слово это делом...
Лишь на рассвете впереди
Открылась ровная поляна.
Из снега вьётся тёплый дым.
Наружу выглянул дневальный.
«Подъём, ребята! Почтальон.
Беги за почтою скорее!» –
Так просыпался Первый взвод.
Петлицы – сахара белее.
«Здорово, братцы! Как живём?» –
«Да поживёшь и сам узнаешь.
Давай-ка лучше табачок».
«А где же твой?» –
«В госплан включают...».
И сыпят шуточки вкривь и вкось
С мужской солёною приправой.
Попробуй слово влево брось –
Так прилетит полсотни справа...
В руках у нескольких бойцов
Уже раскрытые конверты.
Петро с задумчивым лицом
Сказал: «А дома снега нету.
Ах ты, родная сторона,
Тебя ли скоро я увижу,
Твои станицы и поля,
Весенний цвет акаций, вишен?
Когда же снова у плетня
Родных очей увижу ласку?...».
Притихли парни у огня.
Мороз играл в рассветных красках.
Потом команда: «Взвод, вперёд!».
И труд кипел, как на войне.
Раствор... кирпич... – стена растёт.
Плита бетона – крыша есть.
А через несколько деньков
С ножовками, рубанками, кистями
С машины спрыгнул Третий взвод.
Привёз он краски, стёкла, рамы.
И принял вид их первый дом.
Многоэтажный, полный света.
А рядом выросли ещё

Строенья важного объекта.
К весне последний дом был сдан.
Приехала комиссия большая.
И был доволен генерал,
Ребятам руки пожимая.
Потом приехали сюда
Артиллеристы (полк – не рота)
Вошли в казармы – благодать!
Тепло, уютно и просторно.
В столовой новые столы.
Паркетный пол узором вышит.
А в бане белые тазы,
Парная крепким паром пышет.
Артиллеристы стали жить
В «раю», в морозы сотворённом.
А Первый взвод уж впереди –
Он на строительстве на новом.
Так как же не гордиться мне,
Не возвышаться перед ними?
Они в казармах спят в тепле,
А мы в палатках мёрзнем в зимы.

ВЕРНУТЬСЯ В ДЕТСТВО

Мне б шагнуть на минуту в Варьёган.
Не сейчас – лет на двадцать назад.
Быть бы главным на трудных мне тропах,
Как тогда среди соседских ребят.
Чтобы снова мне быть беспечным,
Не заботиться ни о чём.
Чтоб бежать вслед за давней песней
На песчаное озеро.
Чтобы вновь улыбаться солнцу,
Мягким травам и тихим ветрам,
Чтобы детства черпнуть до донца
И нести к повзрослевшим годам.
Я хочу обнимать оленёнка,
Целовать его в тёплый нос...
Только детство ушло вдогонку
За рекой, что глядит за плёс.
И туда мне теперь не сбегать,
Важной маской покрылось лицо,
Оленёнок мой стал уж дедом,
Обмелело моё озеро.

Идёт весна, ступая величаво,
По бездорожью, напрямик идёт.
Снуют рабочие и ожили причалы –
На навигацию готовят флот.

Но лишь стоит в сторонке мой плашкоут,
И никому нет дела до него.
Стоит он грустный, с думкой невесёлой,
Наверно, вспоминает о былом.
Он вспоминает лето, волны в пене,
Крутящиеся сзади за кормой,
Он вспоминает ласковое пенье,
Прохладный поцелуй волны ночной.
Он вспоминает время варовое,
Когда богата рыбой Обь моя,
На палубе, как серебро живое,
Искрится, словно жемчуг, чешуя.
И красный флаг трепещет на флагштоке.
Бывало, гордо ткнёмся о причал...
Всё это было. Только отчего же
С борта сосулькой капает печаль?
Не унывай, всё снова повторится:
И волны в пене... рыбы чешуя...
Вот только подождать тебе придётся,
Когда демобилизуюсь я.

*Когда сомкнёт ресницы день,
Ко мне толкнётся в сон олень
Весенним мягким бугорком...
И. С.*

Я хотел бы стать оленем.
Не спросясь, врываться в сон.
Чтоб без всякого сомненья
Ты сказала: «Это он!».
Твои пальцы чтоб ласкали,
Гладили мои бока.
И в упряжку запрягала
Твоя мягкая рука.
Чтоб умчать в безбрежной стыни,
Звёзд касаться и луны,
339
Затеряться в снежной сини,
Знать, что в мире мы одни...
Мне б заснеженной сойкой
На тебя в окно смотреть,
Тишиною ночью доброй
Сон твой сладостный беречь.
Чтобы утром, как проснёшься,
У окна стояла ты.
В это время стать бы солнцем,
Улыбаться с высоты.
И с хорошим настроеньем
Распахнёшь своё окно.
Если б стать в тот миг мне ветром,
Чтоб ласкать твоё лицо.

**Светлана Анатольевна
Лихая**

1967–2012

Светлана Анатольевна родилась в городе Ургенче (Узбекистан). Окончила Тобольский государственный педагогический институт, филологический факультет. В Нижневартовск приехала в 1982 году. Работала учителем, корреспондентом газет «Газопереработчик», «Земские вести», «Вечерний Нижневартовск», «Дельта-пресс». Публиковалась в коллективных сборниках «Меня по свету молодость носила», «Иван-чай», «Кедровая грива» и других альманахах. Автор двух сборников стихов. Была членом литературного объединения «Замысел» при Центральной городской библиотеке города Нижневартовска. Член Союза российских писателей.

Друг мой, я живу в России
В русококой стороне,
Где глаза и небо сини,
А закаты, как в огне,
Перелесков изумруды,
Малахит весенних трав,
Журавлей-колодцев срубы,
Да ещё весёлый нрав:
Грусть и удаль нараспашку
В пляске ходит даже печь,
Коренник и две в пристяжку,
Разухабистая речь.
Друг мой, я живу в России,
В русококой стороне,
Где берёзы и осины
С детства сказки шепчут мне.
Буйство – кроткость, слабость – сила,
Рядом свет и бездны тьма,
Здесь и мудростью красивы,
Здесь и горе от ума.
Лучезарный свет – мессия –
Терпеливая страна,
Кто я, что я без России?
Только видимость одна.

СОРОК ВТОРОЙ

А в избе не всё, как надо,
В ней тревога и беда,
И, конечно, беспорядок,
Что здесь не был никогда.
А в избе не всё, как надо,
Всё в ней в маминых слезах,
Чахнет тусклая лампада
Над цветами в образах.
С братом пялим мы глазёнки
На иконный лик с мольбой
И не верим похоронке
Вместе с мамой и избой.

Над сундуком
Склонилась тётя Клава
Ушла в себя
Как в омут, глубока
И молча, долго
Руки согревала

На лацканах
Мужского пиджака.
Уже в окно
Заглядывали вишни,
И сквозь стекло
Сквозила синева...
У сундука –
Откинута крышка,
И на плечах вдовы –
Два рукава...

Прислушайтесь: игрой магнитофона
Октябрь свистит на фоне небосклона:
Проигрыватель вторит чуть шурша,
Листая диски не спеша.

Безлюден двор. Лишь на сырой скамейке
Сидит старик в собачьей душегрейке
И тербит железные очки.
А жизнь в глазах – как тусклый свет лучины,
Чем он живёт? Не юности картины,
А смерть порой он видит по ночам
И слушает транзистор на коленях,
Детей зовёт, сутулясь, на ступенях
Ключи роняет, тянется к ключам...
Он пережил ответы и вопросы –
Пять-шесть имён осталось, папиросы,
Да, невпопад, досадные звонки,
Квитанции на стёршийся булавке,
Размытый контур полусгнившей лавки
Воспоминаний щучьи позвонки...
А жизнь свербит гудком автомобильным,
Ночным дождём, тревожным и обильным
Глядит в глаза, трясёт за рукава
И что-то тараторит без запинки:
Трещит пружина, крутятся пластинки,
Роняя полустёртые слова...

Танцевали белый вальс.
Он, она – не так уж лихо...
А мечтали всю войну:
Встанешь утром – тихо-тихо...
Но звучит опять вальсок.
О, музыка полковая!
Только небо иногда
Вдруг салютом испугает...

Закурит – и вспомнит с тоской
Палас недобитый в прихожей...
Сегодня опять выходной,
Но внучек, конечно, поможет...
Газета свежа, как розан –
И хоть не бери её в руки.
Глядит – и не верит глазам...
Да что ж они делают!
Внуки?!

Из глубины небесной сини
Долетают до земли
Голоса родной России –
Прилетают журавли.
Голоса самой России,
Где-то твой, а где-то мой.
Птицы милые, родные,
Возвращаются домой.
Не лавиной – стройным клином,
Не вразброд, а строго в ряд.
Нам от века и поныне
Песни душу бережат.
Эта песнь совсем иная,
А не та, что в октябре,
Песню встречи с отчим краем
Посылают на заре!
В глубине небесной сини
Пролетают журавли,
Что прописаны в России,
К уголку родной земли.

БАБУШКИНА МОЛИТВА

Память далёкого детства –
Книга с картинками разными.
Нитью волшебную с сердцем
Все они накрепко связаны.
Две комнатки белёные,
С боку, как водится, печь.
Вижу лампадку зажжённую,
Слышу я бабушки речь:
«Божия Матерь, заступница,
Всех их помилуй, спаси,
Пулю злодейскую вражеску,
Мимо, Господь, пронеси!»
Молится бабушка, крестится,
Голос, срываясь, дрожит,
Пламя лампадки колеблется,

Ночь за окошком пуржит.
Все имена перечислила,
Все имена назвала.
Восемь кровинушек-детушек,
Восемь война забрала:
Трёх сыновей – добрых молодцев,
Четверо бравых зятьёв, –
Молится бабушка, молится,
Каждый пусть будет здоров.
Есть ещё скорбная думушка,
Есть ещё имя одно,
Старшенький внучек, Иванушка,
Дитятко-горе моё...
Видно молитва та слёзная,
Вправду до Бога дошла,
Пять из восьми воротились
Пять не сгубила война.
Вот и слетелися соколы
Дружно в родное село.
Ахали бабы да охали:
«Видишь, как им повезло».
В домике скромном и маленьком
Весело елось, пилося...
Только вот, бабушке старенькой
Встретить сынов не пришлось.
Радости весть запоздалая
Где-то застряла в пути,
Раньше явилась костлявая,
Мимо неё не пройти...
Бабушка, милая бабушка,
Живы мы верой твоей,
Ты же до счастья великого
Не додышала шесть дней.

ХЛЕБ

Хлеб крестьянский, мягкий, пышный,
Ароматный и ржаной.
С корочкою золотистой,
С пользой будней, отрубной.
Всё в одной буханке слито,
Словно в старом слове «жито».
На хмелю опара – сила
Бродит весело, красиво.
Подошла? Теперь меси,
Как от веку на Руси.
Путь к пекарне отмеряю
То в обед, то в ввечеру,
Потому что твёрдо знаю:
Хлеб в руках – всегда к добру.

Писать широко и открыто

Мне в жизни повезло. Повезло, что в 2001 году на литературном семинаре в Ханты-Мансийске на меня обратил внимание Николай Миркамалович Шамсутдинов и с того времени, можно сказать, взял под опеку, стал продвигать моё творчество. Этим можно гордиться, так как поддержка столь уникального поэта дорогого стоит.

На семинарах Шамсутдинов поражал меня тем, как быстро, на слух, схватывал суть стихотворения, оценивал и сразу же, на лету, предлагал молодым поэтам варианты, как можно улучшить их корявые строчки. Запомнилось такое. Я читаю своё стихотворение: «Тихо падают слова...», а Николай Миркамалович моментально исправляет: «ЗРЯШНО падают слова...!». И благодаря его подсказке моё стихотворение заиграло новыми красками.

На Всесибирском семинаре в Томске, куда меня направил Николай Шамсутдинов в 2003 году, я почувствовала, с каким уважением, пиететом, относятся к моему руководителю другие известные российские поэты. На семинар «Сибирские Афины» съехалось тогда около сотни семинаристов (молодых писателей) и известные поэты, прозаики со всей России, начиная с Москвы, Петербурга, заканчивая Иркутском, Читой. Семинаристы из разных городов Сибири приезжали в основном со своими руководителями – членами Союзов писателей, то есть, молодые были, так сказать, под защитой своих руководителей. И поначалу на меня, не знакомую никому, приехавшую из небольшого рабочего города, смотрели равнодушно, как бы сквозь меня; я была всем чужой. Но вот один поинтересовался, кто меня направил. И как же резко изменилось всё для меня, когда я назвала фамилию Шамсутдинова. Изумление, восхищение, искренняя заинтересованность, вопросы, почему Николай сам не приехал в Томск. Я как бы попала в отблеск лучей славы поэта Николая Шамсутдинова и стала своей среди избранных; некоторые из друзей Николая Миркамаловича стали и моими друзьями на долгие годы.

Общаясь с Николаем Миркамаловичем на литературных встречах в Ханты-Мансийске, в Муравленко, в Нижневартовске, в Мегионе, я всё больше и больше поражалась глубине его познаний, его энциклопедической эрудированности, способности вести беседы на любые темы. Задай

вопрос об эллинах, о Нибелунгах, о скандинавском Одине и валькириях, о древнегреческой или римской поэзии – обо всём этом никто не мог рассказать лучше и точнее, чем Н. Шамсутдинов. А однажды на ужине, завершающем работу семинара, Николай Миркамалович неожиданно для всех запел, запел широко, раздольно; и опять мы были изумлены. С таким голосом он мог бы и на оперной сцене блистать!

Но он выбрал поэзию, в неё вкладывает свою душу, всю неукротимую энергию, все накопленные им знания о европейской поэзии, начиная со времен Эллады до современности, и о чарующей поэзии Востока от древних времён и до наших дней. И стал неповторимым! Давным-давно, в конце семидесятых Н. Шамсутдинов сказал, как

бы давая обещание: «...И всё это властно зовёт / писать широко и открыто, / как пишут тяжёлые крылья по небу суровых широт».

На мой взгляд, Н. Шамсутдинов возвышается над современными поэтами, как мог бы возвышаться Эльбрус над небольшими уральскими вершинами, если б он находился рядом с Уральскими горами. В его стихах есть всё: и красота, многозначность образов, и богатство языка, и глубина, и мощная энергетика. Но исследованием его творчества пусть занимаются профессионалы, а я как читатель ими наслаждаюсь и черпаю в них энергию, жажду жизни.

Елена Гостева,

член Союза Российских писателей, г. Мегион

Повитуха параллельных миров

Из книги лирических откровений

США, 2015 г.

* * *

Ну, что за счёты с вечностью? – не твердь,
В своей подложной сложности, но с виду –
Едва ли не черница, «Жизнь есть смерть
И смерть есть жизнь...», представь,

по Еврипиду...

Склоняем к склокам ей (по темноте?),
Свихнувшийся на рифмах (не стыдится...) –
Враждебен интенсивной тесноте
Среды, что милостивицей рядится:

Сознание отлучилось... В ночь – займы
У Гойи, но не потрафляя нравам,
С почётом не по чину, у зимы
На всех сызвеку приготовлен саван:
Ни зги в её загадках. За спиной
Неотвратимость размыкает вежды.
От сущего спасаются одной
Тщетою – на иждивенье у надежды,

На случай, у слывущих босотой
В свихнувшееся время... Мордой к смогу,
Бессмысленнее диалог с собой,
Как свет стоит сводимый к диалогу

Не с конфидентом – с дьяволом. Скорей,
В прочтенье опрометчив, на примере
Твоём, биограф дошлости своей
Перелицует прошлое, по мере

Прироста добродетелей... Скудна
На откровенья,

судя по морщинам,

Утечкой духа – выживет среда,
Сводима к обезличенным личинам.
И нет чистосердечности в клише
Поборнику лирической диеты,
Что жажду, задолжавшую душе,
Уже не утолить глотком из Леты.

* * *

Скукой возраст отстаивается в герое
Мелодрамы, давно исчерпавшей запас
Упований, зато с пустотой – на постое
В мире, что исстари (внять пора!) не про нас.

И глядит вслед себе он, герой, но, выходит,
Средь сугробов, осунувшихся по весне,

Обихоженность, не сострадая, обходит
Его дом, поступившийся памятью не
Об иных, но – о нём, с реноме страсотерпца
В ироническом ракурсе. Словно впотьмах,
Изгоняемый, по верхоглядству, из сердца
Не внимающей увещеваньям – в сердцах,

Прям в пифическом пафосе, сущая кара...
Явно не мизантроп, но в тени у Парни,
Чтимый медленным чтением,

подённого дара

Не заложник – подвижник... Напасти сродни,

Мир склоняющ к перепроизводству метизов –
«Гвозди б делать из этих людей...» – прав и тут:
Он, тестируемый, в дразгах, теснотами, – вызов
Метафизике,

воображенья закут:

Себялюбцы, себе на уме – чаще в хмари...
В славословье условностей, это ли – мы,
Обрезаемы на затворение в твари,
Озирающей из тотемической тьмы

Пожилое грядущее? Мытарь от века
И в залоге у ложных доктрин, артефакт,
Человек, в довершение, – духовный калека,
Времени экстатический, впрочем, экстракт...

* * *

Плод эскапизма, в сущности – ничто
И средоточье горечи... При этом,
Действительность почасту, даром что
Раздета, прибегает к продетым
Условностям. Как в прошлом ни пестро
От чаровниц, –

заботами язвимы,

Не взбадривают чёрствое перо
Кинжальные подробности, сводимы

К пирам реминисценций. Сердцелов –
Залог существованья в подсознание
Усталых, отцветающих духов,
Чьё обаянье – в тонком обоньяне
Их вкрадчивого запаха. Смежив-
ший веки, он смакует козни
Жён, ковы их. В эпистолах – свежи
Ветвящиеся ветреницы, в розни

Приёмов обольщенья. Но батут
Из них, из пифий пафосных, любая,
Ведь обмороками подчас берут
Оброк с иных, усталости не зная...
Не избегай крушений – из числа
Двусмысленных, пока, Эрот свидетель,
Доступность закусившей удила –
Единственная, скажем, добродетель

У невозможной женщины. В цвету,
Она, с изнанкой ребуса, одна из
Поставивших на карту красоту,
Покуда, бел, запаздывает аист,
Иным – аналог ангела... Кремень,
Она и в пораженьях непреложна,
Отбрасывая оч. большую тень, –
В ней жизнь, пора признаться, невозможна...

* * *

Ведуньям впрок, толкающим к венцу,
При пантеизме моря, чьим незнаньем
Не тяготись, пока, лицом к лицу,
Сумерничая трезвым с мирозданьем,
Не осенит тебя: не ко двору
Им – в балагане, как ни горько это,
Что, лепта построжавшему перу,
Темнит скоропалительное лето

В простосердечье пифии: в золе –
Земля, в палах – пространство, гарью тянет.
С годами пуще тянет нас к земле,
Сквернавцев, тяготенье тени. Тянет
Надраться, как в шалмане в оны дни,
И раздраженьем длить изнеможенье
Вне женщин. Импульсивные, они
Уместней в изложенье отложенья

От жизни: не единожды на дню –
То ссора, то, за кофе, примиренье...
Недолго забуреть – у инженеру,
У-у-у, ёрник на альковном иждивеньи.
Куда как проще нелюдимом слыть,
Чтобы, к тому ж, поскольку разум в хмари,
В пути к себе наверняка забыть
Её, раззяву, – в забуревшем баре,

Словно перчатку. На иных падка,
Тем, вне и обязательств, и резонов,

Из Дидро. Глубоко, не кисейным созданием
В меланхолии, длительно течение дней –
Очищение чуткостью к ней, с изживанием
Жизни как ретранслятора Вышнего. Ей,
До-олгой, зубы не заговорить... Без вакаций
В перестрелке звонками, о чём ни толкуй,
Поцелуй на бегу, между прочим, с прохладцей, –
По приметам, финальный, кубыть, поцелуй.

Оставляемому человеческим роем,
Вовлечённым в её увлеченья, вовне
Ревности, чем утешиться как не отстоём
Ста-рос-ти, что наслаивается на дне
Истошённой сетчатки? Жизнь дана в изложенье
Жажды добросердечья... Усвоен судьбой,
Скептицизм, что воспитан самоутвержденьем –
В самоедстве, не даст разминуться с собой,

Как и с ней, углублённой в его подсознание...
Вываренный в бытийном виварии, ты
Ключ к себе же,

запойнее в повествованье

О классической лени, о снах, что пусты
На капризы её. Отступает усталость
В эскападах и резвости стервы босой.
Вот и не задаётся угрюмая старость,
Предпочтительнее, – с едкою прямою...

* * *

Отрешённость без формы, уже вполупьяна,
Забуревший клошар, что лицом – на закат,
Высек в воображении не Тициана,
С репутацией (дожа? рантье? – напрокат,
А лишь висельника... Потому и резонно,
Что настырней в подробностях, выказав нрав,
Исповедь потолка,

эскапады Вийона

Высям, ждущим его, переадресовав.

Но, сему вопреки, вынося из тумана
Родовую стремительность, сущий фантом,
Отливая неистовством, плащ Тициана
Затмевает ненастье, мелькнув за окном...
Зарядившись бордо, соответствуя мастью
Конъюнктуре, уже на излёте, ясна
Иступлённость вконец одержимого страстью
К самоуничтожению: «Мальчик, вина!».

День перенаселен, ложных стадий заложник,
Персонажами авторской фауны, как
Неуклюжий garzone со стаканом,
художник,
Но – с апломбом вельможи... С утра, натошак,
По сердцу, запредельный, на донце стакана
Всплеск натруженной Леты. Её адресат
Отточил глазомер в ожиданье. Титана
Жизни выносит за скобки, ревнивая, в сад,

Воздымающий взгляд... И боль мышцы
сердечной

Бег пера, поцелуй, свет сирени – в своих
Воплощениях, вот это, Вечелли вечный,
Неимушая нежность поклонников сих.
На себя вызывающий, ровно мембрана,
Свист с хулою, не прячь воспалившихся глаз:
И у беллетризованного Тициана,
Как у вечности, явные виды на вас...

* * *

Всё чаще – сплошное умоисступленье:
Идущая в рост под проценты свои,
Жизнь неприручима – при раскрепощенье
Инстинктов, предшествующих не любви –

Капризам... Но, не извлекая уроков
Из промахов, как не от мира сего,
Живи круговой порукой пороков,
Мордующим нравственность, что далеко

Давно не в пример нам. Но, зная сквернавца,
Как водится, по эскападам в любви,
Заимствуют, стервы, у заимодавца
Приёмы воздействия: с бесом в крови,

Без обиняков обнимаются... В «мразях»
Задворок, но – явно без обиняков,
Устойчивая неустойчивость в связях
Мирволит настойчивым.

Без дураков,

С приватным шушуканием по-за сценой,
Пока, обречён обручению, один
Из конченных тысяч – лишь флирт
с Мельпоменой:
Её Травиатой травит... С морщин

* * *

Вам впору писать Колизей. Одномерность
 Мирка, мебелированного пустотой, –
 Свербит в ископаемой памяти верность
 Из ряда вегетарианских... Прямой

По духу, милитаризованный мелос
 Сопутствует, ровно калика – суме.
 Любая, из ряда обыденных, мелочь,
 Дана крупным планом, себе на уме...

* * *

Не из ряда (пора бы просечь...) аллегорий,
 В пасмурное столетье, теряя чутье
 На влечение влекомых – шабаш
 фантазмагорий! –
 Приворот правоты отживает своё

Как огрех эволюции,
 надзираемый Летой.
 С истиной, не дающейся в руки, скорей,
 Только с честью в чести, уживаются с этой
 Жизнью, не заживаясь, как правило, в ней.

Нешто, с форой коллапсу, не симптоматично,
 Что, в недоразуменьях, сметливей она,
 Жизнь, – живому не в прок, намертво
 герметична

Для гармонии,
 хаосу отворена?

Неизменное в низменном, ровно бы назло
 Целокупности яви, а пуще всего –
 Логике,
 «человечество (Миллер) завязло
 В облике одного... Не от мира сего (?),

Откликаясь сторицей тоске о высоком
 И аскезой в содоме спасаясь, душа
 Ровно скатана, неприручимая, в кокон,
 Отрешась от действительности... Не греша

Предсказуемостью, в чёрством хлебова буден,
 Не единожды,
 но – зарекаячись впредь,
 Имяреку с плаксивою проседью – будет
 Вдосталь времени – пить, непреложное петь...

Окрас рискованной стрижки, без прикрас,
 Что сламывает воркунов, – у музыки,
 На вечер отлучившейся, тотчас
 же – новая соперница, чьи узы
 Испытанней. Не знавшую своё
 То превосходство, что в ней и дремало,
 В молчании – не в жалобах, её
 Молва отнюдь не жаловала, мало,

Что и пластичней, ведь, юна,
 беся
 Наперсниц и породю, и статью,
 Она, не уступая слухам, вся –
 Цитата из Петрония, к объятью:
 Ошалевая в шалом, как вино
 Бьёт в голову, что прошлому ни прочим,
 Обвальная искус вышколенной, но
 Не шенкелями – шекелями... Впрочем,

В наветах чёрной кости – не твоя,
 Измучена подробным изученьем
 Она, и на пуантах, не судья
 Слушкам их, прибывающим с теченьем
 Кабацких лет: препакостный народ,
 Что исстари шакалами зовётся
 Иль шатиною щелкопёров, сброд
 О ней печатно, сгрудившись, «печётся»...

Одушевленьем граций налита,
 Она вняла, выкладываясь в залах,
 Что, чаще, не в триумфах правота,
 А, под слепое шиканье, в провалах.
 Что ей, взбешённый, ни скажи, – в глазах
 Покой и тишь, как у единоверца,
 Ведь всё, что ты ей выложил в сердцах,
 Не заживётся в искушённом сердце...

* * *

С точки зрения данности, в убыли просини
 Есть сермяжная логика: лишь, в наушение,
 Воплощаемое послесловие к осени,
 Пустота здесь и та, помрачнев, в запустении,
 Как ни парадоксально...
 В домашних гиперболох
 Пряча раскрепощённое воображение,

Мир не более чем постаревшее зеркало,
Что с трудом отпускает твоё отражение.

И всё чаще, подчас к эйфории издателя,
Книга, вчитываясь в тебя, в кущах за Летою,
Не читателя видит в тебе, а мечтателя,
Разогретого, блин! златокудрою Гретою.
Чью обиду сводя к остракизму, ирония
Отрешает от мыслей о брэнном – к условию,
Что, запальчива, зябнущим летом, гармония
Уступает (неуж рецидив?) хладнокровию

Хаоса. Навещаемы вещими пряжами,
Наставляют ли сны, в отлученье от личного
И пустого, чужими, как кажется, страхами,
Что тебе и страшны? Без пространства

статичного

Обделённого болью, едва обозначена
В посылаемом к дьяволу, чаще – без компаса,
Память, стоит дать волю ей, так же обманчива
В жизни, слепо рядящейся драмой: соль образа

В чёрной правде подённой. Изнурённостью
добыта,

Она в каждой сердечной (изношенность...)

трещине,

Дар любви как продукт неподкупного опыта
Дан стихийной, могучей союзнице – женщине.
Окрест сердца её – широки,

не окрестности

Сельбища, а свидетели той беззаветности,
Чем мила она местности – в полной

безвестности,

И ответ – в прозорливой её безответности...

* * *

Хроническая, с вечностью – навыворот,
Перемогая комплекс тупика,
Сурова, отпирая хлябям, сырость
Развалин, попирающих века.
Известно ли разиням вездесущим,
Как, баловень сонетов, испокон
В полемике с собою, между сущим
И прошлым балансирует балкон

Над бездною, без ложных притязаний
(будь то гранит иль мрамор...)? Плод любви,
Вещь держится своих воспоминаний,
Как, впрочем, эти арабески, чьи,

Изваянные в камне дикой масти,
Изысканность и безупречность, не
обязывая размышленьям, мастер
Пустил в недостоверный мир, вполне

Морщинам в обесточенном граните
Свидетель и судья, и, в свой черёд, –
Со-звучие в могучем алфавите
Разумно прекословящих пород...
О, сведущие в мраморе и глинах,
Таинственные связи, так творя
В миротворящих, замкнутых руинах
Растительный избыток бытия,

Что мы авансом душу сдали далям,
Провидящим от бездны. В чарах их,
Нам, вываренным в верности деталям,
Пространство их – пристрастнее иных
Опекунов. За древней новизною –
(Руин?), руин, не пройти земной,
Не ощутив под лёгкою стопою
Непобедимый прах пороховой.

* * *

Судя, в гриме затворника, по разнобою
Комплексов, временами – с моралью во прахе,
Оставляющий в недоумении Гойю –
Не случайно отмахиваешься от Махи,

Некогда пережившей пикантную кражу
Во девичестве и, под обзором планктона,
Неизменно выгуливающей по пляжу
Грудь пловчихи, усилиями силикона

Устремлённую к каждому. Выпечен в массе
Своей – пляж забывает о прочих, вестимо,
Оставляемый ей в коллективном коллапсе...
Воплощённый пиар агрессивного грима

Ерника обращает подчас в страстотерпца,
Потому-то и не находящего места,
Что уже выставляемого не из сердца
Вспыльчивой и запальчивой, но – из реестра

Её баловней. Даром, что, быв и ядрёным
В шалостях Купидона, чьи устои не стойки,
Сублимируя в связях, живут обнесённым
Её нежностью – в слабости к мраморной стойке.

Не пеняйте былому, замкнувшись в молчанье,
Заставая себя подшофе, что едино,
Либо в сумерках для бытие ожидаем,
Кто б стяхнул б ваше виски щепотку
стрихнина...

Как бы время, в загадках, ни тешилось нами,
Тем логичней, с подачи его, приглашенье
К единенью – в скользющем движенье губами
И тугим язычком, приводящим в движенье...
(Что?)

* * *

В периферийных феях, суть «ночных
Сиренах...», по Катулле,
наблюдаем,
В слепой самоотверженности их —
Не самоутвердишься, добиваем
Убогою обыденностью, в том
Уверься же, один из антиподов,
Что не из тех, родившихся в одном
Из привилегированных народов...

Ещё морщины не согнав со лба,
В виварии воинствующих истин
Прям человек перекасти-судьба —
В корявых диатрибах. Бескорыстен
В едоброродстве, пуще наследив
В душе, где омерзение подпёрло,
На совесть инфантилен, примитив
Примеривается откровенно к горлу,

Бледный вьюнок и явно с бодуна...
В привычных экивоках, с аллергией
На лирику, соль в ненасытном на
Потери, наверстаешь с эйфорией
Напутственных эпистол. Торопя
Сомненье, человеку не даётся
Познание подноготного себя,
И он, пригрет отсутствием, мятётся.

В наскоках наступившего, скудна
Скудельным настоящим, нелюдима

Родная сторона в репьях — одна
Бескрайняя окраина, сводима
К краплёному существованью, но
Ершистая, что не переупрямить,

По правилам анабиоза – о
ней, в разночтеньях, выправлена память...

* * *

Опрокинута в изнеможенье, в ленивом
Насыщении сном, ровно баловней меж,
Она невероятна, как будто приливом
Её вымыло — из вымысла, но — допрежь,

Сопредельная морю, она и, задвинув
Обожателей в сноски, отвесила «одру»
Шенкелей на прощание, чтобы, отхлынув,
Он забыл плодородную. Но поутру,

С памятью в опечатках, среди избытка
Обожаемой плоти, прочь не торопись —
Ролью утилизируемого «утиля»,
С благодарностью к давнему, не тяготись...

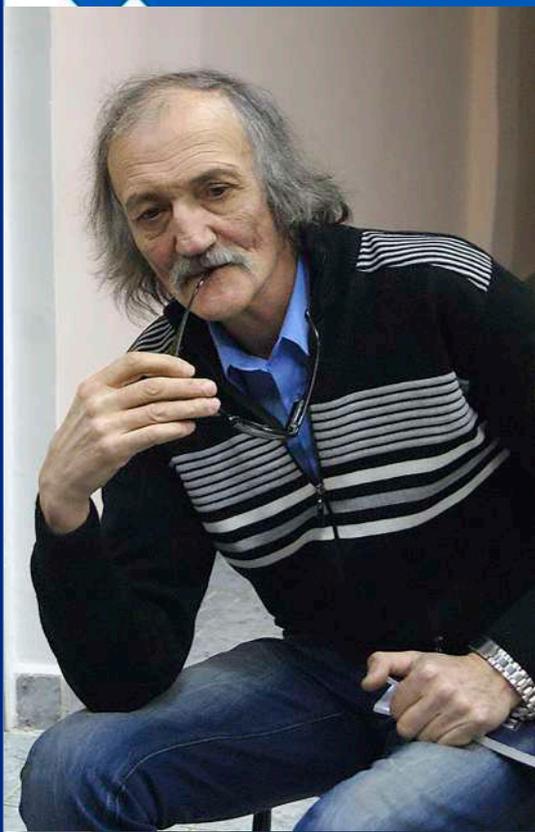
Жил — травимым, но не уподобился слизию,
Впрочем, так и рептилии. При скопище стерв,
В резервации, поименованной «жизнью»,
У любого, когда припекает, — резерв

Вечности, открывающей, скажем, от виста...
Средь повального косноязычия, при
Лексике подворотен, накроем стилиста
На желании не отпадать до зари

От упорной в любви. Время иносказаний
Осязаемо неким субстратом в груди...
Меланхолия есть отложенье желаний
В подсознание, мордующем нас. Осади

же позыв.

С внятной сухостью в глотке,
Провожает усмешками пляжный планктон
Мытаря с ипохондрией в чахлой походке,
Но — к окну, что зазывно распахнута в сон...

**Александр Александрович
Филатов**

1953–2020

*Растворюсь в небесах
Струйкой белого пара,
Где на Млечном пути
Разгулялась Заря.*

*Если я замолчу,
Если я вдруг исчезну с радара,
Верьте в то, что я жил
Что умер не зря.*
(А. А. Филатов)

А. А. Филатов замечательный русский поэт, к сожалению, не получивший должную известность при жизни, как это часто случается с людьми неамбициозными и пишущими по зову сердца. Саша родился 18.08.1953 в Полтаве, в простой рабочей семье механика прядильной фабрики и домохозяйки. Кроме Саши в семье росли двое старших братьев.

Отец был родом из запорожский казаков, а мать имела корни дворянские. Гены дали дивное сплетение, наградили Сашу многими талантами, вольнолюбивым нравом и внешностью английского лорда с орлиным профилем и взглядом. Довольно рано у Саши обнаружились способности к рисованию, а потому среднюю школу он закончил одновременно с художественной. Отец привил пацану любовь к литературе, к поэзии; а знакомство с другом Валентином Кротом, уже издававшим свои стихи в газете, окончательно повернуло Сашу к выбору поэзии смыслом жизни. Казачий дух предков будоражил душу и требовал путешествий, а потому Александр после школы засобирился в мореходное училище, но не смог поступить. Отслужил службу в армии, в 1974 году уехал на БАМ работать мастером-путейцем. Путей тогда ещё не было, только прорубались первые просеки, так что Филатов стоял у истоков. О живописи Саша не забыл – писал великолепные портреты, но ни один для продажи – только для семьи, только для друзей. Романтик, бессеребренник; уходящая натура советского парня, грамотного, начитанного, честного; не умеющего лебезить перед чинушами; умеющего постоять за себя в ответ на начальственное хамство и диктаторские замашки. Работал и столяром, и плотником. Исколесил весь Север и Дальний Восток. Уже в зрелом возрасте занялся резьбой по дереву и вновь только для семьи и друзей. Дух стяжательства и жажда наживы места в его душе не нашли несмотря на тяжёлые перестроечные и 90-годы. Саша так и не смирился с капиталистическими реалиями. С 1986 года Саша с семьёй обосновался в нашем городе Покачи. Последние годы жизни, уже будучи пенсионером, Филатов работал дворником. В жару ли, в метель, в лютый мороз издали можно было видеть его высокую, сухопарую фигуру с метлой или ломом. При ближайшем рассмотрении прорисовывался знакомый орлиный профиль.

– Надо детям помочь – говорил Саша в ответ на мой вопрос о такой тяжёлой работе.

Лишь единицы горожан знали, что этот чудаковатый дворник, таскающий на горбу из тайги сосенки, ели и кедр, чтобы сделать сквер из пустыря, не кто иной, как поэт Филатов, член Союза писателей России, и что в честь его названа местная библиотека. По поводу библиотеки Саша всегда шутил:

– Библиотека имени меня есть, а ни одной книжки так и не издал. Только несколько маленьких сборников в мягком переплёте. Скромность, интеллигентность, полное равнодушие к славе. Это Александр Филатов. Не знаю вступил бы он в Союз писателей, если б его не уговорили это сделать литераторы из Ханты-Мансийского литературного объединения.

Саша ушёл из жизни 1-го июня 2020 года после инфаркта. Жил ярко и сгорел, как свечка, в одночасье.

К сожалению, из-за эпидемии ковида тогда не удалось должным образом организовать прощание с

поэтом, поэтом от Бога. Гроб стоял у подъезда дома, где жил Саша. После звонка из Москвы, из Союза писателей России к подъезду приехал искренне удивлённый мэр. Он и правда не подозревал, что тот самый Филатов, чьё имя носила местная покачёвская библиотека живёт в Покачах, тот самый, с метлой.

От многих из нас после смерти останется только чёрточка между датами. Александр Ал. Филатов вырастил троих замечательных детей. Возле новой школы растут сосны, ели, черёмуха и один кедр, посаженные Сашей. Он сожалел, что прижились не все. А, самое главное, остались его стихи. Стихи о любви, о России, о Севере, о смысле жизни.

18 августа 2023 года Александру Филатову исполнилось бы 70.

Наталья Овчинникова,
г. Покачи

Помните

Потомкам 21-го века

поэма

1.

Время...

Полоса белая, полоса чёрная.

От века полосками жизнь меряя –

Чёрная, белая...

Белая, чёрная...

Рухнула империя

Ещё одна.

Тяжек груз непосильного бремени,

Бесстрастна Фемида.

Под толщей воды

И времени

Погребена Атлантида.

Вавилон,

Карфаген,

Шумеры

В мифах, легендах да на холстах.

Агония Рима...

... Шествие веры

Иисуса Христа.

Стихли проклятия легионера,

Со сфинксовых скул осыпался грим.

Новая эра...

На скифо-славянских просторах
Строился Третий Рим.

Здесь,

По воле Господней, нам сирым,

Предначертано быть без срока

Живым балансиром

Запада

И Востока.

.....

И сражались пахари-воины,

И крестился на храмы народ:

– Лишь бы Русь всегда

была вольною.

Ну, а раны?

Так то заживёт.

Нивы тучные нам наградою,

Да чтоб лад в душе,

да во славу труд!

Чтоб крепчала Русь Святой Правдою,

Силой праведной

изводя иуд.

2.

Россы,
Русичи,
Крепкая статья,
В песнях сердечных смутная грусть,
До сих пор никому понять
Не дано:
Что такое –
Русь!

В чём же тайна твоя,
Россия?
Восхищенье тобой и плач.
Одним ты –
Мессия,
Другим –
Палач.

В счастье,
В надежде,
В печали,
В страхе лишнее не взболтнуть,
Говорили, твердили, кричали:
«У России – особый путь!»

Бросьте это,
Оставьте споры,
Не особенность, а беда, –
К власти рвались прохвосты и воры
В России при всех
и всегда.

Обещаний сыграв увертюры,
И тотчас позабыв о словах, –
Роскошь,
Афёры,
Купюры
Куролесили в головах.

А поостывши немного,
Всегда начинали гнуть,
Аппиеву дорогу
Избрав,
Как особый путь.

.....

Мы по ней идём
Уже сотни лет.
Распинают нас по всем правилам.
Вырос лес крестов,
Хоть бы где просвет,

Что б узрел народ,
Как им правили.

3.

Мужичок хлебал в развалюхе щи,
Спину гнул в поклонах над мощами.
Притесняли цари –
Не взыщи.
Строили Государство
Мощное.

Казне деньги нужны ещё как...
Уплати, сколь надо, оброк...
По царёву указу Ермак
За Урал шагнул,
На восток.
Подгребали всё, что с руки,
Затевали иную оказию,
К хмурой Балтике шли полки,
Покоряли Кавказ
И Азию.

Потерпи, мужик,
Будь ты жив – здоров.
Не считай, что зря жизнь загублена:
На костях твоих
Град стоит Петров,
Но окно в Европу
Прорублено.

Не скули, мужик,
Зря почём,
Не мечись ты так неприкаянно.
То зовёт тебя Пугачёв,
То торопишься к Стеньке –
Каину.

Погоди, мужик,
Не ропщи.
Попроси Святых, мож, сподобятся.
... И мужик хлебал лаптем щи
Да просил в слезах
Богородицу.

Так и жил бы он в вековой узде,
Да крестился б на небо сквозь кровлю.
Но нагтели всё больше в дворянском
гнезде,

Да всё чаще платил мужик
Кровью.

И сорвалось проклятье опять
С языка,
Всколыхнулись народные тыщи,
С тощей шеи крест
Сорвала рука
И схватилась за
Топорище.

4.

Недолго вынашивали,
В лозунги втискивали:
Отдельный Пилат –
На каждое тело!
А дальше исконно российское –
«Кто виноват?»
И «Что делать?»

Разрушим – построим,
Нарисуем – будем жить.
Залпом Авроры
перечеркнули историю
И начали с крови
И со лжи.

Винтики-шурупы,
Пролетарские массы,
Я –
Коммунистический рупор:
– Пожалте
На мясо.

Тебе,
О чём-то ещё думающем,
Думать о чём даю советы:
О светлом будущем,
Светлом будущем...
Далёком,
Но очень светлом!

Затянем потуже пояс,
С размахом вселенским, дружно
Северный
Перевернём полюс
На Южный!

Тому,

Кто устал от неверия,
Кто червём сомненья изгложен,
Поможем, товарищ Берия?
Поможем!

Догоним,
Обгоним Америку!
Что, став лицом землист,
В холодную впал истерику
Господин импе...
реалист?
Агрессией мир изгажен,
Нам есть что ему сказать:
– Мы вам покажем
Кузькину
Мать!

Долой мироедов лордов,
Притихни, заморский дог.
Да здравствует дружба народов!
Даёшь ин...
анальный долг!

В стране грохотали парады,
И шёл разложения тлен,
Цепляли друг другу награды
От плеч
До самых колен.

Без чувств целовались персоны,
Кипел эйфории котёл.
Держава шагала сонно
Своим,
Советским
Путём.

И как на парадах
Строим,
Так в буднях победных вех,
Всё строили светлое...
Строили...
Построили.
Но... не для всех.

5.

Нам признать пора,
Что был прав поэт:
«Со времён Петра
Уже много лет

Дуракам – царям
Прямо счёта нет».

.....

Рассуждаю,
Берут сомнения,
Что-то не то, постой.
Было тогда боле – менее,
Это сейчас – застой.

Ну да,
Не хватало свободы,
И жили в плену идиллий,
Но всё ж трудились заводы
И что-то производили.

Жили не в страхе,
Не в злобе,
Никто не оковывал дверь.
Когда же мы стали зомби,
Тогда вот
Или теперь?

Нас захлестнула,
Как омут,
Киллерская война.
Но было и по-другому, –
Я помню те времена.

Кормили полмира, ораву,
Был нужен и мал, и стар.

Чтоб так развалить державу,
Нужен
Особенный дар.

6.

Кончились товарищи,
Сёстры и братья.
Я вам не шурин, не тесть, не зять.
С нынешнего дня –
Демократия!
... А где её взять?

Не было демократов у нас,
Как секса.
Это ж не коррупция,
Даже не мафия.
Демократия у нас, как кассета –

Порнография.

Слушаю,
А глядеть тошно.
Со спазмой в желудке уткнушь в кровать.
Это ж, как в яблочко, точно:
Где у вас
Поблевать?

Да, Пётр был вам не чета.
Что вы смыслите
В государственностроительстве?
Ни черта!
Другое дело –
Привилегии в правительстве.

Здесь вы доки:
У шейха пока
Нет в помине вашего шика.
Сто раз вы правы,
Своя рука –
Владыка!

Кто б смог ещё так искусно –
Ну, не сыскать изъян! –
Приватизацию
Превратив в искусство,
Ограбить всех россиян.

Восхищаюсь:
Вот это школа,
Вот это размах, так размах!
Смотрите,
Народ-то голый,
А короли в мехах.

Да, было,
Конечно же, было.
Просили, сгибались, стучась.
Народ превращали в быдло.
Простите,
А кто он сейчас?

Улыбаясь приветливо, мило,
Встречает так, словно рад:
– Мужик!
Ты куда своим рылом
В калашный ряд?

Ещё бы!
Затронет едва ли

Протянутая рука,
Продающего
Ордена и медали
Растоптанного фронтовика.

Трясут в кошельках «зелёными»
Обобранной нищеты,
Вальяжные
И холёные
До блевоты.

Как вас по рангам,
По табелям,
Не ошибиться чтоб,
Утащите ли награбленное
После кончины
В гроб?
И ко всему готовясь,
К драме или комедии,
Обращаюсь:
– Ищите Совесть
В энциклопедии.

7.

Начало марта.
Второе.
Поминальный день...
Помните:
Александр Мень,
Тальков,
Листьев,
Холодов...
Сотни других имён.

Холодно.
Когда же наступит лето
Иных времён?
Иду по замёрзшей кромке
Оттаивающей вечности.
Помните их,
Потомки,
Они умерли, чтоб вы
Жили по-человечески.

8.

Вот теперь бы спросить
Сквозь мрачный смешок:

– Кому на Руси
Жить хорошо?
И раз уж вопрос поставлен
Спору отвечу вам:
– Высокопоставленным
Ворам!

Но, разгребая крошево
Каждой эпохи,
Думаю:
Было и хорошее,
Не только плохо.

Были не только воры.
России иное лицо –
Лазарев
И Суворов,
Пушкин
И Васнецов.

Новые дули ветры,
И уже при других,
Потом,
Крестьянскую, полураздетую
Одевали в сталь и бетон.

Нас боялись,
Смотрели косо,
И восхищались тож –
Мы первыми шагнули в космос,
Этого не отберёшь.
Да и сейчас народу,
Хоть и не любя новь,
Вернули чуть-чуть свободу
И храмы возводят
Вновь.

И закрывая страницу,
Не опуская глаза,
Кричу я:
– Нам есть чем гордиться,
Вспомнить
И показать.

9.

Много лет уже
Я стою на ноже...
Драю Родины грязные стёкла.
И подобно ежу

Я щетинюсь, скольжу
По липкому дну кровостёка.

Кой-кому не понять,
Что в душе у меня.
Ну а мне не понять, что мы строим.
Назовись – демократ!
Я отвечу стократ:
Лучшей жизни народ наш достоин.

10.

Я не с этими,
Но и не с теми.
Не вам дана в руки судьбы моей нить.
Ход времени
Вы можете остановить?

Вы же бессильны,
Как сельдь копчёная.
А время идёт,
Историю делая.
Пройдёт полоса чёрная,
Наступит
Белая.

Наступит.
И это главное.
Дано мне увидеть сквозь время синее
Свободную, златоглавую,
Процветающую
Россию.

Сильную...
Даже ещё сильнеей.
Очищенную от навозной грязи,
Зажравшихся человекосвиной
И прочей
Мрази.

.....

Век 20-й –
Песок зыбучий.
Один на один
Я с временем в комнате.
История учит:
Помните...
Помните...
Помните!

Я жил почти, как Франсуа Вийон.
Я не горжусь, но не скрываю это.
Дралась шпана районом на район,
И в дело шли заточки и кастеты.

А исходило всё из чепухи
И становилось колом в селезёнке.
А после до утра читал стихи
Очередной, единственной девчонке.

Лилась любовь почти из детских глаз,
И шёпот губ витал в стенах беседки.
За те рассветы многие из нас
На «взрослую» шли прямо с «малолетки».

Меня тот рок, по счастью, миновал.
И те года прошли совсем неплохо.
Не трусил я, не врал, не предавал –
Я жил, как все ребята той эпохи.

Под баночку дешёвого вина,
Что продавала мне моя держава,
Из каждого открытого окна,
Высоцкий звал, а также Окуджава.

Оставил я родительский очаг
И позабыл стабильности основы,
Прикидывая в роскоши общаг
Цену и вес мной сказанного слова.

Стране, увы, мы больше не нужны.
Рассветы перешли давно в закаты.
Ковал себя я в кузнице страны
Далёких лет
конца шестидесятых.

2012 год.

КРУГ

Что ожидает мир наш завтра?
Чем кончим пир в разгар чумы?
Исчезнем ли, как динозавры,
Под пеплом ядерной зимы?

И вновь поднимет острый камень,
Преодолев в себе испуг,
Одетый в волчьи шкуры Каин.

1997 год.

... И всё пойдёт
на новый круг.

И, чьей-то следуя угоде,
Мы, расшибая слепо лбы,
Опять пойдём за гроб Господний
Других вколачивать в гробы.

И с новой силой, с новой верой,
Под Вифлеемские лучи,
Мы, новой эры тамплиеры,
Весь мир поднимем на мечи.

На бойню жестом двинув рати,
В который раз предав Христа,
Мы под прикрытием демократий
Распнём державы на крестах.

И то, что было ещё свято,
Нам заменяя на порно,
Политиуды плутократы
Нас разыграют в казино.

И ту ж последнюю рубаху
Сдирая с синего плеча,
Они толкнут народ на плаху
За счастье кучки сволочья.

Шагая тупо на закланье,
Своей не чувствуя вины,
Замрём на миг на острой грани
Грядущей ядерной войны.

И в одурманенном Сегодня,
Без угрызений и без мук,
Шагнём мы в пропасть преисподней.
... И вновь взойдём на новый круг.

И вновь с дрожащими руками,
Душой не чуя ничего,
Одетый в волчьи шкуры Каин
Пойдёт на брата
своего.

Реформой не стреножен,
Вперёд мечтой гоним,

Я на Руси, быть может,
Последний пилигрим.
Все молят об удаче,
Вокруг: «купи-продай».
А предо мной маячит
Совсем иной клондайк.
Лежать бы на кровати,
Но кушает тоска.
И многим непонятен,
И крутят у виска.
И ни прощай, ни здравствуй,
Ни слёз и ни руки.
А солнце красной астрой
Роняет лепестки.

Меня ветра целуют,
Ну, а в груди восторг.
Иду напропалую
В пылающий восток.
Иду сквозь горизонты
К ответу на вопрос.
Вот небо, словно соты,
В медовых каплях звёзд.
Пугливо жмутся тени
От пламени костра.
И мысли бьются в темя
До самого утра.

И вновь пылают зори,
И реки, как хрусталь.
И ни беды, ни горя
За пазухой Христа.
А птицы мне щебечут
Из перелётных стай,
Что далеко в Тибете
Сокрыта тайна-тайн.
Слуга плаща и шпаги,
Печальник всех людей,
Хмелею я от браги
Немыслимых идей.

И манит шорох мантий,
И сожжены мосты.
Непризнанный романтик
Воскреснувшей мечты.
Иду тернистым полем,
Как по страницам книг,
Дорогой Марко Поло,
Чужой среди своих.

2008 год.

2012 год.

Глаголь – культурно-просветительская газета

e-mail: glagol66@mail.ru

№4(28) июль – август, 2025

Главный редактор – Татьяна Юргенсон